

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

**МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**
**«РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ И РЕВОЛЮЦИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ»**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
2016

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Межвузовская научная конференция
РОССИЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ И РЕФОРМ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Сборник докладов

27 ноября 2015 года

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2016

УДК 94(470)001.7(063)
ББК ТЗ(2)-03л0 + ТЗ(2)-4л0

Р76

Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 27 ноября 2015. 291 с.

ISBN 978-5-7629-1776-6

Отв. редактор: д.и.н., проф. В. В. Калашников

ISBN 978-5-7629-1776-6

© Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Оглавление

Предисловие.....	5
------------------	---

I. НАШИ ЮБИЛЯРЫ

<i>Ходяков М. В.</i> Г. Л. Соболев – историография битвы за Ленинград	8
<i>Пученков А. С.</i> Выдающийся Российский историк: к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева	17
<i>Измозик В. С.</i> «Наше везде» (к 60-летию С. Н. Полторака)	23

II. РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

<i>Гуркина Н. К.</i> «Учителя учителей» – руководители народного образования в дореволюционной России	27
<i>Абросимова Т. А.</i> Петербургские финны (XIX – начало XX вв.)	45
<i>Стогов Д. И.</i> Деятельность правомонархических организаций предреволюционного периода в Отечественной историографии	53
<i>Николаев А. Б.</i> Думская история Февральской революции: введение, текст и комментарии	65
<i>Калашиников В. В.</i> О роли Государственной Думы в истории Февральской революции	163
<i>Назаренко К. Б.</i> Трансформация служебного положения офицеров русского флота в 1917 г.	179
<i>Тарасов К. А.</i> Причины «разложения» Петроградского гарнизона в 1917 г. К постановке проблемы	188
<i>Полтораки С. Н.</i> Попытка военного министра А. И. Верховского в сентябре–октябре 1917 г. реформировать Русскую армию	213
<i>Смирнова Т. М.</i> Театр и революция: национальные театры Петрограда в 1917–1922 гг.	220
<i>Давыдов А. Ю.</i> Советская продовольственная политика в 1918 г.	237

III. РОССИЯ В КОНЦЕ XX ВЕКА

<i>Полынов М. Ф.</i> Реформаторская деятельность М. С. Горбачева: первый этап перестройки. 1985–1986 гг.	251
<i>Ялышев Р. А.</i> «Новоогаревский процесс» выработки нового союзного договора весной – летом 1991 г.: федерация или конфедерация?	262

<i>Тарасова Е. А.</i> Проблемы трансформации политической системы России начала 1990-х гг. в отечественной историографии 2000–2015 гг.	279
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник содержит доклады, прочитанные или представленные участниками межвузовской конференции «Россия в эпоху реформ и революций: проблемы истории и историографии». Конференция состоялась 27 ноября 2015 г. и объединила ученых, которые занимаются изучением различных аспектов истории России в начале и в конце XX века, т. е. в периоды глубоких изменений в общественном строе нашей страны. Конференция стала продолжением трех предыдущих научных конференций.

Первая состоялась в ноябре 2012 г. и была посвящена проблемам истории и историографии Русской революции 1917 г., 95-летний юбилей которой выпал на этот год¹.

Вторая прошла в ноябре 2013 г. по теме «Гражданская война в России: проблемы истории и историографии»².

Третья состоялась в ноябре 1914 г., в 100-летнюю годовщину начала первой мировой войны и была соответственно посвящена теме «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии»³. Материалы всех конференций были изданы.

Инициатором и организатором конференций явилась кафедра истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). Все конференции были проведены совместными усилиями научных сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН и преподавателей кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и ряда других высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Барнаула, Калининграда, Нижнего Новгорода, Одессы, Симферополя. Постоянными членами Оргкомитета всех конференций являются видные петер-

---

¹ Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. С.-Петербург. Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2013. 182 с.

² Гражданская война в России: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. С.-Петербург. Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2014. 204 с.

³ Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. С.-Петербург. Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2015. 229 с.

бургские историки: Г. Л. Соболев, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУ, Н. Н. Смирнов, директор Санкт-Петербургского Института истории РАН, М. В. Ходяков, зав. кафедрой новейшей истории России Института истории СПбГУ, А. Б. Николаев, зав. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, С. Н. Полторац, д.и.н., проф., редактор журнала «КЛИО».

В рамках последней конференции работало две секции. Первая была посвящена проблемам истории России начала XX века. Вторая – проблемам российской истории конца XX века. И в сборнике докладов выделены два соответствующих раздела.

Двум основным разделам предшествует особый раздел «Наши юбиляры», который посвящен двум постоянным членам Оргкомитета, отметившим в 2015 г. свои юбилеи.

Восемьдесят лет исполнилось заслуженному деятелю науки РФ, почетному профессору СПбГУ **Геннадию Леонтьевичу Соболеву**, который принадлежит к блестящей плеяде историков Русской революции, к знаменитой ленинградской исторической школе, сложившейся в 1960-е годы и включавшей такие известные имена как А. Л. Фрайман, В. С. Дякин, Р. Ш. Ганелин, О. Н. Знаменский, В. И. Старцев, Ю. С. Токарев и др. Г. Л. Соболев оказал влияние на становление многих ленинградских, петербургских историков революции, в том числе и автора этих строк, являясь официальным оппонентом при защите его кандидатской и докторской диссертаций. М.В. Ходяков, один из видных учеников юбиляра, посвятил ему статью, в которой проанализировал тот огромный вклад, который был сделан учителем в изучении истории блокады Ленинграда.

Свое шестидесятилетие отметил **Сергей Николаевич Полторац**, человек с удивительной энергией и разносторонними интересами, которые охватывают издание и редактирования целого ряда журналов, глубокое исследование истории Русской революции и гражданской войны, истории разведки, ювелирного искусства и многое другое. Теплый очерк о многогранной деятельности С. Н. Полторака написал его друг и коллега проф. В. С. Измозик. Сам С. Н. Полторац представлен на страницах сборника статьей о деятельности военного министра Временного правительства А. И. Верховского. Статья написана в дополнение к интересной книге «Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского», выпущенной юбиляром в 2014 г.

В этот раздел сборника помещена и статья А. С. Пученкова, посвященная одному из старейших и замечательных историков нашего города **Юрию Георгиевичу Алексееву**, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору, доктору исторических наук, которому 15 апреля 2016 года исполняется 90 лет. Сборник выходит к юбилею знаменитого ученого, и мы рады возможности поздравить его со знаменательной датой.

Среди материалов сборника выделим публикацию очень интересного и мало известного документа, найденного и прокомментированного А. Б. Николаевым. Речь идет об официальной справке, подготовленной в аппарате Государственной Думы IV созыва, в которой описывается деятельность Временного комитета Государственной думы и частного совещания депутатов в ключевые февральские дни. Автор рассказывает удивительную историю этой находки, приводит полный текст документа и делает его анализ. Впервые документ был опубликован А. Б. Николаевым в 2012 г., но малый тираж и специфический характер издания привели к тому, что этот важный документ практически остался вне поля зрения историков революции. А он дает возможность внести существенные коррективы в наши представления о ходе событий.

Все доклады представлены в авторской редакции и отражают личную точку зрения каждого автора.

Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за прекрасные условия, в которых проходила работа конференции и за материальную поддержку, которая позволила издать настоящий сборник.

В. В. Калашиников
д.и.н., проф., зав. кафедрой ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

1. НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Ходяков М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Г. Л. СОБОЛЕВ – ИСТОРИОГРАФ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД

Статья посвящена известному петербургскому историку Г. Л. Соболеву и показывает его вклад в изучение истории блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945.

Ключевые слова: Г. Л. Соболев, история блокады Ленинграда

В середине 1990-х гг. известный ленинградский/петербургский историк В. И. Старцев в ходе заседания исторического радиоклуба (которым он блестяще руководил в течение ряда лет) произнес фразу, которая удивительно точно характеризовала грани научного творчества профессора Г. Л. Соболева: «У Геннадия Леонтьевича, в отличие от всех присутствующих в студии, две области научной деятельности, где он достиг выдающихся успехов: революция 1917 года и блокада Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». История ленинградской блокады была и остается одной из важнейших составляющих Второй мировой войны, к исследованию которой известный ученый обращался на различных этапах своего творческого пути.

Геннадий Леонтьевич Соболев родился 6 июля 1935 г. в Ленинграде в рабочей семье. В 1941 г. он оказался в блокированном городе и не покидал его ни на один день до конца войны. Закончив школу с золотой медалью, в 1954 г. он поступил на Исторический факультет Ленинградского государственного университета, где специализировался по экономической истории России первой половины XIX века. Однако, когда в 1959 г. Г. Л. Соболев был принят на работу в Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ) Академии наук СССР, волею судьбы ему выпало заниматься исследованием проблем истории советского общества. В результате в 1966 г. им была успешно защищена кандидатская диссер-

тация, которая вскоре увидела свет в виде монографии, став первым исследованием в нашей стране, посвященным ученым Ленинграда в годы Великой Отечественной войны¹. Изучением блокадной истории Г. Л. Соболев продолжал заниматься и в последующие годы. В 1967 г. он выступил одним из редакторов и основных авторов при подготовке V тома очерков по истории Ленинграда². В опубликованной книге им были написаны главы, посвященные первым месяцам блокады, ликвидации последствий голодной зимы 1941 г., укреплению обороны в 1942 г., народному образованию, высшей школе, научно-исследовательской и культурно-просветительной работе. Эта коллективная работа ленинградских историков значительно продвинула вперед изучение многих проблем истории блокады и обороны Ленинграда.

В коллективной работе «Непокоренный Ленинград», вышедшей в свет несколькими годами позже и раскрывающей героическую историю города в период Великой Отечественной войны³, Г. Л. Соболев также стал автором ряда глав. Книга была востребована читателями и дважды переиздавалась⁴.

Особой остротой для ленинградцев и исследователей истории осажденного города всегда оставался вопрос о жертвах блокады. Сотрудники ЛОИИ, еще в 1960-е годы участвовавшие в подготовке V тома «Очерков истории Ленинграда», специально исследовали вопрос о потерях ленинградцев от голодной смерти. Результатом этой работы стала статья «Ленинградский "реквием" (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады)», опубликованная В. М. Ковальчуком и Г. Л. Соболевым в 1965 г. в журнале «Вопросы истории»⁵. На основе анализа всех имевшихся в распоряжении авторов источников (как опубликованных, так и архивных), они пришли к выводу, что официальную цифру 632 253 человека погибших от голода в Ленинграде в годы войны и блокады нельзя считать окончательной, и что такой минимальной цифрой можно с полным основанием считать 800 тыс. человек⁶.

¹ Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.; Л., 1966.

² Очерки по истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 / Отв. ред. В.М. Ковальчук. Л., 1967.

³ Непокоренный Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.М. Ковальчук. Л., 1970.

⁴ Непокоренный Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.М. Ковальчук. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1974; Изд. 3-е, перераб. и доп. Л., 1985.

⁵ Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.

⁶ Там же.

Однако оценки потерь, сделанные в те годы ленинградскими историками, будут в дальнейшем безжалостно «исправляться». Больше других «преуспел» в этом деле Д. В. Павлов – бывший уполномоченный Государственного Комитета Оборона по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города, находившийся в течение осени и зимы 1941–1942 гг. в осажденном Ленинграде. Он выступил против пересмотра официальных данных о потерях населения Ленинграда от голодной блокады⁷. А спустя несколько лет в статье «Истина остается истиной» он обрушился на своих оппонентов с грубой критикой, представляя их дилетантами и ставя на одну доску с «буржуазными фальсификаторами истории»⁸. Вслед за этим Д. В. Павлов обратился за поддержкой в самые высокие партийные инстанции. В письме секретарю ЦК КПСС М. А. Сулову от 13 ноября 1975 г. он писал: «Считаю своим долгом доложить Центральному Комитету партии, что в некоторых книгах советских авторов допущены грубые извращения исторической правды. Приводятся утверждения, что за время блокады Ленинграда погибло от голода не 642 тыс. человек, как было установлено Чрезвычайной Комиссией по расследованию фашистских злодеяний, а 800 тысяч и даже миллион. За эти цифры ухватились фальсификаторы истории...»⁹. Время показало, что удержать монопольное право отдельного человека на «окончательную истину» нельзя, тем более, если это касается истории героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

В середине 1980-х годов из системы Академии наук Г. Л. Соболев перешел на работу в Ленинградский университет, где возглавил кафедру истории советского общества. В годы перестройки широкий общественный интерес к «белым пятнам» истории России XX века способствовал тому, что он вновь обратился к проблемам битвы за Ленинград. Его статьи на эту тему публиковались в известных журналах и газетах, выходивших огромными тиражами¹⁰.

---

⁷ Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда в свете перестройки исторической науки (Об освещении некоторых вопросов истории блокады Ленинграда в книгах Д.В. Павлова) // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны. Л., 1989. С. 64–81.

⁸ Павлов Д.В. Истина остается истиной // Советская Россия. 1970. 23 мая.

⁹ Источник. 1995. № 44. 2 ноября.

¹⁰ Битва за Ленинград: все ли о ней известно? // Звезда. 1988. № 5. С. 199–207 (участие в обсуждении); Соболев Г.Л. 1) Именно в Соляном городке! // Смена. 1989. 7 марта; 2) Ленинград в Великой Отечественной войне: (некоторые итоги и нерешенные вопросы) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1989. Вып. 1. С. 3–8; 3) Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? // Ленинградская панорама. 1991. № 6. С. 24–26; 4) Цена блокады // Ленинградская панорама. 1991. № 1. С. 18–19; и др.

Тогда же Г. Л. Соболев активно включился в изучение истории Ленинградского университета. В содержательном сборнике очерков, опубликованном в 1990 г., им была написана статья, посвященная научной деятельности университетов в годы Великой Отечественной войны¹¹.

Интерес Г. Л. Соболева к блокадной тематике не ослабевал и в последующие годы. Известный историк активно публиковал результаты своих изысканий не только в России, но и за рубежом¹². Одновременно он являлся членом редакционных коллегий ряда документальных сборников, посвященных битве за Ленинград¹³.

Выступив в середине 1960-х годов в качестве первопроходца исследования проблемы жертв блокады, Г. Л. Соболев и в последующие годы не оставлял без внимания эти вопросы¹⁴. Их изучение активизировалось в преддверии 50-летия Дня Победы над фашистской Германией. 11 мая 1993 г. приказом ректора СПбГУ С. П. Меркурьева была образована специальная комиссия по созданию мартиролога. Г. Л. Соболеву было поручено возглавить рабочую группу по составлению «Книги памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета». Результатом большой и кропотливой работы стал первый выпуск «Книги памяти»¹⁵, на страницах которого были представлены краткие биографии нескольких сотен университетов погибших на фронте, в блокированном Ленинграде от голода, холода, бомбежек, артилле-

¹¹ Соболев Г.Л. «Все наши знания, весь наш опыт подчинить интересам фронта» (научная деятельность университета в годы войны) // Ленинградский университет в Великой Отечественной: очерки / Отв. ред. Ю.Д. Марголис. Л., 1990. С. 138–166.

¹² Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: что мы знаем о ней спустя 50 лет? // Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 217–221; 2) Вузовская наука городу-фронту // Сражались, работали, учились: вузы Ленинграда в годы войны и блокады / Отв. ред. и сост. Б.П. Белозеров. СПб., 1994. С. 44–61; 3) Ленинград в октябре–декабре 1941 // Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941–1944 / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 1994. С. 50–69; 4) Наша память и боль // Ленинградская битва, 1941–1944. Сб. статей / Отв. ред.: А.П. Крюковских. СПб., 1995. С. 94–101; 5) Утешение в забвении или в знании? // Санкт-Петербургский университет. 1994. 28 января; 6) Г.К. Жуков и оборона Ленинграда в 1941 г. // Санкт-Петербургский университет. 1996. № 26. С. 11–12; 7) Оборона Ленинграда в современной зарубежной историографии // Великая Отечественная война 1941–1945: проблемы историографии. СПб., 1996. С. 41–49; 8) Ленинградская интеллигенция в годы блокады // Труды Международного конгресса по истории стран Восточной Европы. Темпере, 2000. С. 331–333; и др.

¹³ Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941–1944 / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 1994 (член редколлегии); Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944. СПб., 1995 (член редколлегии); и др.

¹⁴ Соболев Г.Л. 1) Блокадный мартиролог: будет ли он закончен? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, литературоведение, языкознание. 1994. Вып. 3. С. 3–9; 2) О жертвах населения в блокированном Ленинграде // Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995. С. 131–134.

¹⁵ Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Выпуск 1. СПб., 1995.

рийских обстрелов, скончавшихся во время эвакуации... Поиск информации о судьбах преподавателей, студентов, аспирантов и сотрудников университета военной поры не прекращался Г. Л. Соболевым и в последующие годы¹⁶.

В стремлении приблизиться к решению этой проблемы ему помогали ученики, которые под руководством Г. Л. Соболева защитили свои диссертации, сумев расширить круг использованных источников, уточнить масштабы блокадных потерь¹⁷. Так, С. Б. Бизев, используя материалы Ленинградской городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников показал, что установленная ею цифра потерь ленинградцев от голода – 649 тыс. человек – не может считаться точной из-за ошибок, допущенных при составлении именных списков¹⁸. Молодой историк пришел также к выводу, что в блокированном Ленинграде погибло еще около 100 тыс. человек, не нашедших отражения в районных именных списках, а общая цифра потерь мирного населения Ленинграда, Пушкина и Петродворца составляет не менее 770 тыс. человек¹⁹.

Е. О. Скрябина в своей работе сделала акцент на условиях выживания женщин и детей в блокированном Ленинграде, показав, на каких принципах строилась организация охраны материнства и детства в осажденном городе²⁰. Чуть позже эту тему развила Л. Л. Газиева. Она не только защитила кандидатскую диссертацию, но и расширила свое исследование, превратив его в серьезную монографию²¹, которая была опубликована под редакцией Г. Л. Соболева. Автор на основе большого количества архивных материалов проанализировала процесс эвакуации и реэвакуации ленинградских детей, а также лечебно-оздоровительную и лечебно-профилактическую работу, проводившуюся в городе.

2000-е годы – время обобщения тех огромных знаний, которые были накоплены Г. Л. Соболевым в процессе многолетнего изучения истории бло-

---

¹⁶ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. 1) Потери Ленинградского университета в Великой Отечественной войне // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 14–23; 2) Университетский мартиролог: будет ли он закончен? // Санкт-Петербургский университет. 2010. № 9.

¹⁷ Бизев С.Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

¹⁸ Бизев С.Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Скрябина Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 24 с.

²¹ Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. СПб., 2014. 428с.

кады Ленинграда. С позиции участника и свидетеля тех драматических событий он публикует серию статей о личном восприятии войны и блокады²², подводит некоторые итоги историографической составляющей битвы за Ленинград²³, намечает новые направления в исследовании темы²⁴, выступает в качестве автора предисловия документального сборника «Журнал посещений А. А. Жданова»²⁵, участвует в подготовке к изданию архивных материалов²⁶.

Несколько лет назад Г. Л. Соболев приступил к созданию обобщающего труда по истории блокады. Эта проблема «не отпускала» исследователя на протяжении всего творческого пути. Выжив ребенком в осажденном фашистами Ленинграде, он, как никто другой, имел право на создание собственной блокадной книги. Результатом многолетних научных изысканий, скрупулезного анализа литературы и источников стали два тома²⁷, посвященных подвигу ленинградцев, не только переносивших тяготы блокадной жизни, но и действовавших, работавших, учившихся.

Профессору Г. Л. Соболеву удалось создать труд по истории блокады Ленинграда, охватывающий период с июня 1941 г. до момента прорыва

²² Соболев Г.Л. 1) «Осадная запись» (блокадный дневник) профессора А.Н. Болдырева, или как и почему выживали ленинградцы в блокадном городе // История Петербурга. 2001. № 3. С. 3–5; 2) Обобщающий труд о Ладожской дороге жизни // История Петербурга. 2002. № 2. С. 91–92. – Рец. на кн.: Ковальчук В.М. Магистрالی мужества: коммуникации блокированного Ленинграда, 1941–1943. СПб., 2001. 517 с.; 3) Блокада Ленинграда: все ли мы знаем о ней сегодня? // Общество и власть: материалы Всероссийской научной конференции / Науч. ред. А.В. Гоголевский. СПб., 2003. [Вып. 2]. С. 319–325; 4) Собирались ли Сталин сдавать Ленинград? // Книга Памяти Ленинградской области. СПб., 2004. Вып. 36. С. 279–290; 5) Подвиг ленинградской учительницы // Женщины Ленинграда в годы блокады: научная конференция / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 117–118; 6) Вклад ученых Ленинграда в разгром германского фашизма // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Вып. 3. СПб., 2006. С. 22–33; 7) Рецензия на книгу В.И. Ковальчука «900 дней блокады Ленинграда» // Отечественная история. 2006. № 3. С. 171–173; 8) Блокадная повседневность в дневниках ленинградцев // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2007. С. 578–584; 9) Оборона и блокада Ленинграда в новых документах и современной исторической литературе // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Сб. статей и воспоминаний. Вып. 6. СПб., 2009. С. 4–14; и др.

²³ Соболев Г.Л. 1) Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87; 2) Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 70–96.

²⁴ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.

²⁵ Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг. / Отв. ред. К.А. Болдовский. СПб., 2014.

²⁶ «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: Из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. / Публикация К.А. Болдовского, Г.Л. Соболева, М.В. Ходякова // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 275–292.

²⁷ Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая. Июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013. 696 с.; Книга вторая. Июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015. 526 с.

блокады в январе 1943 г. Обе книги содержат анализ обширного комплекса процессов и фактов, многим из которых ранее историки не придавали должного значения и внимания. Автор синхронизировал события блокадных лет, как в Ленинграде, так и за его пределами, посвятив каждому месяцу отдельную главу. Логическим продолжением каждой из них являются документальные материалы, помещенные в конце глав: переговоры руководителей города с представителями Государственного комитета обороны, военные приказы, решения и справки партийных, советских и государственных учреждений города, извлечения из дневников и воспоминаний жителей города. Г. Л. Соболев, не следуя укоренившимся схемам и не опираясь только на традиционный корпус источников, рассматривает в своих книгах важнейшие вопросы, имеющие непосредственное отношение к теме исследования: Каковы были причины, приведшие к блокаде города? Кто несет ответственность за лишения и страдания ленинградцев? Почему потерпели неудачу попытки прорвать блокаду в 1941–1942 гг.? Каковы были взаимоотношения между властью и населением в критические месяцы блокады, какова степень ответственности руководителей города за бедственное положение его жителей и реальная численность потерь мирного населения?

Характеризуя самый «смертный» год в истории Ленинграда – 1942-й, автор пишет о стремительном распространении в городе так называемой «быстрой смерти» в результате роста случаев сосудистой гипертонии. Г. Л. Соболев доказывает, что А. А. Жданову были известны истинные масштабы потерь среди мирного населения. Более того, именно Жданов позднее поручил группе экспертов определить цифру жертв блокады. Материалы специальной комиссии, проводившей подсчеты, были сразу засекречены, так и не став достоянием гласности. Об этом убедительно повествует автор, основывая свои выводы в том числе на личных встречах с членом комиссии профессором Ф. И. Машанским – заведующим городским отделом здравоохранения Ленсовета²⁸.

Используя свой богатейший опыт источниковеда, Г. Л. Соболев, характеризуя блокадную политику Смольного, вводит в научный оборот материалы Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта, извлеченные им из фондов Центрального государственного архива историко-

---

²⁸ Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 2. С. 392.

политических документов Санкт-Петербурга²⁹. Комиссия никогда не мотивировала свои отказы в выдаче продовольствия. При этом, как справедливо отмечает автор, её члены далеко не всегда имели представление о том, чем занимается то или иное научное учреждение, которое получало отказ на просьбу о дополнительном питании. Вместе с тем, нельзя не согласиться с Г. Л. Соболевым в том, что продовольственная политика городского руководства была направлена на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба обороны Ленинграда³⁰.

Обращение Г. Л. Соболева к «своей блокадной памяти», которая органически соединена с историческими источниками, позволило автору создать не только объективное историческое исследование, но и потрясающую по драматизму картину борьбы ленинградцев за собственную жизнь, за жизнь города и Победу в Великой войне. Эти книги не только о борьбе ленинградцев с голодной смертью, но и о стойкости, духа, человечности и высокой нравственности. Особые чувства не может не вызывать у читателя рассказ автора о том, как его отец, погибший в 1943 г., обороняя город на Неве, вырвавшийся на несколько часов с фронта, чтобы передать семье под Новый 1942 год сэкономленные им продукты, не застал родных дома. Он передал продукты соседям. «Получившие этот неожиданный дар боролись с искушением – съесть его в одиночку, но многим не позволяла это сделать совесть, и они делились с соседями и часто выживали именно потому, что оставались людьми... Только держась друг за друга, только помогая друг другу, можно было выжить», – констатирует автор³¹.

В этой связи символичным представляется финал второй книги Г. Л. Соболева, где речь идет о прорыве блокады Ленинграда и выходе на экраны в эти же январские дни 1943 г. художественного фильма С. А. Герасимова и М. К. Калатозова «Непобедимые» («Ленинградцы»)³². В картине снялись известные всей стране актеры Николай Черкасов, Тамара Макарова, Петр Алейников, Александр Хвыля и др. В фильме коренной ленинградец инженер Родионов, которого сыграл популярный актер Борис Бабочкин, в самые тяжелые месяцы блокады остается на своем заводе,

²⁹ Там же. С. 281–287 и др.

³⁰ Там же. С. 285.

³¹ Там же. Кн. 1. С. 297.

³² Там же. Кн. 2. С. 451.

налаживая выпуск нового танка. И хотя фильм не претендовал на блокадную правду, да и снимался он в Алма-Ате, но решение о запуске картины в производство было принято бюро Ленинградского горкома ВКП(б) еще 18 октября 1941 г.³³

Ценный труд Г. Л. Соболева получил заслуженную награду: в марте 2016 г. автору была вручена Национальная премия «Лучшие книги и издательства года – 2015» в номинации «История»³⁴. Коллеги и ученики Г. Л. Соболева с нетерпением ждут появления третьего тома этого фундаментального исследования, равного которому в мировой историографии еще не было.

---

³³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 2. Д. 3821. Л. 33–34 об.

³⁴ <http://lgz.ru/article/-9-6544-3-03-2016/natsionalnaya-premiya-luchshie-knigi-i-izdatelstva-goda-2015/> (дата обращения 3 марта 2016 г.).

Пученков А. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ ИСТОРИК: К 90-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ГЕОРГИЕВИЧА АЛЕКСЕЕВА

Статья посвящена творческому пути выдающегося российского историка, доктора исторических наук, профессора Ю. Г. Алексеева. В статье рассказывается о биографии Ю. Г. Алексеева, его научных исследованиях, исторических взглядах.

Ключевые слова: Ю.Г. Алексеев, русское средневековье, Иван III, Московское государство, «государь всея Руси»

15 апреля 2016 г. исполняется 90 лет выдающемуся российскому историку, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Юрию Георгиевичу Алексееву. Труды Ю. Г. Алексеева по истории образования Московского централизованного государства давно по праву считаются классическими. Ю. Г. Алексеев воспитал десятки учеников, многие из которых стали кандидатами и докторами наук, профессор Алексеев многократно выступал и выступает на телевидении, радио, страницах газет. Алексеева по справедливости называют патриархом петербургского исторического цеха; он, несомненно, один из наиболее авторитетных историков не только Санкт-Петербурга, но и России.

Каждый, знакомый с Юрием Георгиевичем, навсегда сохраняет к нему чувство глубочайшего уважения. Объяснений этому нет числа: тут и харизма признанного мэтра, и его исключительный дар рассказчика, колоссальная эрудиция, затрагивающая самые разные стороны гуманитарного знания – история флота, вообще военного искусства, русской и зарубежной литературы, молитвенное отношение к Отечеству, чеканно точные формулировки как в устной беседе, так и в текстах работ, а главное – самоотверженная преданность своей профессии и нашей общей Музе – Клио. Алексеева отличает исключительная обращенность к собеседнику, подлинный демократизм в общении, природное и абсолютно не наигранное дружелюбие.

Говоря о качествах Юрия Георгиевича как ученого нельзя не отметить его исключительную идейность. Когда-то Максимилиана Робеспьера называли Неподкупным, точно такой же эпитет, в высшем смысле этого слова можно применить и к Ю. Г. Алексееву: живой классик органически неспособен, вспоминая затасканное определение «поступиться принципами»: иначе говоря, традициями, характерными для петербургской исторической школы – максимальной неангажированностью, опорой на источник, и, конечно же, историзмом; легковесное отношение псевдо-историков к своей работе, скоропалительность в выводах, верхоглядство – для Алексеева неприемлемы. Думается, что каждому, знакомому с Юрием Георгиевичем, приходилось видеть те «разносы», которые устраивает профессор в отношении коллег «ленивых и нелюбопытных» по отношению к тому, что является высшей ценностью для историка – в поиске истины.

В центре внимания нашего героя – идея Единой России, крепкого, сильного и мудрого государства – магистральная для всего творчества профессора Алексеева. Алексеева отличает глубокий патриотизм, совмещающийся вместе с тем со стремлением ни в коей мере не затушевывать горькие и печальные страницы отечественной истории.

«И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю».

Думается, что в этих известных строчках Пушкина можно увидеть и ключ к постижению того дара, которым несомненно обладает Ю. Г. Алексеев – талантливейший летописец сложнейшей и зачастую трагической для России эпохи – эпохи борьбы нашей страны за национальную независимость и создание Единого Русского Государства.

Ю. Г. Алексеев – олицетворение настоящего русского интеллигента, человек, выступающий своеобразным мостиком к традициям еще дореволюционной историографии. В подтверждение нашего тезиса достаточно обратиться к известной теории рукопожатий: Алексеев – ученик И. И. Смирнова; тот, в свою очередь, ученик Б. Д. Грекова, занимавшегося у С. Ф. Платонова... Автору этих строк неоднократно доводилось приводить в гостеприимный дом Юрия Георгиевича Алексеева своих коллег не только из Петербурга, но и из Сибири и Крыма. Впечатление от общения с Алексеевым было каждый

раз ошеломляющим: гостей поражала исключительная, буквально неистовая влюбленность Алексеева в свою профессию, неподдельный интерес к самым различным проблемам исторической науки, отсутствие какого-либо снобизма, но главное: каждый человек, знакомый с Юрием Георгиевичем, понимает, что перед ним сидит – великий ученый, труды которого закрывают целую эпоху российской истории.

А ведь путь в науку у Юрия Георгиевича был очень непростым. Ю. Г. Алексеев родился 15 апреля 1926 г. в Ленинграде. Отец Юрия Георгиевича скончался в блокадном Ленинграде, будущий историк пережил в блокированном городе первую и самую страшную блокадную зиму; в феврале 1942 г. Юрий вместе с мамой был эвакуирован в Тбилиси, где продолжил учебу в школе, а в 1943 г. был призван в армию. С детства Юрий Георгиевич проявлял жгучий интерес к истории флота, мечтая стать морским офицером. Мечте его суждено было сбыться, но в ноябре 1953 г. из-за последствий тяжелого ранения, полученного во время учений, молодой офицер был уволен в запас в звании старшего лейтенанта. «Мог ли я представить когда-то, – любит говорить Юрий Георгиевич, – что буду не военным человеком, а историком, существом сугубо сухопутным?»

Выручило то, что еще в 1949 г. Юрий Георгиевич поступил в экстернатуру исторического факультета Ленинградского государственного университета, который закончил в 1954 г. «Главным человеком» в научной жизни Ю. Г. Алексеева, по его собственным словам,¹ стал его учитель – выдающийся историк Иван Иванович Смирнов, один из ярчайших, наряду с Борисом Александровичем Романовым, представителей ленинградской исторической науки того времени.² Так уж получилось, что найти в университете научного руководителя Юрию Георгиевичу удалось не сразу; по определенным причинам Б. А. Романов быть руководителем Ю. Г. Алексеева отказался. И. И. Смирнов стал не просто научным руководителем, но и Учителем Ю. Г. Алексева. «Если бы не он, – вспоминает Юрий Георгиевич, – я бы торговал спичками на Апраксином рынке. На черта я кому нужен был? В аспирантуру взял меня... Мой Иван Иванович».³ С 1960 г. Юрий Георгиевич работает в знаменитом ЛОИИ – Ленинградском отделении Института Истории АН СССР в феодаль-

¹ Алексеев Ю.Г. Учитель. Наставники. Друзья // Наш дом на Менделеевской, 5: Воспоминания универсантов-историков. СПб., 2015. С. 11.

² См.: Панях В.М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // Историографические этюды. СПб., 2005. С. 187–222.

³ Алексеев Ю.Г. Учитель. Наставники. Друзья... С. 12.

ном секторе, где и проработал до начала 1990-х годов. На это время приходится расцвет ЛОИИ – здесь в это время трудятся молодые еще тогда будущие академики Б. В. Ананьич и А. А. Фурсенко, член-корреспондент Р. Ш. Ганелин, такие выдающиеся исследователи, как В. М. Панеях, А. Н. Цамутали, Н. Е. Носов, М. Б. Свердлов и многие другие. ЛОИИ стал олицетворением традиций преемственности между еще дореволюционной (стараниями Б. А. Романова, ученики которого стали костяком двух отделов института – «феодалов» (В. М. Панеях) и «империалистов» (Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич), ленинградской, а затем выросшей корнями из нее уже петербургской исторической школами. На время работы в ЛОИИ пришлось годы и творческого расцвета Ю. Г. Алексеева – здесь он защитил кандидатскую (1963 г.), а затем и докторскую (1980 г.) диссертации.

В 1992 г. Юрий Георгиевич перешел на работу на родной истфак уже Санкт-Петербургского университета, где и продолжает работу до настоящего момента. За без малого 60 лет научной деятельности Юрием Георгиевичем опубликовано около 200 работ, из них 9 монографий.⁴ Труды Юрия Георгиевича с фотографической точностью не только воссоздают событийный ряд XIV–XV столетий, но и позволяют нам понять мотивацию поступков исторических личностей той эпохи, а также необратимую предопределенность превращения порабощенной и раздираемой внутренними противоречиями Руси в могучую и единую Россию. Историка отличает не только исключительная взвешенность и осторожность в оценках, но и исключительно ясный и доходчивый стиль изложения; Ю. Г. Алексеев – не только превосходный аналитик, но и блестящий стилист, его книги читаются легко и с увлечением.

Несомненно, что главным героем Алексеева-историка является Иван Великий – Иван III, государь всея Руси. Именно так называется самая, пожалуй, известная широкому кругу читателей книга Юрия Георгиевича,

---

⁴ 1) Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв.: Переяславский уезд / Отв. ред. И.И. Смирнов. М.; Л., 1966; 2) Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. / Отв. ред. Н.Е. Носов. Л., 1980; 3) Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; 4) Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991; 5) Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991; 6) Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992; 7) Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления в XIV–XV вв. СПб., 1998; 8) Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001; 9) Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. Превосходный анализ исторических взглядов Ю.Г. Алексеева см.: Штыков Н.В. Юрий Георгиевич Алексеев – профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 3–9.

вышедшая в далеком 1991 г. заоблачным для современного времени тиражом 175000 экземпляров.

Написанная в жанре научно-популярной биографии, книга стала не только «бестселлером», но и непреходящей классикой. Сам Юрий Георгиевич, отличительной чертой которого является исключительная скромность, как-то говорил автору этих строк: «Работа, я считаю, мне удалась, хотя «научпоп» я писать не умел. У меня всего две книги в стиле «научпоп»: эта и еще одна в ленинградском издательстве – «К Москве хотим. Закат боярской республики в Новгороде». «Научпоп» – очень трудный жанр. Тут требуются особые способности. «Научпоп» – это второй эшелон исторической науки, если считать первым собственно научные исследования, а третий эшелон – учебник».

Алексеев далек от идеализации своего героя Ивана Великого, да и других героев своих книг в целом. И эпоха Ивана III, и предшествовавшая ей кровавая и бессмысленная феодальная война, были временем, удивительно напоминавшим знаменитые «Исторические хроники» гениального Шекспира – те же предательство, алчность, коварство, жестокость, непомерное честолюбие властителей, а как следствие всего этого – кровь и несчастья простого народа. Воистину, нельзя не согласиться с афоризмом Ключевского, по словам которого «Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности».⁵

Иван III был человеком своего времени. «Приукрашивать облик Ивана III нет ни необходимости, ни возможности. Его образ не окружен поэтическим ореолом. Перед нами – суровый прагматик, а не рыцарственный герой. Каковы бы ни были личные переживания и чувства великого князя Ивана Васильевича, он умел держать их при себе, и они навсегда остались тайной для потомков, как, возможно, и для современников... Величественная и грозная фигура «господаря» заслоняет образ реального человека с его страстями и слабостями. Он был стратегом, дипломатом, законодателем, но прежде всего строителем нового Русского государства. История Ивана III – история его политической деятельности. В этой деятельности, в ее итогах – квинтэссенция его натуры, смысл и оправдание его долгой жизни», – пишет Ю. Г. Алексеев.⁶ Усилиями Ивана III и его внука Ивана Грозного на политической карте Европы появилась «новая, возрожденная» (выражение Н. М. Карамзина) Рос-

⁵ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 3.

⁶ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 226.

сия,⁷ а вся огромная, прежде разделенная страна, зажила, по афористическому определению Ю. Г. Алексеева, по московскому времени. Символом политики Ивана Великого стал вывезенный из Новгорода в Москву и установленный в Кремле вечевой колокол. Теперь, наряду с колоколами других русских городов, «он отбивал время единого Российского государства».⁸

Вклад Юрия Георгиевича Алексеева в историографию невозможно переоценить; еще важнее, на наш взгляд, то обстоятельство, что в Алексееве совпали все те качества, которые позволяют говорить о нем не только как о выдающемся исследователе, но и как о необычайно цельной и яркой личности; порядочность же, внутреннее душевное благородство и добросовестность Юрия Георгиевича давно уже стали притчей во языцех.

Дай Бог здоровья Вам, дорогой Юрий Георгиевич, и всем Вашим близким. Многая Лета!

---

⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 22.

⁸ Алексеев Ю. По московскому времени // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 9 марта.

Измозик В. С.

*Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени проф. М.А. Бонч-Бруевича*

«НАШЕ ВЕЗДЕ» (К 60-ЛЕТИЮ С. Н. ПОЛТОРАКА)

Статья посвящена известному историку, доктору исторических наук, профессору С. Н. Полтораку. В статье рассказывается о его биографии, научных исследованиях, разносторонних интересах.

Ключевые слова: С. Н. Полторака, Русская революция, Гражданская война в России, журнал «Клио»

Шестидесятилетие Сергея Николаевича Полторака его родные, друзья, коллеги, знакомые отметили 17 апреля 2015 г. (за сутки до рождения юбиляра, поскольку он не хотел лишать приглашенных субботнего отдыха) в помещениях Российской национальной библиотеки. Было сказано множество хороших и справедливых слов. В марте 2016 г. вышла книга «РОМАН С КЛИО. Сборник научных статей и юбилейных материалов, посвященный 60-летию С. Н. Полторака», в которой восемнадцать авторов поделились своими размышлениями и воспоминаниями о роли Сергея Николаевича в исторической науке, в общественной жизни и их собственной судьбе, а тридцать пять человек опубликовали свои статьи. Поскольку я в этом сборнике указан дважды в качестве автора статьи и одного из научных редакторов, то публиковать там свои юбилейные заметки было бы явным перебором. Поэтому в тот момент я обошелся исключительно устными поздравлениями. Но благодаря инициативе профессора В. В. Калашникова, у меня появилась возможность запечатлеть свое видение С. Н. Полторака для будущих исследователей российской историографии в письменном виде. Мое знакомство с Сергеем Николаевичем произошло осенью 1992 г. в купе поезда Санкт-Петербург (уже!) – Брянск. Три пассажира (В. Д. Ермаков, В. Л. Пянкевич и С. Н. Полторака) хорошо знали друг друга, а я был новичком в этой кампании. Все мы направлялись в Брянск, на научную конференцию, организованную В. Ф. Блохиным. Время было тревожное и счастливое. Развал СССР, тяжелейшая эконо-

мическая ситуация, нарастающее противостояние президента и Верховного Совета РФ, тревога за будущее России и одновременно начавшееся открытие недоступных ранее архивных хранилищ, освобождение от политической и идеологической цензуры, возможность открытыми глазами взглянуть на историю России и СССР в XX веке – все это вместе формировало настроения и взгляды мои и моих коллег. Сергей Николаевич сразу привлек мое внимание необычностью своей биографии: 36-летний майор, выпускник Пушкинского высшего командного ордена Красной Звезды училища радиоэлектроники ПВО в 1976 г., успевший, однако, защитить не только кандидатскую (в 1982 г.), но и докторскую (защита прошла в июне 1992 г.) диссертации по истории. Это в том возрасте, когда немало гражданских историков еще мучаются над кандидатскими работами. Из этой и последующих бесед я сразу извлек, несмотря на значительное превосходство в возрасте, практическую пользу для себя. Оказалось, что новый знакомый, поработавший в 60-ти (!!!) местных архивах СССР, во все поездки на конференции берет официальное отношение в местные хранилища, успевая одновременно побывать и выступить на заседаниях, поучаствовать в неформальных посиделках и позаниматься с новыми архивными документами. Замечу попутно, что через год, когда мы опять ехали в Брянск, я уже запасся такой бумагой, и эти материалы вошли в мою докторскую диссертацию.

С этой встречи мои контакты с Сергеем Николаевичем становились все более плотными. Когда в 1997 г. он предложил мне быть его заместителем в журнале «Клио», а в 2001 г. – в журнале «История Петербурга», я с благодарностью согласился. С сентября 2012 г. мы трудимся вместе на кафедре истории и регионоведения Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций имени проф. М.А. Бонч-Бруевича. Я не переставал и не перестаю удивляться разносторонности его способностей и профессиональных интересов: видный специалист по истории России первой половины XX в. и проблемам философии истории, великолепный вузовский преподаватель (что, кстати, далеко не всегда совпадает); идеолог и организатор научных проектов; политолог, поэт и писатель; активный участник ювелирных выставок и т.д. и т.п. Пожалуй, только занятия борьбой, где он стал в молодости кандидатом в мастера спорта, остались в прошлом. В каждой из этих сфер Сергей Николаевич хорошо известен. В монографии «Победоносное поражение» (о советско-польской войне 1920–1921 гг. с ее огромной историографией) он

сумел воссоздать многоцветную картину утопических мечтаний обеих сторон, общем разочаровании и взаимных историю российско-польских отношений. Книга «Советский разведчик Кент, или Большая ложь о "маленьком шефе"» была не просто документальным историческим исследованием, а борьбой за возвращение честного имени ветерану Великой Отечественной войны А. М. Гуревичу, проведшего в советских лагерях 12,5 лет, с 1945 по 1955 гг. и с 1958 по 1961 гг. Сергей Николаевич принял участие в написании 12-томной «Истории Великой Отечественной войны». В 2014 г. вышла книга «Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского». Когда в 1990-е гг. ученые жаловались на невозможность проведения конференций из-за отсутствия средств, С. Н. Полторака придумал и реализовал идею заочных конференций, что в значительной мере помогло восстановить, пусть не в полной мере, общение историков между собой. Он же в эти годы стал родоначальником направления «историческая психология», объединив широкий круг единомышленников. Одновременно в 1995 г. возникло издательство «Нестор» (сегодня «Полторака»), в котором за 20 лет вышли десятки монографий и сборников. Но у Сергея Николаевича хорошая жадность к работе. Ему этого мало. В 1997 г. появился журнал «Клио», а в 2001 г. журнал «История Петербурга». Оба журнала многие годы были его частным делом и выходили на собственные средства издателя и главного редактора. Кто-то может подумать, что эта издательская деятельность по праву пользовалась поддержкой городских властей. К сожалению, это далеко не так. Журнал «История Петербурга», столь любимый краеведами и многочисленными читателями, вынужден был практически прекратить свое полнокровное существование в 2011 г., поскольку финансовых возможностей уже не было, а многочисленные структуры городской администрации никакой помощи не оказывали. Правда, главный редактор не сдаётся окончательно, и отдельные номера выходили и в последующие годы. Издательство было изгнано в свое время с территории Политехнического института, но продолжает работу, обходясь штатом сотрудников из трех человек.

Вдобавок ко всем этим заботам постоянная педагогическая нагрузка: чтение лекций, проведение семинаров, руководство дипломниками, аспирантами, консультирование при подготовке докторских диссертаций. До 2002 г. полковник С. Н. Полторака возглавлял военную кафедру Политехнического института. Уверен, что подавляющему большинству людей всех этих забот и

нагрузок (есть ведь еще и семья, где подрастают двое маленьких школьников!) хватило бы выше головы! Но кипучая натура нашего юбиляра не терпит малейшей пустоты. Поэтому он еще занят ювелирным делом. И в этой сфере он завоевал искреннее уважение коллег. Валентин Васильевич Скурлов, кандидат искусствоведения, полный кавалер ордена Карла Фаберже, ученый секретарь и герольдмейстер Мемориального фонда Фаберже свою статью назвал «Полторак и Фаберже: Опыт сравнительного анализа биографий». Думаю, все согласятся, что такое сравнение дорогого стоит! Замечу попутно, что старший сын Сергея Николаевича – президент Ассоциации антикваров Петербурга.

А еще, как я писал выше, он поэт и писатель. Многим знакомы его лирические и озорные афористичные строфы. Я от души наслаждался, читая веселый детектив «Игра в крокодильчика». А еще (это слово в нарушение стилистических норм приходится повторять неоднократно!) Сергей Николаевич буквально кладезь анекдотов. Они есть у него на случай практически любой жизненной ситуации. И, конечно, неиссякаемый юмор, помогающий переносить непростые жизненные ситуации. Его короткие реплики делают занятия со студентами, заседания с коллегами живыми, разряжая накопившуюся усталость. Груз, который несет на своих, хотя и борцовских, плечах полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор и лауреат множества престижных наград и премий Сергей Николаевич Полторак, поистине огромен. И пусть судьба дарует ему еще много лет активной жизни, ибо Полторак, как сказал какой-то веселый и мудрый человек во время одного из наших застолий – «наше везде».

II. РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Гуркина Н. К.

Санкт-Петербургский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ

«УЧИТЕЛЯ УЧИТЕЛЕЙ» – РУКОВОДИТЕЛИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В работе анализируется состав и особенности деятельности руководителей народного образования в регионах дореволюционной России, обосновывается принадлежность этой профессиональной группы к российской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, народное образование, директора и инспектора народных училищ, епархиальные и окружные наблюдатели церковных школ

Изучение отечественной интеллигенции началось еще в дореволюционной России, с тех пор сложилась обширная историография темы. Интенсивность разработки проблемы, междисциплинарный характер ее исследования в 90-е годы прошлого века позволили ввести в научный оборот термин «интеллигентоведение». Среди дискуссионных проблем современного интеллигентоведения, как и в начале XX века, на одном из первых мест – вопрос о дефиниции «интеллигенция». В 60–80 годы прошлого века в монографических работах Л. К. Ермана¹, В. Р. Лейкиной-Свирской², А. В. Ушакова³, Н. М. Пирумовой⁴, О. Н. Знаменского⁵ были исследованы основные параметры и качественные характеристики дореволюционной интеллигенции. Разно-

¹ Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.

² Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; Русская интеллигенция. 1900–1917 гг. М., 1981.

³ Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России в 1895–1904 гг. М., 1976; Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985.

⁴ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986.

⁵ Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917г.). Л., 1988.

гласия у маститых авторов в соответствии с определенными ими критериями принадлежности к интеллигенции возникли по поводу трех профессиональных групп – чиновников, духовенства и военных, что породило последующие многолетние споры в научной среде.

Излишнюю и неправомерную на данном историческом этапе увлеченность теоретическими проблемами интеллигентоведения отметили на конференциях 1990 – начала 2000-х гг. известные историки, перенаправив в какой-то мере творческую энергию исследователей. «По-видимому, нет раз и навсегда данного представления об интеллигенции, каждой эпохе соответствует свое (принятое в обществе) понятие этого термина... Отвлечись от поиска «истинной» дефиниции и переключить свое внимание на конкретно-историческую характеристику интеллигенции (по периодам, группам, в личном плане и т.д.) – так представляется нам задача момента», – подчеркнул В. Л. Соскин⁶, которого поддержали В. С. Волков⁷, В. Р. Веселов⁸, М. И. Главацкий⁹, Б. И. Колоницкий¹⁰ и другие авторы.

Такое конкретно-историческое исследование было предпринято нами в отношении очень значимой и влиятельной в дореволюционной России группы чиновников – руководителей народного образования в регионах. Основными источниками для изучения темы стали материалы архивов – фондов Министерства народного просвещения, Училищного совета Святейшего Синода Российского государственного исторического архива, фондов директоров и инспекторов народных училищ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, духовных консисторий одноименных епархий в местных архивах.

В отечественной литературе этой группе управленцев не уделялось достаточного внимания. Более того, долгие годы господствовало некоторое стереотипное представление об инспекторском персонале как косной и консервативной группе чиновников Министерства народного просвещения, ча-

---

⁶ Соскин В.Л. К новой концепции истории советской интеллигенции // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Иваново, 1995. С.20.

⁷ Волков В.С. Участие интеллигенции в оппозиции сталинскому режиму в 30-х годах // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Иваново. С.25.

⁸ Веселов В.Р. О противоречиях нравственного подхода к истории интеллигенции // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С.17.

⁹ Главацкий М.И., Санникова Т.О. История интеллигенции России в наследии В.Р. Лейкиной-Свирской // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003.

¹⁰ Колоницкий Б.И. Интеллигенция в конце XIX – начале XX веков: Самосознание современников и исследовательские подходы // Из истории интеллигенции. СПб., 2003.

сто «не имевшей никакого отношения к педагогике»¹¹. Главными функциями этого «полицейско-административного аппарата», были, как утверждалось, политический надзор над учителями и прогрессивными земскими деятелями, подавление и торможение любой инициативы, направленной на развитие и совершенствование народной школы. Признавалось, правда, наличие отдельных «искренне преданных делу народного образования» управленцев, в качестве примера обычно назывался инспектор и директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов. В последние годы появились работы, где давалась иная, в основном позитивная оценка деятельности на ниве народного просвещения инспекторского персонала¹². Появились книги, посвященные руководителям церковно-приходской школы¹³.

Должности инспекторов народных училищ были введены в 1869 г., директоров – в 1874 г. Число должностей в последующем увеличивалось вслед за ростом школьной сети в России. В 1874 г. число инспекторов было увеличено с 34 до 102, в 1876 г. – до 176, в 1900 г. – до 350, в 1908 – до 489¹⁴.

В Архангельской губернии до начала XX века работали директор и один инспектор народных училищ, 3 инспектора было в Олонецкой губернии 5 – в Вологодской. С развитием народного образования и возрастанием объема работы штаты инспекции расширялись, и к 1915 г. в губерниях Русского Севера работало 30 инспекторов народных училищ (15 – в Вологодской, 8 – в Олонецкой, 7 – в Архангельской).¹⁵

Средний возраст инспекторов народных училищ составлял в 1915 г. 40–41 год (самый молодой – 27 лет, самый старший – 57 лет). 16 инспекторов были в чине статского советника, 5 – коллежского советника. 3 – коллежского асессора. 1 – титулярного советника. 1 – коллежского секретаря, остальные – не имеющие чина. По характеру деятельности и социальному статусу инспектора народных училищ должны были иметь высшее образование, однако

¹¹ Звягинцев Е.А. Инспекция народных училищ. 1914; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С.73–75, 345–349.

¹² Синицына П.Т. Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период) Архангельск, 1996; Гуркина Н.К. Инспектора народных училищ: место и роль в развитии просвещения и народного образования (на материалах Русского Севера) // Из истории интеллигенции. СПб., 2003.

¹³ Сорокин В. Исповедник Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005.

¹⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т.2. Ч.2. С. 330; Зубков И.В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. С. 29.

¹⁵ Российский государственный исторический архив.Ф.733.Оп.182. Д. 192-1915.

из 30 инспекторов только 7 закончили университет, 4 – духовные академии, 3 – Санкт-Петербургский историко-филологический институт, 1 – Демидовский юридический лицей. 14 инспекторов народных училищ были выпускниками учительских институтов, готовивших педагогические кадры для городских училищ и не являвшихся высшими учебными заведениями.

Назначали инспекторами народных училищ обычно преподавателей средних учебных заведений или начальных училищ повышенного типа с опытом педагогической и руководящей деятельности. В 1915 г. из 30 инспекторов 5 имели стаж педагогической деятельности (включая инспекторскую работу) свыше 30 лет, 12 человек – от 20 до 30 лет, 6 – от 10 до 20 лет, 7 – до 10 лет. Уходили на инспекторские должности, как правило, люди, увлеченные педагогикой, испытывающие склонность к организаторской деятельности, которым становились тесны рамки преподавательской работы в одном учебном заведении. Половину инспекторского персонала северных губерний составляли бывшие преподаватели гимназий, учительских семинарий, духовных семинарий и училищ.

Один из лучших инспекторов народных училищ Архангельской губернии В. В. Ивановский, проработавший в этой должности с 1900 г. по 1916 г. (в 1916 г. назначен директором народных училищ), начинал свою трудовую деятельность в Петрозаводских мужской и женской гимназиях, где преподавал древние языки, историю и педагогику¹⁶. Своими статьями и лекциями на педагогические темы был известен в Петрозаводске преподаватель духовной семинарии, а затем инспектор и директор народных училищ Вологодской губернии С. А. Лосев. Из Вологодской духовной семинарии пришли в инспекцию А. Е. Введенский, Н. И. Хильтов, К. П. Заболотский.¹⁷ Смотритель Архангельского духовного училища в 1899–1905 гг. М. С. Григоревский, талантливый педагог и историк, возглавил в последующем учительские семинарии и институт, а с 1913 г. являлся директором народных училищ Нижегородской губернии.¹⁸ Своеобразным резервом для замещения руководящих должностей в системе народного образования была старейшая в регионе Тотьменская учительская семинария. Бывшие преподаватели П. А. Младов, Н. П. Рашевич, Н. М. Офицеров были назначены инспекторами народных

¹⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф.61. Оп.1. Д.833

¹⁷ Государственный архив Вологодской области. Ф.466. Оп.1. Д.3734. Л.4.

¹⁸ РГИА.Ф.733, Оп.182. Д.191, Л.65–66.

училищ, И. Л. Волкович стал директором народных училищ Олонецкой губернии.¹⁹ Директорами народных училищ становились, как правило, бывшие инспектора народных училищ с высшим образованием, положительно себя проявившие на предшествующей должности.

Несмотря на вполне приличное материальное обеспечение (заработная плата – 900 руб., были доплаты за стаж, за работу в отдаленных местностях, квартирные, разъездные, столовые, что увеличивало сумму в 2–3 раза), текучесть кадров в инспекции народных училищ была значительной. В 1915 г. 11 инспекторов работали в этой должности от 2 до 5 лет, 8 – 1 год или только приступили. Занятие половины должностей специалистами без высшего образования было в таких условиях мерой вынужденной. Бывшие инспектора-учителя городских училищ, чаще всего местные уроженцы или выходцы из соседних губерний, были при этом наиболее стабильной и адаптированной к работе в местных условиях частью инспекторского персонала, «рабочими лошадками», которые везли нелегкий груз организации народного образования.

Инспектор народных училищ Печорского уезда Архангельской губернии А. К. Долинов до занятия этой должности с 1899 г. до 1911 г. заведовал Александровским-на-Мурмане городским училищем. В 1909 г. жители города собрали 200 руб. для учреждения стипендии его имени в ознаменование 10-летия города и педагогической деятельности учителя. Подобный путь прошли инспектора народных училищ Архангельской губернии В. Ф. Камкин, Н. С. Писарев, М. П. Мусин, В. С. Коноплев, В. А. Дудка, Н. И. Куклин, И. М. Михайлов²⁰ и многие другие инспектора северных губерний.

В 1896 г. были учреждены должности наблюдателей церковно-приходских школ – в центре (при Училищном Совете Святейшего Синода) и на местах. Должность епархиального наблюдателя была приравнена к должности директора народных училищ и для нее устанавливался пятый класс по табели о рангах. В уездах руководство церковными школами осуществляли окружные наблюдатели церковных школ. Это были представители духовенства, наиболее авторитетные и квалифицированные священнослужители епархии, получающие заработную плату от Священного Синода. Все назначаемые на должности наблюдателей имели опыт законоучительства в цер-

¹⁹ Гуркина Н.К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1998. С.58.

²⁰ ГААО. Ф.61, Оп.1, Д. 831, 833, 905, 1020, 1191, 1193, 1194, 1348, 1413, 1417, 1419, 1504.

ковно-приходских школах, большинство были людьми увлеченными, тяготеющими к педагогической деятельности. Размер оклада наблюдателей зависел от величины округа, его отдаленности, климатических условий и т.п. и был сопоставим с окладами инспекторов народных училищ.

В начале XX века в 67 епархиях России насчитывалось более 40 тыс. церковно-приходских школ. В Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. работали 5–6 окружных наблюдателей, 6 – в Олонецкой губернии, больше 10 – в Вологодской. В конце XIX в. в их ведении было 256 церковных школ Архангельской епархии, 284 – Олонецкой, 945 – Вологодской²¹.

Условия труда руководителей народного образования (как светской, так и церковной школы), особенно в отдаленных и обширных по площади губерниях были очень тяжелыми. Работа предполагала разъездной характер деятельности (зимой в морозы, бураны – на лошадях и оленях, летом – на лодках), жизнь – в отдаленных уездных центрах, часто – оторванность от семьи (дети инспекторов учились в губернских гимназиях и жены иногда жили там) и т.п. Участок инспектора А. К. Долинова (Печорский уезд) имел площадь в 250 тыс. кв.верст с 43 училищами, из которых наиболее отдаленное от села Усть-Цильма, где жил инспектор, было за 607 верст²². 85 училищ было под контролем инспектора Шенкурского уезда Архангельской губернии В. Ф. Камкина, на участке инспектора, курировавшего Пинежский и Мезенский уезды (с 1912 по 1916 г. эту должность занимал В. А. Дудка), насчитывалось 95 училищ. В среднем по стране в ведении многих инспекторов народных училищ находилось до 100 учебных заведений (столько же в 1914 г. в Петрозаводском уезде)²³, но в центральных районах были не столь суровые климатические и бытовые условия.

Особенно часто менялись инспектора в Александровском уезде Архангельской губернии (нынешняя Мурманская область). Полгода не проработал бывший инспектор народных училищ Новгородской области А. Храповицкий,²⁴ два года продержался и ушел в отставку по болезни Н. С. Писарев²⁵. Всего год проработал после него бывший учитель Темрюкского реального училища А. Н. Кодзаев. Сохранилась его телеграмма директору народных

²¹ Архангельские епархиальные ведомости. 1898, №2. С.1–2 (прил.); Олонецкие епархиальные ведомости, 1901, № 9, С.5; Вологодские епархиальные ведомости. 1900. №3. С.4.

²² Синицына П.Т. Развитие народного образования... С.140–141.

²³ Гуркина Н.К. Провинциальный учитель в дореволюционной России. СПб. 2014. С. 23.

²⁴ ГААО. Ф.61. Оп.1. Д.1413. Л.22.

²⁵ Там же. Д.1191. Л.20–23, 24, 31.

училищ в январе 1912 г.: «Я выехал после открытия училища Гаврилова... Снежная пурга ночью сбился с дороги... Олени побиты один убит ямщик расшиблен сами разбиты я и учительница были краю гибели простужены большим трудом достигли обратно Териберки необходимо просить губернатора завернуть пароход десятого Териберку обречен бездействию»²⁶.

«Отец Амасийский – добросовестный работник, при пространных уезда в 40 тыс. кв. верст он никогда не посещал школ менее двух раз в год – обыкновенно по три, четыре раза и более, оставаясь в поездках по глухому Карельскому краю иногда в течение целого месяца. Эти усиленные разъезды, часто при неблагоприятных переменах погоды и способах передвижения, и отразились теперь на его здоровье», – писал в Училищный Совет Святейшего Синода епархиальный наблюдатель олонецких школ Н. К. Чуков, ходатайствуя о выделении пособия на лечение уездному наблюдателю повенецких церковных школ священнику Федору Амасийскому²⁷. Отпущенные деньги не успели помочь, да и вряд ли помогли бы – сорокапятилетний священник скончался от чахотки. От чахотки умер бывший наблюдатель церковных школ Пинежского уезда Архангельской епархии кандидат богословия Н. Ф. Кононов, единственный священник с академическим образованием в уездах епархии²⁸. Вернулся нездоровым из разъездов по школам Канинской и Тиманской тундр и вскоре умер Мезенско-Печорский наблюдатель церковных школ А. А. Иолев.²⁹

Ежегодные поездки совершались также губернскими и епархиальными руководителями народного образования. Архангельский наблюдатель церковных школ В. А. Смирнов в своем отчете сообщал об условиях осмотра 83 школ в 1898/99 учебном году – в поездке были проведены 110 дней, остались позади 550 верст, из них 120 проехал на пароходе и железной дороге, остальные – на лошадях и оленях³⁰. Директором народных училищ Архангельской губернии А. А. Острогским в 1913 г. были проинспектированы 5 высших начальных, 46 приходских и сельских учебных заведений³¹ и т.д.

²⁶ Там же. Д.1348. Л.26.

²⁷ РГИА.Ф.803. Оп.6. Д.1361. Л.4.

²⁸ Архангельские епархиальные ведомости. 1901. №13–14. С. 364–367.

²⁹ Там же. 1903. №9. С. 315–317.

³⁰ Отчет о состоянии церковных школ Архангельской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1898/1899 учебный год. Архангельск, 1899. С. 27.

³¹ ГААО.Ф.6. Оп.13. Д.36, Л.17.

Круг обязанностей руководителей народного образования в регионах России был необычайно широк. Они занимались организацией материального обеспечения новых и уже существующих училищ, постановкой учебно-воспитательного процесса в них, строительством новых школьных зданий, снабжением школ учебными пособиями и книгами, устройством библиотек, подыскивали для школ педагогические кадры, попечителей или блюстителей, оказывали реальную и разнообразную помощь учителям, устраивали районные совещания для обмена опытом и педагогические курсы для учителей и т.п. Инспектор народных училищ Архангельской губернии В. В. Ивановский не только принял самое деятельное участие в строительстве школы в с. Устьсьюмском, купил на свои деньги фисгармонию для нее, пожертвовал деньги на мебель для учительской квартиры, но и продолжал опекать учебное заведение и детей; устраивал елки, покупал подарки, одевал бедных учеников, организовал их питание³² и т.д.

Не ограничиваясь выполнением своих непосредственных обязанностей, руководители народного образования выступали с многочисленными инициативами по его расширению и развитию в регионах, таким образом, на местах участвуя в формировании школьной политики государства. Высшими инстанциями по управлению народным образованием на местах являлись губернские и уездные училищные советы, в которые входили представители различных ведомств и земств. С 1885 г. существовали епархиальные училищные советы, председателями которых были ректоры духовных семинарий. Наиболее активной деятельностью училищных советов была в 70–80-е годы XIX века, в последующем большинство советов ограничивалось утверждением подготовленных для них представлений земств и руководителей народного образования.³³

Инспектора и директора народных училищ, епархиальные и окружные наблюдатели церковных школ ежегодно составляли подробнейшие отчеты о состоянии школьного дела в своих регионах, содержащие как анализ существующих проблем, так и перспективные планы, ходатайства в дирекцию, земства, в учебный округ, Училищный совет Синода. Никаких канцелярских служителей при них не было, вся переписка и отчетность велась лично инспекторами и наблюдателями. Отчеты публиковались в губернской и епархи-

---

³² Там же. Ф.61. Оп.1. Д.833. Л.5.

³³ Зубков И.В. Российское учительство... С. 27.

альной прессе, печатались отдельными изданиями. Выходили также специальные работы руководителей народного образования³⁴.

В своих выступлениях на заседаниях училищных советов, собраниях уездных и губернских земств, в письменных отчетах руководители народного образования стремились не только привлечь внимание земских и административных органов губерний, всего населения к наиболее острым проблемам народного образования, но и внедрить убеждение о необходимости развития просвещения как одного из главных условий процветания страны.

В 1904 г. Каргопольский училищный совет в составе местного священника, лесничего, инспектора городского училища и уездного исправника утвердил подготовленный инспектором народных училищ Олонецкой губернии А. К. Гончаревским отчет земскому собранию, вызвавший своей заключительной частью возмущение председателя земского собрания и губернатора, как «оскорбительный для национального самолюбия собрания». «Переживаемая година трудной и тяжелой войны, – говорилось в отчете, – обнаружила многие недостатки в нашем народном хозяйстве, ярко выступившие при прикосновении с отважным и сильным противником. Энергичный враг... одерживает над нами победы не столько своей удалью, своим фатальным презрением к смерти, сколько своим необыкновенным искусством, обязанным своему умственному развитию на основе широкой постановки народного образования. Историческая фраза «при Седане победил народный учитель (война немцев с французами 1871 г.) вновь приобретает глубокий смысл и значение. Считаюсь с этим, необходимо признать заботы о народном образовании краеугольным камнем нашего народного хозяйства, как опоры благоденствия и могущества всем нам дорогого отечества; объявить священную войну народному невежеству; усилить ряды бойцов армии просвещения – этой современной, культурной. могучей силой, пред которой ничто сила физическая»³⁵.

В архиве бывшей Олонецкой губернии отложились и другие материалы, отразившие деятельность инспектора народных училищ А. К. Гончаревского, в том числе его непростые отношения с руководством Пудожской земской управы. Конфликты возникали в основном по поводу материального обеспечения земских школ: инспектор писал о поставке некачественных учебных материалов и мебели, о задержке квартирных денег учителям («квартира

---

³⁴ Козмин Н. По школам Лапландии (дневник наблюдателя). СПб., 1912 и др.

³⁵ РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.186. Л.2–3.

учителя в Лелемском училище скорее похожа на камеру одиночного заключения»), о переводе училища, не соответствующего санитарным нормам, в другое здание и т.п. В письме директору народных училищ Гончаревский извинялся за несдержанность в отношении председателя уездной управы, и, по видимому, уверенный в собственной правоте, просил: «Нельзя ли представить губернатору обзор школьного хозяйства со всеми иллюстрациями?»³⁶ В 1915 г. выпускник Санкт-Петербургского университета А. К. Гончаревский, бывший преподаватель Архангельской гимназии и Череповецкого реального училища и инспектор народных училищ двух губерний, был назначен директором народных училищ Олонецкой губернии.³⁷

Темпы развития, структура и качество школьного дела в регионах страны во многом зависели от личности управленцев в этой сфере. Успехи Олонецкой губернии в развитии народного образования в конце XIX века связаны с именем директора народных училищ Д. П. Мартынова, который, опираясь на поддержку земства, одним из первых в стране разработал программу введения всеобщего обучения, которая последовательно и инициативно проводилась в жизнь директорами народных училищ Г. А. Поповым и И. Л. Волковичем³⁸. Из пяти сменившихся на рубеже веков директоров народных училищ Вологодской губернии наиболее заметное влияние на развитие народной школы оказал С. А. Лосев. В начале XX века в губернии была разработана программа всеобщего обучения, рассчитанная до 1920 г. С. А. Лосев в полной мере использовал положения закона 3 мая 1908 г. об оказании Министерством народного просвещения субсидий земствам, представившим одобренные училищными советами планы развития школьной сети уездов, подкрепленные подробными финансовыми расчетами. С 1906 г. по 1910 г. в Вологодской губернии было открыто 371 начальное училище, за 1910 г. – 141³⁹.

В отличие от министерских школ, земская поддержка церковной школы в начале века сокращалась. Речь в некоторых губерниях шла в этот период уже не о росте числа церковно-приходских школ, а о сохранении существующих. В Олонецкой губернии земские субсидии церковно-приходским школам и духовным учебным заведениям не уменьшились. Число церковных

---

³⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф.17. Оп.1. Д.42/475.

³⁷ РГИА. Ф.733. Оп.182. Д.191. Л.87.

³⁸ НАРК. Ф.10.ОП.1.Д.113/5, Д.113/17.

³⁹ Лосев С. О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1911 гг. Вологда 1912. С.53.

школ в епархии с 1895 г. по 1909 г. выросло со 161 до 324⁴⁰. Церковная школа епархии выжила, повысила качество обучения, прибавив к обязательным предметам историю, географию, природоведение и была включена в единую земскую школьную поездную сеть, где все преподаватели получали одинаковое жалованье. Достигнуты эти успехи были благодаря огромному авторитету в губернии и неустанному личному труду местного уроженца, выпускника Санкт-Петербургской духовной академии Н. К. Чукова, с 1895 г. по 1911 г. занимавшего должность епархиального наблюдателя церковных школ.

Н. К. Чуков, будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, стоявший у истоков возрождения духовного образования Русской православной церкви в послевоенное время, вспоминал о своих трудах в качестве епархиального наблюдателя: «Я отдался им всецело, с увлечением, с утра до вечера поглощенный то работой у себя в кабинете, то посещая школы, то участвуя в разного рода заседаниях. Я вел постоянно большую переписку со своими помощниками – уездными наблюдателями, руководя их в работе и обращая их внимание на ту или другую сторону дела; переписывался с попечителями школ по вопросам школьного строительства, отвечал на обращенные ко мне письма заведующих школами, учителей и учительниц по делам школ и их личных нужд. Периодически, месяца через полтора-два, я посылал письма-доклады Главному наблюдателю церковных школ...о ходе церковно-школьного дела в губернии, где во всех подробностях освещал деятельность совета, наблюдателей, сообщал о принимаемых мерах, просил содействия и т.п. За 15 лет своего наблюдательства я отправил 116 таких писем-донесений...»⁴¹.

С 1897 г. по 1916 г. (в 1916 г. был назначен директором открывшегося в Архангельске учительского института) занимал должность директора народных училищ Архангельской губернии выпускник Костромской духовной семинарии и Санкт-Петербургского историко-филологического института А. А. Острогский⁴². В губернии, где не было земства, отвечавшего за материальное обеспечение народного образования, а губернские и уездные училищные советы были учреждены только в 1914 г., круг проблем, стоявших перед директором народных училищ, был необычайно сложен и широк. Ежегодные

⁴⁰ Чуков Н.К. Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1910. С. 27.

⁴¹ Цит. по: Сорокин В. Исповедник... С. 105.

⁴² ГААО.Ф.61, оп.2. Д.63.

ходатайства об открытии новых школ в вышестоящие инстанции, изыскивание средств и возможностей на местном уровне, огромная организаторская работа по преобразованию и расширению старых училищ, строительству и материальному обеспечению новых, дали свои результаты. В 1898 г. в крае насчитывалось 133 народных училища, в 1913 г. – 422, из них 10 – высших⁴³.

В Архангельском архиве в фонде директора народных училищ сохранился огромный массив документов, отражающих многообразную и напряженную деятельность директора А. А. Острогского (штатный делопроизводитель появился в дирекции только в 1900 г.): черновики разрабатываемых им документов (планы, проекты, отчеты, ходатайства в министерства, обращения к местной администрации, ответы на запросы вышестоящих инстанций и т.п.), его собственные расчеты на полях финансовой документации, пометки и вопросы на отчетах учителей и инспекторов народных училищ, развернутые резолюции на обращения в дирекцию, письма, поступившие в ответ на его запросы, переписка с коллегами (директорами народных училищ), инспекторами и учителями. Кроме развития начального образования и постановки внеклассной работы в народных школах, руководители народного образования, как наиболее компетентные и обладающие соответствующими ресурсами специалисты в этой сфере, занимались также вопросами народного просвещения, устройством воскресных школ, народных чтений, развитием библиотечной сети и т.п.

Как все заметные люди в провинции, руководители народного образования активно участвовали в работе многих общественных культурно-просветительских и благотворительных организаций. А. А. Острогский был, в частности, председателем созданного в 1899 г. Общества для содействия народному образованию, членом обществ вспомоществования нуждающимся учащимся учительской семинарии, мужской и женской гимназий, технического училища, членом попечительства детских приютов, православного Беломорско-Карельского братства и т.д. Н. К. Чуков был председателем Карельского братства, членом попечительского совета женской гимназии, епархиального женского училища, других учебных заведений и т.д.

Значительное место в деятельности директоров народных училищ и епархиальных наблюдателей занимала работа с учителями. Особых усилий руководства требовала проблема обеспечения школ педагогами. Ежегодно

---

⁴³ Там же. Ф.6, Оп.13. Д.36. Л.13.

десятки учительских мест в крае оказывались вакантными. В 1914 г. в Архангельской губернии не могли открыть из-за отсутствия педагогов 71 училище.⁴⁴ Директора народных училищ добивались открытия в регионе педагогических учебных заведений (в начале века в дополнение к Тотемской открылось еще 6 учительских семинарий и 2 института), вели переписку со многими образовательными учреждениями в других губерниях, приглашая на работу выпускников.

Руководители народного образования часто «вели» учителя или учительницу, начиная с учительской семинарии или епархиального училища, помогая в бытовых нуждах, оказывая методическую и иную помощь непосредственно в школах. Лично знал многих учителей А. А. Острогский. В постоянных обращениях в Санкт-Петербургский учебный округ, в Министерство народного просвещения он писал о тяжелом материальном положении народных учителей, о дороговизне в северных уездах, тесноте и холоде во многих сельских школах и квартирах учителей, о психологическом состоянии учителей (особенно в национальных районах), оторванных от «интеллигентного круга общения» и добивался повышения заработной платы, пособий на обучение детей, боролся за распространение на сельских учителей северных уездов привилегий, положенных чиновникам отдаленных районов, и т.д. С ходатайствами в защиту народных учителей выступали и другие директора, инспектора и наблюдатели.

Н. К. Чуков вспоминал слова наблюдателя церковных школ России В. И. Шемякина, ставшие для него руководством в деятельности епархиального наблюдателя: «Вся система нашего наблюдения должна быть основана на сердечном отношении к школе, к заведующему, к учащему, а не на власти. Мы едем не для того, чтобы отыскать черное, а наоборот – отыскать доброе и поддержать, укрепить, устроить, развить это... Я прошу всех своих сотрудников все меры принять к тому, чтобы поднять материально и главным образом нравственно учителей, защищать их, охранять, чтобы они знали, что у них есть лицо, всякую минуту готовое все сделать для их спокойствия и благополучия... если этого мы не сделаем, мы ничего не сделаем...»⁴⁵.

В летний период руководители народного образования устраивали курсы для народных учителей в губернских и уездных городах, съезды и собра-

⁴⁴ Обзор Архангельской губернии за 1914 г. Архангельск. 1915. С. 47.

⁴⁵ Цит. по: Сорокин В. Исповедник... С. 89.

ния учителей городов и районов (в Вологде проходили еженедельные педагогические беседы для народных учителей), ознакомительные экскурсии по краю⁴⁶. Народных учителей отправляли на педагогические курсы в Павловск, в Петербург – при университете, в Москву – при университете Шанявского и в Учительском доме. Летом 1911 г. только из Вологодской губернии уехали на курсы в Петербург около 100 народных учителей⁴⁷. По возможности, обеспечивались не только обучение, но и проезд, проживание, питание, культурная программа. Среди лекторов на курсах были сами руководители народного образования, в прессе ими освещались итоги учебы, составлялись методические рекомендации для народных учителей.

Руководители народного образования занимались также расследованием доносов и конфликтных ситуаций в училищах, в селах, если в них были замешаны учителя. Конфликты чаще всего возникали между учителями и духовенством (других представителей интеллигенции в большинстве сел не было). Судя по тому, что более наступательным было духовенство (именно священнослужители писали доносы на учителей), некоторые священники, привыкшие за долгие годы к духовной монополии на селе, чисто психологически с трудом переносили появление новых образованных людей, свежих идей и взглядов, новых форм работы, появлявшихся с ними, и возникновения в связи с этим необходимости поддерживать свой интеллектуальный и нравственный уровень. Обвиняли же учителей в «отсутствии надзора за учениками в церкви», «подрыве авторитета» священника, в высказывании «убеждений, отличающихся от официально принятых», в общении с ссыльными, в «противоправительственной деятельности» и т.п.

Рассмотренные нами дела «с секретной перепиской» с 1903 по 1908 гг. в фонде директора народных училищ Архангельской губернии позволили выявить преобладавшую позицию инспекторского персонала, занимавшегося расследованием жалоб и конфликтов. «Донос на учителя Карпогорского училища ни на чем не основан», – писал директору народных училищ инспектор А. А. Гурский⁴⁸. «Нет никакого основания не доверять учительнице Свешниковой, – утверждал инспектор Н. М. Серебров по поводу обвинения А. Свешниковой «в предосудительных в политическом и нравственном от-

---

⁴⁶ Государственный архив Вологодской области. Ф.496. Оп.1. д.18826.

⁴⁷ Лосев С. О низших учебных заведениях Вологодской губернии... С. 66.

⁴⁸ ГААО. Ф.61, Оп.1. Д.908. Л. 167.

ношении поступках»⁴⁹. «С ссыльными знаком, так как они приходят в школу за книгами и газетами», – объяснял инспектор Н. И. Вишневецкий причину доноса на учителя И. Корельского⁵⁰. «Учитель благонадежный, добросовестный, сделал внушение», – сообщал инспектор П. Я. Чубаров⁵¹ и т.д.

«Внушение» со стороны инспекторов народных училищ было при этом наибольшим наказанием, вызванным необходимостью как-то прореагировать на доносы, которые часто были небезосновательными. Прослеживается при этом желание управленцев оправдать учителя, защитить от нападков и обвинений, создать нормальные условия для работы. Инспектора народных училищ, сами бывшие преподаватели, хорошо понимали их заботы и нужды, и искренне сочувствовали народным учителям, постоянно наблюдая их подвижническую деятельность, особенно в сельских школах. Важны были также для них интересы дела – народного образования, темпы развития которого сдерживались, прежде всего, из-за недостатка педагогов. Известны случаи, когда наблюдатели церковных школ, сами священнослужители, занимали в конфликте сторону учителя, а не священника⁵².

Кроме священников, жалобщиками на народных учителей были также лавочники, подрядчики, волостные старшины и т.д. – в силу статуса и материального положения наиболее влиятельные жители села. Учителя Пудожского уезда Олонецкой губернии М. С. Стратонникова, создавшего в селе потребительское и кредитное общество и освободившего крестьян «от денежного и материального закабаления», местные торговцы обвинили в том, что он «ведет коммерческие дела в ущерб преподаванию». «Опытный учитель, деятельность безукоризненная, участие в местной кооперативной жизни учебному делу не мешает, благотворно отражаясь на крестьянском быте», – такое мнение высказал на училищном совете инспектор народных училищ⁵³. Донос на учителя оставили без последствий.

В то же время, если жалоба на учителя имела серьезные основания и касалась его педагогической деятельности, инспектора стремились принять необходимые меры для исправления положения. В 1915 г. в донесении директору народных училищ Олонецкой губернии (в ответ на его поручение) ин-

⁴⁹ Там же. Ф.1. Оп.4. Т.5, Д.23. Л.38.

⁵⁰ Там же. Ф.61. Оп.1. Д.908.. Л.307.

⁵¹ Там же. Л.297.

⁵² ГАВО.Ф.496. Оп.1. Д.18449.

⁵³ НАРК.Ф.17. Оп.1. Д.20/1239. Л.41.

спектор Лодейнопольского уезда сообщал «о поведении учителя Лодейнопольского высшего начального училища Ершова В. по отношению к религии, к своим сослуживцам и т.п.» и предлагал удалить учителя из этого училища. При этом инспектор отмечал, что «вредным считает» не столько «враждебное отношение к религии», сколько «фривольные отношения со взрослыми ученицами» и грубость по отношению к коллегам: «Слухи о бестактности Ершова распространяются по городу и роняют авторитет училища»⁵⁴.

Двое учителей той же губернии были уволены, двое получили строгий выговор за «появление на клиросе для пения в пьяном виде» с такой резолюцией директора народных училищ: «Народный учитель, позволяющий себе бравировать своим антирелигиозным настроением и дискредитировать своим примером высокий авторитет церкви в глазах населения и учащихся, теряет и свой собственный нравственный авторитет, которым должен отличаться народный учитель как воспитатель детей»⁵⁵.

В фонде директора народных училищ Олонецкой губернии были обнаружены материалы о конфликте между учительницей Пудожского приходского училища А. Вереникиной и инспектором народных училищ П. А. Младовым в 1913 г. (письма, в том числе коллективные, объяснительные, протоколы заседаний училищного совета). В конфликт оказались вовлечены ставшие на сторону учительницы местные учителя, члены училищного совета, родители – всех их инспектор обвинял в различных недостатках и «грехах», родителей – в невежестве и некомпетентности. Трудно разобраться в причинах противостояния, и уж совсем незначительными кажутся поводы для выговора инспектора – не должным образом вела себя на клиросе, мать учительницы сдает комнаты мужчинам-квартирантам (большинство – на уровне грязных сплетен), но те обвинения, которыми наполнены объяснительные инспектора, вызывают сочувствие к учительнице. В последнем в деле письме учительница благодарит директора народных училищ «за справедливость» (восстановлена в должности)⁵⁶.

Это редкий случай разногласий инспектора и директора народных училищ. Директора народных училищ в своих решениях по кадровым вопросам практически всегда опирались на материалы и выводы, подготовленные инспекторами, выражая, таким образом, доверие их профессионализму. В пере-

---

⁵⁴ Там же, Оп.10. Д.1/32.

⁵⁵ Там же. Оп.1. Д.58/8530. Л.20.

⁵⁶ НАРК. Ф.17. Оп.1. Д.74/1170. Л.1–53.

писке директоров также прослеживается стремление защитить учителей от необоснованных обвинений, но при этом устранить факторы, мешающие педагогической работе и наносящие вред авторитету школы.

В материалах фонда Архангельской дирекции удалось обнаружить сведения об еще одном конфликте – между директором А. А. Острогским и инспектором А. А. Гурским⁵⁷. Письмо директора с нареканиями было вызвано сообщением губернатора о ведении инспектором в училищах бесед с крестьянами «противоправительственного направления». А. А. Гурский разъяснял, что его беседы носили «мирный, призывающий к разумной созидательной работе характер» и вызваны как увиденным «невежеством народа», не разобравшегося в сути манифеста 17 октября 1905 г. и последующих трагических событий, так и собственной активной жизненной позицией: «Лучше же я буду говорить об этом, а не какой-либо крестьянин или малограмотный странник... свободы слова не лишены служащие на государственной службе...». В последующих письмах речь шла уже о рабочих вопросах. К сожалению, крайне неразборчивый почерк директора не дает возможности понять сути его претензий к инспектору Гурскому, который предваряет свой ответ резким вступлением со словами: «И так у вас постоянно: прежде всего, форма, бумага, предписание, неуклонное исполнение его». В 1906 г. А. А. Гурский был переведен на такую же должность в Олонецкую губернию. В последующем эти разногласия не помешали, однако, дать директору положительный ответ на запрос попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о зачете времени работы в Архангельской инспекции для производства А. А. Гурского в следующий чин.

Результаты работы руководителей народного образования в губерниях Европейского Севера России особенно наглядно демонстрируют цифры. В Архангельской губернии в 1899 г. насчитывалось 390 начальных школ различных типов, в 1914 г. – 731; в Олонецкой губернии в 1896 г. было 495 начальных учебных заведений, в 1914 г. – 846; в Вологодской губернии в 1896 г. – 918 начальных школ, в 1914 г. – 2046.⁵⁸ В 1911 г. в Олонецкой гу-

⁵⁷ ГААО. Ф.61. Оп.1. Д.905.

⁵⁸ Обзор Архангельской губернии за 1898г. С. 36; ... за 1914 г. С. 67; Обзор Олонецкой губернии за 1896 г. С. 99; ... за 1914 г. С. 117; Памятная книжка Вологодской губернии за 1896 г. С. 22; Обзор Вологодской губернии за 1914 г. С. 41.

бернии обучалось 5,55 % населения, в Архангельской – 4,79 %, в Вологодской – 4,26 % (по стране 3,85 %) ⁵⁹.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России постепенно сложилась система управления народным образованием на местах, сформировался тип управленца, чиновника по статусу, но вышедшего из недр педагогического сообщества и сохранившего с ним самые тесные связи. Социальное происхождение, укорененность в провинциальной среде, особенности профессионального опыта определяли наличие в характере и ценностных ориентациях чиновников таких качеств, которые позволили им стать не только исполнителями и проводниками государственной политики в сфере народного образования, но и главной движущей, организующей и иницирующей силой этого процесса в регионах страны. Руководители народного образования являлись при этом настоящими «учителями для учителей», их помощниками и защитниками. Были, конечно, среди них управленцы, склонные больше к надзору и контролю, но преобладали все-таки люди, «искренне преданные делу народного образования». Несомненна (по всем критериям и подходам, включая этический) их принадлежность к педагогической интеллигенции. В советский период их эстафету продолжили заведующие областными и районными отделами народного образования, также бывшие учителя с задатками организаторов.

---

⁵⁹ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. 1. Санкт-Петербургский учебный округ. СПб., 1913. С. 8.

АБРОСИМОВА Т. А.

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФИННЫ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В статье рассмотрен опыт социальной адаптации финских переселенцев в Петербурге в XIX – начале XX вв., показаны проблемы межнациональных отношений на локальном уровне.

Ключевые слова: Петербург, петербургские финны, межнациональные отношения, адаптация мигрантов

В исследованиях российских ученых уделяется большое внимание положению русских за рубежом. Но остается малоизученной проблема отношений переселенцев с принимающим обществом: этнические стереотипы, стратегии адаптации мигрантов на групповом и индивидуальном уровне, конфликтность формы ее проявления, разрешения и т.д.

Интересен и полезен в этом плане опыт социальной адаптации финских переселенцев в XIX – начале XX вв. Особенно сейчас, когда так порой не просто складываются межнациональные отношения на локальном уровне.

Финны всегда были тесно связаны с Россией, особенно с Петербургом. Неудивительно, порубежность земель Петербурга и Финляндии создавала определенные условия для миграции. Особенно увеличился приток мигрантов в конце XIX – начале XX вв. В этот период, в связи с постройкой Сайменского канала (1856 г.), а позднее и железной дороги, переезд в Петербург стал гораздо проще. Петербург, как крупный мегаполис, всегда мог предложить разнообразную работу. Финны жили в Петербурге, имели свои профессиональные и экономические интересы. Миграция носила как постоянный, так и временный характер. Одни приезжали в Петербург на постоянное место жительства, другие на сезонные работы, третьи курсировали между Петербургом и Финляндией. В 1826–1917 г. в шведском и финском приходах Петербурга было зарегистрировано около 73 тыс. новоприбывших, из них четыре пятых было из Финляндии.¹

---

¹ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб. 2005. С. 158.

В XIX в. в Россию мигрировали, прежде всего, по экономическим причинам. В Петербурге в XIX в. зарплата была значительно выше. Привлекали многочисленные описания зажиточной жизни петербургских финнов.² К тому же в Финляндии с середины XIX в. стало заметно увеличиваться аграрное перенаселение, а промышленность еще была слишком слабо развита, чтобы принять освободившуюся рабочую силу. Люди оставались без работы и не могли прокормить свои семьи. В то же время приграничный рынок Петербурга и Петербургской губернии был открыт и притягателен для мигрантов. Хотя аграрная Финляндия всегда считала любой город источником зла, а Петербург был большим и чужим городом, но это не останавливало финнов. Существовали тесные связи с уже работающими в Петербурге финнами и, желающим приехать, можно всегда было выяснить условия проживания из первых рук.

В Петербурге и губернии было сосредоточено 80 % всех финских переселенцев. В основном это были одинокие финны в активном трудовом возрасте. Гендерный состав был примерно одинаков. Женщин из городов приезжало больше. Петербург стал для мигрантов – женщин важным брачным рынком. Приблизительно половина незамужних женщин, приписанных к финскому приходу в середине XIX в., обратились с просьбой об оглашении помолвки в течение первых 5 лет, по истечении 10 лет таковых было уже две трети.³ Мужчины-мигранты относились к разным слоям общества. Очень немногие принадлежали к высшему сословию. Подавляющее большинство были слуги и работники. Примерно половина переселенцев это выходцы из города, лет 26–30, которые шли в подмастерья. Молодые люди в возрасте 14–18 лет приезжали из сельской местности и устраивались учениками. Род занятий финнов в Петербурге был самым разнообразным: сапожники, столяры, слесари, переплетчики, ткачи, портные и т.д. В Петербурге были хорошо известны финские швейные мастерские фирм «Суоминен» и «Люютикайнен». Финны составляли большую часть рабочих в крупнейшей петербургской сапожной фирме «Вейсса». Особенно много финнов было среди ювелиров: в 1869 г. они составляли 44 % всех занятых этим ремеслом, причем мастерская принадлежала финнам. В 1840 г. в Петербурге насчитывалось 538 финских ювелиров почти вдвое больше чем в самой Финляндии, где их было лишь

---

² Там же. С. 165.

³ Там же С. 167.

280.⁴ Многие финны, трудились в знаменитой ювелирной фирме Фаберже, где их доля доходила до 75 % работников и служащих.⁵ Часть была занята в металлургической промышленности, они работали в небольших мастерских и на всех крупных предприятиях Нобеля, Путилова, Лесснера, Байрда и Лейхентберга. Когда на заводе Байрда произошёл пожар, уничтоживший модельную мастерскую и литейных цех, то многие финны остались без работы, а они получали достаточно высокую зарплату. В основном финские рабочие трудились на предприятиях, расположенных на Выборгской стороне. Общественный транспорт в Петербурге был развит плохо, поэтому рабочие жили рядом с местом работы. В Выборгском районе, по данным переписи 1881 г. проживало 3555 финских подданных. Особенно много финских рабочих трудились на механическом заводе Лесснера, позднее часть из них стала большевиками. Наиболее известные из них: Хуго Ялава, Александр Шотман, Эйно Рахья, и Адольф Тайми.

Популярной среди финнов была профессия трубочиста: в 1896 г. финны составляли 62 % всех столичных трубочистов. Даже существовало финское центральное общество помощи финских подмастерьев-трубочистов. Оно напоминало кассу взаимопомощи среди петербургских финнов – кассу, которая поддерживала подмастерьев во время болезни, а членов их семей в случае потери кормильца.⁶ Женщины работали, в основном, прислугами и домохозяйками. Девушки охотно шли на эту работу, становились хорошими кухарками, а затем многие выходили замуж. Прислуги-финки обычно считались хуже иностранок, но иногда их предпочитали русским женщинам. «Петербургский листок» писал в 1889 г. «Грубость нашей прислуги, их необузданность, неумение выполнять свои обязанности, нерадивость, отсутствие какого-либо порядка – всё это нам петербуржцам хорошо известно... О сравнении с иностранными и финскими служанками и речи идти не может. Не напрасно у нас в Петербурге финская служанка имеет больший спрос, чем русская».

Некоторые женщины открывали небольшие пансионаты. Текстильное производство популярностью среди финнов не пользовалось: на текстильных фабриках работало всего 8 человек.⁷ Хотя предпринимателей среди финнов

⁴ Мусаев В.И. Россия и Финляндия. СПб. 2007. С.20; Engman M. St.Petersburg och. Finland S. 311.

⁵ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга Л. 1984. С. 173.

⁶ Рупасов А., Чистиков А. Трубочист в белой манишке // Stop in Finland. № 9. 2003. С. 39.

⁷ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. С. 174.

было немного, но нельзя не назвать Юхана Парвиайнена, владевшего большим литейным производством, которое выпускало оружие, сотрудничая с международным концерном «Кредо».⁸

В Петербурге имелись финские магазины, в частности, продовольственный магазин Кутвонена и Куокканена в Казанской части, финский магазин комнатной мебели на углу Невского проспекта и Малой Конюшенной улицы, три книжных магазина. В городе действовала (с 1883 г.) финская больничная и похоронная касса. Недалеко от Финляндского вокзала находилась большая финская гостиница, а на Гончарной улице недалеко от Николаевского (Московского) вокзала располагался финский ночлежный дом.⁹

Незначительная часть финнов вошла в петербургские низы. В середине XIX в. от 100 до 300 финнов выслались за попрошайничество или более серьезные правонарушения. В 1863–1866 гг. в петербургских тюрьмах содержались 217 финнов. Финские женщины пополняли ряды представительниц древнейшей профессии: в 1888 г. среди 2915 проституток состоящих под надзором полиции, насчитывалось 165 финноязычных (57 %).¹⁰

В окрестностях столицы финны занимались главным образом извозом, ремеслами и торговлей.

В 1863 г. под Петербургом была открыта финская семинария, где стали готовить преподавателей воскресных школ. Центром духовной жизни петербургских финнов был приход церкви Св. Марии на Большой Конюшенной улице, который являлся крупнейшим финским лютеранским приходом в России. Первая финская церковь была построена уже вскоре после основания города. Ганноверский посланник Ф. Х. Вебер, описывая город в своей книге «Преображенная Россия» упоминал о деревянной финской церкви, которая находилась вблизи Марсова поля, в районе так называемых финских шхер.¹¹ В 1870 г. начала издаваться газета на финском языке «Пиетарин саномат». К 1895 г. выпускалось 13 финноязычных периодических изданий – 8 журналов и 5 газет. Петербургские финны говорили на смешанном языке. По выражению финнов: «на особом диалекте, где много русских слов».¹² По переписи 1897 г. в С. Петербургской губернии финноязычное население насчитывало 210

⁸ Энгман М. Финны и Шведы в Санкт-Петербурге в XIX-начале XX века Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб. 2004. С. 268.

⁹ Мусаев В.И. Россия и Финляндия... С. 23.

¹⁰ Там же. С. 22; Engman M. Pietarin suomalaiset Helsinki, 2004, S. 317, 330.

¹¹ Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, С. 108.

¹² Два лика России. СПб.: Европейский Дом. 2007. С. 114.

тыс. человек. Практически был создан целый пояс финских деревень вокруг Петербурга, и они успешно кормили столицу. Авторитет трудолюбивых и добросовестных финских крестьян в Петербурге был настолько высок, что среди русских молочниц сложилась традиция произносить слова «молоко», «масло», «сливки» на финский манер, подчеркивая тем самым качество своего товара.¹³

Финны составляли значительную часть населения города и губернии, они оказывали влияние на все аспекты Петербургской жизни, внося свой особый колорит в бытовую культуру российской столицы. Сохранились до сих пор финские названия в топонимике Петербурга. Это, нетрудно заметить, просто совершая прогулку по городу. Так, главная река С.-Петербурга – Нева – в переводе с финского «Сухое болото», а река Мойка (прежнее название «Мья») – восходит к древнему ижорско-финскому слову, означавшему – «Илистая речка». Названий финского происхождения очень много, например: Автово – одно из старинных названий в городе. Раньше на этом месте находилась деревня с названием «Аутово» это слово означало «Пустошь». Коломяги, Коломяжский проспект – в давние времена здесь находилась финская деревня, которая называлась «Коломяги». «Мяки» – по-фински «горки».¹⁴ Характерны названия улиц в районе Финляндского вокзала: Финский, Нейшлотский переулки, Нюстадская улица.

Финны не замыкались в рамках своего переселенческого круга. Они были неотъемлемой частью населения Петербурга и губернии. К примеру, финские окрестные крестьяне были постоянными и неизменными участниками всех особенно зимних петербургских гуляний. Тысячи извозчиков наезжали в Петербург на Масленицу со своими легкими расписными санками, и не прокатиться «на чухне» как тогда говорили, как бы не побывать на Масленице. В Петербурге сложилась поговорка: «Хоть Шпалерная, хоть Галерная все равно тридцать копеек».¹⁵ Это было действительно дешево и весело. Что характерно, финны никогда не брали на чай.¹⁶

¹³ Синдаловский Н.А. Фольклор многоязычного Петербурга в сб. статей Многонациональный Петербург. Вып. 1. СПб. 1994. С.46, 108.

¹⁴ Романова Е., Ивелев Е. Речевые балтизмы в топонимике Петербурга в сб. статей Многонациональный Петербург. Вып. 1. С.46, 108.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лескинен М.В. Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. Многоликая Финляндия. Великий Новгород, 2004 г.

Вообще финны, не смотря на их «упрямство», «замкнутость», «медленный ход мышления»¹⁷ снискали уважительное отношение к себе. Прежде всего, их уважали за главную черту характера – «честность в отношении к труду, в обязательствах между людьми, во всем. Например, ювелирная фирма Фаберже предпочитала брать на работу уроженцев Великого княжества, так как они были «честными на 110 %».¹⁸ Эта честность не от страха перед наказанием, а внутреннее присущее характеру финна качество, опирающееся на чувство его собственного достоинства и самоуважения. Есть и другие наблюдения. Один из финских писателей так характеризовал своих соплеменников: «Замечательный народ эти петербургские финны. С одной стороны образованы настолько, как ремесленный люд нигде в Финляндии, в целом довольно зажиточны и внешне выглядят как господа, читают книги и газеты и пр., с другой стороны они вообще довольно ветрены и любят выпить».¹⁹

Таковыми представлены финны в русских этнографических сборниках и в воспоминаниях современников. Реконструируя эти материалы, ощущаешь заслуженное доброжелательное отношение основной массы населения к петербургским финнам, внёсшим свою лепту в жизнь города. Безусловно, в повседневной жизни финской диаспоры было много проблем и трудностей, но они, в конце концов, решались и люди находили свое место в жизни.

В эти ровные и доброжелательные взаимоотношения между финнами-мигрантами и русскими были внесены серьезные коррективы революциями 1917 г. в России и 1918 г. в Финляндии.

Большинство петербургских финнов искренне приветствовало Февральскую революцию 1917 г. в России. Одновременно с развитием революции быстрыми темпами шла и радикализация финских рабочих в Петербурге. 5(18) марта ими был создан Петроградский финский социал-демократический союз. На первом заседании этого союза присутствовало более шестисот человек, а председателем был избран Юкка Рахья.²⁰ Целью этого союза, как указывалось в уставе, являлась необходимость служить «связующим звеном для говорящих на финском языке социал-демократов,

---

¹⁷ Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинках финляндскими писателями и художниками. Гельсингфорс. Изд-во М.Ф. Рульфа. 1894. С. 61.

¹⁸ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. С. 232.

¹⁹ Рупасов А., Чистиков А. Никогда не пить пьяного – ни водки, ни вина // Stop in Finland № 2. 2004. С. 30.

²⁰ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. С. 406.

чтобы сделать для них возможным участие в рабочем социал-демократическом движении».²¹

Вскоре в Союзе Петербургских финнов произошёл раскол и большая часть членов союза пошла по большевистскому пути, о чём свидетельствует, в частности, тот факт, что представитель союза вошёл в состав Петербургского комитета РСДРП(б).²²

Финские рабочие завода Парвиайнен, ещё в дни Февральской революции, выступили с идеей создания своей вооружённой организации. В то время во многих районах Петрограда возникали отряды рабочей милиции. Идею поддержали финские рабочие других заводов и рабочие Финляндской железной дороги. В результате отряд финской рабочей милиции был создан. Им была установлена связь с районным комиссариатом Временного правительства, располагавшемся во дворце Дурново, а политическое руководство осуществляли большевики. Отряд нёс круглосуточное дежурство в районе Финляндского вокзала, Литейного моста, охранял редакцию газеты «Правда». При необходимости, подавлял волнения в тюрьме «Кресты», находившейся рядом с Финляндским вокзалом. Отряд просуществовал до июня 1917 г., а затем по решению общего собрания, был распущен. Оружие рабочие сдали во дворец Кшесинской, где находился Петербургский комитет К РСДРП(б).²³

Безусловно, среди петербургских финнов значительная часть была аполитична, кто-то просто отрицательно настроен к большевикам и поддерживал представителей других партий. В тоже время, многие петербургские рабочие-финны, поддерживая большевиков, проявляли удивительную активность. Они входили в районные советы, районные думы, представляли финских рабочих на различных большевистских форумах. Так, от рабочего финского клуба на Выборгской стороне были избраны два делегата на Апрельскую партийную конференцию РСДРП(б) Ю. Рахья и А. Тайми.²⁴ Представителями финских рабочих на VI съезде РСДРП(б) стали В. Кукконен и А. Шотман, Ю. Рахья участвовал в работе съезда по гостевому билету.²⁵

²¹ Там же.

²² Абросимова Т.А., Бондаревская Т.П., Лейкина Е.Т., Черняев В.Ю. Сб. Протоколов и материалов Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер. 2003. С. 97.

²³ Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л. 1969. С. 89.

²⁴ Тайми А.П. Страницы пережитого. Петрозаводск. 1949. С. 178.

²⁵ Шестой съезд РСДРП (большевиков) август 1917г. Протоколы. М. 1958. С. 294, 301.

Финнам явно импонировало высказывание большевиков в пользу независимости Финляндии, а финны-большевики со стажем и, в первую очередь Юкка Рахья, сумели провести большую агитационную работу. В результате резко увеличилось число финнов вступивших в большевистскую партию. Если в июле в финском районе насчитывалось 613 человек, то к моменту восстания это число увеличилось вдвое. При этом авторитет большевиков рос не только в Петрограде, но и в Петроградской губернии. Например, в Дубровке большевиков поддерживало около 400 чел.²⁶ К лету 1917 г. организационно оформленное рабочее движение окончательно присоединилось к большевикам. 24 июня (7 июля) проходил съезд финских социал-демократических организаций Петрограда и Ингерманландии на котором присутствовали делегаты от 12 организаций. На съезде было решено создать Петроградскую и Ингерманландскую финноязычную социал-демократическую окружную организацию, и был утверждён её устав. Также, среди прочих программных положений РСДРП(б), была утверждена программа решения земельного вопроса.²⁷

Финны-большевики сыграли значительную роль в подготовке к восстанию. На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 15 октября, где обсуждался вопрос о начале восстания, представлявший Финский национальный район Ю. Рахья чётко заявил; « У финнов такое настроение (речь идёт о начале восстания – Т.А.), что чем быстрее, тем лучше».²⁸

Когда к власти в России пришли большевики, Петербургские финны оказались расколоты, большинство поддержало советскую власть, а часть вернулась в Финляндию. С другой стороны, потерпевшие в гражданской войне в Финляндии поражение красные финны, весной 1918 г. переехали в Петроград. Всего переселенцев было около 6 тыс.²⁹ Советское правительство, чем могло, помогало финским переселенцам.

В дальнейшем, в отношении к финнам было все – и стремление помочь, и сентиментальность, и жестокость, и бескомпромиссность, и честность, и ложь. Петербургские финны, оказавшиеся в «минуты – роковые» мира в этой гигантской буре, поднятой революцией, стремились выстоять, выжить, победить...

---

²⁶ РГАСПИ. ф.17, оп. 1. д.74. л.45.

²⁷ Мусаев В.И. Россия и Финляндия. С. 171. ЦГАИПД СПб. Ф.16. Оп.12. Д. 11669. Л. 148 об.

²⁸ Абросимова Т.А., Бондаревская Т.П. ... Сб. Протоколов и материалов Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. Санкт-Петербург. С. 507.

²⁹ Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть советов. С. 105.

Стогов Д. И.

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье проведен анализ новейшей исторической литературы по проблемам, связанным с деятельностью русских правомонархических (консервативных) организаций в предреволюционный период.

Ключевые слова: историография, правомонархические организации, первая мировая война

На протяжении вот уже почти столетия ученые-историки самых разных научных школ и направлений тем или иным образом рассматривали и рассматривают деятельность русских правомонархических (консервативных) организаций предреволюционного периода (с начала XX в. до февраля 1917 г.), то есть партий, союзов и прочих политических движений, выступавших за сохранение в неизменном виде самодержавного, монархического строя в России. Более активное по сравнению с советским периодом изучение в последнее двадцатилетие истории правомонархического движения начала XX в. объясняется многими причинами. В период с начала 1990-х гг. в России происходит рост национального самосознания различных народов, в том числе и русского. Это последнее обстоятельство неизбежно влечет за собой обращение к истокам русской идеологии. Подчеркнем еще раз особо, что период с начала XX в. по февраль 1917 г. явился одним из самых сложных в русской истории, когда шел процесс разрушения существовавшего на протяжении многих столетий традиционного для России монархического строя. Февральская революция 1917 г. вообще поставила точку на легальном существовании монархизма в России. Отсюда понятен и тот неподдельный интерес, который проявляли и проявляют исследователи именно к последним годам существования монархических партий и движений в царской России.

Безусловно, в краткой по объему статье невозможно дать оценку всем достижениям отечественной историографии правомонархического движения, поэтому упор будет сделан нами, во-первых, на историографию периода 1990–2015 гг., а, во-вторых, только на наиболее фундаментальных, по нашему мнению, работах.

Первые шаги. Первые аналитические работы, посвященные деятельности правых организаций предреволюционного периода, относятся к 1920-м годам. Их характерные черты – классовый подход, разного рода идеологические штампы, характерные для советской историографии того времени¹.

В 1930–1960-е гг. тема правомонархического движения вообще оказалась вне поля рассмотрения советской историографии. Второй этап изучения черносотенного и в целом монархического движения относится уже к концу 1960-х – концу 1980-х гг. Именно тогда, в пока еще немногочисленных диссертационных и монографических исследованиях, а также в статьях сравнительно подробно рассматривалась деятельность правых в период с 1900 по 1917 гг. Вместе с тем следует отметить, что практически все эти работы носили общий характер и были посвящены либо политической ситуации в России в целом, либо каким-то более узким вопросам (например, деятельности IV Государственной думы и т.д.)². Однако, несмотря на присущую этим работам тенденциозность, именно в них были заложены основы будущего объективного исследования вопроса.

Третий и наиболее важный период развития историографии монархического движения предреволюционного периода начался в 1990-е гг. и продолжается до сих пор. Его объективными предпосылками явились: устранение идеологического давления со стороны официальной власти, возможность большей свободы выражения своих мыслей, бóльшая широта научных исследований, посвященных означенной проблеме. Достижения этого периода развития историографии мы и рассмотрим более подробно далее.

Новейшая историография: общие работы. Первым шагом на пути становления новой отечественной историографии русских правых явилась монография С. А. Степанова «Черная сотня в России»³. В работе достаточно

---

¹ См.: Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; Островцов А. Последние могикане старого строя. М., б.г. и др.

² См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX в. – 1920 г.). М., 1977; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989 и др.

³ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

подробно говорится об организационной структуре, численности, социальном составе черносотенного движения, а также о политической деятельности черносотенцев. Именно эта книга долгое время оставалась практически единственным серьезным научным трудом по истории правомонархического движения, заложив основу для дальнейшего изучения истории черносотенного движения начала XX в.

Важнейшая роль в становлении и развитии отечественной историографии монархического движения в период с 1900 по 1917 гг. также принадлежит московскому историку Ю. И. Кирьянову⁴, который осуществил попытку структурировать правый политический спектр, определить этапы становления и развития монархического движения.

Большой интерес представляют монографии петербургского историка Д. А. Коцюбинского «Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза» и исследовательницы С. М. Саньковой «Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917)»,⁵ в которых они подробно рассмотрели деятельность значительной части правого политического спектра царской России – русских националистов в лице их крупнейшей организации – Всероссийского национального союза (ВНС). Отметим, что автор этой монографии делает упор в основном на идеологию русского национализма начала XX в. Работа Коцюбинского, по признанию многих исследователей, дала «исчерпывающую характеристику деятельности русских националистов».⁶ Этого не скажешь, к сожалению, о последующей работе, написанной историком в соавторстве со своим отцом, – «Григорий Распутин: тайный и явный».⁷

Стоит также отметить сравнительно недавно вышедшую монографию С. А. Степанова «Черная сотня».⁸ Эта книга является переработанной и рас-

⁴ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России (1911–1917). М., 2001; Он же. Русское собрание 1900–1917. М., 2003 и др.

⁵ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006.

⁶ См. напр. Иванов А.А. Новые книги о черносотенцах и националистах [Электронный ресурс] / Русская народная линия. Режим доступа: http://www.ruskline.ru/analitika/2006/08/30/novye_knigi_o_chernosotencah_i_nacionalistah/ (дата обращения 18.11.2015).

⁷ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб.; М., 2003.

⁸ Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп., и перераб. М., 2005.

ширенной редакцией ранее вышедшей книги этого же автора «Черная сотня в России (1905–1914 гг.)».⁹ И если в первом издании книги история черносотенного движения была доведена только до 1914 г., то есть до начала Первой мировой войны, то теперь автор попытался реконструировать ход истории русской правой вплоть до 1917 г. По нашему мнению, сделать это ему до конца так и не удалось; часть монографии, посвященная Черной сотне периода 1914–1917 гг., носит фрагментарный и бессистемный характер. Кроме того, в работе содержится много неточностей.

Также отметим вышедшее в 2013 г. несколько расширенное переиздание книги С. А. Степанова «Черная сотня. Что они сделали для величия России»¹⁰. На наш взгляд, общие выводы этой книги несколько отличаются от предыдущих ее изданий. Автор делает акцент на развенчивании мифов о «погромной сущности» черносотенного движения. «Основанная не на пропагандистских мифах, а на архивных документах, эта книга восстанавливает истину, освещая историю запрещенной организации объективно и беспристрастно, не идеализируя черносотенцев, но и не представляя их исчадиями ада», – сказано в аннотации к книге. В отличие от предыдущих изданий, в книге «Черная сотня. Что они сделали для величия России» С. А. Степанов касается не только истории черносотенного движения начала XX в., но и рассматривает многочисленные попытки возрождения монархических организаций, имевшие место в постперестроечное время, дает весьма объективную оценку современному состоянию монархического движения в России.¹¹ Также в монографии содержатся отдельные упоминания правомонархических салонов и кружков – графов Шереметевых, графини С. С. Игнатьевой, приводятся малоизвестные факты, связанные с деятельностью лидеров этих неофициальных правых организаций.¹²

Ряд работ, вышедших в начале XXI в., касается малоизученных страниц истории правомонархического движения. В частности, диссертация и монография Д. И. Стогова «Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда»¹³ были посвящены закулисной деятельности монархистов.

Научными трудами, задуманными как обобщающие труды по истории русской правой, стали две взаимосвязанные монографии ярославского исто-

⁹ Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

¹⁰ Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013.

¹¹ Там же. С. 614–664 (глава XI «Наследники Черной сотни»).

¹² Там же. С. 73, 353.

¹³ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда в системе власти самодержавной России конца XIX – начала XX в. Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2005; Он же. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2007.

рика М. Л. Размолодина, представляющие собой серьезные историко-аналитические работы, призванные охарактеризовать и систематизировать идеологию правого лагеря России начала XX в.¹⁴

В 2014 г. опубликована книга А. В. Репникова «Консервативные модели российской государственности»,¹⁵ в которой рассматриваются социально-экономические и политические воззрения русских монархистов (А. А. Римский-Корсаков, С. Д. Шереметев, Б. В. Никольский и др.). Автор делает справедливый, на наш взгляд, вывод о том, что «практически каждый из консерваторов в своих рассуждениях о переустройстве России приводил [...] ряд предложений, которые могли бы при их правильной реализации способствовать решению внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем. Но им так и не удалось представить власти, обществу и даже собственным единомышленникам четкой концепции переустройства России».¹⁶ Также А. В. Репников отмечает, что консерваторы не смогли создать единую идеологию и четкую политическую программу.¹⁷ Этот вывод исследователя вполне подтверждается и на примере деятельности различных монархических организаций начала XX в.

Парламентская деятельность правых. В начале 2000-х гг. появляются диссертации, статьи и монографии, посвященные парламентской деятельности правых – как в Государственном совете, так и в Государственной думе. Среди них особо можно выделить работы А. А. Иванова,¹⁸ Д. Д. Богоявленского,¹⁹ Ф. И. Долгих,²⁰ Г. А. Ивакина²¹ и другие. Впрочем, отметим, что,

¹⁴ Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010; Он же. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Ярославль, 2010.

¹⁵ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. См. также более ранние работы этого же автора: Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. М., 2006; Он же. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

¹⁶ Там же. С. 503.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Иванов А.А. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 гг.). Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2004; Он же. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2006; Он же. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920) / Науч. ред. И. В. Алексеева. М.-СПб., 2011; Иванов А.А. Правый спектр Государственной Думы и Государственного Совета России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Дисс. ... д. ист. н. СПб., 2011 и др.

¹⁹ Богоявленский Д.Д. Н.Е. Марков и Совет министров: Союз Русского Народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж, 2001; Он же. Проблема лидерства в Союзе Русского Народа. Дисс. ... к. и. н. М., 2002.

ввиду узости темы, многие сюжеты, связанные с деятельностью правых, но сами по себе далекие от их думской деятельности, остались в перечисленных работах не рассмотренными.

Анализируя литературу, посвященную русским правым начала XX в., следует подробнее рассмотреть исследование петербургского историка А. А. Иванова, посвященное жизни и деятельности одного из лидеров русских правых, руководителя Русского народного союза имени Михаила Архангела В. М. Пуришкевича.

Как справедливо отмечает в предисловии к монографии сам автор, с одной стороны, едва ли какой-либо депутат Государственной думы начала XX в. (за исключением А. Ф. Керенского и В. В. Шульгина) мог похвастаться столь широкой известностью, но, с другой стороны, личности В. М. Пуришкевича не было посвящено до настоящего времени ни одной цельной биографической книги, если не считать тенденциозную по содержанию брошюру журналиста С. Б. Любоша «Русский фашист Владимир Пуришкевич»²².

По сути дела, А. А. Ивановым впервые в историографии делается попытка написания полноценной биографии правого политического деятеля. Автор явился пионером в становлении на самом серьезном научном уровне биографики русских монархистов. И только учитывая хотя бы это обстоятельство, можно с уверенностью говорить о значительной научной новизне этого исследования.

В монографии А. А. Иванова самым тщательным образом разбираются многочисленные факты, связанные с жизнью и деятельностью В. М. Пуришкевича, – начиная с его происхождения, детства и юности и заканчивая годами Гражданской войны и преждевременной смертью политика. Автор монографии скрупулезно исследовал материалы фондов 12-ти архивов России и Ближнего Зарубежья, в том числе Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Молдова, Центрального государственного исторического архива Украины и др. Множество источников, как архивных, так и из дореволюционных изданий, впервые введены исследователем в научный оборот.

---

²⁰ Долгих Ф.И. Правые в III и IV Государственных думах России (1907–1917 гг.). Дисс. ... к. ист. н. М., 2004.

²¹ Ивакин Г.А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905–1917 гг. М., 2014.

²² Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 3–4; Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.

Отметим важнейшие достижения монографии А. А. Иванова, связанные с содержательной стороной. Во-первых, ему удалось существенным образом, опираясь на научные данные, скорректировать представления о предках В. М. Пуришкевича. До сих пор в научной среде бытовало мнение о молдавских корнях правого политика. Используя архивные данные, А. А. Иванову удалось установить, что по отцу у В. М. Пуришкевича предками были малороссы (т. е., по нынешней терминологии, украинцы), а по материнской линии – поляки. Никаких данных о предках правого политика – молдаванах исследователем обнаружено не было.

Существенным образом А. А. Иванов корректирует и традиционное представление о В. М. Пуришкевиче – депутате Государственной думы – как «профессиональном скандалисте». А. А. Иванову удалось раскрыть причины такого скандального поведения правого депутата. Скандал, по его мнению, не был для Пуришкевича самоцелью, а, скорее, использовался как последний и самый радикальный способ воздействия на ситуацию. К тому же, скандальное поведение способствовало желанию политика получить «всенародную известность и своеобразные симпатии избирателя»²³.

В докторской диссертации и монографии А. А. Иванова подробно рассматриваются сюжеты, связанные с деятельностью правой группы Государственного совета и думской деятельностью правых.²⁴ На наш взгляд, важнейшими из выводов, сделанных автором в диссертации и монографии, являются следующие, ибо они напрямую касаются причин краха монархической идеологии в предреволюционные годы:

– «Правые защищали власть, которая полностью себя дискредитировала, а потому негативное отношение самых широких слоев общества к правительству и императору полностью переносилось на их защитников. Чем больше власть теряла престиж, тем больше падал авторитет ее апологетов, стремительно сокращалась их поддержка в народе».²⁵

– «...Суть программы правых в годы войны сводилась к сохранению «вековых устоев» русского общества, исторически сложившейся российской государственности с неограниченной самодержавной властью, и победоносному за-

²³ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 400.

²⁴ Иванов А.А. Правый спектр Государственной Думы и Государственного Совета России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Дис. и автореф. дис. ... докт. ист. н. СПб., 2011; Он же. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / Науч. ред. И. В. Алексеева. М.; СПб., 2013.

²⁵ Иванов А.А. Правые в русском парламенте. С. 470.

вершению войны, призванному укрепить существующий строй и содействовать разрешению накопившихся социально-экономических и политических противоречий. Однако в условиях левой и либеральной пропаганды, сулившей более радикальное и эффективное решение наболевших вопросов, а также нарастающего недовольства масс существующим порядком вещей, установки правых оказались малопривлекательными и неконкурентоспособными».²⁶

Выводы, сделанные А. А. Ивановым по отношению к правым парламентским группам, вполне можно распространить и на все правомонархические организации, исповедовавшие ту же самую идеологию и тесно связанные с правыми объединениями русского парламента.

Деятельность правых в годы Первой мировой войны. На наш взгляд, вопросы, связанные с деятельностью монархистов в годы Первой мировой войны, представляют особый интерес, так как хронологически этот период непосредственно предшествует драматическим событиям 1917 г., полностью изменившим общественно-политический строй в России.

Своего рода событием в отечественной исторической науке явилась в свое время диссертация О. А. Тарасова, в которой впервые в историографии подробно освещаются некоторые аспекты деятельности правых партий в последние годы существования монархии в России. Автор справедливо полагает, что война явилась катализатором процессов кризиса и распада монархических организаций, и отмечает, что именно тогда в идеологии, организационной структуре, тактике правых произошли существенные изменения, «определившие в конечном итоге финальный акт их политической жизни».²⁷ Вместе с тем, О. А. Тарасов не избежал и повторения идеологизированных клише вроде утверждения, согласно которому в черносотенных организациях доминировали исключительно «неудачники, недовольные жизнью, и просто уголовники».²⁸

К изучению истории правомонархического движения периода Первой мировой войны обращались исследователи и впоследствии, в начале XXI в. Так, опираясь на архивные фонды Канцелярии Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива и другие источники, Д. И. Стогов в одной из своих работ, посвященных деятельности монархистов

---

²⁶ Там же. С. 472.

²⁷ Тарасов О.А. Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 17.

²⁸ Там же. С. 14.

в годы Первой мировой войны, делает попытку выявить степень влияния правых организаций этого периода на властные структуры Российской империи.²⁹

В 2014 г. в коллективной монографии «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис»³⁰ И. С. Розенталь дает краткую характеристику деятельности петроградских правых неофициальных организаций – кружков и салонов, существовавших в годы Первой мировой войны.³¹ Правда, акцент исследователь делает на структурированные организации (клубы, такие как Английский клуб, Императорский Яхт-клуб и т. д.).³² Что же касается салонов и кружков, то их деятельность автор справедливо определяет следующей яркой характеристикой, делая вывод об определенных противоречиях в аристократических кругах: «Немаловажно, что критически, как и до войны, отзывались о петербургском Яхт-клубе и «легкомысленных» салонах, решающих судьбы России между чашкой чая и партией в бридж, консерваторы и тоже по преимуществу аристократы, объединившиеся на основе идей неославянофильства, особенно в Москве, например, кружок Ф. Д. Самарина. Разделяло их, помимо всего прочего, отношение к Распутину и к «раболепству» перед ним Синода. Лишь эпизодически могли проникать в центры «камарильи» самые известные тогда лидеры черносотенных союзов».³³ Далее историк приводит весьма красноречивое заявление основателя Союза русского народа А. И. Дубровина на допросе в ВЧК о том, что он «в салонах не был».³⁴

Касаясь деятельности салонов и кружков, И. С. Розенталь замечает, что, «не будучи в прямом смысле тождественными политическим клубам (но про-

²⁹ Стогов Д.И. Правые политические организации в период Первой мировой войны. Проблема влияния правых на политику Николая II. Saarbrücken, 2012. С. 295–392.

³⁰ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014.

³¹ Розенталь И.С. Клубы, салоны, кружки и общественное мнение // Там же. С. 414–423. См. также более раннюю публикацию этого же автора (Розенталь И.С. Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М., 2012. С. 161–201), в которой, однако, не содержится принципиально новых фактов по сравнению с анализируемой нами публикацией И.С. Розенталя «Клубы, салоны, кружки и общественное мнение».

³² См. о клубах более раннюю монографию автора: Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX века. М., 2007. Хотя в ней автор напрямую не касается деятельности салонов и кружков, тем не менее, книга содержит любопытные факты, связанные с жизнью некоторых организаторов этих структур, например, Н.Ф. Бурдукова (Там же. С. 310) и С.Д. Шереметева (там же. С. 187).

³³ Розенталь И.С. Клубы, салоны, кружки и общественное мнение... С. 417.

³⁴ Там же. С. 417. См.: Следственное дело доктора Дубровина / Публ. В.Г. Макарова // Архив еврейской истории. Т. I. М., 2004. С. 280.

двигая своих ставленников на государственные должности), эти закрытые от посторонних привилегированные центры общения оставались и в период войны средоточием политической и иной «молвы», где генерировалось общественное мнение близких власти аристократических кругов. Молчаливо подразумевалось, что как раз учет этого заведомо консервативного мнения помогает угадывать «запрос жизни», не вступая в противоречие с волей самодержца». ³⁵ Кроме всего прочего, исследователь делает важный вывод о том, что в клубах, кружках и салонах, хотя и муссировалась «мысль о присоединении Константинополя», мало уделялось внимания фактам, «относящимся к чисто военной стороне дела, тем более, к прозе войны». ³⁶ Также в работе И. С. Розенталя содержится краткая характеристика кружка А. А. Римского-Корсакова, содержащая в себе, однако, уже известные сведения. ³⁷

Говоря о новейших исследованиях деятельности правых в период Первой мировой войны, стоит также упомянуть недавно вышедшую статью М. Н. Лукьянова «Российская правая и начало Первой мировой войны». ³⁸ В своей работе исследователь использует огромный пласт исторических источников, в том числе и впервые введенных в научный оборот архивных материалов (особое внимание уделено переписке различных правых деятелей – С. Д. Шереметева, Н. А. Зверева, А. К. Варженевского и др.). В публикации речь идет о трансформации идеологии монархизма в новых политических условиях. М. Н. Лукьянов особо подчеркивает, что «Первая мировая война способствовала дальнейшему размежеванию правых на сторонников и противников адаптации к политической реформе в России». По его словам, «первые восприняли патриотический подъем в стране как результат позитивного влияния политической модернизации и поддержали курс на «священное единение», а «вторые выступили против уступок и компромиссов, видя в них предпосылки политической дестабилизации». ³⁹ М. Н. Лукьянов также справедливо отмечает, что, «с одной стороны, часть думской правой во главе с Марковым, все более смещаясь вправо, сближалась со сторонниками Дубровина», а «с другой – происходил процесс дерадикализации правых, сделавших ставку на достижение политической стабильности с помощью ком-

³⁵ Розенталь И.С. Клубы, салоны, кружки и общественное мнение... С. 415.

³⁶ Там же. С. 418.

³⁷ Там же. С. 420–421.

³⁸ Лукьянов М.Н. Российская правая и начало Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 2 (29). С. 18–26.

³⁹ Там же. С. 18.

промисса, диалога между государством и обществом, различными социальными, этноконфессиональными политическими группами».⁴⁰ Кроме того, пишет он, «многие правые сохраняли симпатии к Германии, продолжая считать ее естественным геополитическим партнером». «Эти тенденции обостряли конфликты внутри правой и способствовали ее дискредитации в глазах стремительно политизировавшегося в условиях войны российского населения»,⁴¹ — подчеркивает в своей работе исследователь.

Биографические исследования. Важным событием в изучении правых партий явились публикации биографического характера, посвященные деятельности ведущих русских монархистов начала XX века⁴². Многие биографические сведения о русских монархистах были представлены научной публике впервые. Авторы этих публикаций скрупулезно проработали огромное количество архивных и опубликованных до революции источников и смогли реконструировать биографии многих видных деятелей черносотенного (да и вообще монархического в целом) движения. Ведь в советское время даже биографические сведения о тех или иных правых деятелях оставались, как правило, либо вообще неизвестными широкой публике и сокрытыми даже от ока исследователей, либо представлялись в искаженном виде.

Хотя, конечно, далеко не все статьи, помещенные в приведенных в сноске сборниках и энциклопедиях, равноценны по своему объему и качеству, тем не менее, уже сам по себе выход в свет подобного рода справочной литературы является определенной вехой в развитии историографии правомонархического движения.

Правомонархическое движение в регионах России. Ряд исследований (А. А. Фоменкова, В. Ю. Рылова, Е. М. Михайловой и др.), посвященных черносотенному движению, рассматривают проблему на региональном

⁴⁰ Там же. С. 23–24.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Богоявленский Д.Д. Н.Е. Марков и Совет министров: Союз Русского Народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 192–204; Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М., 2003; Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006; Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008; Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012; Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2015 и др. Книга «Правая Россия» является, по сути дела, глубокой и качественной переработкой ранее вышедшей книги «Воинство святого Георгия».

уровне.⁴³ С одной стороны, перечисленные труды в значительной степени сужают исследовательское поле, но, с другой, способствуют более углубленному рассмотрению некоторых аспектов деятельности правых в тех или иных губерниях Российской империи.

Выводы. За последние десятилетия в отечественной историографии был осуществлен прорыв в области исследования правых организаций предреволюционного периода. Исчезли (хотя, к сожалению, далеко и не до конца) характерные для советской историографии идеологические штампы, разрабатываются основные направления и подходы при изучении русских правых, намечаются пути дальнейшего исследования проблемы. Деятельность правых исследуется с разных сторон. Историки нашего времени проявляют интерес к изучению идеологии монархизма, к парламентской деятельности черносотенцев и националистов, к биографиям правых политиков, к деятельности правых в годы Первой мировой войны и к другим сюжетам.

Вместе с тем пока что многие вопросы, касающиеся истории правомонархического движения, остаются за кадром монографий и прочих исследований. В частности, во многом не проясненным остается один из важнейших вопросов, связанный с выявлением степени влияния черносотенцев на политику царской России в начале XX столетия. Практически все исследователи либо оставляют этот вопрос за рамками своих работ, либо рассматривают его поверхностно. Вместе с тем именно эта проблема представляет собой, на наш взгляд, особую важность, так как позволяет определить реальное место правых в политическом спектре России того времени, их истинное политическое значение. Надеемся, что в дальнейшем исследователи смогут хотя бы частично восполнить пробелы по этому вопросу.

---

⁴³ Слесарев Ю.В. Правомонархические организации в губерниях Центрального Черноземья (1905–1917). Дисс. ... к. ист. н. Пенза, 1998; Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. Воронеж, 2002; Алексеев И.Е. Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии, 1905–1917 гг. Дисс. ... к. ист. н. Казань, 1997; Он же. Черная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001; Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. Воронеж, 2002; Фоменков А.А. Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905–1917 гг.). Дисс. ... к. ист. н. Нижний Новгород, 2002; Максимов К.В. Монархическое движение в России: 1905–1917 гг. (На материалах Уфимской губернии). Автореферат дисс. ... к. ист. н. М., 2004; Михайлова Е.М. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары, 2000.

НИКОЛАЕВ А. Б.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

ДУМСКАЯ ИСТОРИЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВВЕДЕНИЕ, ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ

После Февральской революции по инициативе депутата IV Государственной думы В. М. Вершинина была составлена официальная справка о деятельности Государственной Думы в дни революции под названием «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года». Долгое время его судьба оставалась неизвестной. В 2005 г. документ стал доступен для изучения. Публикуемый протокол снабжен введением и комментариями.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., IV Государственная дума, Временный комитет Государственной думы, частное совещание членов Государственной думы в Полуциркульном зале, «Протокол заседаний», В. М. Вершинин, Я. В. Глинка, М. В. Родзянко

В один из летних дней 2005 г. мне позвонил историк русского авангарда и мой хороший знакомый Андрей Васильевич Крусанов¹. Он попросил проконсультировать антиквара, ставшего обладателем какого-то исторического документа, имевшего отношение к Февральской революции. Отвлекаться от своей докторской диссертации, которая требовала еще проверки сносок и другой достаточно скучной, но необходимой работы, не очень хотелось. Но когда я узнал по телефону, как называется документ, мое равнодушие моментально испарилось. На следующий день я был уже в антикварном магазине «Петербургский раритет» (наб. канала Грибоедова, д. 31). Ознакомившись с

---

¹ Крусанов Андрей Васильевич (31.1.1958) – историк русского авангарда. Окончил Технологический институт (1981). Химик-технолог в Институте синтетического каучука (1981–1986), научный сотрудник Института геологии и геохронологии докембрия АН СССР (1986–1991), затем работал в различных частных фирмах. С 1981 изучает историю русского литературно-художественного авангарда в первой трети XX века. Входил в состав литературной группы «Гастрономическая суббота». Автор статей в журналах «Васильевский остров», «Гастрономическая суббота», «Минувшее», «Новое литературное обозрение» «Родник», «Русский разъезд», «Сумерки». Широкую известность получил его труд «Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор: в 3-х т. (СПб., 1996. Т. 1; М., 2003. Т. 2. Кн. 1; Кн. 2). Лауреат Премии Андрея Белого в области гуманитарных знаний (1997) (Крусанов Андрей Васильевич // Премия Андрея Белого [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.belyprize.ru/?pid=70>)

документом, я понял, что *мне лично* несказанно повезло. Такой счастливый случай бывает у историков, видимо, раз в жизни... Я оказался первым ученым, который держал в руках подлинник протокола думского Комитета об участии Государственной думы в Февральской революции. Конечно же, я первым делом расспросил антиквара Геннадия Алексеевича Архипова о том, как этот ценный документ оказался в его руках. Насколько я тогда понял, документ он приобрел у какого-то лица, принесшего его в магазин. Все мои попытки получить от антиквара хоть какую-нибудь информацию о продавце не увенчались успехом.

Изучив внимательно подлинник документа, я объяснил антиквару Архипову, какой ценный документ оказался у него в руках. В благодарность за консультацию он сделал мне его ксерокопию и разрешил использовать ее по своему усмотрению. В сентябре того же года антиквар позвонил мне и сообщил о том, что собирается везти свое приобретение в Москву на Антикварный салон² с целью продажи, и попросил написать о нем статью для журнала «Antiq.Info». 18 сентября статья была написана, а в октябре 2005 г. опубликована в этом журнале³. Кстати, статья была проиллюстрирована фотографиями трех листов документа – 1, 54 и 55⁴. Помнится, что в ноябре того же года я позвонил антиквару узнать, продал он документ или нет? Выяснилось, что он остался у него. Я же сумел использовать документ в своей монографии и докторской диссертации. Казалось бы, чего еще желать? Но мысль о том, что подлинник протокола может в любой момент исчезнуть на десятилетия или навсегда в какой-либо частной коллекции не давала мне покоя. 1 декабря 2006 г. я, директор Музея истории парламентаризма Лидия Александровна Крохина и сотрудница Музея Ольга Николаевна Герасименко посетили антиквара Архипова в его магазине. Хозяин принял нас любезно, показал документ и озвучил сумму, которую хотел бы получить за него. Она была для Музея совершенно неподходящей.

3 декабря 2011 г. я впервые после нашего общения в 2006 г. позвонил Г. А. Архипову. И вновь попытался выяснить личность продавца подлинника протокола. В телефонном разговоре антиквар изложил новую версию приоб-

---

² XIX Российский антикварный салон проходил в Москве с 22 по 30 октября 2005 года.

³ Николаев А.Б. Документ Февральской революции // Антик. Инфо. = Antiq.Info. 2005. № 33. Октябрь. С. 144–145.

⁴ Там же. С. 145.

ретения документа: «Купил в каком-то антикварном магазине». И тут же сообщил, что несколько лет назад поменял документ на какую-то вещь. Естественно, что и нового приобретателя протокола он мне не назвал. Иначе говоря, подлинник протокола снова исчез в частной коллекции. Последнее обстоятельство окончательно укрепило меня в намерении познакомить научную общественность с этим документом. 8 декабря 2011 г. я выступил с докладом об этом документе на международной научной конференции «Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма». В 2012 г. сборник, в котором был опубликован подлинник протокола с моим введением и комментариями, вышел из печати⁵. Но, увы, сколько-нибудь серьезного внимания исследователей эта публикация не привлекла. Это произошло, видимо, потому, что протокол был опубликован в малотиражном издании (200 экз.). Надеюсь, что вторая публикация этого ценного документа будет более успешной.

Ценность его заключается в том, что это фактически первое историческое исследование, в котором думское руководство не только изложило событийную сторону Февральской революции, но и официально представило свою позицию по вопросу о роли и участии Государственной думы в событиях 27 февраля – 3 марта 1917 г. В документе содержится, в частности, изложение хода заседания Совета старейшин и частного совещания членов Государственной думы в Полуциркульном зале Таврического дворца 27 февраля 1917 г., о переговорах думской делегации с великим князем Михаилом Александровичем в Мариинском дворце, о деятельности Временного комитета Государственной думы и о посылке им своих комиссаров в различные правительственные учреждения, а также о работе Военной и Продовольственной комиссий; об арестах министров и других царских сановников, об участии Временного комитета в отречении императора Николая II и отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти.

Как известно, инициатором составления протокола был член IV Государственной думы В. М. Вершинин, которого можно отнести, по справедливому замечанию С. М. Ляндреса, к руководящему ядру Государственной ду-

---

⁵ Николаев А.Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 223 – 340.

мы⁶. Передавая черновик этого документа в Пражский архив, Вершинин приложил к нему объяснительную записку, датированную 9 октября 1929 г. В ней он сообщал, что еще в дни революции отдал распоряжение начальнику думской Канцелярии Я. В. Глинке⁷, старшему делопроизводителю И. И. Батову⁸ и его помощнику – делопроизводителю В. М. Мошкову (Машкову)⁹¹⁰

---

⁶ Ляндрес С. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы). Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Старцева. СПб., 1996. Ч. II. С. 105.

⁷ Глинка Яков Васильевич (19.5.1870 – 10.8.1950) – начальник Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии Государственной думы. Из потомственных дворян, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом 2-й степени. Служил в Государственной канцелярии: назначен для занятий в делопроизводстве Особого при Государственном совете присутствия (30.11.1895); младший делопроизводитель Государственной канцелярии (2.4.1900); переведен для занятий в Отделение законов Государственного совета (1.10.1903); старший делопроизводитель Государственной канцелярии (8.11.1905). Временно командирован для занятий по Канцелярии Государственной думы (16.4.1906). Поручено вступить временно в заведовании Канцелярии Государственной думы (17.8.1906). Переведен на службу по Канцелярии Государственной думы начальником Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии (5.7.1908). Действительный статский советник (14.4.1913). Почетный мировой судья Житомирского округа на трехлетие с 1.4.1899 и с 1.1.1917. В дни Февральской революции назначен управляющим делами ВКГД (с 2.3.1917), исполнял обязанности управляющего делами Временного правительства (2 – 3.3.1917). Сенатор Первого департамента Пр. Сената (с 1.5.1917). Октябрьская революция застала Глинку на Украине, где он жил вместе с семьей на своем хуторе в 12 верстах от Житомира. После установление Советской власти покинул хутор и переехал на жительство в Житомир, где работал на строительстве местного театра землекопом, плотником, начальником строительства. Затем – рабочий сцены, художник театра в Житомире. Работал с 1920 в различных театрах СССР, а с 21.8.1938 и до смерти – художник в Ульяновском драматическом театре.

⁸ Батов Иван Иванович (6.1.1875 – ?) – старший делопроизводитель Канцелярии Государственной думы. Из семьи коллежского асессора. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургский университет с дипломом 1-й степени. Служил в Земском отделе МВД: младший делопроизводитель (с 1899); старший помощник секретаря (с 12.10.1904); помощник делопроизводителя (с 21.2.1907). В дальнейшем служил в Канцелярии Государственной думы: помощник делопроизводителя (с 20.8.1908); старший делопроизводитель (с 1.4.1911). Статский советник (10.4.1911) После Февральской революции – начальник Отдела Общего собрания и общих дел Канцелярии Государственной думы, а 14.6.1917 назначен помощником управляющего делами ВКГД. Принимал участие в организации делопроизводства и канцелярии Временного совета Российской республики (Предпарламента).

⁹ В личном деле Мошкова хранится удостоверение от Тамбовской духовной консистории от 11.5.1916, в котором указано, что «правильная фамилия делопроизводителя Государственной думы Михаила Петровича – "Машков"» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1139. Л. 132).

¹⁰ Машков Михаил Петрович (11.10.1873 – ?) – делопроизводитель Канцелярии Государственной думы. Из дворян. Окончил Демидовский юридический лицей со званием действительного студента. Сверхштатный чиновник особых поручений при тамбовском губернаторе (с 19.10.1898). Младший штатный контролер винокуренных заводов Управления акцизными сборами Тамбовской губернии (с 1.8.1899). Во время I Государственной думы работал редактором стенографического отчета. Служил в Канцелярии Государственной думы: помощник делопроизводителя (с 21.8.1908); делопроизводитель (с 1.4.1911). Статский советник (с 4.4.1914). Принимал участие в деятельности Низшей следственной комиссии, созданной в Таврическом дворце в дни Февральской революции. Старший делопроизводитель Канцелярии Государственной думы (с 10.3.1917).

собирать все материалы Временного комитета Государственной думы (ВКГД). В середине марта 1917 г. Вершинин приступил к разборке текущего архива ВКГД. Он писал: «<...> Временный комитет по предложению моему постановил составить протокол о всем совершившемся с 27 февраля по момент образования Временного правительства. Составление протокола было возложено на Я. В. Глинку»¹¹. Биограф и публикатор мемуаров Я. В. Глинки Б. М. Витенберг пишет по этому поводу: «Так он (Я. В. Глинка – А. Н.) стал, по-видимому, первым исследователем истории Февраля, к тому же получившим завидную возможность использовать подлинные документы Временного комитета и стенографические записи свидетельств ведущих деятелей революции»¹². Т.е., протокол составлялся и на показаниях участников революционных дней, для чего «они приглашались в канцелярию и их показания записывались стенографически»¹³. С. М. Ляндрес указывает, что «эти показания затем предоставлялись их авторам для проверки и, если требовалось, исправлялись и переписывались». В дальнейшем «записанные показания обсуждались на заседаниях ВКГД, куда иногда приглашались и министры Временного правительства». В частности, как пишет Ляндрес, «на одно из таких заседаний, назначенном на 8 мая, был, в частности, приглашен министр-председатель кн. Г. Е. Львов»¹⁴. В связи с участием в составлении «Протокола» членов ВКГД определенный интерес представляют воспоминания С. И. Шидловского. Он писал: «Выехав из дома в Думу 27 февраля утром, я попал снова домой лишь 10 марта; все это время шло заседание комитета (Временного комитета Государственной думы – А.Н.). Когда писался журнал Комитета, то старания разделить все это время на отдельные заседания оказались неосуществимыми, и пришлось написать один общий журнал, охватывавший все это время»¹⁵. Принимал участие в работе над протоколом и член ВКГД

¹¹ Цит. по: Шашкова О.А. Примечания / «Протокол событий» Февральской революции 27 февраля – 4 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова; отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 320.

¹² Витенберг Б.М. Я.В. Глинка и его дневник / Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906 – 1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 33.

¹³ Цит. по: Шашкова О.А. Примечания. С. 320.

¹⁴ Ляндрес С. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. С. 106.

¹⁵ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. II. С. 59. Вместе с тем, сравнивая датировки «журнала» (27 февраля – 10 марта 1917 г.) и «Протокола» (27 февраля – 3 марта 1917 г.), можно предположить, что Шидловский вспоминал о документе, который до сегодняшнего дня историкам неизвестен. В этом случае, историкам еще лишь предстоит найти его – журнал заседаний ВКГД – и изучить!

П. Н. Милюков. Давая 7 августа 1917 г. показания в Чрезвычайной следственной комиссии, он назвал этот документ «отчетом» ВКГД о днях революции. Милюков утверждал, что исправил неточности, которые он обнаружил в подготовленном документе. По его же словам отчет, должен был выйти в издании ВКГД уже в августе 1917 г. – «на днях, вероятно, выйдет»¹⁶.

Работу над протоколом составители завершили к середине августа 1917 г., передали его в думский Комитет, где он и был им одобрен. Затем протокол перепечатали набело и отдали для сбора подписей. В. М. Вершинин вспоминал, что не удалось получить только подпись А. Ф. Керенского, «у которого чиновник Государственной думы, занимавшийся сбором подписей, никак не мог поймать свободной минуты». В сентябре ВКГД решил печатать его без подписи Керенского. Б. М. Витенберг пишет, что подлинник протокола был передан в Государственную типографию для печати в начале сентября 1917 г.¹⁷, а его черновик Глинка отдал Вершинину. Черновик Вершинин и увез с собой в эмиграцию, где затем передал его, как уже упоминалось, в Русский Заграничный исторический архив (Пражский архив)¹⁸. С. И. Шидловский, находясь в эмиграции, отмечал, что «Протокол», который он называл «журналом», сохранился «до сих пор»¹⁹. Т.е. можно предположить, что он интересовался его судьбой и, может быть, использовал этот документ при написании своих воспоминаний. После II мировой войны черновик протокола, вместе с другими документами, был вывезен в СССР, где и хранился в ЦГАОР СССР (ныне – ГАРФ)²⁰. Именно он и лег в основу публикации, которую сделала О. А. Шашкова в сборнике «Февральская революция 1917 года» (М., 1996). Она опубликовала его под названием «"Протокол событий" Февральской революции 27 февраля – 4 марта 1917 года»²¹. Заметим, что Шашкова не посчитала необходимым при издании дать оригинальное название документа! Американский историк С. М. Ляндрес приводит его в одной из своих работ – «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания и Временного комитета Гос-

---

¹⁶ [Милюков П.Н.] Показания П.Н. Милюкова. 7 августа 1917 года // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 томах / Ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 353.

¹⁷ Витенберг Б.М. Указ. соч. С. 33–34.

¹⁸ Цит. по: Шашкова О.А. Примечания. С. 320–321.

¹⁹ Шидловский С.И. Указ. соч. С. 59.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 823. ЛЛ. 1–60.

²¹ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 109–145.

ударственной думы»²². Необходимо отметить, что черновик протокола не был выявлен Шашковой непосредственно при работе с архивными документами. В связи с этим она пишет: «Большую эвристическую роль здесь сыграли монографии ряда историков, где содержались ссылки или частично использовались неизвестные ранее документы: так называемый "протокол событий" Февральской революции<...>»²³. Речь идет трудах Э. Н. Бурджалова и Е. Д. Черменского, в которых он публиковался «в небольших извлечениях»²⁴. Кстати, Шашкова, издавая черновик «Протокола», предварительно провела над ним некоторые процедуры, в результате которых в сборнике «Февральская революция» был опубликован, как она пишет, «восстановленный составителем<...> текст "протокола событий"»²⁵.

Относительно же подлинника Вершинин указал, что о дальнейшей судьбе его ему ничего неизвестно, «знаю только, что нигде и никогда не был опубликован, ни у кого в мемуарной литературе не упоминался<...>»²⁶. Хотя, о «Протоколе» упоминал в показаниях перед Чрезвычайной следственной комиссией П. Н. Милюков²⁷ и писал, видимо, о нем в своих воспоминаниях С. И. Шидловский²⁸. Вместе с тем долгое время считалось, что «подлинник протокола, видимо, не сохранился»²⁹.

Благодаря случаю, я стал обладателем копии подлинника. Подчеркну, что между черновиком и подлинником есть принципиальная разница. В данном случае, подлинник – это законченная вещь, подготовленная для печати и общественного восприятия. Нами выявлены отличия в названии, оформлении и содержании текста подлинника от черновика.

²² Lyandres S. Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1997. Unternehmertum in Russland. Berlin, 1998. S. 307.

²³ Шашкова О.А. Археографическое предисловие // Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 10.

²⁴ Шашкова О.А. Примечания. С. 321. См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 233, 237; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 283, 289–290, 301, 307.

²⁵ Шашкова О.А. Примечания. С. 321.

²⁶ Там же.

²⁷ [Милюков П.Н.] Показания П.Н. Милюкова. 7 августа 1917 года. С. 353.

²⁸ Шидловский С.И. Указ. соч. С. 59.

²⁹ Ляндрес С. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. С. 107; Lyandres S. Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917. S. 308–309.

Изучаемый в данной работе подлинник документа называется «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года». К нему даны 4 приложения: № 1 «Объявления Продовольственной комиссии при Временном комитете Государственной думы» (2 листа); № 2 «Речь Милюкова» (6 листов); № 3 «Ставка. Начальнику Штаба» [Манифест Николая II об отречении от власти] (1 лист); № 4 [Отказ Михаила от восприятия верховной власти] (1 лист). Заметим, что в публикации Шашковой этих приложений нет. Но не потому, что она не захотела их опубликовать в силу широкой известности этих документов. Дело в том, что их при черновике и не было. Об этом свидетельствуют составительские постраничные примечания: «Далее по тексту «...(см. прил. № 1)»³⁰. Текст приложения утрачен»; «Далее по тексту «...(см. прил. № 2)»». Текст приложения утрачен»³¹. По тексту черновика можно понять, что речь идет о том же приложении № 1, что и в подлиннике. Приложение № 2 черновика не соответствует приложению № 2 подлинника: к черновику прилагались «циркулярные телеграммы с изложением всех событий за все предшествующие дни», переданные через ПТА «во все провинциальные газеты и большие города»³², а к подлиннику – текст речи П. Н. Милюкова, произнесенной им 2 марта 1917 г. в Екатерининском зале Таврического дворца. 3-го и 4-го приложений черновик не содержал. Во всяком случае, следов их в публикации Шашковой нет.

«Протокол событий» дан без подписей, а «Протокол заседаний» подписан председателем Временного комитета и Государственной думы М. В. Родзянко и членами Временного комитета: секретарем Государственной думы И. И. Дмитриуковым, В. В. Шульгиным, С. И. Шидловским, П. Н. Милюковым и Н. В. Некрасовым. Протокол скреплен управляющим делами Временного комитета Я. В. Глинкой. Как видно, «Протокол заседаний» не был подписан всеми членами ВКГД, входившими в его состав в дни Февральской революции. Среди тех, кто не поставил под ним свою подпись, было 7 человек: А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, А. И. Коновалов, В. А. Ржевский, М. А. Караулов, В. Н. Львов и Б. А. Энгельгардт. Почему Вершинин запомнил, что

---

³⁰ «Протокол событий». С. 119.

³¹ Там же. С. 129.

³² Там же.

протокол не подписал только Керенский, хотя к нему присоединились и другие члены ВКГД, неизвестно. То, что этот документ подписан меньшинством состава ВКГД периода Февраля 1917 г., конечно, ставит вопрос о точности информации, приводимой в нем. Милюков, кстати, давая 7 августа 1917 г. показания в Чрезвычайной следственной комиссии, заявил: «Все, что изложено там, верно»³³. Конечно, это утверждение Милюкова, не снимает необходимости относиться к «Протоколу заседаний» критически.

Не останавливаясь подробно на критике подлинника, сравним лишь его с черновиком, с целью выявления содержательных и смысловых различий. Охарактеризуем некоторые из них, имеющие наиважнейшее значение для революционной истории Государственной думы.

Первое из них касается появления делегации восставших у Таврического дворца. В черновике это событие описывается следующим образом: «Председатель (Государственной думы – А. Н.) также сообщил, что сегодня около 1 часа дня явились к Государственной думе в качестве депутатов около 25 тысяч войск, студенты Военно-медицинской академии, чтобы узнать, желает ли Государственная дума присоединиться к движению»³⁴. Шашкова, понимая, видимо, что делегация от восставших не могла включать в себя «около 25 тысяч войск» в подстрочнике указала – «Так в тексте»³⁵. В подлиннике же этот вопрос разъяснен: «<...> сегодня явились в Государственную думу в качестве депутатов от 25 000 войск студенты Военно-медицинской академии<...>» (Л.). Заметим, что в подлиннике, во-первых, не указано время появления делегации, во-вторых, нет указаний на то, что вместе со студентами ВМА были и солдаты в качестве представителей восставших войск.

Черновик, описывая события после 2 часов дня, когда революционными войсками уже были заняты «все выходы, телефон и телеграф Таврического дворца», несколько сужает круг депутатов, выступивших с речами перед революционными войсками и народом, называя только А. Ф. Керенского, М. И. Скобелева и Н. С. Чхеидзе³⁶. В подлиннике же наряду с указанными лицами, говорится, что выступили и другие члены Государственной думы (Л. 5).

Следующее различие имеет отношение к описанию инцидента с заурядкапитаном А. А. Чиколини, командиром роты 86-й пешей Вологодской дру-

³³ [Милюков П.Н.] Показания П.Н. Милюкова. 7 августа 1917 года. С. 353.

³⁴ «Протокол событий». С. 112.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

жины, солдаты которой охраняли Таврический дворец. Чиколини вбежал в Полуциркульный зал, где собрались думцы на частное совещание, с просьбой спасти его от ворвавшихся в Таврический дворец солдат. С. М. Ляндрес пишет в связи с этим, ссылаясь на воспоминания депутата IV Государственной думы М. М. Ичаса: «Источники обычно относят время его прихода к концу совещания, непосредственно перед призывом М. В. Родзянко к своим якобы нерешительным коллегам "торопиться с принятием решения, ибо промедление времени смерти подобно". Такая датировка только усиливает общепринятое впечатление, что обстоятельства прихода Чиколини и принесенные им сведения послужили окончательным толчком к принятию думцами решения о незамедлительном создании ВКГД»³⁷. Если же обратиться к «Протоколу заседаний», то капитан Чиколини, вбежал в зал заседания, начавшегося в 2 часа 30 минут, после вступительной речи председателя Государственной думы Родзянко и перед началом прений. Напомним, что Родзянко «указывал на необходимость принять какое-либо определенное решение и предложил по этому поводу высказаться членам Государственной думы» (Л. 5). В черновике же говорилось о том, что Чиколини вбежал в Полуциркульный зал еще до начала частного совещания. Оказал ли этот инцидент на ход и результаты совещания, сказать трудно. Но необходимо учитывать, что думские лидеры фактически организовали занятие Таврического дворца восставшими солдатами и для них (Родзянко и Керенского, во всяком случае, да и некоторых других) известия о том, что восставшие уже во дворце, не были сюрпризом.

В отечественной историографии идет спор о том, принимал ли Совет старейшин постановления, которые носили, несомненно, революционный характер: 1) «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах»; 2) «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос[ударственная] Дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие». О втором постановлении в прессе сообщалось, что оно было принято единогласно³⁸. В черновике «Протокола» каких-либо сведений о принятии этих решений нет. В подлиннике же записа-

---

³⁷ Ляндрес С. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля как источник по истории парламентаризма в России. С. 108.

³⁸ Решение Г[осударственной] думы // Известия Комитета петроградских журналистов (Далее – Известия КПЖ). 1917. 27 февраля (Типография Т-ва А.С. Суворина – “Новое время”); Делегация революционных войск в Г[осударственной] думе // Там же.

но: «Частное совещание единогласно постановило: Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах» (Л. 5). Иначе говоря, подлинник «Протокола» усиливает позиции тех историков, которые настаивают на том, что Государственная дума уже днем 27 февраля встала на сторону революции.

Выявлены различия и при описании прений в ходе частного совещания членов Государственной думы в Полуциркульном зале. В черновике предложение М. С. Аджемова приписывается Н. К. Волкову, а об участии в совещании Аджемова даже и не упоминается: «Волков доказывает, что власть, образованная по проекту Некрасова, не может быть авторитетной в глазах [народа] и необходимо создать Особый комитет»³⁹. В подлиннике нашлось место словам и Волкова, и Аджемова: «Волков доказывает, что власть, образованная по проекту Некрасова, не может быть авторитетной в глазах народа. Аджемов считает необходимым передать власть особому комитету из 10-ти лиц, который будет стоять и над Думой. Этот комитет должен быть уполномочен предпринимать всевозможные меры в переживаемое нами время» (Л. 6).

В «Протоколе событий» приведены слова П. Н. Милюкова, которые показывают его позицию по вопросу о первоочередных шагах Думы: «Милюков находил, что предложение Керенского о посещении войск вряд ли достигнет цели, и потому полагал необходимым остановиться на чем-либо реальном»⁴⁰. «Протокол заседаний» уточняет, конкретизирует это реальное: «Милюков находил, что предложение Керенского о посещении войск не должно предрешать вопроса о создании власти и полагал ограничиться пока поручением Совету старейшин следить за событиями, поддерживать контакт с борющимися организациями и принять своевременно необходимые меры» (Л. 7).

Весьма ценным является указание, присутствующее в «Протоколе заседаний» и отсутствующее в черновике, на принцип формирования Временного комитета Государственной думы. В «Протоколе заседаний» записано: «избрать Временный комитет из членов совещания Государственной думы и из представителей фракций по одному от каждой (кроме правых групп) из входивших в прогрессивный блок» (Л. 8). Как следует из этих слов, в прогрессивный блок на момент Февральской революции входили какие-то правые группы. Напомним, что в конце ноября – начале декабря 1916 г. была создана

³⁹ «Протокол событий». С. 113.

⁴⁰ Там же. С. 114.

фракция независимых правых IV Государственной думы из числа депутатов, покинувших фракцию правых. Председателем президиума группы независимых правых 30 ноября 1916 г. был избран князь Б. А. Голицын⁴¹. Судя по всему, фракция независимых правых начала дрейф в сторону прогрессивного блока. В феврале 1917 г., по сообщению «Южного края», в кулуарах Государственной думы «говорят, что прогрессивный блок возрастает в своем числе: к нему постепенно присоединяются отколовшиеся от фракции правых и некоторые балашевцы». Газета также писала: «Войдут ли балашевцы и отколовшиеся (независимые правые – *А.Н.*) в полном составе – вопрос открытый, но что в этом направлении отдельные депутаты ведут переговоры с представителями бюро, об этом неблокисты говорят вполне определенно»⁴². И если о вступлении «балашевцев» в прогрессивный блок каких-либо сведений нет, то относительно фракции независимых правых дело обстоит иначе. Так, в справочнике «Князя Голицыны» указывается, что князь Б. А. Голицын был членом прогрессивного блока⁴³. Если сведения, приведенные составителями этого справочника, верны, то и фракция независимых правых накануне Февральской революции входила в состав прогрессивного блока. Во всяком случае, упоминание о правых группах, входивших в прогрессивный блок, которое содержится в «Протоколе заседаний», выступает дополнительным свидетельством поправки прогрессивного блока накануне Февральской революции.

В «Протоколе заседаний» отсутствует упоминание о том, что М. В. Родзянко попросил время для принятия окончательно решения по поводу заключения частного совещания членов Думы о необходимости избрать Временный комитет Государственной думы, которое приведено в «Протоколе событий»: «Перед окончательным разрешением этого вопроса председатель Государственной думы М. В. Родзянко просил дать ему 1/4 часа на размышления, чтобы окончательно высказаться по этому вопросу. Он удалился в свой кабинет и, выйдя через некоторое время, сообщил, что с постановлением частного совещания он согласен»⁴⁴. Этот пассаж с пятнадцатиминутным раздумьем Родзянко при подготовке текста «Протокола» к печати был пере-

---

⁴¹ Из Петрограда и Москвы / Последние известия по телефону и телеграфу // Волгарь. 1916. 1 декабря (Нижний Новгород).

⁴² Парламентские вести / В России // Южный край. 1917. 10 февраля (Харьков).

⁴³ The Princes Galitzine / Comp. a ed. by A.A. Galitzine a. Ch. A. Galitzine. Washington (D.C.), 2002. P. 588.

⁴⁴ «Протокол событий». С. 114.

несен и встроен в другой сюжет, связанный с принятием решения в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. о взятии ВКГД власти в свои руки.

В «Протоколе заседаний» приведено, отсутствующее в «Протоколе событий», предложение о немедленном объявлении ВКГД Временным правительством: «Засим было сделано предложение объявить[,] избранный состав Комитета немедленно Временным правительством. П. Н. Милюков возразил на это, что задача Комитета временная и специальная; при выборе же состава правительства нужно будет руководиться другими соображениями, вследствие чего и состав будет, вероятно, несколько иной. Собрание согласилось с этим» (Л. 8). Не исключено, что эта вставка сделана лично П. Н. Милюковым при редактировании им текста «Протокола», готовящегося к печати.

Относительно принятия думским Комитетом решения о взятии власти в свои руки «Протокол событий» содержит указание на согласование этого вопроса с Петроградским Советом рабочих депутатов, чего нет в «Протоколе заседаний»: «После длительного обсуждения и переговоров с представителями Совета рабочих депутатов Комитетов пришел к заключению о необходимости взять всю исполнительную власть в свои руки»⁴⁵. Тем самым, в черновике проводилась мысль о том, что ВКГД уже вечером 27 февраля и в ночь на 28 февраля 1917 г. был вынужден учитывать мнение советского органа. Правда, в черновике нет никаких указаний на то, какую позицию в этом вопросе занимали в ходе переговоров советские деятели. Точно также нет никаких сведений и о персональном составе переговорщиков как со стороны думского Комитета, так и со стороны Петроградского Совета, если такие переговоры вообще проводились по этому вопросу. В «Протокол заседаний» читаем: «После длительного обсуждения Комитет пришел к заключению о необходимости взять всю исполнительную власть в свои руки» (Л. 11). Иначе говоря, подлинник пишет о том, что ВКГД, принимая решение о взятии власти в свои руки, действовал независимо от влияния Петроградского Совета рабочих депутатов. Здесь же содержится краткое сообщение о поведении Родзянко в связи этим решением, которого нет в черновике: «Перед окончательным решением этого вопроса председатель Государственной думы М. В. Родзянко просил дать ему четверть часа на размышление, чтобы окончательно высказаться по этому вопросу. Он удалился в свой кабинет и, выйдя через некоторое время, сообщил, что с мнением Комитета он согласен» (Л. 11).

---

⁴⁵ Там же. С. 117.

Определенную ценность представляют различия, выявленные между черновиком и подлинником в вопросе о движении литерного поезда, в котором император Николай II выехал из Ставки, а точнее – о деятельности комиссара ВКГД в Министерстве путей сообщения А. А. Бубликова в связи с этим. В «Протоколе событий» об этом сообщается следующее: «Временным комитетом комиссару Бубликову было отдано распоряжение, чтобы по прибытии на станцию Дно литерный поезд был пропущен для дальнейшего следования в Царское село по Виндаво-Рыбинской железной дороге, но вслед за сим комиссар Бубликов донес, что станция Дно занята революционными войсками и поезд не пропустит, вследствие чего литерный поезд должен был проследовать на станцию Псков»⁴⁶. В подлиннике читаем: «Временным комитетом комиссару Бубликову было отдано распоряжение, чтобы по прибытии на станцию Дно литерный поезд был пропущен для дальнейшего следования не в Царское село, а на станцию Псков» (Л. 21). Т.е., в первом случае комиссар Бубликов предстает лишь наблюдателем, неспособным оказать какого-либо влияния на направления движения литерного поезда, оказавшегося в Пскове в силу непреодолимого препятствия в лице революционных войск, занявших станцию Дно. Во втором случае, комиссар Бубликов, действуя по приказу ВКГД, направил царский поезд в Псков, где император Николай II позднее отрекся от престола. В связи с этим приведем слова современного исследователя П. Мультатули: «Что же произошло на станции Дно такого, что Николай II вместо того, чтобы прорываться в Петроград отправился в Псков? Эта первая загадка событий «отречения», но далеко не последняя»⁴⁷. Подлинник отчасти дает ответ на этот вопрос: железные дороги находились в руках думского Комитета и литерный поезд с императором оказался в Пскове именно потому, что туда он и был направлен комиссаром ВКГД А. А. Бубликовым по приказу ВКГД.

В изучаемых документах существуют различия по вопросам об организации Временного правительства. Подчеркну, что черновик содержит больше информации о создании Временного правительства, чем подлинник. Так, в черновике содержится сообщение о переговорах по этому вопросу ВКГД с Петроградским Советом рабочих депутатов в ночь с 28 февраля на 1 марта и

---

⁴⁶ Там же. С. 125.

⁴⁷ Мультатули П. Император Николай II: отречение, которого не было // Возрождение державы. Независимый аналитический сайт [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://derzava.com/art_desc.php?aid=523

с утра 1 марта 1917 г., которого нет в подлиннике. Судя по черновику, соглашение между ВКГД и Петроградским Советом по вопросу о программе деятельности будущего Временного правительства не состоялось из-за разногласий по вопросу об организации армии, которую советские деятели хотели устроить на началах самоуправления⁴⁸. Точно также в подлиннике нет и рассказа об обсуждении вопроса об образовании Временного правительства, его составе и программе, которое проходило в ночь с 1 на 2 марта⁴⁹. Более информативен черновик по вопросу об обсуждении программы Временного правительства, которое проходило с утра 2 марта⁵⁰. Что касается истории приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, то ее в черновике нет, но она изложена в подлиннике (ЛЛ. 32–33). Правда, в черновике есть сообщение о том, что он Петроградский Совет издал его не предупредив думский Комитет, а также и о том, что ВКГД при участии советских деятелей в ночь с 1 на 2 марта обсуждал вопрос «о мерах предупреждения вредного влияния на войска приказа № 1»⁵¹.

Остальные различия, из выявленных мной 114, между «Протоколом событий» (черновик) и «Протоколом заседаний» (подлинник) даны в подстрочнике к публикуемому мной «Протоколу заседаний».

Здесь же подчеркнем, что «Протокол заседаний» содержит больше информации за исключением сведений, касающихся истории создания Временного правительства, чем опубликованный О. А. Шашковой документ, который она назвала «Протоколом событий» Можно утверждать, что подлинник представляет Государственную думу, в лице ее органов, как центр революции и штаб восстания, как первое Временное правительство. Причем, приводя факты думско-советского сотрудничества в военном, продовольственном и других вопросах, подлинник, вместе с тем, показывает самостоятельность ВКГД, например, в решении вопроса о взятии власти в свои руки.

---

⁴⁸ «Протокол событий». С. 127–128.

⁴⁹ Там же. С. 130–131.

⁵⁰ Там же. С. 131–132.

⁵¹ Там же. С. 130.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЙ: СОВЕЩАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФРАКЦИЙ, ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ ЧЛЕНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

27 февраля – 3 марта 1917 года

27-го февраля 1917 года в здании Таврического дворца в кабинете председателя Государственной думы в 12 часов дня открывается заседание совещания Государственной думы с представителями фракций. Председатель Государственной думы докладывает, что в ночь с 26 на 27 февраля председателем Совета министров князем Голицыным⁵² ему был препровожден список с именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату следующего содержания:

«На основании ст[атьи] 99 Осн[овных] гос[ударственных] зак[онов]⁵³ повелеваем занятия Государственной думы прервать с 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение».

На подлиннике собственною его императорского величества рукою подписано «Николай».

В Царской Ставке 25 февраля 1917 года.

Скрепил: председатель Совета министров князь Николай Голицын.

Такого же содержания указ последовал и по поводу перерыва на тот же срок занятий Государственного совета.

Засим председатель Государственной думы сообщил, что 26 февраля в 11 час[ов] вечера к нему обратилась группа членов Государственной думы с просьбой немедленно созвать совещание с представителями фракций для обсуждения вызванных действиями правительства тревожных событий, происходящих в Петрограде. К сожалению, за поздним временем он лишен был воз-

---

⁵² Голицын Николай Дмитриевич (31.3.1850 – 2.7.1925) – председатель Совета министров. Князь. Окончил Александровский лицей (1871). Член Государственного совета (с 24.11.1915); назначен к присутствию (с 1.1.1916); входил во фракцию правых. Председатель Совета министров (с 27.3.1916). Арестован 4.3.1917 уголовником М.М. Оверком по приказу коменданта Петрограда депутата IV Государственной думы Л.И. Пушина. Давал показания ЧСК. После проведения следствия освобожден. От политической деятельности отошел. После октября 1917 остался в Советской России. В 1917 – 1925 подвергался арестам. Последний раз арестован 12.2.1925 в связи с «Делом лицейстов». По постановлению Коллегии ОГПУ от 22.6.1925 расстрелян. Реабилитирован в 2004.

⁵³ О.А. Шашкова ошибочно раскрыла сокращения так: «Основного Государственного Законодательства» («Протокол событий». С. 109).

возможности исполнить это ходатайство в тот же день и потому распорядился о созыве нынешнего совещания, а также и частного совещания всех членов Государственной думы, которое назначено на сегодняшней день в 2 1/2 час. дня.

Далее он сообщил, что все усиливающееся народное волнение, а в связи с этим и прискорбное событие, имевшее место 26 февраля в Павловском полку, где был тяжело ранен командир роты⁵⁴, являлись настолько грозными признаками, что он счел себя вынужденным без ведома Государственной думы в тот же день послать государю телеграмму следующего содержания:

«Всеподданнейше доношу Вашему Величеству, что народные волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основа их – недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве[,] несомненно[,] разовьются события, сдержать которые можно временно ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела и голодная безработная толпа вступает на путь анархии стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63-х доменных печей работает только 28, в виду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92-х доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь из дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. Государь, спасите Россию, ей грозит унижение и позор. Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, так как брожение распространилось уже на армию и грозит развиться, если безнача-

---

⁵⁴ В черновике указаны звание и фамилия тяжелораненого командира роты – «полковник Экстен» («Протокол событий». С. 109). Экстен Александр Николаевич (13.8.1873 – 26.2.1917) – полковник. Окончил 2-е военное Константиновское училище. Выпущен подпоручиком (ст. 4.8.1891) с прикомандированием к л-гв. Павловскому полку. Полковник (пр. 6.12.1914), командир запасного батальона л-гв. Павловского полка. Убит 26.2.1917 на Конюшенной площади при выходе из казарм 4-й роты л-гв. Павловского полка.

лию и беспорядку власти не будет положен решительный конец. Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевившись вновь верой в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час, иного выхода нет и медлить невозможно”.

Такого же содержания им были составлены телеграммы начальнику Штаба Верховного главнокомандующего ген[ерал]-адъютанту Алексееву⁵⁵ и главнокомандующим фронтам: Северного – ген[ерал]-адъют[анту] Рузскому⁵⁶, Южного – ген[ерал]-адъют[анту] Брусилову⁵⁷ и Западного – ген[ерал]-адъют[анту] Эверту⁵⁸. Председатель Государственной думы просил означенных лиц поддержать его перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу.

Для более быстрой передачи этих телеграмм председатель лично обратился к военному министру генералу Беляеву⁵⁹ за содействием, чтобы озна-

---

⁵⁵ Алексеев Михаил Васильевич (3.11.1857 – 8.10.1918) – генерал-лейтенант. Из потомственных почетных граждан Тверской губернии. Окончил Московское пехотное юнкерское училище (1876). Выпущен прапорщиком (ст. 1.12.1876) в 64-й пехотный Казанский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1890). Генерал-лейтенант (пр. 7.10.1908; ст. 30.10.1908). Начальник Штаба верховного главнокомандующего (с 18.8.1915). Генерал-адъютант (доп. к пр. 10.4.1916). После отречения Николая II назначен вр.и.о. верховного главнокомандующего (11.3.1917). Верховный главнокомандующий (2.4.1917 – 22.5.1917). 30.11.1917 выехал из Петрограда в Новочеркасск, где 2.12.1917 опубликовал воззвание к офицерам, призывая их спасти Родину. Этот день считается датой основания Добровольческой армии. Участвовал в первом и втором Кубанских походах Добровольческой армии.

⁵⁶ Рузский Николай Владимирович (6.3.1854 – 18.10.1918) – генерал-лейтенант. Из дворян Калужской губернии. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1872). Выпущен подпоручиком (ст. 17.7.1872) с зачислением по армейской пехоте и прикомандированием к л.-гв. Гренадерскому полку. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Генерал-лейтенант (пр. 1903; ст. 6.4.1903). Генерал-адъютант (22.9.1914). Главнокомандующий армиями Северного фронта (18.8 – 6.12.1915; 1.8.1916 – 25.4.1917). Выехал в Кисловодск на лечение. Убит большевиками в Пятигорске.

⁵⁷ Брусилов Алексей Алексеевич (19.8.1853 – 17.3.1926) – генерал от кавалерии. Из дворян. Образование получил в Пажеском корпусе (1872). Выпущен прапорщиком (ст. 17.7.1872) в 15-й драгунский Тверской полк. Генерал-лейтенант (пр. 1906; ст. 6.12.1906). Генерал от кавалерии (пр. 1912; ст. 6.12.1912). Генерал-адъютант (1915). Главнокомандующий Юго-Западным фронтом (с 17.3.1916). Верховный главнокомандующий (21.5.1917 – 19.7.1917). С 1919 в РККА.

⁵⁸ Эверт Алексей Ермолаевич (20.2.1857 – 10.5.1926) – генерал от инфантерии. Из дворян Московской губернии. Окончил 3-е военное Александровское училище (1876). Выпущен подпоручиком (ст. 10.8.1876) с прикомандированием к л.-гв. Волынскому полку. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1882). Генерал от инфантерии (пр. 1911; ст. 10.4.1911). Главнокомандующий армиями Западного фронта (20.8.1915 – 11.3.1917). Генерал-адъютант (23.12.1915).

⁵⁹ Беляев Михаил Алексеевич (23.12.1863 – 1918) – генерал от инфантерии. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886). Выпущен подпоручиком (ст. 11.8.1886) в 29-ю артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1893). Генерал-

ченые телеграммы были переданы без задержки по назначению по прямому проводу, но получил от него отказ, так как военный министр находил, что он не может содействовать передаче телеграмм, в которых имеются указания на паралич власти. Тогда председатель обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов Похвисневу⁶⁰, при содействии коего эти телеграммы были доставлены по назначению. Государь на телеграмму⁶¹ не ответил. Ответили лишь генерал Брусиллов и генерал Рузский. Брусиллов телеграфировал: «Вашу телеграмму получил 23 часа 26 февраля. Свой долг перед Царем и Родиной исполнил», а телеграмма Рузского гласила: «Телеграмму Вашу получил[,] по содержанию ее исполнил телеграммою Государю»⁶².

27-го февраля утром⁶³ председателем Государственной думы в Ставку была послана государю вторая телеграмма: «Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядков. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министра внутренних дел и к Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего высочайшего указа созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры Высочайшим Манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросятся в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час[,] решающий судьбу Вашу и Родины настал. Завтра может быть уже поздно».

лейтенант (пр. 6.12.1912; ст. 6.4.1914). Генерал от инфантерии (пр. 6.12.1914; ст. 26.3.1920). Военный министр (с 03.01.1917). Арестован в дни Февральской революции. 1.3.1917 препровожден из Министерского павильона Таврического дворца в Петропавловскую крепость. После Октябрьской революции освобожден. В 1918 арестован органами ЧК и расстрелян.

⁶⁰ Похвиснев Владимир Борисович (ок. 1858 – 12.7.1927) – начальник Главного управления почт и телеграфов. Получил высшее образование. Директор Московского почтамта. Начальник Главного управления почт и телеграфов (октябрь 1913 – 2.3.1917). После октября 1917 в эмиграции. Жил в Париже. Умер на 70-м году жизни в санатории в замке Вурберг в г. Птуй.

⁶¹ В черновике – «телеграммы» («Протокол событий». С. 111).

⁶² В черновике – «Телеграмму Вашу получил. По содержанию ее исполнил телеграммою Государю» («Протокол событий». С. 111).

⁶³ В черновике время отправки («утром») 27 февраля второй телеграммы царю не указано («Протокол событий». С. 111).

Переходя к событиям дня, председатель сообщил, что с утра волнения начались в Волынском полку. Полк возмутился тем, что накануне его учебную команду, находившуюся на площади Николаевского вокзала, заставили расстреливать мирных жителей. Учебная команда, убив своего начальника, шт[абс]-кап[итана] Лошкевича⁶⁴, подняла знамя восстания; к ней присоединились: рота запасного батальона Преображенского полка, 6-й запасный саперный батальон, где был убит полковник, Гвардейский Саперный батальон, а засим и остальные роты преображенцев, а также Литовский полк, где были убиты офицер и солдат и ранен другой офицер. Все эти части направились к Главному артиллерийскому управлению и, убив начальника Арсенала⁶⁵, захватили оружие и патроны. К ним постепенно присоединяются другие части Петроградского гарнизона. Солдаты вместе с рабочими захватывают автомобили; разъезжая на них, они разоружают на улицах, а также врываясь в частные квартиры, всех офицеров. Полиции более не существует, так как она еще с вечера 26 исчезла с улиц Петрограда⁶⁶. Председатель также сообщил, что сегодня явились в Государственную думу в качестве депутатов от 25 000

---

⁶⁴ Лошкевич – ошибочно, в действительности – Лашкевич. Кстати, современные исследователи, цитируя «Протокол событий», ошибочно вслед за ним пишут об убийстве штабс-капитана Лошкевича, а не Лашкевича (См., напр.: Волкова И.В. Солдатский бунт и Февральская революция 1917 г. // Гуманитарные научные исследования. 2011. Сентябрь [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2011/09/752>). Лашкевич Иван Степанович (1891 – 1917) – штабс-капитан. Из потомственных дворян Черниговской губ. Окончил Полтавский кадетский корпус, в 1911 г. – Александровское военное училище. Направлен в чине подпоручика в л.-гв. Волынский полк. 1914 – май 1916 гг. на фронте. После ранения направлен в запасной батальон л.-гв. Волынского полка. Командир учебной команды (с августа 1916), штабс-капитан (сентябрь 1916) Утром 27.2.1917 убит восставшими солдатами-волынцами.

⁶⁵ В черновике – «убив заведующего складом генерала Матусова, начальника Арсенала» («Протокол событий». С. 111). В прессе об этом убийстве сообщалось: «Еще утром, перешедшими на сторону народа войсками, после непродолжительного сопротивления, взяты Арсенал и Главное артиллерийское управление. Убит заведывающий складами Арсенала генерал Матусов» (Взятие Арсенала и Главного артиллерийского управления // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 27 февраля (Типография Т-ва А.С. Суворина – «Новое время»). А.Г. Шляпников тоже писал об убийстве Матусова: «Напротив Орудийного завода был убит генерал Матусов» (Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн. 1 – 2. С. 137). Личность генерала Матусова установить не удалось. В связи с этим можно утверждать, что «Известия КПЖ», составитель «Протокола событий» и А.Г. Шляпников ошиблись. Речь идет о начальнике Орудийного завода генерал-майоре Н.И. Матафанове. Матафанов Николай Иванович (4.3.1865 – 27.2.1917) – генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Выпущен подпоручиком (ст. 12.8.1883) в 38-ю артиллерийскую бригаду. Генерал-майор (пр. 6.12.1911; ст. 6.12.1911). Начальник Петроградского орудийного завода (с 13.3.1916). Убит в Петрограде во время Февральской революции. Исключен из списков умершим 1.6.1917.

⁶⁶ М.В. Родзянко здесь допустил ошибку. Полиция находилась на уличных постах до 12 часов дня 27 февраля, неся службу вместе с воинскими патрулями. В 12 часов дня полицейские были отозваны в полицейские участки, в которых и находились до вечера того же дня.

войск студенты Военно-медицинской академии, чтобы узнать, желает ли Государственная дума присоединиться к движению.

Выслушав доклад председателя, члены Государственной думы указывали на то, что наступившие события в Петрограде и уже полное бездействие правительственной власти угрожают анархией стране и это обстоятельство настоятельно требует, чтобы Государственная дума немедленно приступила к обсуждению мер, которые могли бы восстановить порядок и спокойствие. Предлагалось сейчас же назначить заседание общего собрания. Около 2-х часов дня совещанию было доложено, что часть революционных войск с вооруженным народом движется по направлению к Таврическому дворцу. Председатель вызвал начальника охраны⁶⁷ Императорского Таврического дворца⁶⁸, которому дал приказ, чтобы находящийся в здании дворца военный караул не оказывал бы сопротивления и не пускал бы в ход оружия.

В 2 часа дня все выходы, телефон и телеграф Таврического дворца были заняты революционными войсками (преображенцы); этими же войсками было занято и караульное помещение, в котором был тяжело ранен кем[-]то из толпы караульный офицер Медведев⁶⁹, не оказывавший сопротивления толпе, но отказавшийся по долгу службы покинуть свой пост. Навстречу революционным войскам и народу вышли на подъезд члены Государственной думы, встреченные громкими криками «ура». Керенский⁷⁰, Скобелев⁷¹, Чхе-

⁶⁷ Начальником охраны Таврического дворца был генерал-майор барон В.Ф. Остен-Сакен. Остен-Сакен фон дер Владимир Федорович (30.5.1860 – 1920) – генерал-майор. Из дворян Лифляндской губернии, барон. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1880). Выпущен подпоручиком (ст. 8.8.1880) в 13-й драгунский полк. Полковник (пр. 1904; ст. 26.2.1904). Заведующий охраной Императорского Таврического дворца (с 25.11.1906). Генерал-майор (пр. 1910; ст. 6.12.1910).

⁶⁸ В черновике – «начальника охраны Таврического дворца» («Протокол событий». С. 112).

⁶⁹ Медведев Михаил Константинович – прапорщик 86-й пешей Вологодской дружины. До призыва на военную службу работал контролером 1-го разряда в Петроградской конторе Государственного банка. 27.2.1917 начальник военного караула при Таврическом дворце. В результате ранения, полученного 27.2.1917 у Таврического дворца, ему была ампутирована рука. 4.4.1917 Медведеву, как жертве революции, ВКГД выдал пособие в размере 1000 рублей.

⁷⁰ Керенский Александр Федорович (22.4.1881 – 11.6.1970) – депутат IV Государственной думы от Саратовской губернии. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1904). В IV Государственной думе входил во фракцию трудовиков, лидер фракции. Член Совета старейшин Государственной думы. Масон: состоял в «Великом Востоке народов России» (ВВНР) с 1911 или 1912 г.: после Конвента 1912 г. был кооптирован в Верховный Совет ВВНР; член думской ложи; член ложи В.А. Виноградова (1914); через Керенского поддерживалась связь масонов с эсерами (1915–1916), Генеральный секретарь ВС ВВНР в 1916 и начале 1917; член Конвента 1916 от Петрограда. В дни Февральской революции совмещал членство во Временном комитете Государственной думы и пост заместителя председателя Петроградского Совета рабочих депутатов (с 1.3.1917 Совет рабочих и солдатских депутатов). Инициатор создания и первый руководитель Военной комиссии, игравшей роль штаба революции. Соединил ВК ВКГД и

идзе⁷² и другие члены Гос[ударственной] думы произнесли речи. Засим войска и народ вошли в помещение Государственной думы. Отовсюду раздавались призывы к членам Государственной думы о необходимости Государственной думе встать во главе движения и взять в свои руки исполнительную власть, дабы предотвратить надвигающуюся анархию.

Совещание Государственной думы с представителями фракций постановило немедленно же начать частное совещание членов Государственной думы в Полуциркульном зале. В это самое время в комнате № 13 (зал заседаний

советскую Военную комиссию вечером 27.2.1917. В марте 1917 вступил в партию эсеров. Министр юстиции и генерал-прокурор в первом составе Временного правительства, военный и морской министр (май – сентябрь 1917), министр-председатель (8.7.1917), верховный главнокомандующий (с 30.8.1917). В сентябре 1917 возглавил Директорию и 3-й коалиционный кабинет. 25.10.1917 покинул Петроград с целью организовать сопротивление большевикам, захватившим власть. 31.10.1917, используя казачьи части 3-го корпуса под командованием генерала П.Н. Краснова, предпринял неудачную попытку прорваться в Петроград. Находился на нелегальном положении. Член Учредительного собрания. Эмигрант (1918). С 1940 жил в США.

⁷¹ Скобелев Матвей Иванович (28.10.1885 – 29.7.1938) – депутат IV Государственной думы от русского населения Закавказья. Из купеческой семьи. Купец 2-й гильдии. Учился в Бакинском реальном училище, исключен за участие в забастовке учащихся. Сдал экзамен за курс училища экстерном. В революционном движении с 1903, меньшевик. В IV Государственной думе один из руководителей социал-демократической фракции. После ее раскола в ноябре 1913 – член меньшевистской фракции. Член-заместитель Совета старейшин. Масон: введен в думскую ложу ВВНР депутатом-масоном Н.С. Чхеидзе. В качестве представителя Исполкома вошел в состав ВК ВКГД. Член бюро Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (с 13.4.1917). Министр труда Временного правительства (5.5 – 5.9.1917). На I Всероссийском съезде Советов избран заместителем председателя ВЦИК. Депутат Учредительного собрания. С 1920 жил в Париже. Неофициальный торговый представитель РСФСР во Франции. Уполномоченный Наркомата внешней торговли (1921 – 1925). С 1922 – член РКП (б). В 1925 вернулся в Россию, работал в советских учреждениях. Председатель секции внешней торговли Госплана СССР (1925 – 1926). Член Главного концессионного комитета, председатель концессионной комиссии РСФСР (с июня 1926). Член Коллегии Госплана (в 1926). Работал во Всесоюзном радиокомитете (1936 – 1937). Арестован в 1937. Приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1957.

⁷² Чхеидзе Николай Семенович (псевд. Карло) (9.3.1864 – 7.6.1926) – депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии. Из дворян Кутаисской губернии. Вольнослушатель Новороссийского университета (с 1887), затем некоторое время обучался в Харьковском ветеринарном институте, который покинул во время студенческих волнений (1888). Окончил Горную академию в Австрии, держал экзамен при горном округе в Баку. Входил в группу «Месаме-Даси» («Третья группа»), вместе с ней вошел в РСДРП (1898). Меньшевик (1903). В III Думе входил в социал-демократическую фракцию. Масон (с 1910), член думской ложи. Делегат IV общепартийной конференции РСДРП (Гельсингфорс, ноябрь 1907). Член ОК РСДРП (август 1912). В IV Думе – председатель социал-демократической фракции, а после ее раскола в ноябре 1913 возглавил меньшевистскую фракцию. Член Совета старейшин. Во время Февральской революции вошел в состав Временного Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов; был избран во Временный комитет Государственной думы. Член Исполкома Петроградского Совета и его председатель (27.2 – 31.8.1917). Делегат Всероссийской конференции меньшевиков и объединенных организаций РСДРП (май 1917), избран в ОК. Делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, член ВЦИК I созыва, его председатель (с июня 1917). Депутат Учредительного собрания. Председатель Закавказского Сейма (1918), председатель Учредительного собрания Грузии (1919). Эмигрант (1921). Жил в Париже.

бюджетной комиссии) началась организация бюро представителей Совета рабочих депутатов.

В 2 1/2 часа дня открылось частное совещание членов Государственной думы в Полуциркульном зале. Отмечая серьезность переживаемого момента, председатель Государственной думы указывал на необходимость принять какое-либо определенное решение и предложил по этому поводу высказаться членам Государственной думы. При этом он указал, что вопрос сейчас представляется весьма трудным в виду невыясненности соотношения сил. В это время в зал заседания вбежал стоявший у Таврического Дворца со своей ротой⁷³ капитан Чиколини⁷⁴. Растерянный, он сообщил о происходящем на улицах и просил укрыть его от толпы и солдат. Частное совещание единогласно постановило: Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах. Засим члены Государственной думы обменялись мнениями, причем Некрасов⁷⁵ полагал, что необходимо создать власть, так

⁷³ В черновике – «стоявший вблизи Таврического дворца на охране [1 сл. неразб.]» («Протокол событий». С. 112).

⁷⁴ Чиколини Александр Александрович (1872 – после 1917) – зауряд-капитан 86-й Вологодской дружины Государственного ополчения. Родился в Москве в семье служащего. Учился на юридическом факультете Московского университета. Командир роты, охранявшей 27.2.1917 Таврический дворец. Член Военной комиссии ВКГД (28.2 – 10.5.1917). 4.3.1917 подписывал документы как помощник военного министра, а затем – как управляющий делами ВК ВКГД. В проекте реформы ВК ВКГД, который был предложен 11.3.1917 на заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов группой офицеров-республиканцев, проходил как член основного ядра Комиссии. В ноябре 1917 помощник комиссара Московского военного округа Н.И. Муралова. По непроверенным данным в 1918–1919 служил в ЧК (Lyandres S. *The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution*. Oxford, 2013. P. 70–71).

⁷⁵ Некрасов Николай Виссарионович (21.10.1879 – 7.5.1940) – депутат III и IV Государственной думы от Томской губернии. Из семьи священника. Окончил Институт инженеров путей сообщения (1902). Профессор Томского технологического института. В III Думе входил в конституционно-демократическую фракцию, товарищ (заместитель) председателя фракции. Масон: в феврале 1908 г вступил в ложу французского обряда «Grand orient de France»; мастер-наместник ложи «Северное сияние». Член ЦК партии кадетов, лидер ее левого крыла (1909–1917). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию, товарищ председателя фракции (1912–1915). Товарищ председателя Государственной думы (5.11.1916 – 16.3.1917). Член-заместитель Совета старейшин. Входил в состав бюро прогрессивного блока. Масон: член думской ложи; председатель Конвента 1912, член Конвентов 1913 и 1916; член ВС ВВНР (1910–1918); секретарь ВС ВВНР (1910–1916); предположительно был председателем ВС ВВНР (1912–1917). Член ВКГД (27.2 – 2.3.1917). В разных составах Временного правительства занимал посты министра путей сообщения, министра без портфеля, министра финансов, товарища министра-председателя. На посту министра путей сообщения (2.3 – 2.7.1917) пытался провести реформы, направленные на «демократизацию всего ведомственного строя» и на децентрализацию управления. В период июльского кризиса вышел из партии кадетов. 8 июля стал заместителем (товарищем) министра-председателя Временного правительства. Подал в отставку вслед за А.Ф. Керенским (21.7.1917) в целях получить согласие ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов на вхождение кадетов в состав Временного правительства. Вошел в новое коалиционное правительство как представитель россий-

как таковая отсутствует. По его мнению[,] было бы правильно предоставить эту власть пользующемуся доверием военному начальнику и при нем составить комитет из представителей от Государственной думы. Он указал, что этим лицом мог бы быть генерал от артиллерии Маниковский⁷⁶. Член Думы Караулов⁷⁷ предложил избрать исполнительную комиссию, которой и передать власть. Савич⁷⁸ предложил поручить организацию власти президиуму

ской радикально-демократической партии: с 24.7.1917 – заместитель министра-председателя и министр финансов. В самом начале корниловского движения пообещал полную поддержку А.Ф. Керенскому. С участием Некрасова вечером 27.8.1917 была составлена радиogramма к железнодорожникам, в которой содержался призыв не исполнять распоряжения Корнилова. Вечером 28.8.1917 на заседании Временного правительства поддержал мнение министров А.С. Зарудного и М.И. Терещенко о необходимости отставки А.Ф. Керенского, чтобы предотвратить вооруженное столкновение. Эта позиция привела к отставке Некрасова, которая была официально принята утром 31.8.1917. В первых числах сентября назначен генерал-губернатором Финляндии. После Октябрьской революции жил и работал в Уфе под именем В.А. Голгофского, в Казани (с 1919), служащий Наркомпрода. В марте 1921 арестован, но вскоре освобожден. В 1921–30 – член правления Центросоюза РСФСР и СССР. Н.В. также занимался преподавательской деятельностью. В 1930-х подвергался репрессиям. В 1930 приговорен к 10 годам заключения по делу ЦК РСДРП (меньшевиков), досрочно освобожден в марте 1933. В 1939 вновь арестован. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР (7.5.1940). Реабилитирован в 1991.

⁷⁶ Маниковский Алексей Алексеевич (13.3.1865 – октябрь 1920) – генерал от артиллерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886). Выпущен подпоручиком (ст. 14.8.1884) в 38-ю артиллерийскую бригаду. Поручик (ст. 14.8.1888). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1891). Генерал-лейтенант (пр. 30.7.1911; ст. 31.5.1913). Начальник ГАУ (с 24.5.1915). Генерал от артиллерии (пр. 6.12.1916; ст. 6.12.1916). Помощник военного министра А.И. Гучкова (с 6.3.1917), вр.и.о. управляющего Военным министерством (с 30.4.1917), затем – товарищ военного министра по снабжению. 25 октября 1917 г. был арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства. Вскоре освобожден, 30 октября вернулся к исполнению своих обязанностей. 20 ноября 1917 г. вновь арестован, а 30 ноября 1917 г. вновь освобожден из под ареста. Служил в РККА: начальник Артиллерийского управления, Управления снабжений РККА, член Артиллерийского комитета и Военно-законодательного совета. В ноябре 1919 согласился занять должность уполномоченного Совета военной промышленности на Туркестанском фронте, состоял в распоряжении командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. В октябре 1920 во время поездки по служебным делам погиб при железнодорожной катастрофе близ Харькова.

⁷⁷ Караулов Михаил Александрович (3.11.1878 – 13.12.1917) – депутат II и IV Государственной думы от Терской области. Из семьи зажиточного казака. Окончил филологический факультет Петербургского университета (1901). Сдал выпускной экзамен при Николаевском кавалерийском училище с производством в хорунжий (1902). Подъесаул (1905). Редактор газеты «Казачья неделя». Во II Думе входил в казачью группу. Масон с 1909 – первый наблюдатель ложи «Северное сияние». В IV Думе примыкал к прогрессистам (1-я сессия); входил в группу независимых (2-я сессия). Секретарь казачьей группы. Член Совета старейшин. Член ВКГД (27.2 – 8.3. 1917). Комиссар Временного правительства и ВКГД Терской области. 13 марта избран атаманом Терского казачьего войска. Убит солдатами на станции Прохладная.

⁷⁸ Савич Никанор Васильевич (22.12.1869 – 14.3.1942) – депутат Государственной думы III и IV созывов от Харьковской губернии. Потомственный дворянин. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. В III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября» (в III Думе – секретарь фракции), а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – земец-октябрист. Член Совета старейшин. Комиссар ВКГД в Морском министерстве (с 28.2.1917). Председатель

вместе с секретариатом, а из генералов избрать Поливанова⁷⁹, как более популярного человека. Ржевский⁸⁰ обратил внимание на то, что необходимо торопиться с разрешением вопросов, так как волнение все усиливается. В это время были получены уже сведения, что революционными войсками взят Арсенал, Петропавловская крепость и одиночная Выборгская тюрьма, из которой выпущены все арестанты, и подожжен Окружной суд. Ржевский находил предложение Некрасова пригласить к власти генерала старого правительства неприемлемым и предлагает организовать комитет для сношения с армией и народом. Против предложения Некрасова высказываются также Чхеидзе и Коваленко⁸¹.

Засим председатель Государственной думы был вызван к телефону председателем Совета министров князем Голицыным, который ему сообщил, что им подано прошение об отставке и что Совет министров заседает в Мариинском дворце.

Продолжая обсуждение прерванного вопроса, Дзюбинский⁸² указывает на необходимость взять власть в свои руки совещанию и представителям фракций, о чем тотчас же объявить населению.

военной комиссии ВКГД (1.5 – 13.5.1917). Член ВКГД (с 4.5.1917). В эмиграции (с 1920). В феврале 1921 переехал из Константинополя в Париж.

⁷⁹ Поливанов Алексей Андреевич (4.3.1855 – 25.9.1920) – генерал от инфантерии. Из дворян. Окончил Николаевское инженерное училище (1874). Выпущен подпоручиком (ст. 7.8.1874) во 2-й саперный батальон. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Генерал-лейтенант (пр. 1906; ст. 2.4.1906). Генерал от инфантерии (пр. 10.4.1911; ст. 25.3.1912). Военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (10.9.1915 – 15.3.1916). После Февральской революции председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов. С 1920 в РККА: член Особого совещания при главкоме и член Военно-законодательного совета РСФСР. Военный эксперт во время советско-польских мирных переговоров в Риге, во время которых умер от тифа.

⁸⁰ Ржевский Владимир Алексеевич (10.3.1866 – после 1917) – депутат IV Государственной думы от Московской губернии. Потомственный дворянин. Окончил физико-математический факультет Московского университета. В IV Думе – прогрессист, товарищ председателя фракции (с августа 1915), старший товарищ секретаря Государственной думы (с июня 1913). Член бюро прогрессивного блока от фракции прогрессистов. Масон – член думской ложи. Входил в состав ВКГД (27.2. – 15.6. 1917).

⁸¹ Коваленко Михаил Иванович (8.11.1872 – январь 1919) – депутат IV Государственной думы от Полтавской губернии. Потомственный дворянин Полтавской губернии. Окончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства со званием агронома I степени. В IV Думе сначала беспартийный, а затем входил во фракцию центра. После Октябрьской революции жил на родине. Возглавлял «Союз хлеборобов-собственников». Убит красноармейцами в своем имении в Константиноградском уезде.

⁸² Дзюбинский Владимир Иванович (22.9.1860 – 30.6.1927) – депутат III и IV Государственной думы от Тобольской губернии. Из семьи священника. В III Думе – трудовик, товарищ председателя фракции. В IV Думе – председатель фракции трудовиков. Руководитель сибирской группы. Участник I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (4.5 – 28.5.1917). Член Испол-

В 2 час. 57 мин. в зал заседания возвратился Керенский и обратился с просьбой уполномочить его и Чхеидзе объехать восставшие войска, чтобы объявить им, что Государственная дума солидарна с ними и их поддержит. Это предложение поддерживает Чхеидзе, который настаивает на необходимости свержения старой власти и замены ее новой. Шингарев⁸³ выражает сомнение, признает ли народ эту новую власть. Волков⁸⁴ доказывает, что власть, образованная по проекту Некрасова, не может быть авторитетной в глазах народа. Аджемов⁸⁵ считает необходимым передать власть особому комитету из 10-ти лиц, который будет стоять и над Думой. Этот комитет должен быть уполномочен предпринимать всевозможные меры в переживае-

---

кома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Делегат I Всероссийского съезда трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) (21.6 – 23.6.1917). Избран в ЦК ТНСП. Летом 1917 выехал в Пятигорск. Работал в Пятигорской городской управе и Пятигорском отделении Государственного банка. В 1920 вернулся в Москву. Заведовал Лефортовским архивом, а затем служил в Наркомфине.

⁸³ Шингарев Андрей Иванович (19.8.1869 – 7.1.1918) – депутат II Государственной думы от г. Воронежа, депутат III Государственной думы от Воронежской губернии, депутат IV Государственной думы от г. С.-Петербурга. Отец Ш. принадлежал сначала к липецкому мещанству; позднее к воронежскому купечеству. Окончил естественное отделение физико-математического факультета (1891) и медицинский факультет (1894) Московского университета. Во II – IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. В III и IV Думе – товарищ (заместитель) председателя фракции. В IV Думе – член Совета старейшин. Министр земледелия во Временном правительстве первого состава. Провел закон о хлебной монополии. Министр финансов (5.5. – 2.6.1917). Депутат Учредительного собрания. Арестован большевиками и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости (28.11.1917). В связи с ухудшением здоровья переведен в Мариинскую больницу, где зверски убит ворвавшимися в палату матросами и красноармейцами.

⁸⁴ Волков (2-й) Николай Константинович (25.11.1875 – 30.1.1950) – депутат III и IV Государственной думы от Забайкальской области. Из купеческой семьи. Окончил Московский сельскохозяйственный институт со званием агронома I-го разряда. За участие в Совете военнослужащих Читинского гарнизона (т.н. «Читинская республика», 1905) осужден на 4 месяца заключения на гауптвахте. Член конституционно-демократической партии. В III и IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Товарищ председателя ЦВПК. Избран в ЦК кадетов на VI съезде партии (февраль 1916). Масон, принимал активное участие в деятельности ВВНР: член ложи Н.В. Некрасова (1909 – 1910); член ложи В.А. Степанова (1914 – 1915); член думской ложи (1912 – 1917); член ВС ВВНР (1912 – 1917). Комиссар ВКГД в Министерстве земледелия (с 28.2.1917). Комиссар ВКГД и Временного правительства по Министерству земледелия на правах товарища министра (с 3.3.1917). После октября 1917 участник Белого движения. С 1920 в эмиграции во Франции.

⁸⁵ Аджемов Моисей Сергеевич (25.1.1878 – 31.3.1953) – депутат Государственной думы II созыва от г. Нахичевани и Ростова-на-Дону, III и IV созыва от Области войска Донского. Из купеческой семьи. Окончил медицинский факультет Московского университета со званием врача (1903). Выдержал экстерном экзамен по юридическому факультету Московского университета с дипломом 1-й степени (1904). Член конституционно-демократической партии (с 1905). Во II – IV Государственной думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Комиссаром ВКГД по Министерству юстиции (28.2 – 3.3.1917). Член Совета старейшин Государственной думы от фракции кадетов (8.3.1917). С 22.3.1917 член Юридического совещания при Временном правительстве, а затем – Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию. Затем переехал в США, умер в Нью-Йорке.

мое нами время. Милюков⁸⁶ выражает сомнение, насколько такой комитет из 10-ти лиц мог бы диктовать над всеми и в том числе над Государственной думой. Предложение Некрасова он также считал неудобным, а создание новой власти по предложению Чхеидзе и Дзюбинского, в настоящее время преждевременным, так как для этого не настал еще момент. Милюков находил, что предложение Керенского о посещении войск не должно предрешать вопроса о создании власти и полагал ограничиться пока поручением совету старейшин следить за событиями, поддерживать контакт с борющимися организациями и принять своевременно необходимые меры. Алмазов⁸⁷ указывал на невозможность откладывать решения и вести выжидательную политику. Дзюбинский полагал, что иного выхода кроме создания новой власти нет и у Государственной думы быть не может и предлагал взять эту власть самой Государственной думе, которая должна объявить себя Учредительным Собранием. Это предложение поддерживает князь Мансырев⁸⁸, но Савич возражает им, замечая, что толпа дать этой власти Государственной думе не может, что Государственная дума для народа представляет последнее убежище и что если она сделает какой либо незаконный шаг, то она не может быть законодательным учреждением, тогда она больше не Государственная дума. Янушкевич⁸⁹ указывает на обязанность Государственной ду-

---

⁸⁶ Милюков Павел Николаевич (15.1.1859 – 31.3.1943) – депутат III и IV Государственной думы от г. Санкт-Петербурга. Потомственный дворянин. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). Преподавал в Московском университете: приват-доцент (1886), магистр русской истории (1892), уволен из университета за «вредное влияние на молодежь» (1895), выслан в Рязань (1895–1897), выехал за границу. Один из основателей партии конституционных демократов, ее идеолог и лидер в 1906–1917 гг. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Член Совета старейшин. Член ВКГД (с 27.2.1917). Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. Депутат Учредительного собрания. С 1918 в эмиграции.

⁸⁷ Алмазов Василий Иванович (1.3.1857 – после октября 1917) – депутат IV Государственной думы от Саратовской губернии. Из крестьян. Окончил медицинский факультет Казанского университета (1881). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию.

⁸⁸ Мансырев Серафим Петрович (11.3.1866 – 14.2.1928) – депутат IV Государственной думы от г. Рига. Князь. Потомственный дворянин Тамбовской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав (1888). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию, с августа 1915 г. – во фракцию прогрессистов. Принимал участие в работах Комиссии по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов. 1.3.1917 назначен комиссаром ВКГД в воинских частях, расквартированных в Петрограде. Комиссар ВКГД на Западном фронте (с 19.3.1917). Комиссар ВКГД и Временного правительства на Румынском фронте и в Бессарабской губернии (с 6.4.1917). После октября 1917 г. эмигрировал. Жил в Эстонии.

⁸⁹ Янушкевич Николай Осипович (29.11.1886 – после марта 1918) – депутат IV Государственной думы от Ковенской губернии. Крестьянин. Окончил в С.-Петербурге Введенскую классическую гимназию (1904). В IV Думе входил в трудовую группу. Член Совета старейшин. Член Бюро Совета представителей национальностей Государственной думы (март 1917). Введен во ВЦИК как

мы быть солидарной с революционным народом и войском, ибо иного пути для нее уже нет. Князь Шаховской⁹⁰ находит, что, хотя Государственная дума распущена, но что совещание ее с представителями фракций может избрать членов комитета, которому можно передать власть. Шульгин⁹¹ говорил, что следует помнить, что нельзя обещать того, чего нельзя исполнить: ведь согласитесь, что мы не можем быть солидарными во всем с восставшей частью населения. Представьте, что восставшие пожелают окончить войну, мы на это согласиться не можем. Мы можем принять либо предложение Некрасова, либо первое предложение Дзюбинского о передаче власти совещанию с представителями фракций.

Председатель Государственной думы просил совещание торопиться с принятием решения.

Частное совещание членов Государственной думы пришло к заключению о необходимости избрать Временный комитет из членов совещания Государственной думы и из представителей фракций по одному от каждой (кро-

---

представитель партии социалистов-народников Литвы (июнь – октябрь 1917). После Октябрьской революции остался в Советской России. Делегат IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (14.3 – 16.3.1918); избран членом ВЦИК.

⁹⁰ Шаховской Константин Михайлович (7.1.1869 – 1942) – депутат IV Государственной думы от Псковской губернии. Князь. Потомственный дворянин Псковской губернии. Окончил Новгородское реальное училище. В IV Думе – член фракции русских националистов и умеренно-правых, а с августа 1915 входил в группу П.Н. Балашева. Член Совета старейшин. После окт. 1917 участник Белого движения. Служил по ведомству Министерства внутренних дел в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Капуртало». Летом 1920 находился на Принцевых о-вах. Затем эмигрировал в Эстонию.

⁹¹ Шульгин Василий Витальевич (1.1.1878 – 13.2.1976) – депутат II, III и IV Государственной думы от Волынской губернии. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Киевского университета (1900). Во II Думе входил в группу правых и умеренных. В III Думе входил во фракцию правых (с 18.2.1908 член бюро); в середине марта 1911 перешел в русскую национальную фракцию. Член Всероссийского национального клуба (с 1909), Совета клуба ВНС (1910), Главного совета ВНС. Действительный член «Русского собрания» (1910 – 1913); входил в состав его Совета (7.3.1910 – 24.4.1911), 2-й товарищ председателя (8.3.1910 – 12.2.1911). Участвовал в деятельности Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела, член Комиссии по составлению «Книги русской скорби» и «Летописи погромов смутных 1905–1907 годов». В IV Думе входил во фракцию русских националистов и умеренно-правых, с 13.8.1915 – товарищ председателя фракции прогрессивных националистов. Член Совета старейшин. Член бюро прогрессивного блока от фракции прогрессивных националистов. Редактор газеты «Киевлянин» (1913 – 1919). Член ВКГД (с 27.2.1917). Вместе с А.И. Гучковым ездил в Псков к императору Николаю II и принял Манифест об его отречении от престола в пользу великого князя Михаила Александровича (2.3.1917). Участник совещания (3.3.1917) в Петрограде с великим князем Михаилом Александровичем, в результате которого последний отказался от восприятия верховной власти впредь до решения Учредительного собрания; принимал участие в подготовке и редактировании акта Михаила Александровича. После прихода большевиков к власти активный участник Белого движения: один из организаторов Добровольческой армии. В 1920 эмигрировал вместе с войсками П.Н. Врангеля в Турцию. В 1944 был арестован в Югославии и депортирован в СССР, осужден. В 1956 освобожден.

ме правых групп)⁹² из входивших в прогрессивный блок, и возложить на него обязанность следить за развитием событий и принимать соответственные меры вплоть до принятия на себя всей исполнительной власти, если бы это оказалось необходимым. Избрание Временного комитета, число входящих в его состав членов и ближайшее определение его функций частное совещание возложило на Совет старейшин.

Для выполнения возложенной на Совет старейшин задачи был объявлен перерыв, во время которого Совет старейшин избрал из своей среды Временный комитет Государственной думы⁹³ из 12-ти членов. В состав этого комитета вошли: председатель Государственной думы Родзянко⁹⁴, товарищ⁹⁵ председателя Некрасов, секретарь Государственной думы Дмитриуков⁹⁶, старший товарищ секретаря Г[осударственной] д[умы]. Ржевский и члены Государственной думы: Коновалов⁹⁷, Керенский, Караулов, Львов 2-й⁹⁸, Миллюков, Шидловский 1-й⁹⁹, Шульгин и Чхеидзе.

⁹² Скобки проставлены в «Протоколе заседаний» от руки черными чернилами.

⁹³ Полное название – «Временный комитет Государственной думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями».

⁹⁴ Родзянко Михаил Владимирович (9.2.1859 – 19.1.1924) – депутат Государственной думы III и IV созывов от Екатеринославской губернии. Потомственный дворянин. Окончил Пажеский корпус (1877). В 1905 создал в Екатеринославе «Народную партию Союза 17-го октября», которая затем примкнула к «Союзу 17 октября». Член ЦК партии октябристов (с 1905) и участник всех съездов партии. Член Государственного совета по выборам от Екатеринославского земства (21.4.1906 – 31.10.1907), входил в группу центра. В III Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», товарищ председателя, председатель бюро фракции (с 1910). Председатель Государственной думы (с 22.3.1911). В IV Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Председатель Государственной думы. Член Совета старейшин. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (17.8.1915). Один из лидеров прогрессивного блока. В дни Февральской революции возглавил ВКГД (с 27.2.1917). Участник совещания (3.3.1917) в Петрограде с великим князем Михаилом Александровичем, в ходе которого настаивал на его отказе от восприятия верховной власти. Принимал участие в Белом движении. В 1920 эмигрировал, жил в Югославии.

⁹⁵ В черновике на этом текст обрывается; в подстрочнике указывается: «Текст утрачен» («Протокол событий». С. 115).

⁹⁶ Дмитриуков Иван Иванович (20.12.1871 – не ранее августа 1918) – депутат III и IV Государственной думы от Калужской губернии. Потомственный дворянин Калужской губернии. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). В III и IV Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Секретарь IV Государственной думы (20.11.1912 – 6.10.1917). Член ВКГД (с 27.2.1917). С 1917 член радикально-демократической партии. В начале августа 1918 выехал из Петрограда на Юг России.

⁹⁷ Коновалов Александр Иванович (17.9.1875 – 28.1.1949) – депутат IV Государственной думы от Костромской губернии. Из купеческой семьи. Учился на естественном отделении физико-математическом факультете Московского университета (1894–1895), но курса не кончил. Обучался в профессионально-технической школе прядения и ткачества в Мюльгаузене (Эльзас, Германия) (1895 – 1897), по окончании которой проходил практику на предприятиях Эльзаса. С 1897

Засим было сделано предложение объявить избранный состав Комитета немедленно Временным правительством. П. Н. Милюков возразил на это, что задача Комитета временная и специальная; при выборе же состава правительства нужно будет руководиться другими соображениями, вследствие чего и состав будет, вероятно, несколько иной. Собрание согласилось с этим. Таким образом[,] первоначальной своей задачей Комитет поставил «водворение порядка в г. Петрограде и сношение с организациями и лицами».

Во время этого заседания совещания с представителями фракций к председателю Государственной думы обратился по телефону великий князь Михаил Александрович¹⁰⁰ с просьбой назначить ему место для переговоров.

председатель семейной фирмы (текстильные фабрики в Кинешменском уезде Костромской губернии). В ноябре 1905 выступил одним из организаторов торгово-промышленной партии, затем перешел в партии мирного обновления. В IV Думе вошел во фракцию прогрессистов, член бюро фракции (с августа 1915). Товарищ председателя Государственной думы (октябрь 1913 – 13.5.1914). Член ЦК партии прогрессистов (ноябрь 1912). Масон: входил в думскую ложу, член ВС ВВНР (с 1912). Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Один из организаторов прогрессивного блока. Член ВКГД (27.2 – 2.3; 16.6 – 25.9.1917). Министр торговли и промышленности Временного правительства (2.3 – 18.5.1917). Министр торговли и промышленности и заместитель министра-председателя Временного правительства (25.9 – 25.10.1917). Во время Октябрьской революции арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден в январе 1918. Эмигрант. Жил во Франции.

⁹⁸ Львов (2-й) Владимир Николаевич (2.2.1872 – 20.9.1930) – депутат III и IV Государственной думы от Самарской губернии. Потомственный дворянин. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета. Член партии «Союз 17 октября». Принимал участие в создании отделений «Союза 17 октября» в Самаре и Самарской губернии. В III Думе входил во фракцию «Союза 17 октября» (в апреле 1910 вышел из нее), затем – в Русскую национальную фракцию (4-я сессия) и группу независимых националистов (5-я сессия). В IV Думе входил во фракцию центра (председатель). Член Совета старейшин. Член бюро прогрессивного блока от фракции центра. Член ВКГД (27.2 – 2.3.1917). Обер-прокурор Св. Синода в первом и втором составах Временного правительства (2.3 – 21.7.1917). В октябрьские дни 1917 находился в г. Бугуруслане. Политической деятельностью не занимался. В 1920 эмигрировал сначала в Японию, а затем – во Францию. В 1921 примкнул к «сменовеховству», признал советскую власть и в 1922 вернулся на родину. Работал в Высшем церковном управлении. Арестован 2.2.1927 и выслан в Томск. В Томске работал на платных курсах иностранных языков. 20.2.1930 арестован, умер в больнице Томского изолятора специального назначения.

⁹⁹ Шидловский (1-й) Сергей Иллиодорович (16.3.1861 – 7.7.1922) – депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. Потомственный дворянин. Окончил Александровский лицей (1880). Директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия (30.9.1905 – 22.4.1906). В III Думе входил во фракцию «Союза 17 октября». Товарищ председателя III Думы (30.10.1909 – 29.10.1910). В IV Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – в группу «Союза 17 октября». Член Совета старейшин. Один из лидеров прогрессивного блока, председатель его бюро (с 4.9.1915). Член ВКГД (с 27.2.1917). С 1920 в эмиграции, жил в Эстонии, работал в Министерстве юстиции.

¹⁰⁰ Михаил Александрович (22.11.1878 – 13.6.1918) – великий князь, младший брат Николая II, в 1899 – 1904 гг. наследник престола. В годы первой мировой войны командир Кавказской туземной дивизии, а затем Кавказского корпуса. 3.3.1917 после отречения Николая II отказался от восприятия верховной власти в пользу Учредительного собрания. Жил в частном доме в Гатчине. После отражения похода

Было установлено эти переговоры вести в Мариинском дворце в присутствии товарища председателя Некрасова, секретаря Государственной думы Дмитрия и члена Государственной думы Савича.

В 5 часов возобновилось частное совещание членов Государственной думы, которому доложено было постановление Совета старейшин об избрании членов Временного комитета. Член Думы Вершинин¹⁰¹ предложил, чтобы члены Государственной думы все без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем. Это предложение было принято единогласно, после чего частное совещание было закрыто.

В 5 1/2 час. дня список членов Временного комитета был расклеен по улицам и это обстоятельство внесло некоторое успокоение в городе. К этому времени под усиленным конвоем был доставлен в здание Таврического дворца председатель Государственного совета Щегловитов¹⁰². По распоряжению члена Государственной думы Керенского он был временно помещен в павильон министров при Государственной думе, причем Керенским же ему было объявлено, что он лишен свободы.

Краснова-Керенского был арестован. 13.11.1917 Петроградский ВРК разрешил Михаилу Александровичу вернуться в Гатчину. 18.2.1918 выслан в Пермь. Расстрелян большевиками.

¹⁰¹ Вершинин Василий Михайлович (11.1.1874 – 1946) – депутат IV Государственной думы от Томской губернии. Окончил Барнаульское городское училище. Издатель газет «Жизнь Алтая» (1911 – 1912, 1914 – 1916) и «Алтайская жизнь» (1914, 1916). В IV Думе входил в трудовую группу. Член-заместитель Совета старейшин от фракции трудовиков. После создания Временного правительства избран членом ВКГД. Комиссар ВКГД и Временного правительства по сопровождению отрекшегося от престола императора Николая II из Ставки в Царское село (7.3 – 9.3.1917). Сложил с себя полномочия члена ВКГД в связи с постановлением I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (10.6.1917). Член Президиума VI Всероссийского съезда трудовой группы (19.6 – 21.6.1917). Делегат I Всероссийского съезда трудовой народно-социалистической партии (21.6 – 23.6.1917), избран членом ЦК партии от трудовой группы. В июле 1917 по поручению А.Ф. Керенского ездил в Тобольск, чтобы выяснить возможность размещения в этом городе бывшего Николая II с семьей. Затем сопровождал Николая II и его семью в Тобольск. В сентябре 1917 направлен комиссаром Временного правительства к императрице Марии Федоровне и великим князьям, проживавшим в Крыму. После октября 1917 эмигрировал. Жил в Германии; администратор эсеровской газеты «Дни» в Берлине, затем переехал на жительство в Прагу. Масон: член ложи «Северная Звезда» (1926–1934).

¹⁰² Щегловитов Иван Григорьевич (13.2.1861 – 5.9.1918) – член Государственного совета по назначению. Помещик Черниговской губернии. Окончил Училище правоведения (1881). Министр юстиции (24.4.1906 – 6.7.1915). 1.1.1907 назначен членом Государственного совета, с 1.1.1917 председатель Государственного совета. Входил в правую группу, товарищ председателя (январь – март 1916), председатель (март 1916 – январь 1917). Арестован 27 февраля 1917, содержался сначала в Министерском павильоне, а затем в Петропавловской крепости. После Октябрьской революции оставался в заключении; перевезен в Москву в августе 1918, где расстрелян по решению СНК.

В 7 часов вечера в помещении Таврического дворца состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов. В то же самое время в здании Мариинского дворца имело место свидание великого князя Михаила Александровича с председателем Государственной думы и делегированными членами Думы. Разговор происходил в кабинете государственного секретаря. Великий князь интересовался ходом событий, о чем его и осведомили указанные члены Государственной думы. Вместе с тем они указывали великому князю, что единственным спасением страны является передача власти в другие руки. По настоящему моменту остается передать эту власть Государственной думе, которая сможет образовать правительство, в достаточной мере авторитетное, для успокоения страны. Время не терпит, и если этого не сделать сегодня, то завтра уже может быть поздно.

На это ответил великий князь, что у него нет такой власти, чтобы санкционировать эту меру и что потому решить этот вопрос сейчас представляется невозможным. Вместе с тем великий князь выразил желание переговорить с председателем Совета министров кн. Голицыным. Происходившее в то время заседание Совета министров было прервано и беседа великого князя с кн. Голицыным состоялась в присутствии председателя Государственной думы. Во время этой беседы председатель Государственной думы указал кн. Голицыну, что события дня и полнейшая растерянность правительства повелительно требуют для успокоения Петрограда и дабы предотвратить анархию в стране немедленного удаления от власти всего состава правительства и передачи этой власти Временному комитету Государственной думы. На это кн. Голицын ответил, что им лично подано уже прошение об отставке, но что до получения таковой он не считает себя вправе передать кому[-]либо принадлежащую ему власть. После такого заявления князя Голицына председатель Государственной думы сказал ему, ход событий, по-видимому, будет иметь своим последствием арест всех членов Совета министров.

По окончании этой беседы великий князь возвратился в комнату, где находились члены Государственной думы.

По возобновлении с ними совещания члены Гос[ударственной] думы Савич и Дмитрюков указали великому князю, что течение событий требует отстранения от власти императора Николая II, необходимости принятия на себя регентства великим князем Михаилом Александровичем, на что великий князь ответил, что без согласия государя он этого сделать не может.

Около 9 часов вечера великий князь Михаил Александрович изъявил согласие на предложение, сделанное ему делегацией от Государственной думы, принять на себя власть в том случае, если по ходу событий это окажется совершенно неизбежным. В десятом часу члены Гос[ударственной] думы и председатель покинули Мариинский дворец. Великий князь отправился в Военное министерство, чтобы по прямому проводу переговорить с государем императором и доложить ему о всем происшедшем, но этому его желанию не удалось осуществиться, и переговоры ему пришлось вести с генералом Рузским.

Председатель Государственной думы и сопровождавшие его члены Государственной думы около 10 часов вечера прибыли в Таврический дворец, где доложили Временному комитету о своих переговорах с великим князем Михаилом Александровичем и кн. Голицыным.

В это время было получено сообщение, что толпа и солдаты окружили Мариинский дворец и заперли из него все выходы. Однако, некоторым министрам удалось выйти из дворца и скрыться.

Отсутствие власти, так как министры к этому времени фактически прекратили всякую деятельность, а также непрекращающиеся волнения обязывали Комитет обсудить вопрос, насколько его задачи могут ограничиться первоначальным предположением о возложении на него водворения порядка в Петрограде и сношении с лицами и учреждениями. После длительного обсуждения Комитет пришел к заключению о необходимости взять всю исполнительную власть в свои руки. Перед окончательным решением этого вопроса председатель Государственной думы М. В. Родзянко просил дать ему четверть часа на размышление, чтобы окончательно высказаться по этому вопросу. Он удалился в свой кабинет и, выйдя через некоторое время, сообщил, что с мнением Комитета он согласен. Во время перерыва член Государственной думы Шидловский 1-й¹⁰³ сообщил, что собравшиеся на Миллионной ул. в казармах офицеры Преображенского полка передали ему по телефону, что они решили поддержать Государственную думу, с которой желали бы войти в сношения. Для этой цели Временным комитетом был немедленно командирован к преображенцам член Государственной думы Энгельгардт¹⁰⁴. Оконча-

---

¹⁰³ «1-й» – вписано в подлиннике («Протоколе заседаний») от руки черными чернилами.

¹⁰⁴ Энгельгардт Борис Александрович (7.7.1877 – 2.9.1962) – депутат IV Государственной думы от Могилевской губернии. Потомственный дворянин. Окончил Пажеский корпус (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). В IV Думе – член фракции центра. Осенью 1915 вступил во фракцию земцев-октябристов. Член Особого совещания для обсуждения и объединения

тельное решение о принятии на себя исполнительной власти было принято Комитетом после согласия М. В. Родзянко. В 2 часа ночи Временный комитет объявил, что вся государственная власть переходит к Временному комитету Государственной думы. Вслед за этим Комитет постановил немедленно отрешить от должностей всех министров и главноуправляющих, а также председателя Государственного совета Щегловитова, вице-председателя Государственного совета Дейтриха¹⁰⁵ и государственного секретаря Крыжановского¹⁰⁶.

Приказом Временного комитета Государственной думы обязанности коменданта гор. Петрограда и Таврического дворца, а также командование над революционными войсками были возложены на члена Государственной думы полковника Генерального штаба Энгельгардта. Под его же председательством была образована при Временном комитете Военная комиссия, которая являлась штабом революционной армии. В качестве членов этой Комиссии были принимавшие деятельное участие в революционном движении офицеры различных частей. В состав ее вошли также и делегаты от Совета рабочих депутатов. В ту же ночь было отдано распоряжение о занятии радиотелеграфа и телеграфа, городских телефонов и почт.

мероприятий по обороне государства. В ночь с 27 на 28.2.1917 кооптирован в состав ВКГД, одновременно назначен начальником гарнизона Петрограда, комендантом Петрограда и Таврического дворца. Председатель Военной комиссии ВКГД (28.2 – 1.3.1917, исполнял обязанности по просьбе нового председателя ВК ВКГД А.И. Гучкова до 3.3.1917). Член Военной комиссии под председательством А.А. Поливанова, созданной по приказу военного министра А.И. Гучкова для подготовки проекта реформ в армии (с 4.3.1917). Начальник подотдела сношения с войсками отдела сношения с воинскими частями и провинцией ВКГД (с 16.3.1917). Принимал участие в тайной заговорщической организации «Республиканский центр». После октября 1917 участник Белого движения. С 1920 в эмиграции. Жил в Париже, затем переехал в Ригу. В 1940, с приходом советских войск в Латвию и присоединения ее к СССР, арестован и административно выслан в Хорезмскую область. Работал художником в Хиве, тренером Госконезаводства в Ургенче, агрономом в Ташкенте и на Ташкентском ипподроме. В 1943 просил направить его в Советскую армию для борьбы с фашистами. В 1945 получил паспорт гражданина СССР, а в 1946 ему разрешено вернуться в Ригу. Приехав в Латвию, устроился сначала в Гидрометеослужбу переводчиком французского, английского и немецкого языков; затем – секретарем судейской коллегии на рижском ипподроме.

¹⁰⁵ Дейтрих Владимир Федорович (29.7.1850 – 11.10.1919) – член Государственного совета по назначению. Дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата прав (1873). С 21.9.1905 член Государственного совета, ежегодно назначался к присутствию (1906–1917). С 1.1.1917 вице-председатель Государственного совета. Входил в правый кружок группы центра (1906–1911), затем в группу правого центра. В 1917 беспартийный. Во время Февральской революции арестован. Содержался в Министерском павильоне Таврического дворца, а затем в Петропавловской крепости.

¹⁰⁶ Крыжановский Сергей Ефимович (29.8.1862 – в ночь на 12.1.1935) – государственный секретарь. Из дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата прав (1884). Государственный секретарь (15.10.1911 – 28.2.1917). Член Государственного совета по назначению (1.1.1917), назначен к присутствию (с 1.1.1917). После Февральской революции арестован на короткое время. Допрошен ЧСК. Эмигрант. Жил в Париже с 1920.

Необходимость немедленной организации революционных войсковых частей, требующая от полковника Энгельгардта, как начальника гарнизона, распорядительных действий на местах, вынудила его вскоре отказаться от председательствования в Военной комиссии и от исполнения обязанностей коменданта Таврического дворца. Председателем Военной комиссии вместо Энгельгардта был назначен член Государственного совета по выборам А. И. Гучков¹⁰⁷, а комендантом член Государственной думы Караулов. Градоначальником г. Петрограда Временный комитет назначил профессора Военно-медицинской академии Юревича¹⁰⁸.

В числе органов Военной комиссии при Временном комитете образовался Автомобильный отдел, который ведал нарядами всех реквизируемых в Петрограде легковых и грузовых автомобилей. В течение ночи получались сообщения о возникновении в разных концах города пожаров. Горели полицейские участки и жандармское управление и места заключения. Были получены также сведения о разгроме Мариинского дворца, где помещался Совет министров, и квартира председателя Совета министров, министра внутренних дел и министра

¹⁰⁷ Гучков Александр Иванович (14.10.1862 – 14.2.1936) – член Государственного совета по выборам. Из купеческой семьи. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886). Продолжил образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах (Германия). Крупный предприниматель. Один из создателей партии «Союз 17 октября», председатель его ЦК (1906). Избран членом Государственного совета от промышленности (28.5.1907), сложил полномочия (31.10.1907) в связи с избранием депутатом III Государственной думы от г. Москва. В III Думе – член фракции «Союз 17 октября», ее председатель. Председатель Государственной думы (8.3. – июнь 1910; 29.10.1910 – 14.3.1911). Избран членом Государственного совета от торговли (16.9.1915); входил в группу центра. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения (с 16.9.1915). Председатель ЦВПК (июль 1915 – март 1917). Председатель Военной комиссии ВКГД (1.3. – 3.3.1917). Вместе с В.В. Шульгиным ездил в Псков к императору Николаю II и принял Манифест об его отречении от престола в пользу великого князя Михаила Александровича (2.3.1917). Участник совещания (3.3.1917) в Петрограде с великим князем Михаилом Александровичем. Военный и морской министр в первом коалиционном Временном правительстве. Организатор либерально-республиканской партии (июнь 1917). После октября 1917 финансировал Добровольческую армию. Эмигрант. Жил в Париже.

¹⁰⁸ Юревич Вадим Александрович (15.10.1872 – 26.2.1963) – врач, профессор Военно-медицинской академии. Потомственный дворянин. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1895), ВМА (1899). Доктор медицины (1902). Приват-доцент (1905). Заведующий кафедрой заразных болезней ВМА (11.10.1912). С 1915 г. – ординарный профессор. Вечером 27.2.1917 – председатель Военной комиссии ВКГД. 1.3.1917 начальник ВМА Н.И. Макавеев передал Юревичу исполнение обязанностей начальника Академии. Однако, ВКГД в этот же день назначил его временно исполняющим обязанности Петроградского градоначальника. С 13.5.1917 он исполнял обязанности комиссара Временного правительства над управлением бывшего Петроградского градоначальства. С 9.6.1917 начальник Главного военно-санитарного управления. Эмигрировал в Чехословакию (1920). Работал в Индокитае. Жил в Париже (1934–1946), переехал в Нью-Йорк (октябрь 1946).

императорского двора. Для охраны города были высланы военные патрули, которые всю ночь разъезжали на автомобилях по улицам Петрограда.

В эту же ночь Временным комитетом Государственной думы, по соглашению¹⁰⁹ с Советом рабочих депутатов, была учреждена Продовольственная комиссия в составе 9-ти членов для общего руководства продовольственным делом в Петрограде. Председателем этой Комиссии был назначен член Государственной думы Шингарев¹¹⁰. После образования этой Комиссии в ту же ночь состоялось совещание ее с Временным комитетом Государственной думы, на котором было постановлено усилить охрану продовольственных складов¹¹¹, в виду возникших слухов о возможных попытках со стороны прежней власти уничтожить их.

Засим, Продовольственная комиссия обратилась к населению с воззванием следующего содержания: «ГРАЖДАНЕ ПЕТРОГРАДА. Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов Петрограда и Исполнительного комитета Государственной думы объявляет, что она приняла на себя центральное руководство всем продовольственным делом.

Продовольственная комиссия[,] прежде всего[,] приглашает всех рабочих немедленно стать на работу и все хлебопекарни немедленно приступить к выпечке хлеба и продаже его населению.

Комиссия организует снабжение хлебопекарен мукой и распределение хлеба и обращается с призывом к городским попечительствам с предложением организовать равномерное распределение выпеченного хлеба среди населения. Комиссия приглашает представителей попечительств собраться 28 февраля в 3 часа дня в здании Городской думы, в Александровском зале.

В ближайшем времени Комиссия предполагает поручить дело распределения продовольственных продуктов обывательским комитетам, которые будут выбраны по районам всем населением, достигшим совершеннолетия».

Под этим воззванием имелась следующая подпись:

«Продовольственная комиссия Совета раб[очих] деп[утатов] Петрограда и Исполнительного комитета Государственной думы».

Продовольственная комиссия, за подписью председателя Государственной думы, председателя Комиссии, комиссара по продовольственным делам

---

¹⁰⁹ В черновике – «по согласованию» («Протокол событий». С. 118).

¹¹⁰ Ошибка документа. Председателем Продовольственной комиссии был В.Г. Громан.

¹¹¹ В черновике пропущено – «продовольственных складов» («Протокол событий». С. 118).

члена Государственной думы Востротина¹¹² и особоуполномоченного по покупке хлеба для армии Гаврилова¹¹³, обратилась также с предложением к губернским властям о принятии самых решительных мер к усилению скорейшей доставки хлеба для нужд армии и населения (см. приложение № 1).

В эту же ночь с 27-го на 28-ое Временным комитетом были посланы телеграммы на имя главнокомандующих флотами Балтийского и Черного морей, главнокомандующим армиями Северного, Юго-Западного и Западного фронтов, помощнику главнокомандующего Румынского фронта и главнокомандующему Кавказским фронтом, а также начальнику Штаба Верховного главнокомандующего. Эти телеграммы были следующего содержания: «1) Временный комитет членов Государственной думы сообщает вашему высокопревосходительству, что, в виду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы, и 2) Временный комитет членов Государственной думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. Так же стойко и мужественно, как доселе, армия и флот должны продолжать дело защиты своей Родины. Временный комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений. Пусть и со своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти».

¹¹² Востротин Степан (Стефан) Васильевич (19.12.1864 – 1.5.1943) – депутат III и IV Государственной думы от Енисейской губернии. Потомственный почетный гражданин. Окончил Казанский ветеринарный институт с отличием (1887). В III и IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. На VI съезде партии кадетов избран в члены ее ЦК (февраль 1916). Член советско-думской Продовольственной комиссии (с 28.2.1917)

С 1.3.1917 комиссар ВКГД в Особом совещании по продовольствию. С 12.3.1917 комиссар Временного правительства по Министерству земледелия на правах товарища министра. Член Общегосударственного продовольственного комитета (с 15.3.1917). В начале 1918 приехал на Дальний Восток и вошел в состав ближайшего окружения управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата. В июне 1918 вошел в Деловой кабинет генерала Хорвата в качестве министра торговли и промышленности. Эмигрировал в Манчжурию (в начале 1920). Жил в Харбине. В 1927 выехал во Францию.

¹¹³ В черновике ошибочно – «Гаврикова» («Протокол событий». С. 118).

Одновременно Комитет обратился с воззванием к населению и армии следующего содержания:

«Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желанием населения и могущего пользоваться его доверием».

Другое воззвание было обращено к жителям Петрограда; оно было составлено в следующих выражениях: «Временный комитет Государственной думы обращается к жителям Петрограда с призывом во имя общих интересов щадить государственные и общественные учреждения и приспособления, как[-]то: телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи, а также правительственные места и учреждения. Равным образом Комитет Государственной думы поручает охране граждан заводы и фабрики как работающие на оборону, так и общего пользования. Необходимо помнить, что порча и уничтожение учреждений и имуществ, не принося никому пользы, причиняют огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужна вода, свет и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равным образом имущества частных лиц. Пролитие крови и разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших эти действия, и могут принести, кроме того, неисчислимы бедствия всему населению столицы».

В ту же ночь Временный комитет постановил, впредь до образования нового правительства, назначить для заведывания отдельными частями государственного управления комиссаров из состава членов Государственной думы. Комиссарами были назначены: по Министерству внутренних дел – гр. Капнист 2-й¹¹⁴, Масленников¹¹⁵, Ефремов¹¹⁶ и Арэфьев¹¹⁷; по Петроград-

---

¹¹⁴ Капнист (2-й) Дмитрий Павлович (5.6.1879 – 6.7.1926) – депутат IV Государственной думы от Полтавской губернии. Граф. Потомственный дворянин Полтавской губернии. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1903). В IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. 1.3.1917 назначен ВКГД комиссаром в МВД, с 7.3.1917 комиссар ВКГД и Временного правительства по Главному управлению по делам печати. 8.3.1917 назначен Временным правительством председателем Особой комиссии для разрешения вопросов, связанных с ликвидацией Главного управления по делам печати и всех подведомственных ему учреждений. После октября 1917 эмигрировал во Францию.

скому почтамту – Барышников¹¹⁸; по Телеграфному агентству – Гронский¹¹⁹; по Телеграфу – Калугин¹²⁰; по Военному и Морскому министерствам – Савич

¹¹⁵ Масленников Александр Михайлович (1858 – до 17.12.1950) – депутат III и IV Государственной думы от Саратовской губернии. Из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1882). В III и IV Думе – член фракции прогрессистов. 1.3.1917 назначен ВКГД комиссаром в МВД. После октября 1917 эмигрировал. Жил в Германии. По своим взглядам эволюционировал от либерализма к монархизму. Участник Русского монархического съезда в Рейхенгалле (Германия; 1921).

¹¹⁶ Ефремов Иван Николаевич (6.1.1866 – 13.1.1945) – депутат I, III и IV Государственной думы от Области войска Донского. Дворянин. В 1885–1891 учился на физико-математическом факультете Московского университета (8 полугодий), но государственного экзамена не сдал. В I Думе – беспартийный. В III Думе выступил инициатором создания группы прогрессистов, стал председателем бюро этой группы. Член казачьей группы. В IV Думе – член фракции прогрессистов. Член Совета старейшин. Один из организаторов и лидеров прогрессивного блока, член его бюро (авг. 1915); 31.10.1916 заявил о выходе фракции прогрессистов из состава Прогрессивного блока. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Масон: входил в думскую ложу. 1.3.1917 назначен ВКГД комиссаром в МВД. Член ВКГД (6.3 – 5.8.1917). Председатель Общеказачьего съезда (23 – 29.3.1917). Лидер российской радикально-демократической партии, созданной весной 1917. Министр юстиции Временного правительства (11.7 – 21.7.1917); министр государственного призрения (с 24.7.1917); 2-й товарищ председателя Временного правительства, председатель его Малого совета (Совета товарищей министров). В сентябре 1917 вошел в состав совместного ЦК, созданного на партийной конференции, объединившей российскую радикально-демократическую и либерально-республиканскую партии. Чрезвычайный посланник и полномочный представитель Временного правительства в Швейцарии (с 27.9.1917 – начало 1925). Член Парижской группы партии народной свободы и демократической группы партии народной свободы (с 1921). Председатель Общественного комитета помощи голодающим (Швейцария, 1923). Делегат Всемирного конгресса мира (1925). Член Русского академического союза (1925–1926).

¹¹⁷ Арефьев Михаил Иванович (4.1.1864 – после 20.9.1918) – депутат IV Государственной думы от Тверской губернии. Из мещан г. Твери. Окончил юридический факультет Московского университета с дипломом (1899). В IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. 28.2.1917 назначен ВКГД комиссаром в МВД.

¹¹⁸ Барышников Александр Александрович (8.8.1877 – 1924) – депутат IV Государственной думы от С.-Петербурга. Из семьи петербургского купца. Окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения (1898). Архитектор. В IV Думе входил во фракцию прогрессистов (с августа 1915 член ее бюро). 28.2.1917 назначен ВКГД комиссаром по Петроградскому почтамту; затем – комиссар ВКГД и Временного правительства по Главному управлению почт и телеграфов. Вошел в состав Комиссии по организации республиканско-демократической партии; на ее учредительном съезде 8.4.1917 был избран членом ЦК. С 4.7.1917 товарищ министра государственного призрения Временного правительства, с 10.7.1917 управляющий Министерством государственного призрения.

¹¹⁹ Гронский Павел Павлович (22.7.1883 – 2.5.1937) – депутат IV Государственной думы от Тверской губернии. Потомственный дворянин Тверской губернии. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1903). Магистрант по кафедре государственного права, приват-доцент Петербургского университета; профессор административного права Политехнического института. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Избран в ЦК конституционно-демократической партии на ее VI съезде (февраль 1916). Профессор Петроградского университета (с 1917). 28.2.1917 назначен ВКГД комиссаром на Главный телеграф, а 1.3.1917 – по Петроградскому телеграфному агентству. В начале марта комиссар Бюро печати ВКГД. 4.3.1917 назначен комиссаром Временного правительства по ПТА и «Вестнику Временного правительства». На VIII съезде партии кадетов вновь избран в состав ЦК. После октября 1917 активный участник Белого движения. Эмигрировал во Францию. Один из организаторов Русской академической группы во Франции (февраль 1920).

и Савватеев¹²¹; по Министерству земледелия – Волков, Демидов, гр. Капнист 1-й¹²²; по Министерству юстиции – Маклаков¹²³, Аджемов и Басаков¹²⁴; по Министерству торговли и промышленности – Родзянко 2-й¹²⁵ и Ростовцев¹²⁶;

---

¹²⁰ Калугин Михаил Дмитриевич (18.1.1882 – декабрь 1924) – депутат IV Государственной думы от С.-Петербурга. Потомственный почетный гражданин. Окончил Электротехнический институт со званием инженера 1-го разряда. Затем прослушал курс лекций на юридическом факультете Петербургского университета. В IV Думе входил во фракцию прогрессистов, ее секретарь. После выхода фракции прогрессистов из прогрессивного блока вошел в конституционно-демократическую фракцию. 28.2.1917 назначен ВКГД комиссаром на Главный телеграф. 10.4.1917 кооптирован в состав ЦК партии кадетов, на ее VIII съезде избран в состав ее ЦК. После октября 1917 жил в Финляндии.

¹²¹ Савватеев Аристарх Петрович (13.5.1869 – после октября 1917) – депутат Государственной думы от Области войска Донского. Казак станицы Нижнечирская Области войска Донского. Окончил Новочеркасское юнкерское училище (в 1889). Поступил в Московский университет (в 1895), а затем перешел на юридический факультет Университетского отделения лицея цесаревича Николая (окончил в 1898). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию; со 2 сессии – в группу независимых. Член Совета старейшин. 28.2.1917 назначен ВКГД комиссаром в Военное министерство. Председатель Временного Совета Союза казачьих войск. Член ВКГД (с 16.6.1917).

¹²² Капнист (1-й) Ипполит Ипполитович (7.9.1872 – 25.4.1936) – депутат III и IV Государственной думы от Полтавской губернии. Потомственный дворянин. Граф. Окончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства со званием ученого агронома 1-й степени. В III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. 28.2.1917 назначен ВКГД комиссаром в Министерство земледелия. После октября 1917 эмигрировал. Жил во Франции.

¹²³ Маклаков Василий Алексеевич (10.5.1869 – 15.7.1957) – депутат II, III и IV Государственной думы от Москвы. Потомственный дворянин. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894). Сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Московского университета (в 1896). Адвокат. Масон: принят в масонскую ложу в 1901 г. во время своей поездки во Францию. Участвовал в подготовке учредительного съезда конституционно-демократической партии. На II съезде партии кадетов избран в Московский комитет и ЦК партии (январь 1906). В ЦК стоял на правых позициях. Во II, III и IV Думе – входил в конституционно-демократическую фракцию. Комиссар ВКГД по Министерству юстиции (28.2. – 3.3.1917). Член Юридического совещания при Временном правительстве (с 22.3.1917); некоторое время был его председателем. На VIII съезде партии кадетов избран в состав ЦК. Депутат Учредительного собрания. В июле 1917 назначен послом России во Франции. Формально сохранял дипломатический статус до 1924.

¹²⁴ Басаков Виктор Парфенович (16.9.1874 – 4.3.1933) – депутат IV Государственной думы от Черниговской губернии. Потомственный дворянин. Окончил Училище правоведения (1897). Масон: возглавлял «английскую» ложу в Петербурге, которая влилась в 1912 в масонскую организацию «Великий Восток народов России». В IV Думе сначала примыкал к умеренно-правым, а затем вошел во фракцию центра, секретарь фракции. Товарищ секретаря Государственной думы; исполнял обязанности старшего товарища секретаря (с 10.12.1915) и секретаря Думы (с 23.12.1915 по 5.1.1916). Член Совета старейшин. Комиссар ВКГД по Министерству юстиции (28.2. – 3.3.1917). С 9.3.1917 комиссар ВКГД по Особой комиссии при Верховном Совете по призрению раненых и увечных воинов. С 10.3.1917 комиссар ВКГД по учреждениям, подведомственным Верховному совету по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Комиссарские обязанности сдал 15.5.1917 министру государственного призрения Д.И. Шаховскому. После октября 1917 эмигрировал, жил во Франции.

¹²⁵ Родзянко (2-й) Сергей Николаевич (8.5.1878 – 21.11.1949) – депутат IV Государственной думы от Екатеринославской губернии. Потомственный дворянин Екатеринославской губернии. Окончил Александровский лицей (1899). В IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Комиссар ВКГД по Министерству торговли и промышленности (28.2 – 3.3.1917). Комиссар Временного правительства по

по Министерству финансов – Виноградов¹²⁷ и Титов¹²⁸; по Министерству путей сообщения – Бубликов¹²⁹; по Министерству народного просвещения –

Главному управлению государственного коннозаводства (с 4.3.1917). После октября 1917 эмигрировал. Жил во Франции.

¹²⁶ Ростовцев Николай Александрович (4.12.1871 – 30.1.1923) – депутат IV Государственной думы от Орловской губернии. Из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета (1894). В IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Член Совета старейшин. Входил в бюро прогрессивного блока от фракции земцев-октябристов (с августа 1915). Комиссар ВКГД по Министерству торговли и промышленности (28.2 – 3.3.1917). После октября 1917 перебрался в Киев, где работал в Совете промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства. С 1920 – в Екатеринодаре. Товарищ председателя, а затем и председатель Всероссийского союза торговли и промышленности (Протосоюз), управляющий делами Союза москвичей. Эмигрант. Эвакуировался из Севастополя в Константинополь вместе с армией генерала П.Н. Врангеля (1920). Председатель Ликвидационной комиссии (Константинополь), которая распродала свободное имущество Главного командования. Член Русского Совета при главнокомандующем Русской армией генерале П.Н. Врангеле. В 1922 выехал в Сербию.

¹²⁷ Виноградов Владимир Александрович (1874 – не ранее 1927) – депутат III и IV Государственной думы от Астраханской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета (1898). В III и IV Думе – входил в конституционно-демократическую фракцию. Кандидат в члены-заместители Совета старейшин IV Думы. Избран на VI съезде конституционно-демократической партии в ЦК (февраль 1916). Масон, принимал участие в работе ВВНР: член ложи А.А. Демьянова (1911); член Конвента 1912 от С.-Петербурга, член думской ложи (IV Дума); член Петербургского масонского совета; член Конвента 1916. Комиссар ВКГД по Министерству финансов (с 28.2.1917), в Особом совещании по топливу (с 1.3.1917). С 6.3.1917 товарищ министра путей сообщения Временного правительства; комиссар Временного правительства над Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения на правах товарища министра (7.3 – 6.10. 1917), соответствующие полномочия получил от ВКГД (13.3.1917). Избран Уфимским государственным совещанием в состав Уфимской директории заместителем к Н.И. Астрову (23.9.1918). Заместитель председателя Временного всероссийского правительства (с 4.11.1918). Член Государственного экономического совещания при правительстве адмирала А.В. Колчака (лето 1919). Член Народного собрания во Владивостоке и коалиционного кабинета Приморского правительства (1920). В марте 1923 арестован и выслан в Читу.

¹²⁸ Титов Иван Васильевич (18.2.1879 – 18.10.1948) – депутат III и IV Государственной думы от Пермской губернии. Из мещан. Окончил Пермскую духовную семинарию. Рукоположен в священники и определен к Кунгурскому собору (в 1891). В III Думе – независимый, а затем – член фракции прогрессистов, секретарь фракции. Летом 1912 г. подал прошение об освобождении его от священнических обязанностей. В IV Думе входил во фракцию прогрессистов, секретарь фракции. Член Совета старейшин. Комиссар ВКГД в Министерстве финансов (с 28.2.1917). Заведующий Кабинетом его величества, предварительно переданным в ведение Министерства финансов (с 4.3.1917). Комиссар Временного правительства по обследованию хозяйственной части бывшего Министерства императорского двора и уделов. Радикальный демократ (с конца марта 1917). После октября 1917 в эмиграции. Жил во Франции.

¹²⁹ Бубликов Александр Александрович (4.5.1875 – 29.1.1941) – депутат IV Государственной думы от Пермской губернии. Дворянин. Окончил Институт инженеров путей сообщения. В IV Думе входил во фракцию прогрессистов. Вице-председатель ЦВПК. Комиссар ВКГД в МПС (28.2 – 6.3.1917). В числе других комиссаров ВКГД направлен Временным правительством в Могилев для препровождения бывшего царя в Царское село (7.3 – 9.3. 1917). Член ВКГД (с 16.6.1917). После октября 1917 в эмиграции. Жил в Париже, а затем в Нью-Йорке.

Ковалевский¹³⁰; по Правительствующему Сенату – Годнев¹³¹ и по Петроградскому градоначальству – Герасимов¹³² и Пепеляев¹³³. Управляющим делами Временного комитета был назначен начальник Отдела Канцелярии Государственной думы Глинка. Вслед за этим Комитетом Государственной думы выпущено обращение ко всем железнодорожным служащим следующего содержания: «Железнодорожники. Старая власть, создавшая разруху во всех

---

¹³⁰ Ковалевский Евграф Петрович (30.12.1865 – 14.3.1941) – депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. Потомственный дворянин Воронежской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав (1889). В III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Комиссар ВКГД в МНП (с 1.3.1917). Комиссар ВКГД и Временного правительства над учреждениями Ведомства императрицы Марии и заместитель комиссара Человеколюбивого общества (3.3 – 17.5.1917). В 1918 эмигрировал во Францию.

¹³¹ Годнев Иван Васильевич (20.9. 1854 – 29.5.1919) – депутат III и IV Государственной думы от Казанской губернии. Из обер-офицерских детей. Окончил медицинский факультет Казанского университета со званием лекаря (1878). Приват-доцент медицинского факультета Казанского университета (с 1886). В III Думе – беспартийный, а с 3-й сессии входил во фракцию «Союз 17 октября». В IV Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – в группу «Союза 17 октября». Член бюро прогрессивного блока от группы «Союз 17 октября». Комиссар ВКГД в Сенате (28.2 – 2.3. 1917). 3.3.1917 участвовал в переговорах с великим князем Михаилом Александровичем по вопросу об его восшествии на престол или отказе от восприятия верховной власти. Государственный контролер (2.3 – 24.7.1917). После октября 1917 выехал в Уфу.

¹³² Герасимов Петр Васильевич (28.12.1877 – 23.9.1919) – депутат III и IV Государственной думы от Костромской губернии. Потомственный почетный гражданин. Окончил Ярославский Демидовский юридический лицей (1903). Член конституционно-демократической партии, в начале 1906 товарищ председателя, а затем председатель ее Костромского губернского комитета. В III и IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Комиссар ВКГД в Петроградском градоначальстве (28.2 – 1.3.1917). Один из руководителей Отдела поездок депутатов в воинские части при Государственной думе (1.3 – 9.2.1917). 8.3.1917 введен от к.-д. фракции в Совет старейшин IV Государственной думы. Заведующий отделом ВКГД по сношению с войсковыми частями и населением (10.3 – конец июля 1917). После октября 1917 боролся с большевиками. Один из руководителей Петроградского отделения «Национального центра». Арестован и судим под фамилией Греков. Расстрелян.

¹³³ Пепеляев Виктор Николаевич (27.12.1884 – 7.2.1920) – депутат IV Государственной думы от Томской губернии. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Томского университета (1908). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Комиссар ВКГД в Петроградском градоначальстве (с 28.2.1917). Командир порта г. Кронштадта и комиссар Временного правительства по г. Кронштадту (2.3 – 16.5.1917). После октября 1917 по поручению ЦК кадетов вел работу по созданию вооруженных подпольных групп для борьбы с советской властью и большевиками. Член Московского отделения «Национального центра» и «Союза возрождения России». Летом 1918 г. по заданию «Национального центра» и ЦК кадетской партии направлен в Сибирь. Выступал против создания Директории и призывал к установлению военной диктатуры. Председатель Восточного отдела кадетской партии (с 9.11.1918). Один из организаторов колчаковского переворота (18.11.1918). В декабре 1918 вышел из партии кадетов. Директор Департамента полиции и государственной охраны в правительстве Колчака; с конца февраля 1919 товарищ министра внутренних дел Омского правительства; министр внутренних дел (с весны 1919). 10.11.1919 выехал в Иркутск. С 22.11.1919 председатель Совета министров Временного российского правительства (реорганизованного Омского правительства). Расстрелян по приказу Иркутского ВРК вместе с А.В. Колчаком.

областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной думы, взявший в свои руки образование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение родины. Движение поездов должно поддерживаться НЕПРЕРЫВНО, с удвоенной энергией. Страна ждет от вас больше, чем исполнение долга – она ждет подвига. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием роли транспорта для войны и благоустройства тыла». Это объявление было немедленно передано по телефонам по линиям всех железных дорог.

Утром 28 февраля председатель Государственной думы получил от испанского посла письменное извещение, что вооруженные солдаты появились в д. № 75 по Сергиевской улице, где находится Канцелярия Испанского посольства, и проникли в первый этаж в поисках лиц русской национальности, но которых они вместе с тем там не нашли. При этом посол сообщил, что солдаты заявили, что они вернутся для осмотра второго и третьего этажа, где[,] между прочим[,] расположено помещение самого посольства. В виду этого посол просил принять меры, чтобы неприкосновенность помещения Испанского посольства была полостью¹³⁴ соблюдена. По поводу этого письма члену Государственной думы Энгельгардту было отдано распоряжение о том, чтобы немедленно были расставлены караулы для обеспечения неприкосновенности жилищ всех посольств и миссий.

К 10-ти часам утра в Государственную думу стали прибывать войска, присоединяющиеся к революционному движению: Михайловское артиллерийское училище, лейб-гренадеры, 9-й запасный кавалерийский полк и преображенцы; последние прибыли без офицеров. В это время часть из них была уже арестована солдатами. Поставленный об этом в известность председатель Военной комиссии Гучков¹³⁵ с поручиком Небольсиным и штабс-ротмистром Рудневым направились в казармы Преображенского, а также и Волынского полков, где путем увещаний им удалось освободить арестованных офицеров. По просьбе офицеров[-]преображенцев, из Государственной думы за ними были посланы автомобили, на которых они прибыли в Государственную думу.

---

¹³⁴ В «Протоколе заседаний» – «в полностью».

¹³⁵ Председателем Военной комиссии ВКГД А.И. Гучков стал 1 марта.

К воинским частям выходили председатель Государственной думы Родзянко и другие члены Думы, которые призывали к единению армии, народа и Государственной думы для общего дела освобождения Родины от старой власти и от внешнего врага; члены Думы предлагали воинским частям найти своих офицеров, присоединились к Государственной думе¹³⁶, и стать под их команду. Член Думы отец Попов 2-й¹³⁷ с крестом в руках благословлял войска¹³⁸. После этого означенные части возвратились в свои казармы, причем Преображенский полк ушел без своих офицеров, а когда последние прибыли в казармы, то были снова арестованы солдатами. В это же время председатель получил извещение от начальника Николаевского кавалерийского училища, генерала Марченко¹³⁹ о том, что войска и толпа взяли в училище все оружие, причем никакого сопротивления им не было оказано, что юнкера распушены, а нижние чины разошлись и некому охранять имущество училища и семей. Он просил о помощи и охране.

В 12 часов дня было получено донесение, что некоторые министры с председателем Совета министров князем Голицыным укрылись с раннего утра укрылись в здании Адмиралтейства под охраной оставшихся еще верными старому правительству войск в составе 800 штыков при нескольких орудиях и небольшого числа кавалерии, но что в настоящее время эти войска из Адмиралтейства ушли, а вместе с тем скрылись, но неизвестно куда, и министры. Уход их из здания Адмиралтейства объяснялся тем, что из Петропавловской крепости готовились стрелять по Адмиралтейству, в виду чего б[ывший] морской министр Григорович¹⁴⁰, проживавший там, просил их уй-

---

¹³⁶ Слова в «Протоколе заседаний» – «присоединились к Государственной думе» – написаны по-верх зачеркнутых и исправленных – «состоят под командой Государственной думы».

¹³⁷ Попов (2-й) Стефан Александрович (29.7.1864 – после 1917) – депутат IV Государственной думы от Вятской губернии. Из духовного сословия. Окончил Вятскую духовную семинарию. Священник. Придерживался правых взглядов. В IV Думе – член фракции правых, затем секретарь группы независимых правых. Член-заместитель Совета старейшин.

¹³⁸ В «Протоколе событий» этого предложения нет – «Член Думы отец Попов 2-й с крестом в руках благословлял войска». Факт благословления им восставших войск показывает, что фракция правых независимых в лице руководящего его члена принимала участие в Февральской революции.

¹³⁹ Марченко Митрофан Константинович (3.9.1866 – 7.7.1932) – генерал-майор. Образование получил в Училище правоведения (1887). В службу вступил 29.5.1887. Выдержал офицерский экзамен при 2-м военном Константиновском училище (1888). Генерал-майор (пр. 1912; ст. 26.10.1912). Начальник Николаевского кавалерийского училища (с 26.10.1912). Уволен от службы по домашним обстоятельствам 20.3.1917. В 1919 эмигрировал во Францию.

¹⁴⁰ Григорович Иван Константинович (26.1.1853 – 3.3.1930) – адмирал. Дворянин. Родился в семье морского офицера. Окончил Морское училище (1874). Контр-адмирал (28.3.1904). Товарищ морского министра (с 9.2.1909). Вице-адмирал (29.3.1909) Морской министр (с 19.3.1911). Адмирал (27.9.1911). Член Государственного совета по назначению (с 29.12.1913); с 1.1.1914 – 1917 еже-

ти, так как своим пребыванием они навлекают опасность. Засим в течение дня 28 февраля в Государственную думу, по распоряжению Временного комитета, стали доставлять под конвоем арестованных бывших министров, а вместе с тем и арестованных самими солдатами и добровольцами из публики высокопоставленных лиц, полицейских чинов, а также многих других лиц из администрации и политических деятелей правых групп, к аресту коих не имелось ни причин, ни оснований. В числе таких лиц был доставлен митрополит Петроградский и Ладожский Питирим¹⁴¹. Появление его в Таврическом дворце было встречено со стороны солдат и народа враждебно. Навстречу ему вышел член Государственной думы Джафаров¹⁴², который просил окружающих дать митрополиту дорогу и, отнесясь с уважением к его сану, провести его в помещение Временного комитета. Там его встретил член

годно назначался к присутствию в нем. Уволен со службы 31.3.1917. После октября 1917 жил в Петрограде. Сотрудник Петроградского отделения Главного управления Единого государственного архивного фонда (июнь 1919 – 1.1.1920), Морского архива (с 1.1.1920) и Морской исторической комиссии (1920). В 1924 на лечение во Францию, где и остался. Жил в Ментоне, зарабатывая на жизнь продажей своих картин.

¹⁴¹ Питирим (Окнов Павел Васильевич) (28.6.1858 – 21.2.1920) – митрополит Петроградский и Ладожский. Родился в семье священника. Пострижен в монашество с именем Питирим (3.6.1883), рукоположен во иеромонаха (19.6.1883). Окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1883). Ректор Ставропольской духовной семинарии (с 24.3.1890), архимандрит (8.4.1890). С 11.1.1891 ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. С 17.7.1894 епископ Новгород-Северский, с 1896 Тульский и Белевский, с 17.6.1904 Курский и Белгородский, с 1905 Курский и Обоянский. Архиепископ (6.5.1909). С 4.10.1911 архиепископ Владикавказский и Моздокский. С 22.12.1913 архиепископ Самарский и Ставропольский, с 26.6.1914 архиепископ Карталинский и Кахетинского, Экзарх Грузии, член Св. Синода. С 23.11.1915 митрополит Петроградским и Ладожским с правом ношения креста на митре, а также священно-архимандрит Александро-Невской лавры. 28.2.1917 задержан и препровожден в Министерский павильон Таврического дворца. После заявления Питирима о намерении сложить с себя сан митрополита отпущен в Александро-Невскую лавру «на покой». 6.3.1917 уволен на покой. Жил в Пятигорск (до декабря 1918), а затем в Екатеринодар, где и скончался.

¹⁴² В черновике – «Навстречу ему вышел член Государственной думы», а в подстрочнике указывается: «Фамилия неразборчива» («Протокол событий». С. 122). Джафаров Мамед Юсуф (20.3.1885 – 15.5.1938) – депутат IV Государственной думы от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний. Мещанин г. Баку. Окончил юридический факультет Московского университета. В IV Думе – член мусульманской фракции. 27.2.1917 входил в число лиц, которые были назначены ВКГД «для регистрации опроса, задержания или освобождения» (в дальнейшем – комиссия ВКГД по принятию задержанных военных и высших чинов; Высшая следственная комиссия – ВСК); товарищ председателя ВСК; председатель ВСК (4.3 – 5.3.1917). Член Особого Закавказского комитета (с 9.3.1917). Депутат Учредительного собрания. С ноября 1917 комиссар торговли и промышленности Закавказского комиссариата в Тифлисе. После распада Закавказской Федерации министр торговли и промышленности в Азербайджанской Демократической республики (май-июнь 1918), посол в Грузии, министр иностранных дел (1919); старший тов. (первый зам.) председателя парламента АДР (февраль 1920), и.о. председателя 27.4.1920 подписал решение парламента о передаче власти Временному революционному комитету Азербайджана. Работал юристом в различных советских учреждениях (хлопковые и винные тресты).

Государственной думы Вершинин, который объяснил митрополиту, что распоряжения об его аресте Временным комитетом дано не было и что Временным комитетом ему будет немедленно предоставлена, если он пожелает, возможность безопасно вернуться в свою обитель. Митрополит сперва пожелал остаться в Таврическом дворце, вследствие чего член Государственной думы Львов 2-ой¹⁴³ препроводил его в павильон, где находились арестованные министры и другие лица, но засим, после переговоров с членом Государственной думы отцом Крыловым¹⁴⁴, он согласился вернуться в Александроневскую лавру. Перед своим отъездом из Таврического дворца митрополит Питирим подал председателю Государственной думы следующее заявление: «Настоящее мое высокое в церковной иерархии положение меня всегда тяготило, а потому охотно желаю уйти на покой и поселиться или в монастыре, или в частном помещении, вблизи храма Божия и пользоваться врачебной помощью. Непременное желание мое также мне иметь при себе людей по моему выбору, которые бы покоили мою старость. 1917 г., февр[аля] 28».

В виду значительного количества лиц, подвергшихся аресту со стороны населения и солдат, и так как все они доставлялись в Таврический дворец, Временным комитетом были назначены для регистрации опроса, задержания или освобождения члены Государственной думы Пападжанов¹⁴⁵, Джафаров и Кринский¹⁴⁶, а засим была образована и следственная комиссия при участии

---

¹⁴³ «2-ой» – дописано в «Протоколе заседаний» от руки черными чернилами. В черновике – «Львов» («Протокол событий». С. 122).

¹⁴⁴ В черновике – «после переговоров с членами Государственной думы», а в подстрочнике указывается: «Фамилии не указаны» («Протокол событий». С. 122). Крылов Семен Алексеевич (30 января 1875 – после 1931) – член IV Государственной думы от Самарской губернии. Из семьи священника. Окончил Самарскую духовную семинарию (в 1896). В IV Думе входил во фракцию центра. В дни Февральской революции занимался приемом и размещением арестованных царских сановников в Министерском павильоне Таврического дворца. По решению ВКГД и Временного правительства 29.3.1917 командирован в Самарскую губернию. После октября 1917 жил в с. Гусиха (Ивантеевский р-н, Нижневолжский край). Арестован 25.1.1931, тройкой ПП ОГПУ по НВК 12.5.1931 приговорен «за антисоветскую агитацию» к 10 годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 2.8.1989 Саратовской областной прокуратурой.

¹⁴⁵ Пападжанов Михаил Иванович (7.9.1868 – 1930) – депутат IV Государственной думы от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний. Дворянин Эриванской губернии. Окончил юридический факультет Новороссийского университета (1890). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. 27.2.1917 назначен ВКГД вместе с другими депутатами IV Думы «для регистрации опроса, задержания или освобождения» (Высшая следственная комиссия – ВСК); председатель ВСК (27.2 – 3.3.1917). Член Особого Закавказского комитета (9.3 – 12.10.1917).

¹⁴⁶ Кринский Болеслав Иванович (25.10.1871 – после июня 1921) – депутат IV Государственной думы от Черниговской губернии. Потомственный дворянин Черниговской губернии. Окончил юридический факультет Киевского университета (1896). В IV Думе входил во фракцию центра. Член Особого совещания по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и обще-

членов Государственной думы Люца¹⁴⁷ и Маркова 3-го¹⁴⁸. Многие из освобожденных лиц[,] тем не менее[,] просили, ради безопасности своей, оставить их на некоторое время под стражею. По поводу таких арестов Временный комитет счел необходимым объявить, что до сего времени никаких распоряжений об арестах Комитетом не производилось, за исключением распоряжений об аресте б[ывших] министров, и что впредь от имени Комитета аресты будут производиться не иначе, как по особому в каждом случае письменному его распоряжению.

В распоряжение Комитета стали поступать на нужды революции от разных лиц и учреждений значительные суммы денег. Для приема их, выдачи и расходования были назначены в качестве казначеев члены Государственной думы Панкеев¹⁴⁹ и от. Попов 1-й¹⁵⁰.

ственных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны (с 1915). Участвовал в работе ВСК (27.2 – 30.3.1917). В 1920 эмигрировал, до июня 1921 жил в Париже, затем выехал с семьей в Италию.

¹⁴⁷ Люц Людвиг Готлибович (30.11.1880 – 18.11.1941) – депутат II, III и IV Государственной думы от Херсонской губернии. Личный дворянин. Окончил юридический факультет Новороссийского университета (1904). Во II, III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – во фракцию земцев-октябристов. Участвовал в работе ВСК (27.2. – 30.3.1917). После октября 1917 эмигрировал. Жил в Берлине. В декабре 1920 принимал участие в создании Берлинского отделения Русского парламентского комитета.

¹⁴⁸ Марков (3-й) Николай Гурьевич (26.9.1871 – после октября 1917) – депутат IV Государственной думы от Владимирской губернии. Потомственный дворянин. Окончил Московском техническом училище со званием инженер-механика (1897). В IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – член группы «Союз 17 октября». Участвовал в работе ВСК (27.2 – 30.3.1917). Член ВК ВКГД (7.4 – 10.5.1917). Представитель от Государственной думы в ЦК по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях (с 21.4.1917).

¹⁴⁹ Панкеев Николай Матвеевич (2.5.1857 – 1922) – депутат III и IV Государственной думы от Таврической губернии. Личный дворянин. Окончил Рижский политехникум; выдержал экзамен при Михайловском артиллерийском училище. В III и IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию (в III Думе ее секретарь; в III и IV Думе ее казначей). Казначей ВКГД (с 27.2.1917). После октября 1917 жил предположительно в Херсоне. Похоронен на кладбище в Алешках (пригород Херсона).

¹⁵⁰ Попов (1-й) Дмитрий Яковлевич (3.5.1863 – 9.10.1921) – депутат IV Государственной думы от Вологодской губернии. Из семьи священника. Учился в Вологодской духовной семинарии; отчислен из 6 класса семинарии по причине пьянства. Отправлен вологодским епархиальным начальством в монастырь, где излечился от недуга. Настоятель Христо-Рождественской церкви в с. Деревянское Усть-Сысольского уезда Вологодской епархии (с 1888). В IV Думе – примыкал к прогрессистам. Заместитель казначей ВКГД (с 27.2.1917). 7.3.1917 председательствовал на собрании группы петроградских священников, на котором было решено создать Союз православного демократического духовенства («Всероссийский союз демократического духовенства и мирян»), который стоял на откровенно обновленческих позициях. Радикальный демократ (с конца марта–начала апреля). 20.5.1917 выехал на родину. Участвовал в работе I съезда Советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда (август 1917). Сопредседатель Усть-Сысольского уездного продовольственного съезда (январь 1918). Делегат Учредительного съезда Советов Усть-Сысольского

В течение всего дня члены Государственной думы посещали воинские части Петроградского гарнизона в их казармах, стремясь всячески уладить взаимоотношения между солдатами и офицерами¹⁵¹.

Около Петропавловской крепости собралась тысячная толпа¹⁵², которая волновалась, предполагая, что в крепости находятся еще политические преступники. Командированный туда член Временного комитета член Государственной думы Шульгин выяснил, что таковых там не имеется, что там содержались 19 человек солдат, которые выпущены начальником гарнизона. При этом комендант Петропавловской крепости заверил члена Государственной думы Шульгина, что против Государственной думы и перешедших на ее сторону войск со стороны крепости никаких мер принято не будет. Однако, чтобы не было недоразумений, Шульгин вызвал членов Думы Скобелева и Волкова и приказал показать им казематы, дабы они убедились, что действительно никого нет. Осмотрев в мельчайших подробностях всю крепость, Скобелев и Волков вышли к толпе и объявили им, что в Петропавловской крепости никого из арестованных нет и что[,] таким образом[,] не имеется оснований для волнений и что Петропавловская крепость должна быть охраняема, так как там находится Монетный двор.

Через некоторое время около Петропавловской крепости снова собралась толпа, которая волновалась, предполагая, что в крепости еще находятся политические преступники. В виду этого к 12 ч. дня туда прибыли командированные Временным комитетом Государственной думы Пепеляев и Тас-

---

уезда, установившего в уезде советскую власть (середина января 1918), избран комиссаром народного хозяйства. Член партии эсеров. На заседаниях Совета в 1918 изложил программу создания автономной Коми республики в составе Советской России. За антицерковные выступления 4.5.1918 лишен сана священника. Член партии левых эсеров. Делегат V Всероссийского съезда Советов (июль 1918). Встречался с В.И. Лениным, которому передал доклады о лесных богатствах Коми края и об ухтинской нефти. После съезда вышел из партии левых эсеров. Коми-автономист. В 1919 – «сочувствующий» большевикам. Редактор газеты «Зырянская жизнь». Работал в Северодвинском губсовнархозе в г. Великий Устюг (с сентября 1919). Умер от сердечной недостаточности. С разрешения епископа Алексия Великоустюгского и Усть-Вымского погребен по священническому сану.

¹⁵¹ В черновике после этих слов опубликован документ «Гг. офицеры Петроградского гарнизона и все г.г. офицеры, находящиеся в Петрограде», который О.А. Шашкова назвала обращением Военной комиссии ВКГД («Протокол событий». С. 123). В «Протоколе заседаний» этот приказ идет ниже, сразу же после сведений о посылке телеграммы М.В. Родзянко командующему войсками в Москву.

¹⁵² В черновике – «6-тысячная толпа» («Протокол событий». С. 124).

кин¹⁵³ в сопровождении офицера и 50 солдат для охраны Монетного двора. Им был предъявлен коменданту крепости Никитину¹⁵⁴ следующий приказ: «Таврический дворец. Приказ Временного комитета Государственной думы. Гарнизон Петропавловской крепости находится в согласии с Государственной думой и охраняет Арсенал и Монетный двор. Враждебные действия против крепости, а также вход посторонних лиц в крепость воспрещается». Комендант подтвердил заявление, сделанное депутату Шульгину, и сообщил, что гарнизон крепости спокоен, но что вместе с тем надо опасаться наплыва в крепость толпы и разгрома Арсенала, попытки к чему уже были. В это время в крепость ворвалась толпа, которая стала требовать освобождения политических. К собравшимся вышли комендант крепости и члены Государственной думы. Комендант объяснил, что привезенные накануне в крепость 19 солдат Павловского полка уже освобождены и что других политических в Петропавловской крепости не имеется. Засим, к толпе обратился член Государственной думы Пепеляев и объяснил, что крепость присоединилась к перевороту и должна исполнять приказ Государственной думы охранять Арсенал и Монетный двор и что граждане должны подчиниться также этому приказу и покинуть район крепости. В это самое время членам Государственной

---

¹⁵³ Таскин Сергей Афанасьевич (7.9.1876 – 7.7.1952) – депутат II и IV Государственной думы от Забайкальской области. Из казаков Забайкальского казачьего войска. Учился (8 семестров) на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Ездил с образовательной целью в Великобританию, Францию и Германию. Государственный экзамен не сдавал, поскольку в 1902, будучи старостой 4-го курса, арестован за участие в студенческих волнениях, заключен в тюрьму, затем выслан в Сибирь на 3 года под надзор полиции. Во II Думе входил в конституционно-демократическую фракцию и казачью группу. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Один из руководителей Отдела поездок депутатов в воинские части при Государственной думе (1.3 – 9.2.1917). Возглавлял подотдел сношения с войсковыми частями и подотдел сношения с населением (с провинцией) отдела ВКГД по сношению с войсковыми частями и населением (10.3 – 16.3.1917). Комиссар ВКГД и Временного правительства в Забайкальской области (с 16.3.1917). Депутат Учредительного собрания. После октября 1917 боролся против большевиков, входил в окружение есаула Г.М. Семенова, который объявил себя «походным атаманом всех казачьих войск и главнокомандующим русской армией на Дальнем Востоке». Член Временного правительства Забайкальской области (с мая 1918). Позднее вошел в правительство генерала Д.Л. Хорвата (Деловой кабинет) в качестве министра земледелия и государственного имущества (лето 1918). Управляющий Забайкальской области в Чите. Председатель Совета управляющих ведомствами правительства Российской Восточной окраины (январь 1920). Эмигрировал в Китай. Жил в Харбине. Заведующий артельным заводом (до 1926). Директор русской гимназии на ст. Якэши.

¹⁵⁴ Никитин Владимир Николаевич (17.7.1848 – 21.5.1922) – генерал от артиллерии. Окончил Михайловское арт. училище (1868). Генерал от артиллерии (пр. 1910; ст. 6.12.1910). 16.3.1916 назначен комендантом Петроградской крепости, а в 1.1917 одновременно введен в состав Верховного военного суда. 9.4.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После октября 1917 покинул Россию. В эмиграции во Франции.

думы Пепеляеву и Таскину сообщили, что толпа проникла в крепостной арсенал и захватывает оружие. Депутаты кинулись туда и стали убеждать толпу разойтись и не разбирать оружие. Среди толпы были лица, которые призывали не слушать членов Государственной думы и поощряли к захвату оружия. Членам Государственной думы не скоро удалось уговорить толпу разойтись. Значительная часть оружия была расхищена, засим все выходы и входы в крепость были заняты сильным караулом, прибывшим из Таврического дворца, которым были предотвращены новые попытки разгрома арсенала¹⁵⁵.

К концу этого дня¹⁵⁶ стали поступать донесения о подходе к Петрограду воинских частей из его окрестностей, а также и о движущихся по железным дорогам по направлению к Петрограду эшелонах из действующей армии. Распоряжением Военной комиссии на окраинах города, у застав и на вокзалах железных дорог были расположены революционные войска и артиллерия на случай попытки со стороны прибывших команд подавить революционное движение. Помимо этих предупредительных мер Временным комитетом навстречу прибывающим войскам за город были командированы члены Государственной думы, на обязанность коих возлагалось выяснение этим частям событий, происходящих в Петрограде и склонение их перейти на сторону Государственной думы. Все прибывающие воинские части после переговоров с членами Думы с распущенными знаменами и предшествуемые оркестрами музыки, следовали к Государственной думе, где выслушивали приветствия и благодарность за присоединение к революционному движению. С такими речами выступали как члены Государственной думы, так и члены Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁵⁷.

Течение событий, настроение воинских частей из командного состава и народных масс указывали на то, что вопрос об отречении государя Николая II стал¹⁵⁸ совершенно неизбежным¹⁵⁹. Представлялось необходимым

---

¹⁵⁵ Текст от слов «Через некоторое время около Петропавловской крепости» и до слов «предотвращены новые попытки разгрома арсенала» в «Протоколе событий» отсутствует.

¹⁵⁶ В черновике – «к вечеру» («Протокол событий». С. 124).

¹⁵⁷ В черновике после этих слов следует текст, отсутствующий в подлиннике: «Около 3 час. дня Дума была обстреляна из пулеметов из здания напротив. 14 полицейских были сняты и расстреляны в [1 сл. неразб.] переулке». В подстрочнике указывается: «В оригинале текст со слов «около 3 час. ...» помещен на полях документа» («Протокол событий». С. 124). Заметим, что депутат IV Государственной думы Э.П. Беннигсен вспоминал о расстреле только «4-х городских против Думы, в Водопроводном переулке» (Беннигсен Э. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. Париж, 1954. Тетрадь тридцать третья. С. 122).

¹⁵⁸ В черновике – «представлялся» («Протокол событий». С. 124).

кого-либо из членов Комитета послать в Ставку с этой миссией¹⁶⁰, но по получении сведений, что государь выехал из Ставки, этот вопрос был временно отложен до получения сведений о направлении литерного поезда¹⁶¹. Засим этот вопрос был снова поднят, причем высказывалось предположение, что ехать следует председателю Государственной думы¹⁶². Член Временного комитета и председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе заявил, что без Совета рабочих депутатов он разрешить этого вопроса не может. Тем временем было получено донесение, что литерный поезд, в котором следовал государь из ставки по направлению к Петрограду через станцию Бологое, прибыл на станцию Малая Вишера, Николаевской ж[елезной] д[ороги]. Там государь был осведомлен, что станция Госно занята революционными войсками, вследствие чего поезд ушел обратно и, дойдя до станции Бологое, свернул по направлению к станции Дно, где и находится в пути и в настоящее время. Временным комитетом комиссару Бубликову было отдано распоряжение, чтобы по прибытии на станцию Дно литерный поезд был пропущен для дальнейшего следования не в Царское село, а на станцию Псков.

К вечеру член Государственной думы Чхеидзе сообщил Временному комитету, что вопрос о поездке ее председателя к государю с требованием об отречении его от престола обсуждался в Совете рабочих и солдатских депутатов, при чем было решено, что эта поездка может состояться лишь при условии, если в ней будет участвовать он, Чхеидзе, и если в проекте акта отречения не будет указано о передаче престола наследнику Алексею и о регентстве великого князя Михаила Александровича. Поезд должен сопровождать сильный

---

¹⁵⁹ В черновике после этих слов, следует текст, которого нет в подлиннике: «Еще с утра 28 февраля Временный комитет был занят обсуждением этого вопроса [1 сл. неразб.] в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Был составлен проект Акта отречения» («Протокол событий». С. 124).

¹⁶⁰ В черновике вместо слов подлинника («Протокола заседаний») – «Представлялось необходимым кого-либо из членов Комитета послать в Ставку с этой миссией» – следует предложение: «Вместе с тем было предположено, что к государю с этим требованием подписания Акта должен явиться председатель Государственной думы Родзянко с членом Государственной думы Шидловским» («Протокол событий». С. 124–125).

¹⁶¹ В черновике вместо слов подлинника («Протокола заседаний») – «но по получении сведений, что государь выехал из Ставки, этот вопрос был временно отложен до получения сведений о направлении литерного поезда» – следует предложение: «По получении сведений, что государь выехал из Ставки, этот вопрос был отложен ввиду полной неопределенности мест, где можно было бы устроить это свидание» («Протокол событий». С. 125).

¹⁶² В черновике вместо слов подлинника («Протокола заседаний») – «Засим этот вопрос был снова поднят, причем высказывалось предположение, что ехать следует председателю Государственной думы» – следует предложение: «Засим этот вопрос о поездке председателя был снова поднят» («Протокол событий». С. 125).

отряд революционных войск. В случае же неприятия Временным комитетом этих условий поезда для следования председателю Государственной думы Советом рабочих и солдатских депутатов предоставлено не будет.

Засим было получено донесение, что следующие в Петроград для подавления революции эшелоны войск взбунтовались и, сойдя с поезда на станции Луга, объявили себя присоединившимися к Государственной думе и решили никого не пропускать в Петроград, разоружая вместе с тем проходящие через станцию воинские части.

Было также сообщено, что из Ставки, под командой генерал-адъютанта Иванова¹⁶³, вышел с поездом Георгиевский батальон, имея при себе артиллерию. Вместе с тем члену Государственной думы Керенскому была доставлена следующая телеграмма: «Станция Александровская, Северо-Западной жел[езной] дор[оги] Генералу Листовскому¹⁶⁴. Эшелон НР 5601/А¹⁶⁵. Согласно указания штаба фронта вам подчиняется отдельная пулеметная команда кольца¹⁶⁶, – предназначенная передаче [в] Георгиевский батальон. Вверенным вам частям надлежит высадиться с целью соединения [в] Александровской[,] где получить дальнейшие указания от генерал-адъютанта Иванова, прибывающего [в] Царское село около 8 час. вечера 1 марта. Генерал-адъютант Иванов остановится в Царском селе на вокзале, с которым должна быть установлена связь по высадке частей на станции Александровской. Распоряжение о снабжении отряда продовольствием и огнестрельными припасами средства-

---

¹⁶³ Иванов Николай Иудович (22.07.1851 – 11.02.1919) – генерал-лейтенант. Потомственный дворянин Калужской губернии. Окончил Михайловское арт. училище (1869). Выпущен подпоручиком (ст. 12.7.1869) в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду. Генерал-лейтенант (пр. 1901; ст. 6.12.1901). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (19.7.1914 – 17.3.1916). 17.3.1916 назначен состоять при особе е.и.в. 27.02.1917 назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями. После отречения Николая II арестован и 18.03.1917 доставлен в Петроград. Находился под следствием ЧСК, но по личному распоряжению А.Ф. Керенского освобожден по состоянию здоровья. В конце 1917 уехал в Киев. В октябре 1918 принял предложение генерала П.Н. Краснова возглавить Особую Южную армию (Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса), командующим которой назначен 25.10 (7.11). 1918. Умер от тифа в Одессе.

¹⁶⁴ Листовский Антон Эдуардович (17.3.1865 – 13.9.1927) – генерал-майор. Окончил 1-е военное Павловское училище. Выпущен в 66-й пехотный Бутырский полк. Командир 67-го пехотного Тарутинского полка (с 22.4.1915). Командующий бригадой 17-й пехотной дивизии (на 1.8.1916). Генерал-майор (пр. 30.12.1916). Командующий 138-й пехотной дивизией (с 25.4.1917). Затем командовал 37-м армейским корпусом. В декабре 1917 оставил службу. Служил в польской армии. Генерал дивизии (3.11.1921).

¹⁶⁵ В черновике – «НР 5601/СХ» («Протокол событий». С. 126).

¹⁶⁶ В черновике – «пулеметная команда [1 сл. неразб.]» («Протокол событий». С. 126).

ми фронта¹⁶⁷ сделано. Вслед за вторым полком будет отправлена в ваше распоряжение вторая батарея вашей дивизии, которую вам надлежит присоединить к бригаде. О получении сего срочно телеграфируйте. Двинск. 28 февраля. Вахрушев¹⁶⁸».

В 8 час. вечера от члена Петроградского окружного суда Устимовича¹⁶⁹ было получено уведомление о том, что до настоящего времени горит здание Петроградского окружного суда, причем огонь приближается к нотариальному архиву. Несмотря на принятые, по распоряжению Комитета, меры, отстоять архив не удалось, и он погиб в огне.

К председателю Государственной думы обратился по телефону бывший министр юстиции Добровольский¹⁷⁰ с заявлением, что он в настоящее время находится в здании, принадлежащем Итальянскому посольству, но что он готов отдать себя в распоряжение Временного комитета Государственной думы. По этому поводу был отдан приказ «предоставить автомобиль с конвоем для препровождения егермейстера Добровольского из здания Итальянского

¹⁶⁷ В черновике – «средствами [1 сл. неразб.]» («Протокол событий». С. 126).

¹⁶⁸ Вахрушев Михаил Николаевич (5.3.1865 – 27.11.1934) – генерал-майор. Потомственный дворянин Тульской губернии. Окончил 3-е военное Александровское училище (1884). Выпущен в 101-й пехотный Пермский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Генерал-майора (ст. 6.1.1915). И.д. начальника штаба 5-й армии (с 1.1.1917). Начальник штаба Северного фронта (14.5 – 19.9.1917). Генерал-лейтенант (пр. 16.8.1917). Отчислен от должности с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа за болезнью (19.9.1917). Принимал участие в Белом движении. Прибыл в Добровольческую армию в 1918. Генерал для поручений при помощнике главнокомандующего Добровольческой армией (с 18.10.1918). Начальник штаба войск Киевской области (сентябрь – октябрь 1919). Эвакуирован в 1920 из Новороссийска в Константинополь. В эмиграции проживал в Сараево.

¹⁶⁹ Устимович Петр Митрофанович (1867–1931) – член Петербургского окружного суда. Получил высшее образование. С 1887 занимался литературной деятельностью. С 1906 товарищ прокурора Петербургского окружного суда. С 1911 внештатный сотрудник Пушкинского дома. С 1918 делопроизводитель Севкомбежа и заведующий юридической консультацией для возвращающихся из плена. Контролер Комиссии по расследованию злоупотреблений в Петрокомпроде по отделу общего питания. 28.5.1919 арестован во время массовых арестов заложников, 9.7.1919 отправлен в Москву и заключен в Новопесковский концлагерь. 12.9.1919 приговорен как «бывший потомственный дворянин и юрист» к заключению в концлагерь до конца гражданской войны, освобожден по амнистии в конце декабря 1919. С 1922 в штате Пушкинского дома, с 1923 ученый секретарь и член Особого совещания по научно-художественной охране пушкинского заповедника. 11.6.1927 арестован как участник контр-революционной организации. 15.7.1927 приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. В июне 1930 освобожден и вернулся в Ленинград.

¹⁷⁰ Добровольский Николай Александрович (10.3.1854 – 21.10.1918) – министр юстиции. Из дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1874). Министр юстиции (с 20.12.1916). Арестован 28.2.1917. Содержался в Министерском павильоне Таврического дворца, а 3.3.1917 переведен в Петропавловскую крепость. Допрашивался ЧСК. В августе 1917 освобожден, выехал на Северный Кавказ. Арестован в Кисловодске большевиками как заложник и убит в Пятигорске по постановлению ЧК.

посольства в помещение Таврического дворца». В девятом часу вечера Добровольский был доставлен в Таврический дворец и помещен в Министерском павильоне. В то же самое время был арестован домашним арестом бывший министр путей сообщения Войновский-Кригер¹⁷¹. Таким образом[,] представлялось возможным комиссару Бубликову пользоваться услугами Кригер-Войновского по ведомству Министерства путей сообщения¹⁷².

В 11 час. 30 мин. вечера¹⁷³ в Таврический дворец явился через председательский подъезд бывший министр внутренних дел Протопопов¹⁷⁴. Распоряжения об его аресте Временный комитет не решался делать, так как сильное против него возбуждение не давало гарантии, что он может быть доставлен живым. Его разыскивали¹⁷⁵ в течение всего дня отряды добровольцев. Войдя в подъезд, Протопопов просил студента указать ему, где помещается Временный комитет. Уведомленный об этом член Государственной думы Вершинин встретил его и проводил. Навстречу ему вышел член Государственной думы Керенский, которому Протопопов заявил, что он явился добровольно и

---

¹⁷¹ Войновский-Кригер (Кригер-Войновский) Эдуард Брониславович (6.3.1864 – 3.1.1933) – министр путей сообщения. Дворянин. Окончил Технологический институт в С.-Петербурге (1886) и Институт инженеров путей сообщения (1889). Товарищ министра путей сообщения (15.4.1916 – 28.12.1916), министр путей сообщения (28.12.1916 – 28.2.1917). 28.2.1917 арестован в своем кабинете комиссаром ВКГД А.А. Бубликовым. 2.3.1917 освобожден. Член правления и председатель Владикавказской железной дороги (с мая 1917). После октября 1917 остался на некоторое время в Советской России. Выехал в Ростов в июне 1918, а затем в Новороссийск вместе с правлением Владикавказской железной дороги. С 1920 в эмиграции. Жил с 1927 во Франции. Председатель Федерации русских инженеров за границей (с 1931). Затем переехал в Германию.

¹⁷² Данный абзац в «Протоколе событий» отсутствует.

¹⁷³ Ошибка в документе. А.Д. Протопопов явился в Таврический арест в 11 час. 15 мин. вечера (Арест А.Д. Протопопова // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография Т-ва А.С. Суворина – «Новое время»). На эту ошибку обратила внимание О.А. Шашкова при публикации «Протокола событий» («Протокол событий». С. 126).

¹⁷⁴ Протопопов Александр Дмитриевич (18.12.1866 – 27.10.1918) – депутат III и IV Государственной думы от Симбирской губернии, министр внутренних дел. Потомственный дворянин Симбирской губернии. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1885). Выпущен корнетом в л.-гв. Конно-Гренадерский полк (август 1885). В III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – земец-октябрист. Товарищ председателя IV Думы (с 20 мая 1914). Член Особых совещаний: для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения, для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом, для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (с 1915). С 16.9.1916 управляющий министерством внутренних дел, а с 20.12.1916 по 28.2.1917 министр внутренних дел. 28.2.1917 добровольно явился в Таврический дворец, помещен под арест в Министерский павильон Таврического дворца; отказался от звания члена Государственной думы. С 1.3.1917 по сентябрь 1917 содержался в Петропавловской крепости. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. После октября 1917 в связи с версией о «ненормальности» переведен в лечебницу для нервных больных. Отправлен в Москву (лето 1918). Расстрелян в порядке «административного усмотрения» по решению ВЧК.

¹⁷⁵ В черновике – «Кроме того, его разыскивали» («Протокол событий». С. 126).

передает себя в распоряжение Временного комитета. Керенский ему ответил, что он арестован, велел приставить часовых, запретил с ним всякие разговоры и сделал распоряжение о помещении его в павильон министров при Государственной думе. Появление Протопопова вызвало в публике сильное движение. Через некоторое время из павильона министров Протопопов прислал председателю Государственной думы следующее заявление: «Его Высокопревосходительству председателю Государственной думы. Сим имею честь заявить, что я считаю себя обязанным сложить свои полномочия как члена Государственной думы. Член Государственной думы Александр Протопопов. 27 февраля ¹⁷⁶1917 г.»¹⁷⁷.

В Москву командующему войсками¹⁷⁸ была послана следующая телеграмма: «Правительства в Петрограде не существует. Министр внутренних дел арестован. Правительственная власть временно принята комитетом членов Государственной думы под моим председательством. Предлагаю вашему высокопревосходительству подчиниться комитету. Прошу немедленно сообщить мне положение Москвы. За допущение кровопролития будете отвечать своей головой. Гарнизон Петрограда признал власть Комитета. Председатель Государственной думы Родзянко»¹⁷⁹.

Засим Временный комитет отдал приказ следующего содержания: «Гг. офицеры Петроградского гарнизона и все гг. офицеры, находящиеся в Петрограде.

Комитет Государственной думы приглашает всех гг. офицеров, не имеющих определенных поручений Комиссии¹⁸⁰, явиться 1 и 2 марта, от 10 час.

¹⁷⁶ Ошибка, которая присутствует и в «Протоколе событий», и в «Протоколе заседаний». Под заявлением Протопопова должна была стоять дата 28 февраля 1917 г.

¹⁷⁷ После этих слов в черновике помещено сообщение о депутации от царкосельского гарнизона, прибывшей в Таврический дворец («Протокол событий». С. 126–127), которое дано в «Протоколе заседаний» после приказа ВКГД и ВК ВКГД «Гг. офицеры Петроградского гарнизона и все гг. офицеры, находящиеся в Петрограде».

¹⁷⁸ Телеграмма была послана командующему войсками Московского военного округа И.И. Мрозовскому. Мрозовский Иосиф Иванович (14.12.1857 – 16.9.1934) – генерал от артиллерии. Из дворян Гродненской губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1877). Выпущен подпоручиком (ст. 22.5.1877) в 34-ю полевую артиллерийскую бригаду. Генерал-лейтенант (пр. 6.12.1907; ст. 6.12.1907). Генерал от инфантерии (пр. 14.4.1913; ст. 6.12.1913). Переименован в генерала от артиллерии (26.1.1914). 2.9.1915 назначен командующим войсками Московского военного округа. Во время Февральской революции 1.3.1917 посажен под домашний арест, а 10.3.1917 уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После октября 1917 уехал на юг России. Эвакуирован в Галлиполи. Участник Рейхенгалльского монархического съезда в 1921. Жил в Ницце. Один из руководителей Общества единения русских в Ницце.

¹⁷⁹ В «Протоколе событий» этой телеграммы нет.

¹⁸⁰ Речь идет о Военной комиссии ВКГД.

утра до 6 час. вечера, в зал Армии и Флота для получения удостоверений на повсеместный пропуск и точной регистрации, для исполнения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа для охраны столицы.

Промедление явки гг. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания.

Обращаясь к гг. офицерам с настоящим объявлением, Военная комиссия указывает, что в данный момент, перед лицом врага, стоящего у сердца Родины и готового пользоваться ее минутной слабостью, настоятельно необходимо проявить все усилия к восстановлению организации военных частей.

Только в этом сила нашей армии и залог окончательного торжества. Кровь наших товарищей, легших костью за два с половиною года войны, нас обязывает.

Не теряйте, гг. офицеры, ни минуты драгоценного времени».

Под этим приказом следуют следующие подписи:

Военная комиссия Временного комитета Государственной думы. Председатель Государственной думы М. Родзянко.

Ночью¹⁸¹ прибыла депутация от царскосельского гарнизона; ее встретил Гучков.

В числе депутации были офицеры и солдаты от Сводного гвардейского полка, от Железнодорожного полка, от Собственного его величества конвоя, от царскосельской дворцовой полиции. Представитель от этой депутации обратился к Гучкову с краткими словами, что они передают себя в распоряжение Временного правительства, но что они будут охранять личность и имущество, словом, выполнять свой долг по охране Царского села до конца. Гучков ответил им несколькими благодарственными словами и сказал, что Временный комитет ждет от них, что они выполнят свой долг до конца и возьмут на себя охрану лиц и имущества.

Это было высказано в письменной форме, чтобы показать, что они были приняты Временным комитетом и чтобы они не считались сторонниками старого порядка. В бумажке, которая была написана, было сказано, что Временный комитет принимает с благодарностью их присоединение и поручает им охрану. Засим вышел к ним председатель Государственной думы.

---

¹⁸¹ Ночь с 28 февраля на 1 марта 1917 г.

Они заявили ему также, что весь гарнизон Царского села перешел на сторону Временного комитета и присоединился к революционным войскам. Выслушав эти заявления и принеся благодарность от Временного комитета, председатель Государственной думы отдал приказ по царкосельскому гарнизону об охране Царкосельского дворца и царской семьи. Передавая устно этот приказ через прибывших делегатов, он вместе с тем объявил им, что возлагает на них ответственность за могущие произойти эксцессы с царской семьей. Кроме того[,] в Царское село были немедленно командированы для переговоров с войсками и установления порядка члены Государственной думы Демидов¹⁸² и Степанов¹⁸³.

Вместе с тем для установления более нормального порядка охраны жизни и имущества граждан в Петрограде гласному городской думы Крыжановскому¹⁸⁴ было поручено приступить к организации городской милиции. В то

---

¹⁸² Демидов Игорь Платонович (5.6.1873 – 20.10.1946) – депутат IV Государственной думы от Тамбовской губернии. Из дворян. Окончил Дворянский институт императора Александра II в Нижнем Новгороде и юридический факультет Московского университета (1899). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Масон: входил в ВВНР (1912); член 3-го Конвента ВВНР (лето 1916); член ВС ВВНР (с 1917). Комиссар ВКГД в Министерстве земледелия (с 2.3.1917). С 13.3.1917 комиссар ВКГД и Временного правительства в Министерстве земледелия на правах товарища министра. С 15.3.1917 комиссар Временного правительства и ВКГД на Юго-Западный фронт. Объезжал фронт с 18.3.1917 по 21.4.1917. На VIII съезде партии кадетов (9.5 – 12.5.1917) избран в ее ЦК. После октября 1917 участвовал в Белом движении. С 1920 в эмиграции. Жил во Франции.

¹⁸³ Степанов Василий Александрович (1872 – 29.8.1920) – депутат III и IV Государственной думы от Пермской губернии. Потомственный дворянин. Окончил Горный институт (1897). В III и IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. В 1908 кооптирован в состав ЦК конституционно-демократической партии. На VI съезде конституционно-демократической партии (февраль 1916) избран в состав ее ЦК. Масон французского обряда; после 1909 принимал участие в деятельности русской масонской организации ВВНР: член ложи Н.В. Некрасова (с 1909); член думской ложи; председатель одной из лож ВВНР и член Петербургского масонского совета (1912 – 1913); член ВС ВВНР (до 1912), член Конвентов 1912, 1913 и 1916 от Петербурга (Петрограда). Комиссар Временного правительства (с 7.3.1917) и ВКГД (с 13.3.1917) в Министерстве торговли и промышленности на правах товарища министра. С 29.4.1917 заведующий Отделами торгового мореплавания и торговых портов Министерства торговли и промышленности, председатель Совещания по устройству и развитию Севера. С 21.5.1917 по 4.7.1917 временно управлял Министерством торговли и промышленности. На VIII съезде партии кадетов (9.5. – 12.5.1917) избран в ее ЦК. После октября 1917 участвовал в Белом движении.

¹⁸⁴ Крыжановский Дмитрий Андреевич (28.5.1871 – 1942) – гласный Петроградской городской думы. Окончил архитектурное отделение Академии художеств (1896). Архитектор. Гласный Петроградской городской думы. Начальник Петроградской городской милиции (28.2 – 4.7.1917). После октября 1917 остался в Советской России. С 1920 работал в Вологде художником-архитектором в Государственных свободных художественных мастерских. После возвращения в Ленинград главный архитектор архитектурной мастерской ЛенИзо. Умер в блокадном Ленинграде.

же самое время для обслуживания Военной комиссии была переведена в Таврический дворец канцелярия Преображенского полка¹⁸⁵.

В ночь с 28 [февраля] на 1-е [марта]¹⁸⁶ председатель Государственной думы отправился в Главный штаб и вел разговор по прямому проводу с Псковом с генералом Рузским¹⁸⁷, который ему сообщил, что утром государь император предполагал предложить Родзянке составить ответственное перед его величеством министерство, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, государь окончательно решил и уполномочил Рузского довести до сведения председателя Государственной думы о своем решении дать ответственное перед законодательными палатами министерство с поручением Родзянке образовать кабинет. Вместе с тем Рузский сообщал, что если этот проект найдет отклик, то изготовленный по этому по-

---

¹⁸⁵ После этих слов в черновике следует текст, который отсутствует в подлиннике: «С раннего утра 1 марта Временный комитет вел переговоры с Советом рабочих и солдатских депутатов (ошибка документа, на которую не обратила внимание О.А. Шашкова при его публикации; в это время он был еще только Советом рабочих депутатов – А.Н.) по вопросу об образовании Временного правительства и установлении программы их дальнейшей деятельности. В эту ночь (имеется в виду с 28 февраля на 1 марта – примечание О.А. Шашковой в подстрочнике) соглашения не последовали. Коренное расхождение обнаружилось у Временного комитета с Советом рабочих и солдатских депутатов по вопросу, касающемуся армии. Временный комитет и председатель Военной комиссии Гучков не считали возможным во время войны устраивать армию на началах самоуправления, как того требовал Совет рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, соглашения не последовало, и эти вопросы снова стали предметом обсуждения в отдельности как Временным комитетом, так и Советом рабочих и солдатских депутатов» («Протокол событий». С. 127–128). Далее в черновике идут сообщения, которые в подлиннике размещены иначе: 1) о назначении помощником ВК ВКГД А.С. Потапова; 2) о прибытии в Таврический дворец Собственного его величества конвоя; 3) о желании императрицы Александры Федоровны говорить по телефону с М.В. Родзянко; 4) о письменных заверениях великих князей «о их готовности подчиняться» ВКГД; 5) о телеграммах с мест о признании власти ВКГД; 6) о прибытии в Государственную думу ряда воинских частей, в том числе и Гвардейского экипажа во главе с великим князем Кириллом; 7) о посещении депутатами IV Государственной думы М.С. Воронковым и Ф.В. Черячукиным донских казачьих полков; 8) о присоединении 1-й роты запасного батальона л.-гв. Павловского полка к революционным войскам; 9) о рассылке циркулярных телеграмм «во все провинциальные газеты и большие города»; 10) о воззвании ВКГД, с призывом к гражданам, придти «на помощь хлебом и трудом»; 11) о приказе ВКГД по военным училищам; 12) об аресте генерала В.А. Сухомлинова; 13) о прибытии Георгиевского батальона в Царское село; 14) о предупреждении, сделанном генералу Н.И. Иванову; 15) об издании Петроградским Советом приказа № 1; 16) о событиях в Кронштадте; 17) о переговорах ВКГД с Петроградским Советом рабочих депутатов в ночь с 1 марта на 2 и 2 марта 1917 г. о создании Временного правительства, его составе и программе, а также «о мерах предупреждения вредного влияния на войска приказа № 1».

¹⁸⁶ Ошибка документа. Переговоры состоялись в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. В черновике даты нет, а в подстрочнике следует – «Пропуск в тексте» («Протокол событий». С. 132). Переговоры начались в 2 часа 30 мин. ночи и закончились, видимо, в 5 часов 30 мин.

¹⁸⁷ В черновике – «председатель Государственной думы отправился [2 сл. неразб.] на переговоры с Рузским» («Протокол событий». С. 132).

воду Манифест мог бы быть объявлен сегодня. Манифест этот был следующего содержания:

«Объявляем всем верным нашим подданным: грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России¹⁸⁸, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием всей России. Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам Господь Бог»¹⁸⁹.

На это председатель Государственной думы ответил, что, очевидно ни его величество, ни генерал Рузский не отдадут себе отчета в том, что происходит в Петрограде.

Начавшееся брожение значительно усилилось после издания указа о перерыве занятий законодательных учреждений, и что наступила такая анархия, вследствие которой Государственной думе оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе его, чтобы избежать гибели государства. К сожалению, это далеко не удалось; народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможным; войска деморализованы

¹⁸⁸ В черновике – «Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час, судьба России...» («Протокол событий». С. 132).

¹⁸⁹ О.А. Шашкова пишет, что текст Манифеста был составлен в Ставке «по поручению и при участии генералов М.В. Алексеева, А.С. Лукомского и Н.А. Базили» (Шашкова О.А. Примечания // Февральская революция 1917 года. С. 322). В.И. Старцев замечает, что, соглашаясь в ночь с 1 на 2 марта передать право Государственной думе сформировать новое правительство, Николай II «сохранял за собой право назначения главы правительства и четырех главных министров (военного, иностранных и внутренних дел, министра императорского двора)» (Старцев В.И. Передача власти от Николая II Временному правительству (юридическая сторона) // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 7–8). С.В. Куликов отмечает, что Н.В. Рузский сумел убедить царя изменить этот текст. В результате из него было убрано указание о назначении императором каких-либо министров и председателю было поручено образовать «ответственное министерство» (Куликов С.В. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиамента» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 163).

и не только не слушаются своих офицеров, но даже убивают их. Во избежание кровопролития пришлось всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Поэтому считаю, что предлагаемые меры недостаточны, и что в настоящее время поставлен уже ребром династический вопрос. Петроградский и царскосельский гарнизоны примкнули к Думе; то же самое происходит и в других городах, причем требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становится совершенно определенным. Посылка генерала Иванова с георгиевским батальоном подлила масла в огонь. Эта мера приведет к междоусобному сражению. Вместе с тем необходимо прекратить присылку других войск, так как они все равно действовать против народа не будут.

На это Рузский ответил, что «войска по направлению к Петрограду с фронта были направлены по общей директиве из Ставки, но что теперь этот вопрос уже ликвидируется. Генерал-адъютанту Иванову несколько часов тому назад государь дал указание не предпринимать ничего до личного свидания. Эта телеграмма послана через Петроград и остается только пожелать, чтобы она скорее дошла до генерала Иванова. Кроме того[,] государь выразил согласие, о чем уже послана телеграмма два часа тому назад, чтобы вернуть на фронт все то, что было в пути. Вы видите, – говорил Рузский, – что со стороны его величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар».

На это ему ответил председатель, что «Манифест запоздал¹⁹⁰, что время упущено и возврата нет. Народные страсти разгорелись, в армии царит ненависть и негодование и что обстоятельства сложились таким образом, что Временный комитет вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство, которое примет все меры, чтобы урегулировать жизнь государства и чтобы совершившийся переворот не отразился на армии».

При этом председатель Государственной думы указал генералу Рузскому, что «не надо забывать, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней». Засим генерал Рузский сообщил, что он получил указание передать этот Манифест в Ставку для напечатания, а поэтому он это сделает, а затем пусть что будет. О

---

¹⁹⁰ В черновике слов – «что Манифест запоздал» – нет («Протокол событий». С. 133).

разговоре доложит государю, если председатель против этого ничего не имеет, на что председатель Государственной думы ответил, что он не только ничего не имеет против, но даже и просит об этом¹⁹¹.

1 марта приказом Гучкова был назначен помощником председателя военной комиссии генерал-майор Потапов¹⁹². Засим товарищем председателя Временного комитета Некрасовым был отдан приказ о немедленном аресте Ялтинского градоначальника генерал-майора Спиридовича¹⁹³ и о препровождении его в Петропавловскую крепость. Кроме того[,] был отдан приказ о немедленном принятии мер для поддержания правильного движения и разгрузки петроградского узла Николаевской железной дороги. Для охраны имущества и продовольственных складов в Народный дом был командирован

¹⁹¹ В черновике после этих слов следует предложение, отсутствующее в «Протоколе заседаний»: «Рузский упоминает, что Родзянко в этом разговоре определенно заявил, что никак отлучиться из Петрограда не может, да и не хочет» («Протокол событий». С. 134).

¹⁹² Потапов Алексей Степанович (17.03.1872 – не ранее 1924) – генерал-майор. Окончил военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища. Выпущен в 24-ю артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). 16.8.1912 произведен в чин генерал-майора с увольнением от службы по болезни с мундиром и пенсией с зачислением в пешее ополчение по Петербургской губернии. Во время I мировой войны возвращен на службу с тем же чином. Состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа (с 8.12.1914). Известен своим набегом во главе импровизированного отряда на Мемель (март 1915). Состоял в резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 14.1.1917). Член Военной комиссии ВК ВКГД с 1.3.1917, помощник председателя Комиссии А.И. Гучкова. С 4.3.1917 председатель Военной комиссии. В начале апреля 1917 оставил должность. На 14.4.1917 генерал для поручений при Военном министре. 20.6.1917 назначен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. В декабре 1917 командирован НКВД в Китай и США. В Китае должен был установить связь с Сунь Ятсеном. О встречах с Сунь Ятсеном писал в докладной записке на имя Г.В. Чичерина. В начале ноября 1920 посетил редакцию рижской газеты «Сегодня», которой предложил взять у него интервью. В нем сообщил, что «до прибытия в Ригу был арестован англичанами в Лондоне и французами в Данциге». Арест в Лондоне, по его словам, «был вызван тем, что он, гуляя в парке с Каменевым, при встрече познакомил с ним Ллойд Джорджа, который настолько был очарован Каменевым, что пожелал вступить в деловые связи с Советской Россией». Арест в Данциге был осуществлен «"французскими сыщиками" в отместку за то, что он сражался против Колчака и способствовал его низложению». В декабре 1920 вернулся в Петроград. Затем переехал в Москву, где, по некоторым сведениям, в 1924 арестован.

¹⁹³ Спиридович Александр Иванович (5.8.1873 – 30.6.1952) – генерал-майор. Окончил 1-е военное Павловское училище (1893). Выпущен в 105-й пехотный Оренбургский полк. 31.12.1899 переведен в Отдельный корпус жандармов. Генерал-майор (ст. 6.5.1915) с зачислением по армейской пехоте. Состоял в распоряжении дворцового коменданта (30.5.1915 – 15.8.1916). Ялтинский градоначальник (15.8.1916 – 1917). В дни Февральской революции находился в Петрограде. 2.3.1917 арестован по приказу члена ВКГД Н.В. Некрасова офицером Михайловского артиллерийского училища; доставлен в Таврический дворец, откуда препровожден в Петропавловскую крепость. Допрашивался ЧСК. В начале октября освобожден из тюрьмы. С 1918 в армии Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского. В ноябре 1918 начальник канцелярии Совета обороны при Военном министерстве. С 1919 в эмиграции во Франции. До 1950 в Париже, затем – в США.

член Государственной думы Авчинников¹⁹⁴, которым был организован там питательный пункт для 20. 000 солдат, прибывающих в Петроград. Охрана Государственного банка приказом начальника гарнизона Энгельгардта была поручена членам Государственной думы Евсееву¹⁹⁵ и Рамоту^{196;197}.

В этот день, 1 марта, к 9 час. утра, в Государственную думу прибыл Собственный его величества конвой; вместе с тем было получено сообщение от коменданта Царскосельского дворца, что государыня императрица Александра Федоровна¹⁹⁸ желает говорить по телефону с председателем Государственной думы. Разговора не произошло, но царскосельскому коменданту было объявлено, что государыне императрице и ее семье опасность не гро-

---

¹⁹⁴ Ошибка документа. Депутат IV Государственной думы И.И. Авчинников, входивший в группу «балашевцев», 31.5.1916 заявил о сложении депутатских полномочий в связи с назначением начальником Томского управления земледелия и государственных имуществ. Речь идет об А.Е. Овчинникове. Овчинников Алексей Ефимович – гласный Петроградской городской думы, член Комитета Петроградского попечительства о народной трезвости. В дни Февральской революции командирован ВКГД для охраны имущества и складов продовольствия Комитета Петроградского попечительства о народной трезвости. Организовал питательный пункт в Народном доме, который работал в две смены. До 1.3.1917 здесь было накормлено 20 000 солдат. 2.3.1917 член ВКГД Н.В. Некрасов назначил А.Е. Овчинникова товарищем председателя Комитета Попечительства о народной трезвости.

¹⁹⁵ Евсеев Илья Тимофеевич (18.7.1877 – не ранее 1925) – депутат IV Государственной думы от Петербургской губернии. Крестьянин деревни Евсеевой Горки Лужицкой волости Ямбургского уезда С.-Петербургской губернии. Окончил учительскую семинарию (1897). В IV Думе входил во фракцию прогрессистов, ее секретарь. После выхода фракции прогрессистов из прогрессивного блока перешел в конституционно-демократическую фракцию. Член бюро крестьянской группы. С 1.3.1917 по 16.3.1917 комиссар ВКГД и его Военной комиссии по охране Государственного банка. Комиссар ВКГД в Ревеле (3.3 – 12.3.1917; 19.3 – 26.3.1917). Способствовал созданию судовых, ротных и полковых комитетов на Балтийском флоте; содействовал наведению порядка в Ревеле, что было высоко оценено военными властями. Член ВКГД (с 16.6.1917). После октября 1917 эмигрировал. Жил в Эстонии. Входил в Комитет русских эмигрантов. По некоторым сведениям, в дальнейшем жил во Франции. Член приходского совета православной церкви в Лионе.

¹⁹⁶ Рамот (Раамот) Иван (Ян) Матвеевич (28.7.1873 – 5.1.1927) – депутат IV Государственной думы от Лифляндской губернии. Крестьянин Ратсгофской волости Юрьевского уезда Лифляндской губернии. Окончил Кенингсбергский университет со званием доктора философии (1901). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. С 28.2.1917 комиссар ВКГД и его Военной комиссии по охране Государственного банка. С 5.3.1917 помощник комиссара ВКГД по делам Статс-секретариата великого княжества Финляндского Ф.И. Родичева; комиссар ВКГД и Временного правительства в Ревеле (после 8.3.1917). В апреле 1917 неоднократно посещал Ригу в качестве комиссара ВКГД и Временного правительства. Председатель Эстонского земского правления (фактически Временного правительства Эстонии) (3.7 – 24.10.1917). Министр земледелия и продовольствия Эстонского Временного правительства (1918–1919), затем – заместитель министра. Организатор и председатель Эстонского общества агрономов (в 1919). Руководил Янедамским земледельческим училищем (с 1926).

¹⁹⁷ Этого абзаца в «Протоколе событий» нет.

¹⁹⁸ Александра Федоровна (25.5.1872 – 17.7.1918) – императрица, жена Николая II (с 14.11. 1894), урожденная принцесса Аликс-Виктория-Елена-Бригита-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская. Расстреляна большевиками вместе с семьей в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге.

зит, так как со стороны Временного комитета приняты все меры для их охраны. В течение дня председателем Государственной думы были получены от великих князей письменные заверения об их готовности подчиниться распоряжениям Временного комитета. Кроме того[,] были получены сообщения из Москвы, Харькова и других городов, а также из разных местностей Империи, что эти города и местности признали власть за Временным комитетом Государственной думы и подчиняются его распоряжениям.

Для осведомления о тех мерах, которые Временный комитет, в интересах родины, принимает для установления законного порядка в государстве, были командированы в воинские части члены Государственной думы Милютин¹⁹⁹, Симонов²⁰⁰, кн. Мансырев, от. Филоненко²⁰¹ и Стемповский²⁰². Кроме

---

¹⁹⁹ Милютин Владимир Васильевич (21.7.1873 – 13.4.1943) – депутат IV Государственной думы от Новгородской губернии. Потомственный почетный гражданин. Окончил Технологический институт в С.-Петербурге (1895). В IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – член фракции земцев-октябристов. 1.3.1917 командирован ВКГД в воинские части, расквартированные в Петрограде. С 9.3.1917 по 19.5.1917 комиссар ВКГД и Временного правительства в Особой комиссии по призрению раненых и увечных воинов при Верховном Совете; с 10.3.1917 по 19.5.1917 комиссар по учреждениям, подведомственным Верховному Совету по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. После октября 1917 остался в Советской России. Преподавал в Политехническом училище (до 1930). Проектировал перестройку государственной литографии «Печать» и 4-го корпуса Апраксина двора (1930). Принимал участие в организации водоснабжения фанерного комбината в пос. Правда на Урале (1933–1934). Выслан в Череповец, где и умер в 1943 от дистрофии.

²⁰⁰ Симонов Михаил Ильич (1870 – не ранее начала января 1918) – депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. Из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета (1896). В III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – земец-октябрист. 1.3.1917 командирован ВКГД в воинские части, расквартированные в Петрограде.

²⁰¹ Филоненко Федор Дмитриевич (15.2.1869 – после 1930) – депутат IV Государственной думы от Подольской губернии. Окончил Воронежскую духовную семинарию. Священник. В IV Думе входил во фракцию русских националистов и умеренно-правых, а с августа 1915 г. – член фракции центра. 1.3.1917 командирован ВКГД в воинские части, расквартированные в Петрограде. Комиссар ВКГД и Временного правительства на Северном фронте (6.3 – 10.3.1917). С 16.3.1917 комиссар ВКГД и Временного правительства на Юго-Западном фронте. С 6.4.1917 комиссар ВКГД и Временного правительства на Румынском фронте и в Бессарабской губернии. После октября 1917 остался в Советской России. Служил в Петрограде настоятелем церквей: Божией Матери «Умиление» (1919 – 1924); Пресвятой Троицы (1922). Подвергался арестам в октябре 1923 и в феврале 1924 по делу «Спасское братство». Приговорен к 2 годам лагерей (26.9.1924), заключен в Соловки. Служил в храмах г. Ленинграда (1928–1930).

²⁰² Стемповский Виктор Иванович (7 января 1859 – после августа 1920) – депутат III и IV Государственной думы от Воронежской губернии. Потомственный дворянин. Окончил медицинский факультет Московского университета (1883). В III и IV Думе входил во фракцию «Союз 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 – январь 1914) – земец-октябрист. 1.3.1917 командирован ВКГД в пехотные полки, расквартированные в Петрограде. Комиссар ВКГД в Министерстве торговли и промышленности (с 1.3.1917). Член Совета министра земледелия по продовольствию (с 9.3.1917); член Общегосударственного продовольственного комитета (с 15.3.1917). Член Главного

того, были назначены комиссары по Государственному контролю – член Гос[ударственной] думы Гродзицкий²⁰³ и по Государственной канцелярии – член Гос[ударственного] совета по выборам – Гримм^{204;205}.

В 4 ч. 15 мин. [дня]²⁰⁶ в Государственную думу прибыли Гвардейский экипаж с великим князем Кириллом Владимировичем²⁰⁷, артиллеристы, пиротехники, минная подрывная рота, Николаевская военная академия в составе около 300 офицеров²⁰⁸, нижние чины жандармского дивизиона и Второй Балтийский флотский экипаж с частью своих офицеров.

Великий князь Кирилл Владимирович заявил председателю Государственной думы, что он явился к нему и находится в его распоряжении, что, как и весь народ, он желает блага России, что сегодня утром он обратился ко всем матросам Гвардейского экипажа, разъяснил им значение происхо-

---

земельного комитета (с 30.6.1917). После октября 1917 жил в Москве. В августе 1920 арестован, проходил по делу Тактического центра.

²⁰³ Гродзицкий Митрофан Иосифович (1.10.1861 – после октября 1917) – депутат III и IV Государственной думы от Оренбургской губернии. Сын священника с. Острова (Игуменск. у., Минск. губ.). Окончил Ярославский Демидовский юридический лицей со степенью кандидата юридических наук (1887). В III и IV Думе входил во фракцию прогрессистов. С 2.3.1917 комиссар ВКГД над Государственным контролем. С 10.3.1917 комиссар ВКГД, а с 2.5.1917 одновременно и комиссар Временного правительства по Главному управлению почт и телеграфов. Радикальный демократ (с конца марта 1917).

²⁰⁴ Гримм Давид Давидович (11.1.1864 – 29.7.1941) – член Государственного совета по выборам. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидат прав (1885). Ординарный профессор (с 1901), ректор Петербургского университета (1910 – 1911). 8.2.1907 избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов; 23.5.1912 выбыл по жребию; 15.10.1912 переизбран, входил в левую группу, ее председатель. Один из руководителей прогрессивного блока. С 2.3.1917 комиссар ВКГД над Государственной канцелярией и учреждениями Мариинского дворца. С 7.3.1917 комиссар Временного правительства по Государственной канцелярии, с 16.3.1917 – по Канцелярии по принятию прошений. Товарищ министра народного просвещения (18.3 – 8.7.1917). Председатель Совета товарищей министров (март – 8.7.1917). Сенатор 1-го департамента Сената (с 1.5.1917). Член Юридического совещания при Временном правительстве (с 18.7.1917). Член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (27.7 – 1.10.1917). После октября 1917 боролся с большевиками. Входил в подпольное Временное правительство и в Национальный центр. Арестовывался. Эмигрировал в 1920. Жил сначала в Финляндии, а затем переехал во Францию.

²⁰⁵ Этого абзаца в «Протоколе событий» нет.

²⁰⁶ 1 марта 1917 г.

²⁰⁷ Кирилл Владимирович (30.9.1876 – 12.10.1938) – великий князь, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. Участник русско-японской и I мировой войны. 23.2.1915 – контр-адмирал, командир Гвардейского экипажа, подал в отставку 8.3.1917. С июня 1917 в Финляндии. 8.8.1922 издал акт о принятии блюстительства императорского престола, 13.9.1924 – манифест о принятии титула императора всероссийского под именем Кирилла I. В эмиграции проживал во Франции.

²⁰⁸ В черновике – «около 350 офицеров» («Протокол событий». С. 128).

дящих событий и теперь может заявить, что весь Гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Государственной думы.

Председатель Государственной думы ответил, что он верит²⁰⁹, что Гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке исполняют свой долг и помогут справиться с общим врагом и выведут Россию на путь победы.

В то же время члены Государственной думы Воронков²¹⁰ и Черячукин²¹¹ посетили казармы Первого и Четвертого донских казачьих полков, причем, после переговоров с офицерами и солдатами, выяснилось, что оба полка готовы в любой момент стать на сторону Комитета Государственной думы.

В течение того же дня из Зимнего дворца от первой роты Гвардейского Преображенского полка, которая занимала караул в означенном дворце с 27 февраля, было получено сообщение о том, что она желает вступить в переговоры на предмет присоединения к тем частям войск, которые передали себя в распоряжение Комитета Государственной думы.

После переговоров, которые закончились заявлением означенной роты о том, что она присоединяется к революционным войскам Петроградского гарнизона, эта рота отправилась к себе в казармы, а караул в Зимнем дворце был занят Волынским полком²¹².

Озабочиваясь правильным освещением событий, происходящих в Петрограде, были составлены циркулярные телеграммы с изложением всех событий за все предшествующие дни и срочно переданы через телеграфное агентство во все провинциальные газеты и большие города.

---

²⁰⁹ В черновике – «верил» («Протокол событий». С. 128).

²¹⁰ Воронков Митрофан Семенович (23.11.1868 – после 1919) – депутат II, III и IV Государственной думы от Области войска Донского. Казак станицы Перекопской (по другим данным – Краснокутской) Усть-Медведковского округа Области войска Донского. Окончил Новочеркасскую учительскую семинарию (1888). Во II Думе входил в казачью группу. В III Думе – член конституционно-демократической фракции и казачьей группы. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Командирован 1.3.1917 ВКГД в 1-й и 4-й Донские казачьи полки; объезжал воинские части в Гатчине, Красном селе и их окрестностях. Комиссар ВКГД и Временного правительства в Области войска Донского (с 9.3.1917). Депутат Учредительного собрания. После октября 1917 участвовал в Белом движении.

²¹¹ Черячукин Федор Васильевич (17.2.1867 – после октября 1917) – депутат IV Государственной думы от Области войска Донского. Казак. Окончил медицинский факультет Московского университета (1890). В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Командирован 1.3.1917 командирован ВКГД в 1-й и 4-й Донские казачьи полки. В дни Февральской революции 1917 член Комиссии по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов при ВКГД, председатель Комиссии (с 6.3.1917). Работал в комиссии до ее закрытия 30.3.1917.

²¹² В черновике – «и в караул в Зимнем дворце» («Протокол событий». С. 129).

Засим Временным Комитетом был издан приказ об организации милиции в районе Лесного, Кушелевки, Сосновки и всех прилегающих к Лесному местностей²¹³.

Кроме того[,] Временным Комитетом был издан приказ по военным училищам следующего содержания:

«Военные училища принадлежат к войскам Временного правительства Государственной думы, которым указанным училищам приказано производить все обычные занятия с успешной подготовкой кадра будущих офицеров.

Обращаться кому-либо к начальству училищ с требованием о выдаче оружия, боевых припасов, обмундирования и продовольствия воспрещается под строжайшей ответственностью перед Временным правительством.

Училищам приказано оружия никому не выдавать, лиц же, позволивших себе требовать оружие и допустивших какое-либо насильственное действие по отношению к училищу, арестовывать и направлять в Комендантское управление Государственной думы».

В этот день²¹⁴ был арестован и доставлен в Таврический дворец бывший министр торговли и промышленности кн.²¹⁵ Шаховской²¹⁶. В начале 9-го часа вечера, под сильным конвоем, в Таврический дворец был препровожден член Государственного совета[,] бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков²¹⁷. Маклаков оказался раненым в голову, как выяснилось, вследствие удара прикладом ружья одного из солдат в виду оказанного им сопротивления конвоирам на пути следования к Таврическому дворцу. По оказанию ему медицинской помощи он был помещен в павильон министров²¹⁸.

---

²¹³ Этого приказа в «Протоколе событий» нет.

²¹⁴ 1 марта 1917 г.

²¹⁵ «кн.» – вписано от руки на левом поле.

²¹⁶ Шаховской Всеволод Николаевич (13.9.1874 – 17.8.1954) – министр торговли и промышленности. Князь. Окончил Морской кадетский корпус. Министр торговли и промышленности (с 18.2.1915). Находился под арестом (1.3 – 5.3.1917). После октября 1917 в эмиграции. Жил во Франции в своем имении, где разводил пчел.

²¹⁷ Маклаков Николай Алексеевич (9.9.1871 – 5.9.1918) – член Государственного совета по назначению. Потомственный дворянин Московской губернии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1893). Управляющий МВД (16.12.1912 – 21.2.1913), министр внутренних дел (21.2.1913 – 5.6.1915). Член Государственного совета с 21.1.1915, в 1915 – 1917 назначался к присутствию после увольнения с поста министра; входил в группу правых. 1.3.1917 арестован и помещен в Министерский павильон Таврического дворца; затем переведен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Допрашивался ЧСК. С 1.5.1917 оставлен за штатом, с 25.10.1917 уволен от службы в Государственном совете. 11.10.1917 переведен из Петропавловской крепости в лечебницу Конасевича. В августе 1918 перевезен в Москву и расстрелян по постановлению СНК.

²¹⁸ Этого абзаца в «Протоколе событий» нет.

В 10 час. 30 мин. вечера под сильным конвоем был доставлен в Таврический дворец генерал Сухомлинов²¹⁹. Его появление вызвало сильное возбуждение среди находившихся в Таврическом дворце солдат. По требованию солдат Сухомлинов снял с себя погоны.

Несколько позже комиссар Министерства путей сообщения Бубликов сообщил по телефону, что поезд с эшелонами Георгиевского батальона и артиллерии прибыл в Царское село, остановился у военной платформы, но не разгружается.

Генералу Иванову было сообщено, чтобы он оставил намерение следовать далее в Петроград, так как в противном случае²²⁰ будут приняты меры, чтобы войска не имели бы физической возможности передвинуться²²¹ по железной дороге²²². Засим последовал приказ Временного правительства члену Государственной думы Лебедеву²²³ отправиться в Лугу для урегулирования железнодорожного движения²²⁴.

²¹⁹ Сухомлинов Владимир Александрович (4.8.1848 – 2.2.1926) – генерал от кавалерии. Из дворян Ковенской губернии. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1867). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1874). Генерал от кавалерии (пр. 1906; ст. 6.12.1906; за отличие). Военный министр (11.3.1909 – 13.6.1915) и одновременно член Государственного совета (6.12.1911 – 18.3.1916). Генерал-адъютант (1912). Состоял под следствием по обвинению в «противозаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене». 20.4.1916 арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. 11.10.1916 переведен под домашний арест. 1.3.1917 арестован и доставлен в Таврический дворец. В аресте принимали участие нижние чины л.-гв. Егерского полка Александр Пономарев, л.-гв. 3-го стрелкового полка Федор Виноградов, матрос транспорта Рига Иосиф Федотов, матрос линейного корабля «Гангут» Степан Пингегин, матрос 2-го Балтийского флотского экипажа Федор Москалев и шофер Альберт Карро. 12.9.1917 приговорен к бессрочной каторге, замененной тюремным заключением. Находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а после Октябрьской революции переведен в тюрьму «Кресты». 1.5.1918 освобожден как достигший 70-летнего возраста. 6.10.1918 бежал в Финляндию. Затем перебрался в Германию.

²²⁰ Слова – «в противном случае» – в черновике пропущены («Протокол событий». С. 130).

²²¹ В черновике – «передвигаться» («Протокол событий». С. 130).

²²² После этих слов в черновике следует предложение, которого нет в подлиннике: «Несмотря на соглашение с Советом рабочих и солдатских депутатов о том, что в важнейших вопросах он будет действовать вместе с Временным комитетом, после того как не состоялось соглашения по той части программы, которая касалась войск, – не только без соглашения, но и без предупреждения Советом рабочих депутатов 1 марта днем (Ошибка документа, которую не заметила О.А. Шашкова. Приказ № 1 был опубликован днем 2 марта – А.Н.) был выпущен по войскам приказ № 1, сообщенный по радиотелеграфу и на фронты. Этот приказ содержал в себе следующее: [...]». В подстрочнике указывается: «Текст утрачен» («Протокол событий». С. 130).

²²³ Лебедев Юрий Михайлович (15.4.1874 – после октября 1917) – депутат IV Государственной думы от Области войска Донского. Дворянин Казанской губернии. Окончил Технологический институт в С.-Петербурге (1899). Преподавал в Технологическом институте и занимался в механической лаборатории Института инженеров путей сообщения. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. В ночь на 2.3.1917 командирован ВКГД в Лугу для урегулирования железнодорожного движения. С 5.3.1917 состоял членом Особой комиссии под председательством

Начальником Петроградского гарнизона был отдан следующий приказ.

[«]Сего 1-го марта среди солдат Петроградского гарнизона распространился слух, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров, вплоть до расстрела виновных. Член Государственной думы Б. Энгельгардт[»]²²⁵.

К ночи²²⁶ было получено извещение, что восставший гарнизон гор. Кронштадта убил адмирала Вирена²²⁷ и продолжает убивать и арестовывать офицеров. Временным комитетом было сделано распоряжение о немедленном командировании в Кронштадт, в качестве комиссаров, членов Государственной думы Пепеляева и Таскина.

К ночи с 1-го на 2-ое марта стало совершенно ясно для членов Временного комитета, что армия и страна склонилась на сторону низложения старого порядка. Комитет единогласно пришел к мысли о своевременности создания Временного правительства из лиц, своею предыдущей деятельностью приобретших известность в стране и заслуживших ее доверие. После совещания между членами Временного Комитета П. Н. Милюковым был составлен предварительный список членов Временного правительства. Портфели министерств юстиции и труда предназначались А. Ф. Керенскому и Н. С. Чхеидзе. Одновременно с этим Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов поставил вопрос о программе новой власти, принятием коей обусловил поддержку Временного правительства. Для обсуждения этих вопросов Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов был приглашен в заседание Временного комитета Государственной думы. Обсуждение происходило в течение почти всей ночи. После горячих прений Исполнительный комитет Совета рабочих и

депутата Государственной думы А.А. Добровольского по выработке Устава о службе на железных дорогах. Выезжал в порт-Романов для подготовки отправки Николая II с семьей за границу (не осуществлена). 21.4.1917 направлен комиссаром ВКГД и Временного правительства в VI армию Румынского фронта для успокоения Балтийской дивизии.

²²⁴ Сообщения о направлении Ю.М. Лебедева в «Протоколе событий» нет.

²²⁵ Приказа Б.А. Энгельгардта в «Протоколе событий» нет.

²²⁶ Речь идет о ночи с 1 на 2 марта 1917 г.

²²⁷ Вирен Роберт Николаевич (25.12.1856 – 1.3.1917) – адмирал. Окончил Минный офицерский класс (1884). Николаевскую морскую академию (1899). Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта (1909–1917). Адмирал (1915). Убит матросами 1.3.1917 на Якорной площади Кронштадта.

солдатских депутатов сделал уступки в двух пунктах: одним из них предлагалось оставить открытым вопрос о будущей форме правления – конституционной монархии или республики; другим устранен был из условий, поставленных правительству, пункт о выборах офицеров, проведенный на другой день в виде «приказа № 1». Далее, Исполнительный комитет обязался, в случае принятия его условий, со своей стороны призвать солдат к возобновлению согласия с офицерством и решительно осудить все виды саботажа революции, как-то: произвольные аресты, нападения на частных лиц и имущество и т.д.²²⁸

В исполнение этого обещания Н. Д. Соколовым был составлен текст предполагавшегося заявления от имени Совета рабочих депутатов; но он настолько не соответствовал данному обещанию, что произошел некоторый перерыв в переговорах. После этого П. Н. Милюков составил свой проект заявления Совета, который, с небольшим изменением, был принят Н. Д. Соколовым и впоследствии напечатан.

К 5 час. утра удалось выработать согласительный текст обоих воззваний: от Временного комитета – о назначении Временного правительства и от Совета рабочих депутатов – о предупреждении саботажа²²⁹.

²²⁸ В черновике вместо этого текста идет следующий: «В эту же ночь Временный комитет обсуждал вопрос об образовании Временного правительства, а также и о мерах предупреждения вредного влияния на войска приказа № 1, выпущенного Советом рабочих депутатов. При обсуждении этих вопросов в заседании Временного комитета приняли участие представители Совета рабочих и солдатских депутатов Ю.М. Нахамкес (Стеклов), Н.Д. Соколов и Н.Н. Гиммер (Суханов). По поводу издания приказа № 1 указывалось на недопустимость таких действий, так как это создает двоевластие. По этому поводу член Государственной думы Шульгин, обращаясь к представителям Совета рабочих депутатов, сказал: «Если вы чувствуете за собой силу, если вы возьметесь управлять Россией, если вы согласны нести на себе эту страшную ответственность, тогда устранили нас, арестуйте Временный комитет, арестуйте Государственную думу, составляйте правительство и правьте сами. Но если у вас не хватает на это смелости и желаний, то не связывайте рук тем людям, которые, как-никак, имеют мужество взять на свои плечи бремя управления Россией в такую минуту». На это последовал ответ, что арестовывать Временный комитет или Государственную думу они не собираются. Был поднят также вопрос о том, насколько своевременно во время войны проводить принцип выборного начала в войсках. В это самое время группа встревоженных офицеров вызвала члена Государственной думы Шульгина, с которым довольно долго обсуждала тот же самый вопрос. Некоторые из этих офицеров утверждали, что ничего против этого поделать нельзя, так как этот принцип фактически уже осуществлен в Петрограде. После долгих переговоров с представителями Совета рабочих депутатов было решено по поводу приказа № 1 написать умиротворяющее воззвание к солдатам. Пока составлялось это воззвание, Временный комитет обсуждал вопрос о составе нового правительства, причем единодушно все пришли к заключению о необходимости скорейшего его образования, так как работа в Государственной думе, не имея соответствующих органов под рукой, представлялась весьма затруднительной и потому настоятельно требовалось восстановить правительственный аппарат, разъехавшись по министерствам» («Протокол событий». С. 130–131).

²²⁹ В черновике вместо абзацев, первый из которых начинается в подлиннике со слов «В исполнение этого обещания», а второй – «К 5 час. утра», следует текст: «До 5 ч. утра Милюков, вырабаты-

В это же время, без соглашения с Временным комитетом Государственной думы, Советом рабочих депутатов был заготовлен приказ № 1, датированный 1-м марта. Издание этого указа сопровождалось нижеследующими обстоятельствами.

1 марта поздно вечером, когда выяснилось, что весь Петроград находится в руках революционных войск, в Государственную думу явились выборные от 20 различных частей Петроградского гарнизона и обратились к председателю Военной комиссии, члену Государственной думы Энгельгардту, с заявлением, что они не могут доверять своим офицерам, которые не приняли

вавший редакцию воззвания с членами Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Соколовым и Гиммером (Сухановым), не смог прийти с ними к установлению текста воззвания и отклонился от дальнейшего участия в этой работе. Его сменил Керенский, которому удалось вскоре выработать согласованный текст. [...]». Текст обращения Исполкома Петроградского Совета в черновике отсутствует, о чем сообщается в подстрочнике к черновику («Протокол событий». С. 131). Как видно, основное различие между подлинником и черновиком состоит в указаниях на авторство «Обращения» Исполкома Петроградского Совета. В черновике авторами его названы Н.Д. Соколов, Н.Н. Суханов (Гиммер) и А.Ф. Керенский, а в подлиннике автор один – П.Н. Милуков! О.А. Шашкова же пишет, со ссылкой на работу С.П. Мельгунова «Мартовские дни 1917 года» (Париж, 1961. С. 39–40): «Авторами первых двух частей «Обращения» <...> были Н.Н. Суханов и Н.Д. Соколов. Третий абзац принадлежит П.Н. Милукову. Заключительную редакцию внес Ю.М. Стеклов» (Шашкова О.А. Примечания // Февральская революция 1917 года. С. 318). Во всяком случае, можно утверждать, что в «Протоколе событий» Керенский ошибочно назван соавтором «Обращения» Исполкома Петросовета. Вслед за этим в черновике следует текст, которого нет в «Протоколе заседаний»: «Засим Временный комитет приступил к обсуждению вопроса о составе Временного правительства и к выработке программы его деятельности. Участие в разрешении этих вопросов принял Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов. Предложение вступить в состав в состав Временного правительства Чхеидзе и Керенскому Исполнительным комитетом было отвергнуто. Он полагал, что кабинет должен быть составлен из буржуазных классов, но вместе с тем выставил ему следующие требования: 1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим, религиозным, террористическим покушениям, военным восстаниям и т.п. 2) Политическая свобода во всех формах: свобода слова, печати, совести, собраний, стачек; свободы эти должны быть распространены и на военнослужащих на действительной военной службе. Эти требования не встретили возражений со стороны Временного комитета Государственной думы, но следующий пункт, 3-й, возбудил сильные возражения. Этот пункт говорил об устройстве армии на началах самоуправления. После длинных дебатов Комитет Государственной думы и Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов выработали примирительную формулу, которая гласила: «При сохранении старой воинской дисциплины в строю устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России. Засим следующий пункт: 4) об организации народной милиции для несения службы по охране порядка с подчинением ее местным самоуправлениям, избранным на основах всеобщего, равного и тайного голосования; 5) отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений и 6) гарнизон Петрограда остается в городе и не разоружается – не вызвали возражений со стороны Комитета Государственной думы. Предложение Исполнительного комитета об образовании немедленно демократической республики и о созыве Учредительного собрания не было принято. Исполнительный комитет [Совета] рабочих и солдатских депутатов заявил, что пока Временный комитет не войдет с ним в соглашение по вопросу об Учредительном собрании, то до тех пор он не признает Временное правительство» («Протокол событий». С. 132).

участия в революционных выступлениях, в виду чего они требуют издания приказа о производстве выборов офицеров в ротах, эскадронах, батареях и командах. Приказ, проектированный делегатами, много меньше затрагивал основы воинской дисциплины, чем изданный впоследствии приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров, а также устанавливал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в частях войск.

О переговорах с представителями Петроградского гарнизона член Государственной думы Энгельгардт сообщил Временному комитету Государственной думы, причем все члены его, а также присутствовавший в заседании А. И. Гучков, категорически высказались против издания подобного приказа, признавая невозможным разрешение наспех подобного весьма серьезного вопроса.

Несколько позднее к члену Государственной думы Энгельгардту явился лично ему неизвестный (в солдатской форме) член Совета рабочих и солдатских депутатов и предложил ему, как председателю Военной комиссии, принять участие в составлении приказа, имеющего целью регулировать на новых началах взаимоотношения офицеров и солдат. Получив ответ на сделанное предложение в том смысле, что Временный комитет Государственной думы находит издание проектируемого приказа преждевременным, член Совета рабочих и солдатских депутатов ушел со словами: «Тем лучше, напишем сами»²³⁰.

Днем 2 марта приказ № 1 был опубликован и сообщен по радиотелеграфу на фронт.

Текст приказа.

[«]ПРИКАЗ № 1

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа: всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах и полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, ко-

---

²³⁰ Этого текста с историей приказа № 1 в «Протоколе событий» нет.

торым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ничем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на "ты", воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов[»]²³¹.

Около 6 час. утра²³² во Временный комитет приехал А. И. Гучков. Когда он возвращался, его автомобиль обстреляли измайловцы, и рядом с ним сидевший князь Вяземский²³³ был смертельно ранен. А. И. Гучков сообщил, что все время разъезжал по полкам, что все-таки тревога не унимается и, глав-

---

²³¹ Текста приказа № 1 в «Протоколе событий» нет.

²³² 2 марта.

²³³ Вяземский Дмитрий Леонидович (12.11.1884 – 2.3.1917) – начальник 17-го передового отряда Красного Креста. Князь. Окончил юридический факультет Петербургского университета. С началом Первой мировой войны начальник санитарного отряда, который организовал на личные средства. Смертельно ранен в Петрограде 2.3.1917.

ным образом, потому, что боятся каких-нибудь репрессивных действий со стороны старой власти. Все время город полон всевозможных слухов о карательных экспедициях, и при таких условиях не может восстановиться порядок. Каждую минуту может произойти какая-нибудь паника, которая приведет к анархии. Надо во что бы то ни стало выяснить положение и, прежде всего, надо сделать то, что было решено еще 28 февраля, именно – поехать к царю и получить его отречение; тогда может наступить относительное успокоение, ибо перелом будет сделан и не будут опасаться возврата назад. Гучков находил, что пока не будет добровольного отречения государя²³⁴, до тех пор²³⁵ имеется опасение кровопролитной междоусобной войны. Пока не будет снята присяга с многих лиц, эти лица вынуждены будут отстаивать по долгу присяги старый порядок, и большое кровопролитие неизбежно, а вследствие этого и обостренное положение. Я всегда был убежден, [–] говорил Гучков, [–] что нужно добиться отречения. Он просил, чтобы ему дали это поручение, а если не будет поручено, то он сам будет действовать за свой страх, так как считает необходимым добиться у государя отречения.

После этого Гучков и Шульгин уехали и в дальнейших переговорах участия не принимали.

После вторичного обсуждения вопроса о поездке М. В. Родзянко для свидания с царем Временный комитет Государственной думы признал, что отсутствие председателя Государственной думы [в]²³⁶ Петрограда в столь ответственное время, когда с каждым часом обстановка может измениться, представляется нежелательным и даже опасным. Равным образом, нет гарантий для уверенности в том, что по прибытии в Псков или же на пути председатель не был бы арестован. По этим причинам Временный комитет отказался от своих первоначальных предположений относительно указанной поездки председателя²³⁷.

Утром 2 марта, по поручению Временного комитета, П. Н. Милюков предложил Исполнительному комитету Совета рабочих Депутатов возобновить переговоры о программе деятельности Временного правительства на

²³⁴ В черновике вслед за этим идут слова, отсутствующие в подлиннике: « – либо он останется царем, либо он будет свергнут, –» («Протокол событий». С. 135).

²³⁵ В черновике вслед за этим идут слова, отсутствующие в подлиннике: «у нас» («Протокол событий». С. 135).

²³⁶ В «Протоколе заседаний» – «из».

²³⁷ В черновике нет слов – «относительно указанной поездки председателя». Этот абзац в черновике заканчивается предложением, которое идет в подлиннике после сообщения о назначении, полученным депутаом С.В. Востротинным: «В 3 часа дня в Псков выехали А.И. Гучков и Шульгин» («Протокол событий». С. 136).

основе выработанного в ночном заседании проекта. Исполнительный комитет тогда внес проект на обсуждение полного собрания Совета. Обсуждение тянулось до позднего вечера. Поздно вечером состоялось окончательное совещание П. Н. Милюкова с несколькими представителями Исполнительного комитета (Стеклов, Суханов и др.), причем они настояли на прибавке к прежнему тексту заявления, что Временное правительство «отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению» намеченных реформ и мероприятий²³⁸.

Независимо от этих переговоров Временный комитет приступил к окончательному определению списка лиц, намеченных накануне для введения их в состав Временного правительства. Некоторые члены Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов требовали права отвода, но затем, по видимому, предпочли не вмешиваться в составление списка «буржуазных» министров, чтобы не нести никакой ответственности за него. Вероятно, на том же основании Н. С. Чхеидзе отказался принять предложенный ему портфель Министерства труда. Напротив, А. Ф. Керенский уже утром 2 марта сообщил П. Н. Милюкову, что принимает переданное ему последним предложение взять портфель министерства юстиции²³⁹.

В состав Временного правительства были окончательно намечены следующие лица²⁴⁰: министр-председатель и министр внутренних дел – кн. Львов²⁴¹, министр финансов – Терещенко²⁴², министр путей сообщения –

---

²³⁸ В «Протоколе событий» этого абзаца нет.

²³⁹ В черновике вместо этого абзаца следует предложение: «Временный комитет приступил к обсуждению вопроса о тех лицах, которые могли бы войти в состав Временного правительства, объединившись в своей деятельности на тех положениях, которые оказались приемлемыми как для Комитета Государственной думы, так и для Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов» («Протокол событий». С. 134).

²⁴⁰ В черновике вместо слов – «были назначены следующие лица» («Протокол событий». С. 134).

²⁴¹ Львов Георгий Евгеньевич (21.10.1861 – 6.3.1925) – председатель Земгора. Князь. Окончил юридический факультет Московского университета (1885). Член кружка «Беседа», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Депутат I Государственной думы. Входил в конституционно-демократическую фракцию. В I мировую войну возглавлял Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а после его объединения (10.7.1915) с Всероссийским союзом городов председатель объединенного Земгора. Министр-председатель и министр внутренних дел в первых двух составах Временного правительства. 7.7.1917 подал в отставку. Эмигрант. Жил во Франции.

²⁴² Терещенко Михаил Иванович (18.3.1886 – 1.4.1956) – предприниматель. Из семьи крупных сахарозаводчиков и землевладельцев Киевской губернии. Окончил экстерном юридический факультет Московского университета (1909). Массон. Председатель Киевского военно-промышленного комитета (с июля 1915), товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучкова (1915–1917). После Февральской революции министр финансов в первом составе Временного правительства (с 2.3.1917), министр иностранных дел (с 5.5. 1917), член Директории

Некрасов, министр иностранных дел – Милюков, военный и морской министр – Гучков, министр торговли и промышленности – Коновалов, министр юстиции – Керенский, министр земледелия – Шингарев, министр народного просвещения – Мануйлов²⁴³, обер-прокурор Св. Синода – Влад. Львова и государственный контролер – Годнев.

Означенным лицам было предложено занять указанные должности.

Все эти лица изъявили свое согласие, причем Керенский заявил, что он принимает портфель министра юстиции, несмотря на возражения со стороны Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, считая, что он не в праве отказываться, ибо обстоятельства текущего момента требуют от него вступления в эту должность для успокоения демократической массы, которая будет уверена, что виновники старой власти будут находиться в надежных руках. Он надеется, что Совет рабочих и солдатских депутатов одобрит его решение, а если нет, то он оставляет за собой право отказаться.

И. В. Годнев, принимая пост государственного контролера, заявил, что в течение всего времени пребывания своего в Государственной думе, он неоднократно настаивал, и Дума это²⁴⁴ поддерживала, на том, что государственный контролер не должен входить в состав Совета министров. Он лишь присутствует в нем и дает свои заключения, будучи от него независим и совершенно самостоятелен, и если Комитет с этим взглядом согласен, то при этих условиях он готов занять должность государственного контролера. Возражений со стороны Комитета не встретилось²⁴⁵.

(с 1.9.1917), заместитель министра-председателя (с 5.9.1917), подал в отставку (12.9.1917), министр иностранных дел (с 25.9.1917). В ночь на 26.10.1917 арестован в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства, затем освобожден, эмигрировал. Поддерживал Белое движение.

²⁴³ Мануйлов Александр Аполлонович (22.3.1861 – 20.7.1929) – профессор. Из семьи чиновника. Окончил юридического факультета новороссийского университета (1883). Приват-доцент Московского университета (с 1888). Экстраординарный профессор (с 1901), ординарный профессор Московского университета (1903 – 1911). Ректор Московского университета (1905 – 1911). Член Государственного совета от Академии наук и университетов (8.2.1907 – 1.3.1911). Член конституционно-демократической партии (с 1905), входил в состав ее ЦК (1907 – 1914). С 1911 преподавал политическую экономию в Московском коммерческом институте, Народном университете им. А.Л. Шанявского и на Высших женских курсах. Министр народного просвещения (2.3.1917 – 4.7.1917). Ординарный профессор Московского университета (с 8.7.1917). После октября 1917 профессор Московского университета и Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Консультант народного комиссара финансов (1919 – 1920). Член Совета Государственного банка (с 1924).

²⁴⁴ В черновике – «его» («Протокол событий». С. 134).

²⁴⁵ В черновике затем следует текст, которого нет в подлиннике: «Засим проект программы и список лиц, предположенных к назначению на должности министров, был препровожден на заключение Совета рабочих и солдатских депутатов» («Протокол событий». С. 135).

Пока проект соглашения, выработанный в ночь на 2-ое марта, обсуждался в Совете рабочих и солдатских депутатов²⁴⁶, член Государственной думы Милюков в Екатерининском зале среди народа и солдат произнес речь, в которой сообщил, что Комитетом намечены²⁴⁷ новые общественные министры. Он сообщил их имена и дал краткую характеристику их общественных заслуг. Ни протестов, ни возражений не последовало. Засим Милюкову был задан вопрос относительно царствующей династии и формы правления. Милюков ответил, что «его ответ едва ли удовлетворит всех. Старый деспот откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей. Что касается формы правления, то Россия представляется нам как парламентская конституционная монархия, но это не бесконтрольное решение, так как в программе есть пункт, который говорит, что, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке Учредительного собрания». Речь Милюкова сопровождалась сильным движением в зале и бурными аплодисментами. Оратора из зала вынесли на руках.

В этот день Военной комиссии было доставлена телеграмма, адресованная в Царское село генерал-адъютанту Иванову. Текст означенной телеграммы был следующий: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай». Вслед за этой телеграммой от государя, на имя генерал-адъютанта Иванова, была получена вторая телеграмма, в которой предлагалось Иванову вместе с Георгиевским батальоном возвратиться в Ставку. По распоряжению Временного комитета, первая телеграмма была задержана, а вторая доставлена по назначению²⁴⁸.

В этот же день была получена телеграмма от великого князя Николая Николаевича из Тифлиса следующего содержания: «Председателю Временного комитета Государственной думы Родзянко. Сейчас в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексеева обратился к государю императору с верно-подданнической мольбой, ради спасения России и победоносного окончания войны, принять решение, признаваемое Вами единственным выходом при со-

---

²⁴⁶ В черновике – «Пока эти вопросы обсуждались в Совете рабочих и солдатских депутатов» («Протокол событий». С. 135).

²⁴⁷ В черновике – «назначены» («Протокол событий». С. 135).

²⁴⁸ Этот абзац в черновике идет после сообщения о выезде А.И. Гучкова и В.В. Шульгина в Псков («Протокол событий». С. 136).

здавшихся роковых условиях. Главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант Николай»^{249;250}.

Кроме того[,] были получены многочисленные телеграммы от железнодорожных рабочих, которые восторженно приветствовали Государственную думу, взявшую власть в свои руки, и заявляли о полном подчинении всех русских дорог власти Временного комитета²⁵¹. В этот же день Временным комитетом был назначен комиссар по Особому совещанию по продовольствию, член Государственной думы Востротин²⁵².

В 3 часа дня член Государственной думы Шульгин и член Государственного совета по выборам Гучков выехали в Псков для переговоров с царем об его отречении.

Засим Временным комитетом было предписано освободить из под домашнего ареста бывшего министра путей сообщения Войновского-Кригера²⁵³.

Согласно ходатайству банков и кредитных учреждений военной комиссии Временного комитета было предписано принять срочные меры к наряду охраны этих учреждений²⁵⁴.

Во все правительственные учреждения Временным комитетом был послан приказ о том, что все служащие должны оставаться на своих местах и исполнять возложенные на них обязанности²⁵⁵. Временный комитет утвердил избранный населением Петрограда 1-го марта Временный комитет общественной безопасности и поручил ему принять все меры к поддержанию порядка и спокойствия в г. Петрограде, войдя для сего в сношения с подлежащими войсковыми частями²⁵⁶.

---

²⁴⁹ Николай Николаевич (младший) (6.11.1856 – 5.1.1929) – великий князь, сын великого князя Николая Николаевича старшего и великой княгини Александры Петровны, двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант (14.11.1894). Генерал от кавалерии (06.12.1900). Командующий войсками гвардии и Петербургским военным округом (27.10.1905 – август 1914), верховный главнокомандующий (20.7.1914 – 23.8.1915), Наместник на Кавказе и Главнокомандующий Кавказской армии (23.8.1915 – 1.3.1917). 2.3.1917 назначен Николаем II верховным главнокомандующим; 9.3.1917 отстранен от этой должности Временным правительством. Проживал в Крыму. С марта 1919 в эмиграции во Франции.

²⁵⁰ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵¹ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵² В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵³ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵⁴ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵⁵ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵⁶ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

Кроме того, Временным комитетом был утвержден, по представлению Городской думы, временным городским головой г. Петрограда Ю. Н. Глебов^{257;258}.

В виду полученных из г. Ораниенбаума сведений о начавшихся там беспорядках, туда был командирован член Государственной думы Пепеляев²⁵⁹.

Засим, того же 2-го марта, Временный комитет Государственной думы послал в Ставку генерал-адъютанту Алексееву, а также генералам Брусилову и Гурко²⁶⁰, следующую телеграмму:

«Временный комитет Государственной думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть в виду того, что под давлением войска и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова. Войска подчинились новому Правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде, лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии, командировать сюда на должность главнокомандующего Петро-

---

²⁵⁷ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁵⁸ Глебов Юрий Николаевич (20.2.1873 – 3.1.1926) – прикомандированный к верховному начальнику санитарной и эвакуационной части. Дворянин. Окончил Николаевское кавалерийское училище в С.-Петербурге. Депутат III Государственной думы от Черниговской губернии. Входил во фракцию «Союз 17 октября», товарищ ее председателя. Председатель больничной комиссии Городской думы (с 13.3.1913). Товарищ петроградского городского головы (1915–1916). 17.6.1915 выбран от Петроградской городской думы в ЦВПК. Прикомандированный к верховному начальнику санитарной и эвакуационной части. 1.3.1917 избран временным городским головой, 2.3.1917 утвержден ВКГД в этой должности. Находился в должности городского головы до 31.6.1917. Член радикально-демократической партии (с конца марта 1917). Избран в Городскую думу Петрограда 20.8.1917 от списка № 10 (республиканско-демократическая партия). После октября 1917 эмигрировал. Председатель Союза взаимопомощи русских граждан в Данциге. Жил во Франции.

²⁵⁹ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁶⁰ Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (8.5.1864 – 11.2.1937) – генерал от кавалерии. Из дворян Смоленской губернии. Окончил Пажеский корпус (1885). Выпущен корнетом (ст. 7.8.1885) в л.-гв. Гродненский гусарский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Генерал-лейтенант (пр. 1910; ст. 6.12.1910). Генерал от кавалерии (ст. 10.4.1916). С 14.8.1916 командовал Особой армией. В 10.11.1916 – 17.2.1917 во время болезни М.В. Алексеева исполнял обязанности начальника Штаба верховного главнокомандующего. Главнокомандующий армиями Западного фронта (31.3.1917 – 22.5.1917). Состоял в распоряжении верховного главнокомандующего (с 23.5.1917). 21.7.1917 арестован за переписку с бывшим императором Николаем II и помещен в Петропавловскую крепость, но вскоре освобожден. 14.9.1917 уволен со службы, выслан через Архангельск за границу. Жил в Италии. Активно участвовал в деятельности РОВС, занимал пост председателя Союза инвалидов.

градским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России, героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова²⁶¹. Во имя спасения родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград».

Такого же содержания телеграмма была послана в действующую армию командиру двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанту Корнилову. В этой телеграмме Комитет обращался к генералу Корнилову с просьбой, во имя спасения родины, не оказать принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде и незамедлительно прибыть.

Одновременно с этим были посланы циркулярные телеграммы председателям губернских земских управ и городским головам губернских земских управ и городским головам губернских и областных городов. Телеграммы эти были следующего содержания:

«Власть окончательно перешла в руки Временного комитета Государственной думы. Члены старого правительства арестованы, находятся в Петропавловской крепости. Образуется Временное правительство, о составе которого немедленно будут извещены все места и лица всех губерний и областей России. Временный комитет предлагает соблюдать полное спокойствие, не прерывать работу, обращая усиленное внимание на правильный ход работ на оборону и продовольствие населения».

---

²⁶¹ Корнилов Лавр Георгиевич (18.8.1870 – 31.3.1918) – генерал-лейтенант. Сын коллежского секретаря, выслужившегося из солдат. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1892). Выпущен из училища подпоручиком (ст. 4.8.1892) в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Генерал-майор (ст. 26.12.1911). Командующий 48-й пехотной дивизией (с 19.8.1914). В мировую войну вступил в Галиции в составе 8-й армии Юго-Западного фронта. Генерал-лейтенант (пр. 16.2.1915; ст. 26.8.1914). 23.4.1915 вместе со штабом сдался одной из австро-венгерских частей. 12.5.1915 отчислен от должности за нахождением в плену. В июле 1916 бежал из плена в Румынию, вступившую в войну на стороне Антанты. Командир 25-го армейского корпуса (с 13.9.1916), командующий войсками Петроградского военного округа (с 2.3.1917). Командующий 8-й армией (с 29.4.1917). Генерал от инфантерии (27.6.1917). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 10.7.1917), верховный главнокомандующий (с 18.7.1917). Поднял антиправительственный мятеж. 29.8.1917 отчислен от должности с преданием суду за мятеж. 2.9.1917 арестован, содержался в Быхове. 19.11.1917 освобожден. С 25.12.1917 командующий Добровольческой армией. Убит при штурме Екатеринодара.

Вместе с тем была послана телеграмма и Кавказскому наместнику. Текст этой телеграммы был следующий:

«Власть окончательно перешла в руки Временного комитета Государственной думы. Члены старого правительства арестованы и находятся в Петропавловской крепости. Образуется Временное правительство, о составе которого немедленно будут извещены все места и лица всех губерний и областей России. Уверен, что Ваше Императорское Высочество окажете полное содействие Временному комитету и сделаете²⁶² немедленное распоряжение об устранении условий, препятствующих непосредственным сношениям Комитета с подчиненными Вам властям и учреждениями, также немедленно облегчите условия цензуры газет».

В этот же день Временный Комитет обратился к населению со следующим воззванием:

«Свершилось великое дело: старая власть, губившая Россию, распалась.

Комитет Государственной думы и Совет рабочих и солдатских депутатов не могли не взять на себя временную власть и организуют порядок и управление в стране. Их первая забота теперь обеспечить продовольствием армию и население. Ими учреждена Продовольственная комиссия, и она ведет все дело. Запасов хлеба в ее распоряжении от старой власти очень мало и надо спешить их заготавливать. Граждане России, земледельцы, землевладельцы, торговцы, служащие железных дорог и рабочие, помогите родине. Нужно кормить армию и население. Война еще продолжается. Пусть все, как один человек, кто бы он ни был, придет сейчас ей на помощь в эти великие, грозные дни, пусть ни одна рука не опустится. Пусть никто не уклонится от исполнения своего гражданского долга, пусть совесть каждого подскажет каждому его дело. Скорее продавайте хлеб избранным уполномоченным, отдайте все, что сможете. Скорее везите его к железным дорогам и пристаням, скорее грузите его и доставляйте грузы по назначению. Родина ждет вашей дружной помощи. Дайте хлеб ее борцам, ее работникам и ее служащим. Время не ждет. Каждый час дорог. Не медлите.

Граждане, идите на помощь родине вашим хлебом, вашим трудом»²⁶³.

---

²⁶² В черновике – «окажет», «сделает» («Протокол событий». С. 137).

²⁶³ В черновике – «Свершилось великое дело. Старая власть, **сгубившая** (здесь и далее жирным черным шрифтом даны отличия от «Протокола заседаний» – А.Н.) Россию, распалась. Комитет Государственной думы и Совет рабочих и солдатских депутатов организуют порядок и управление в стране, **и главная забота теперь – обеспечение продовольствием армии и населения.** Ими

Это воззвание подписано председателем Комитета Государственной думы М. В. Родзянко и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов²⁶⁴.

Кроме того, Временным Комитетом был издан приказ следующего содержания:

«Тяжелое переходное время кончилось, Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг и пред лицом грозящей родине опасности свергнул старую власть. Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство, к счастью, весьма кратковременное, приходит к концу.

Граждане страны. В первую очередь граждане взволнованной событиями столицы должны вернуться к спокойной трудовой жизни. К нормальной жизни должны вернуться и войска. Бдительная охрана ими нового порядка возможна и особенно ценна, когда войска будут готовы по первому зову правительства явиться, куда надобность укажет.

Бывший комендант петроградского гарнизона, генерал Хабалов²⁶⁵ смещен и арестован. Временный комитет Государственной думы назначает главнокомандующим войсками Петрограда и его окрестностей командира 25 корпуса, генерал-лейтенанта Корнилова, несравненная доблесть и геройство которого на

учреждена продовольственная комиссия, и она ведает **всем делом**. **Запаса** очень мало и надо спешить их приготовить. <...> **торговые служащие, железнодорожные рабочие** <...> Нужно кормить армию и население, **ведь враг еще не сломлен**». В черновике этого предложения нет: «Война еще продолжается. Пусть все, как один человек, кто бы он ни был, придет сейчас ей на помощь в эти великие, грозные дни, пусть ни одна рука не опустится». В черновике – «Скорее продавайте хлеб **уполномоченным, отдавайте** все, что **можете**, везите его к железным дорогам и пристаням и скорее грузите и доставляйте грузы по назначению. Родина ждет вашей **общей** помощи. Дайте хлеб ее борцам и **рабочим**. <...> **Граждане! Придите на помощь Родине хлебом и трудом**» («Протокол событий». С. 129).

²⁶⁴ В черновике нет указания на то, кто подписал это воззвание («Протокол событий». С. 129).

²⁶⁵ Хабалов Сергей Семенович (21.4.1858 – 1924) – генерал-лейтенант. Окончил Михайловском артиллерийское училище (1878). Выпущен сотником (ст. 16.4.1878) в Терскую конноартиллерийскую № 1 батарею. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1886). Генерал-лейтенант (пр. 6.12.1910; ст. 6.12.1912). Военный губернатор Уральской области (с 24.1.1914). Главный начальник Петроградского военного округа (с 13.6.1916), переименован в командующего войсками Петроградского военного округа (6.2.1917). 28.2.1917 арестован в Адмиралтействе и доставлен в Таврический дворец, где, выдав себя за казачьего генерала С.И. Хопрянинова, сумел покинуть дворец. Вновь арестован утром 1.3.1917 на квартире начальника Главного штаба генерал-лейтенанта Н.П. Михневича. Содержался в Петропавловской крепости. 2.3.1917 освобожден от должности и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. В октябре 1917 освобожден из тюрьмы. 11.11.1917 уволен от службы. В 1919 уехал на Юг России. 1.3.1920 эвакуировался из Новороссийска в Салоники.

полях сражений известны всей армии и России. Сделано распоряжение о вызове генерала Корнилова из действующей армии. До его приезда в Петроград временное исполнение обязанностей главнокомандующего возложено на командира 19 запасной бригады генерал-майора Аносова²⁶⁶.

4 марта назначить парад войскам Петроградского гарнизона, который примет Временное Правительство».

Приказ подписан председателем Временного комитета, председателем Государственной думы М. Родзянко.

2-го же марта Временным комитетом были приняты военные агенты и дипломатические представители Англии, Франции и Италии, а также Сербии, заявившие о своей готовности немедленно вступить в деловые отношения с Временным комитетом, как с единственным представителем власти в России²⁶⁷.

Поздно вечером того же 2-го марта, во Временный комитет Государственной думы прибыли офицеры, находящиеся в Петрограде, которые представили следующую резолюцию, выработанную на собрании офицеров, состоявшемся по поводу речи, произнесенной Милюковым:

«Офицеры с солдатами и народом.

Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя об руку с народом, и собравшись по предложению Исполнительного комитета Государственной думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружной работы в тылу, единогласно постановили:

Признать власть Исполнительного комитета Государственной думы в управлении государством Российским впредь до созыва Учредительного собрания».

2-го же марта²⁶⁸ Временным комитетом было получено следующее заявление: «Офицеры города Петрограда, собравшиеся в зале Армии и Флота 2 марта в количестве более двух тысяч человек, присоединяются к резолюции, вынесенной в собрании около тысячи пятисот офицеров 1-го марта и не вполне правильно переданной в № 4-м "Известий" от 1 марта, постановили: признавая, что

²⁶⁶ Аносов Николай Степанович (15.9.1866 – январь 1920) – генерал-майор. Родился в генеральской семье. Окончил 3-е военное Александровское училище (1886). Выпущен в л.-гв. Измайловский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Генерал-майор (ст. 25.1.1915). Начальник 19-й пехотной запасной бригады (с 30.1.1916). Вр.и.д. главнокомандующего войсками Петроградского военного округа (2.3 – 5.3.1917). Командующий 20-й пехотной дивизией (4.05 – 1.07.1917). Состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (с 1.7.1917). Расстрелян Петроградской ЧК. Реабилитирован в 1993.

²⁶⁷ В «Протоколе событий» этого сообщения нет.

²⁶⁸ В черновике нет слов – «2-го же марта» («Протокол событий». С. 138).

для доведения до победоносного конца войны с жестоким врагом необходима твердая и облеченная доверием народа власть для введения порядка и организации тыла, единогласно постановили: признать власть Временного исполнительного комитета Государственной думы для управления государством Российским, впредь до созыва Учредительного собрания»²⁶⁹.

К ночи все внутренние и наружные караулы Таврического дворца, которые занимали все время преображенцы, были заняты Волынским полком. Одновременно с этим к дворцу стали стягиваться вооруженные части войск с артиллерией и пулеметами, которые и окружили дворец. В это же время собравшиеся офицеры всех родов оружия и некоторые из членов Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов убеждали Временный комитет Государственной думы²⁷⁰ и лиц, намеченных в правительство, что в программу деятельности правительства должно непременно войти образование на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления страны. Это требование поддерживалось соображениями, что вопрос о сохранении царствующей династии, возбуждающей всеобщую ненависть, должен быть разрешен отрицательно, и что с этим решением медлить нельзя, так как такое промедление вызывает уже сильное возбуждение и, намекая, что отказ может повлечь за собой весьма тягостные и нежелательные²⁷¹ последствия.

Кроме того[,] Временному комитету было представлено еще следующее заявление:

«Группа офицеров всех частей заявляет Временному правительству, что его тактика при настоящих обстоятельствах является совершенно недопустимой с точки зрения осведомления широких масс войск и народа о намерении и задачах Временного правительства. Подобного рода обращение, отпечатанное в миллионах экземплярах, должно широко распространяться по всей стране. А между тем на всех улицах можно слышать обвинения со стороны ораторов, к которым начинают уже прислушиваться солдаты и народ, в измене народу Временного правительства и, в частности, его председателя, в желании предать народ старой власти, в обязательном намерении противо-

²⁶⁹ В газетной публикации указывалось: «Признать власть исполнительного комитета Гос[ударственной] думы впредь до образования постоянного правительства» (Постановление офицеров собрания Армии и Флота // Известия КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (Типография Т-ва А.С. Суворина – «Новое время»).

²⁷⁰ В черновике – «Временный комитет» («Протокол событий». С. 139).

²⁷¹ В черновике нет слов: «намекая, что отказ», «и нежелательные» («Протокол событий». С. 139).

действовать народу ввести республиканский строй и созвать Учредительное собрание. Офицеры полагают, что Временное правительство должно ясно и точно высказаться о своем намерении дать народу самому избрать форму правления в лице Учредительного собрания, которое может быть созвано только после установления полного спокойствия в стране, необходимого для правильности выборов. Воля и решение народа должны быть священны Временному правительству и до созыва Учредительного собрания. Временное правительство не имеет права повиноваться указаниям отдельных групп народа. Только одному Учредительному собранию должно повиноваться Временное правительство, сдавая свою власть новому, постоянному правительству. В случае упорствования Временного правительства в желании самым широким образом осведомить народ о своих намерениях, офицеры отрицают возможность установить порядок в армии, в стране и столице и считают анархию неминуемой».

Временный комитет, обсудив этот вопрос, пришел к решению немедленно опубликовать сообщение, что форма правления будет установлена Учредительным собранием²⁷².

В виду такого постановления Временного комитета, было решено составить объявление следующего содержания:

«Временное правительство, образованное Комитетом Государственной думы, сим заявляет, что в программу деятельности правительства входит образование, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного собрания, которое установит форму правления страны».

Это объявление было подписано кн. Львовым, Павлом Милюковым и министром юстиции А. Керенским. Это объявление тотчас же, по поручению Временного правительства, было оглашено членом Государственной думы В. М. Вершининым в Совете рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, это объявление было сообщено Военной комиссии, а также были приняты меры к возможно широкому его распространению в Петрограде²⁷³.

---

²⁷² В черновике вместо этого абзаца, следует – «Временный комитет, обсудив этот вопрос, пришел к окончательному решению о неизбежности изменить свое первоначальное решение об отречении императора Николая II в пользу своего сына Алексея, а также признал необходимым включить в программу деятельности Временного вопрос о созыве Учредительного собрания» («Протокол событий». С. 140).

²⁷³ В черновике нет слов – «в Петрограде» («Протокол событий». С. 140).

Утром 3-го марта были опубликованы оба заявления – от Временного комитета и от Совета рабочих депутатов²⁷⁴, текст которых был окончательно установлен накануне вечером²⁷⁵.

I.

«Граждане. Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения, достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью: министр[–]председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов, министр иностранных дел П. Н. Милюков, министр военный и морской А. И. Гучков, министр путей сообщения Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности А. И. Коновалов, министр народного просвещения А. А. Мануйлов, министр финансов М. И. Терещенко, обер-прокурор Св. Синода В. Н. Львов, министр земледелия А. И. Шингарев, министр юстиции А. Ф. Керенский, государственный контролер И. В. Годнев.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.;

2) свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военнотехническими условиями;

3) отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений;

4) немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны;

---

²⁷⁴ Ошибка документа. В это время – Совет рабочих и солдатских депутатов.

²⁷⁵ В черновике вместо этого текста следует – «После этого было достигнуто полное соглашение с Советом рабочих и солдатских депутатов и выработана редакция программы Временного правительства, одобренная Советом рабочих и солдатских депутатов. Равным образом Совет рабочих и солдатских депутатов одобрил и список лиц, намеченных Временным комитетом в состав Временного правительства. В виду этого Временный комитет Государственной думы сделал следующее объявление:» («Протокол событий». С. 140).

5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления;

6) выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

7) неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении;

8) при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий».

Это объявление было подписано председателем Государственной думы и всеми министрами²⁷⁶.

II.

От Исполнительного Комитета Совета солдатских и рабочих депутатов²⁷⁷.

Товарищи, граждане.

«Новая власть, создающаяся из общественно-умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами. Политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, – демократия должна оказать ей поддержку.

Товарищи и граждане. Приближается полная победа русского народа над старой властью. Но для победы этой нужны еще громадные усилия, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разъединения и

---

²⁷⁶ В черновике далее следует сообщение о первом заседании Временного правительства («Протокол событий». С. 141).

²⁷⁷ В «Протоколе событий» текст воззвания отсутствует.

анархии. Нужно немедленно пресекать все бесчинства, грабежи, врывания в частные квартиры, расхищения и порчу всякого рода имущества, бесцельные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархии губят революцию и народную свободу.

Не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития Родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдате его личное и гражданское достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата. Со своей стороны, солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию. Ради успеха революционной борьбы надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом».

В 2 часа ночи со 2-го на 3-е марта состоялось первое заседание Временного правительства²⁷⁸. В это время была получена телеграмма от генерал-адъютанта Рузского следующего содержания:

«Сообщаю текст указа Правительствующему Сенату, данный государем императором:

1) Указ Правительствующему Сенату. Наместнику нашему на Кавказе его императорскому высочеству великому князя Николаю Николаевичу повелеваем быть верховным главнокомандующим. Николай. 2-го марта 1917 года. Псков, 14 часов. Контрасигнировал министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс²⁷⁹.

---

²⁷⁸ В черновике – «В 2 часа ночи состоялось первое заседание Временного правительства».

О.А. Шашкова пишет в связи с этим в подстрочнике: «Фактически это было второе заседание Временного правительства» («Протокол событий». С. 141). Это утверждение Шашковой является ошибочным. В действительности, в указанное время началось первое заседание Временного правительства.

²⁷⁹ Фредерикс Владимир Борисович (16.11.1838 – 5.7.1927) – министр императорского двора. Дворянин. Получил домашнее образование. Флигель-адъютант при императоре Александре II (с 1871). Генерал-адъютант (1896). Министр императорского двора (с 6.5.1897). Командующий Императорской Главной квартирой (с 14.7.1897). Генерал от кавалерии (6.12.1900). Член Государственного совета (с 4.11.1905), в 1906–1917 ежегодно назначался к присутствию. 2.3.1917 в Пскове скрепил Манифест об отречении императора Николая II от престола. 5.3.1917 удален из местопребывания

2) Указ Правительствующему Сенату. Князю Георгию Евгеньевичу Львову повелеваем быть председателем Совета министров. Псков, 14 часов. Контрасигнировал²⁸⁰ министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс».

Засим, около 3 часов ночи, через начальника Главного штаба, от Гучкова и Шульгина была получена следующая зашифрованная телеграмма:

«Просим передать председателю Думы Родзянко: "Государь дал согласие на отречение от престола в пользу великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции. Поручение образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно верховным главнокомандующим назначается великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно. Сообщите немедленно Псков положение дел Петрограде [»].

Вслед за получением означенной телеграммы председатель Государственной думы и министр-председатель князь Львов проехали в Главный штаб для ее расшифровки.

В 4 ч. 30 мин. утра со 2-го на 3-е марта от подполковника Генерального штаба Мороза²⁸¹ была получена телеграмма, заключающая в себе текст телеграмм, адресованных на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего, командующего флотом Балтийского и Черного морей, фронтами, а также августейшему главнокомандующему Кавказской армии²⁸².

Эта телеграмма гласила:

«Передаю текст высочайшего Манифеста, изложенного в нижеследующей телеграмме, адресованной на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Только для председателя Государственной думы Родзянко.

отрекшегося императора Николая II. 9.3.1917 арестован в Гомеле, доставлен в Петроград. Допрашивался ЧСК. После освобождения жил в Петрограде. В 1924 выехал в Финляндию.

²⁸⁰ В черновике и в первом, во втором указе – «контр-ассигновал» («Протокол событий». С. 141–142).

²⁸¹ Мороз Феликс Антонович (7.12.1881 – после 15.7.1919) – подполковник. Окончил Иркутское пехотное юнкерское училище (1904). Из училища выпущен подпоручиком (ст. 9.8.1904) в 153-й пехотный Бакинский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913). Подполковник (пр. 1916; ст. 6.12.1916). Помощник начальника отделения (с 25.11.1916), и.д. начальника отделения (с 28.9.1917) Управления генерал-квартирмейстера Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Военный консультант на Брест-Литовских переговорах в ноябре – декабре 1917. Добровольно вступил в РККА (1918). Включен в список Генерального штаба РККА от 15.7.1919).

²⁸² В черновике – «телеграмм, адресованных на имя начальника Штаба верховного главнокомандующего Кавказской армии» («Протокол событий». С. 142).

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно с славными Нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали Мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любим сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему великому князю Михаилу Александровичу и, благословляя его на вступление на престол государства Российского, заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины. Призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. 2-го марта 15 часов 1917 год, г. Псков. Николай. Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс"».

Вслед за этим немедленно же Временным комитетом были разосланы телеграммы начальнику штаба и всем главнокомандующим, а также и в Москву с требованием о приостановлении печатанием Манифеста и о неоглашении его впредь до особого распоряжения. Председатель Государственной думы в то время находился еще в Главном штабе и не возвращался.

Около 6-ти часов утра²⁸³ министр юстиции Керенский позвонил по телефону великому князю Михаилу Александровичу и предупредил его, что сейчас Временный комитет Государственной Думы в полном составе и члены Временного правительства придут к нему на квартиру для переговоров.

---

²⁸³ 3 марта 1917 г.

В 8 час. утра прибыл председатель Государственной думы, и Временный комитет, совместно с Временным правительством, кроме Гучкова, который должен был с минуты на минуту приехать из Пскова с Шульгиным, обсуждал вопрос о своем отношении к Манифесту государя Николая II.

После обмена мнениями, длившегося около полутора часа, пришли к заключению, вопреки мнению министра иностранных дел Милюкова, о необходимости убедить великого князя Михаила Александровича не принимать на себя верховной власти, ибо такого разрешения вопроса требовало соотношение политических сил. Гучкова поджидали, но он не ехал, тогда решено было его больше не ждать и дать знать по телефону на вокзал о том, что Гучкову и Шульгину надлежит с вокзала направиться на Миллионную улицу № 12, где помещался в то время великий князь Михаил Александрович. В то же самое время Шульгин сообщил по телефону с Варшавского вокзала, что они прибыли из Пскова и что им пришлось собравшимся войскам и народу объявить Манифест об отречении Николая II, что им, Шульгиным, означенный Манифест и соответствующие разъяснения были сообщены в здании вокзала, причем находившиеся там войска и народ приняли это известие сочувственно, и что сообщение о том же делает Гучков рабочим железнодорожных мастерских.

Временный комитет просил Шульгина немедленно отправиться в помещение, где находился Гучков, и постараться объявить рабочим о том, что обстоятельства изменились и что в связи с этим последует и изменение акта об отречении.

Это сообщение Шульгина успокоило несколько взволнованных сообщением Гучкова рабочих.

Около 10 час. утра Временный комитет и члены Временного правительства отправились к великому князю Михаилу Александровичу, где и пробыли до 2-х часов дня.

Несмотря на возражения со стороны министров иностранных дел Милюкова и военного и морского Гучкова, – великий князь принял решение свободно и бесповоротно отказаться в настоящий момент от принятия на себя верховной власти. Для написания соответствующего Манифеста были вызваны член Государственной думы Маклаков, профессор Нольде²⁸⁴ и Набоков²⁸⁵, которые и закончили свою работу около 7 час. веч[ера].

---

²⁸⁴ Нольде Борис Эммануилович (27.12.1876 – 1948) – директор 2-го департамента МИД. Барон. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1897). Магистр международного

Текст этого Манифеста был составлен в следующих выражениях:

«Тяжелое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего – благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому [и] надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословление Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Временный комитет и Временное правительство постановили опубликовать акт об отречении императора Николая II от престола государства Российского в пользу великого князя Михаила Александровича и акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы одновременно²⁸⁶.

права (1905). Экстраординарный профессор Политехнического института (1903–1919). Директор 2-го департамента МИД (1916–1917). 3.3.1917 принимал участие в составлении Акта великого князя Михаила Александровича об отказе от восприятия верховной власти. Товарищ министра иностранных дел (2.3 – 5.5.1917). Член Юридического совещания при Временном правительстве и Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительного собрания. С 1919 в эмиграции. Жил в Финляндии, затем во Франции.

²⁸⁵ Набоков Владимир Дмитриевич (21.7.1869 – 28.3.1922) – юрист. Дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Преподавал в Училище правоведения (1896 – 1904), профессор. Один из учредителей конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Депутат I Государственной думы от С.-Петербурга. Входил в конституционно-демократическую фракцию. Подписал Выборгское воззвание, приговорен к трем месяцам тюрьмы и лишен избирательных прав. 3.3.1917 принимал участие в составлении Акта великого князя Михаила Александровича об отказе от восприятия верховной власти. Управляющий делами Временного правительства (3.3 – 5.5.1917). Член Юридического совещания при Временном правительстве (с 15.5.1917). С августа 1915 товарищ председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Член Учредительного собрания. С 15.11.1918 министр юстиции Крымского краевого правительства. Эмигрант с 1919. Жил в Лондоне, Париже, затем переехал в Берлин. Погиб во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Миллюкова.

²⁸⁶ Можно предположить, что совместное заседание ВКГД и Временного правительства, в ходе которого было принято это постановление, и было вторым заседанием Временного правительства, журнал которого до сих пор не обнаружен.

В этот же день 3-го марта²⁸⁷ за подписью председателя Государственной думы начальнику Штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующим фронтами была послана следующая телеграмма: «Сего числа Временным комитетом Государственной думы назначено Временное правительство в составе председателя Совета министров и министра внутренних дел князя Георгия Евгеньевича Львова, министра иностранных дел Павла Николаевича Милюкова, министра юстиции Александра Федоровича Керенского, министра путей сообщения Николая Виссарионовича Некрасова, министра торговли и промышленности Александра Ивановича Коновалова, министра народного просвещения Александра Аполлоновича Мануйлова, военного министра и временно Морского Александра Ивановича Гучкова, министра земледелия Андрея Ивановича Шингарева, министра финансов Михаила Ивановича Терещенко, государственного контролера Ивана Васильевича Годнева, обер-прокурора Св. Синода Владимира Николаевича Львова. Благоволите по всем подлежащим вопросам сноситься с новым правительством».

Кроме того[,] было напечатано в газетах и разослано по всем ведомствам и учреждениям следующее объявление:

«По распоряжению Временного комитета Государственной думы объявляю: всем почтовым и телеграфным учреждениям, установлениям и лицам, что в виду последовавшего назначения председателя Совета министров и министров вся корреспонденция, касающаяся их деятельности, должна быть направлена не в Государственную думу, а в соответствующие министерства и главные управления по принадлежности».

Акт отречения императора Николая II от престола в пользу великого князя Михаила Александровича и отказ последнего от восприятия верховной власти были опубликованы в ночь с 3-го на 4-ое марта.

Председатель Временного комитета[,]
председатель Государственной думы М. Родзянко²⁸⁸.
Члены Временного комитета:
секретарь Государственной думы Ив. Дмитриюков²⁸⁹.
В. Шульгин, С. Шидовский, П. Милюков, Н. Некрасов²⁹⁰.
Управляющий делами Временного комитета Я. Глинка²⁹¹.

²⁸⁷ В черновике – «3 марта» («Протокол событий». С. 144).

²⁸⁸ «М. Родзянко» – подписано от руки.

²⁸⁹ «секретарь Государственной думы Ив. Дмитриюков» – должность и подпись сделаны от руки.

²⁹⁰ «В. Шульгин, С. Шидовский, П. Милюков, Н. Некрасов» – подписано от руки.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Объявление Продовольственной комиссии при Временном комитете Государственной думы.

«Новая власть в лице продовольственной комиссии, Комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов, приняв общее руководство снабжением и продовольствием армии и населения, получило в наследство старого правительства много неудовлетворенных потребностей, но очень мало хлеба. В виду этого продовольственная комиссия, считая необходимым принять самые решительные меры к усилению скорейшей поставки хлеба для нужд армии и населения, считает, что, прежде всего, необходимо призвать население к добровольной поставке хлеба. Неоднократные попытки старого правительства получить хлеб успеха не имели вследствие недоверия населения к старой власти. Выражая уверенность, что теперь население пойдет навстречу новой власти, продовольственная комиссия считает нужным призвать к немедленному получению хлеба. Государственные интересы требуют получения сейчас же всех крупных партий хлеба, сосредоточенных в больших сельскохозяйственных экономах, у торговых посредников и банков. Поэтому Продовольственная комиссия, взамен телеграмм за №№ 1573 и 1579, подписанных бывшими министрами Беляевым и Риттихом²⁹², предлагает вам, не останавливая обычных закупок и получения хлеба по разверстке от всех владельцев, немедленно по получении этой телеграммы приступить к реквизиции хлеба у крупных вольных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запаса хлеба у торговых предприятий и банков. Реквизиция должна производиться без понижения цены.

Губернским земским управам поручается организовать комитеты. В тех губерниях, где не введено положение о земских учреждениях, организация продовольственных комитетов поручается городским думам соответственно правам губернских или областных городов.

В состав губернских продовольственных комитетов входят представители: 1) земских и городских общественных самоуправлений, при чем предоставляется выбирать не только лиц, имеющих избирательные права: временно предоставляется избирать земским управам, 2) местных районных союзов, кооперативов, производительных и потребительных, а где их нет – губернских кооперативных совещаний, 3) представители местных советов рабочих депутатов, по мере их образования, или больничных касс и рабочих профессиональных союзов, 4) представители советов крестьянских союзов по мере их образования и 5) представители губернских сельскохозяйственных обществ. Губернским продовольственным комитетам предоставляется право приглашать представителей других местных общественных организаций.

Губернские продовольственные комитеты избирают из своей среды председателей и их заместителей, на которых возлагаются обязанности уполномоченных председателей особых

---

²⁹¹ «Я. Глинка» – подписано от руки.

²⁹² Риттих Александр Александрович (21.9.1868 – 15.6.1930) – министр земледелия. Из дворян Харьковской губернии. Окончил Александровский лицей (1888). Министр земледелия (с 16.11.1916). В 1919 эмигрировал. Жил в Англии.

совещаний по продовольственному делу и уполномоченных министерства земледелия по закупкам хлеба и других продуктов продовольствия и обязанности распределения. Председатель назначает себе помощников по заготовке отделов продуктов и распределения.

Губернским комитетам поручается: 1) общее руководство продовольственным делом губернии и 2) исполнение нарядов центральной власти для нужд армии и населения.

Губернским продовольственным комитетам поручается организовать местные уездные, волостные, мелко-районные и городские комитеты на широких демократических началах. Столицы имеют самостоятельные комитеты. Временное правительство находит необходимым создать продовольственные комитеты, а впредь до их образования действуют продовольственные органы».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Речь Милюкова

Мы, [–] сказал он, – присутствуем при великой исторической минуте, еще три дня назад мы были в скромной оппозиции, а русское правительство казалось всемогущим. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета[.] (Шумные продолжительные аплодисменты). Как могло случиться это событие, казавшееся еще так недавно невероятным[?] Как произошло то, что русская революция, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история?

Это произошло потому, что история не знает и другого правительства, столь глупого, столь бесчестного, столь трусливого и изменнического, как это ныне низвергнутое правительство, покрывшее себя позором, лишило себя всяких корней симпатии и уважения, которые связывают всякое сколько[–]нибудь сильное правительство с народом.

Правительство мы свергли легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сделать. Остается еще половина дела – и самая большая. Остается удержать в руках эту победу, которая нам так легко досталась. Как сделать это[?] Ответ прост и ясен. Нам нужно организовать победу. А для этого[,] прежде всего[,] надо сохранить то единство воли и мысли, которое привело нас к победе. Между нами, членами теперешнего кабинета, было много старых и важных споров и разногласий. Быть может, скоро эти разногласия станут важными и серьезными. Но сегодня они бледнеют и стушевываются перед той общей и важной задачей, которая еще не разрешена вполне, – перед задачей создать новую народную власть на место старой, упавшей. Лучше быть единым в движении к этой цели. Будьте едины в устранении политических споров, быть может и важных, но сегодня могущих еще вырвать из наших рук плоды победы.

Будьте едины и вы, солдаты и офицеры славной и великой русской армии, и помните, что армия сильна своим внутренним единством: потерявшая это единство и раздробленная, она обращается в беспорядочную толпу и всякая горсть вооруженных, организованных людей может взять ее голыми руками. Сохраните же это единство для себя и для нас и покажите, что после того, как мы легко свергнули всемогущую старую власть, – докажите, что первую общественную власть, выдвинутую народом, не так легко будет низвергнуть. (Шумные про-

должительные аплодисменты и возгласы из рядов слушателей). Я слышу, меня спрашивают: "Кто вас избрал[?]". Нас никто не выбирал, ибо если бы мы²⁹³ стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организовать и победить и вас[,] и нас. Нас выбрала русская революция. (Шумные продолжительные аплодисменты). Так посчастливилось, что в минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно известна народу своим политическим прошлым и против которой не могло быть и тени тех возражений, под ударами которой пала старая власть. Но мы слишком хорошо помним, что сами мы еще недавно защищали начала ответственности власти перед народными избранниками. Мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободные избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть других людей, более заслуживающих доверия. (Рукоплескания). Поверьте, господа, власть берется в эти дни не из слабости к власти. Это не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва. (Шумные рукоплескания). И как только нам скажут, что жертвы эти больше не нужны народу, мы уйдем с благодарностью за данную нам возможность. Но мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрепить победу народу, и когда упавшая из наших рук она может достаться только врагу. (Рукоплескания. Возгласы: "Кто министры[?]"). Для народа не может быть тайн. Эту тайну вся Россия узнает через несколько часов, и, конечно, не для того, мы стали министрами, чтобы скрыть втайне свои имена. Я вам скажу их сейчас. Во главе нашего министерства мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность (крики: [""]Цензовую[""]), так непримиримо преследовавшуюся старым правительством. Кн. Г. Е. Львов, глава русского земства (крики: [""]цензового[""]), будет нашим премьером и министром внутренних дел и заместит своего гонителя. Вы говорите: цензовая общественность. Да, но единственная организованная, которая даст потом возможность организовать и другим слоям русской общественности. (Рукоплескания). Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность нецензовая тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища А. Ф. Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете. (Бурные рукоплескания). Мы бесконечно рады были отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужников старого режима, всем этим штюрмерам и сухомлиновым. (Рукоплескание). Трусливые герои дней, прошедших навеки, по воле судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиции, а министерства юстиции А. Ф. Керенского. (Бурные рукоплескания, крики). Вы хотите знать другие имена. (Крики: [""]А вы[""?]). Мне мои товарищи поручили взять руководство внешней русской политикой. (Бурные и продолжительные рукоплескания, разрастающиеся в овацию оратору, который кланяется во все стороны). Быть может, на этом посту я окажусь и слабым министром, но я могу обещать вам, что при мне тайны русского народа не попадут в руки наших врагов. (Бурные и продолжительные рукоплескания) ... Теперь я назову вам имя, которое, я знаю, возбудит здесь возражения. А. И. Гучков был моим политическим врагом (крики: [""]Другом[""]) в течение всей жизни Государственной Думы. Но, господа, мы теперь политические друзья, да и к врагу надо быть справедливым, ведь Гучков в Третьей

---

²⁹³ «мы» — вписано от руки.

Думе приступил к переустройству русской армии, тогда еще дезорганизованной маньчжурской неудачей. И он положил первый камень той победе, с которой наша обновленная и возрожденная армия выйдет из настоящей великой борьбы. Мы с Гучковым люди разного типа. Я – старый профессор, привыкший читать лекции, а Гучков – человек действия. И вот теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу. (Рукоплескания) ... Чтобы сказали вы, если бы вместо того, чтобы расставлять войска вчера ночью на вокзалах, в которых ожидалось прибытие враждебных перевороту войск, Гучков принял участие в наших политических прениях, а враждебные войска, занявшие вокзал, заняли бы улицы, а потом и этот зал. Что осталось бы тогда с вами и со мной. (Возгласы одобрения. Крики: "Верно") ... (Вопрос: "А морской министр[?]"). Пост морского министра, пока мы не подыщем достойной кандидатуры, мы также оставим в руках Гучкова. Далее мы дали два места представителям той либеральной группы русской буржуазии, которые первые в России попытались организовать представителей рабочего класса. (Аплодисменты. Крики: "Где оно[?]") ... Господа, это сделало старое правительство. А. И. Коновалов помог организовать рабочей группе при петроградском Военно-Промышленном Комитете, а М. И. Терещенко сделал то же самое относительно Киева... (Вопрос с места: "Кто Терещенко[?]"). Да, господа, это имя громко звучит на юге России. Россия велика и трудно везде знать всех наших лучших людей. ("А земледелия[?]")... Господа, в эти дни когда продовольствие армии является серьезным и трудным вопросом, когда старое правительство довело почти до края бездны нашу родину и каждая минута промедления грозит где-нибудь голодным бунтом, которые уже начались, – в такое время мы назначили министром земледелия А. И. Шингарева, которому, мы думаем, обеспечена та общественная поддержка, отсутствие которой обеспечило провал г. Риттиха. (Бурные и продолжительные аплодисменты). ("А пути сообщения[?]").

На этот другой важный для нашей родины пост мы выдвинули Н.В. Некрасова, товарища председателя Государственной думы, особенно любимого нашими левыми товарищами. (Оживленные аплодисменты). Ну, вот, кажется, почти все, что вас может интересовать. ("А программа[?]"). Я очень жалею, что в ответ на этот вопрос не могу прочесть вам бумажки, на которой изложена эта программа. Но дело в том, что единственный экземпляр программы, обсужденной вчера в длинном ночном совещании с представителями Совета рабочих депутатов, находится в настоящее время на окончательном рассмотрении их. И я надеюсь, что через несколько часов вы об этой программе узнаете. Но, конечно, я могу и сейчас сказать вам важнейшие пункты... (Шум. Громкие крики: "А династия[?]"). Вы спрашиваете о династии. Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. (Аплодисменты). Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. (Продолжительный шум. Аплодисменты. Снова шум) ... Наследником будет Алексей. (Крики: "Это старая династия") ... Да, господа, это старая династия, которой может быть не любите вы, а может быть не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто кого любит. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентскую конституционную монархию. Быть может, другие представляют себе иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный ре-

жим. Этого мы сделать не имеем права ни перед вами, ни перед собой. Однако, это не значит, чтобы мы решили вопрос бесконтрольно. В нашей программе вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания (шумные аплодисменты) ... собранного на основе прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразил общее мнение России, мы или наши противники ... (Аплодисменты. Шум. Крики: "Опубликуйте программы"). Эти возгласы напоминают мне о важном вопросе, решить который зависит от Совета рабочих депутатов, в руках которого находится распоряжение типографскими рабочими. Свободная Россия не может обойтись без самого широкого оглашения и обсуждения сведений, в настоящую минуту интересующих всю Россию. Я надеюсь, что завтра же удастся восстановить правильный выход органов прессы, отныне свободной. Господа, я мог бы перечислить и другие пункты программы, но думаю, что те, о которых я упомянул, интересуют вас главным образом, а о других вы узнаете скоро из печати. Я охрип, мне трудно говорить далее, позвольте на этих объяснениях пока остановить мою речь... (Бурные аплодисменты. Движение в зале. Оратора несколько раз подхватывают, качают, а потом на руках выносят из Екатерининского зала)».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3²⁹⁴.

Ставка.

Начальнику Штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном НАШИМ, Мы передаем наследие Наше брату НАШЕМУ великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему, править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины²⁹⁵ призываем всех верных сынов Отечества к исполне-

²⁹⁴ Цифра «3» вписана от руки черными чернилами.

²⁹⁵ В Манифесте, включенном в «Протокол заседаний», фраза «<...>и **благословляем** (здесь и далее выделено мной – А.Н.) его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему, править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены,

нию своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

г. Псков.

2 марта 15 час.

5 мин.²⁹⁶ 1917 г.

Министр императорского двора
генерал-адъютант граф Фредерикс.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4²⁹⁷

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне ИМПЕРАТОРСКИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ в годину беспримерной войны и волнений народных²⁹⁸.

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословление Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Михаил.

3/III – 1917.

Петроград²⁹⁹.

принеся в том **ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины**<...>» дана в тексте приложения иначе: **благословляя** его на вступление на престол государства Российского, заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, **принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины**».

²⁹⁶ Под Манифестом, включенном в текст черновика, стоит другое время – «15 часов» («Протоколе событий». С. 143).

²⁹⁷ Цифра «4» вписана от руки черными чернилами.

²⁹⁸ В Акте об отказе от восприятия верховной власти, включенном в текст черновика, первый абзац заканчивается словами «волнений народа» («Протоколе событий». С. 144).

²⁹⁹ В Акте об отказе от восприятия верховной власти, включенном в текст черновика, подпись «Михаил», а также дата и место его подписания – «3/III – 1917. Петроград» – отсутствуют («Протоколе событий». С. 144).

КАЛАШНИКОВ В. В.

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ИСТОРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье проведен анализ позиций отечественных историков в оценке роли Государственной Думы в истории Февральской революции, характерных для историографии советского и постсоветского периодов.

Ключевые слова: Февральская революция, Государственная Дума, историография

Одним из важных достижений новейшей историографии Февральской революции является существенный пересмотр роли Государственной Думы и, в особенности, лидеров Прогрессивного блока в решающие дни февраля 1917 г. Суть пересмотра заключается в отказе от той явной недооценки деятельности думских либералов в обеспечении мирной и быстрой победы буржуазно-демократической революции во всей стране, которая была характерна для советской историографии. Однако для того чтобы выявить масштабы произошедшего пересмотра, необходимо точно выявить и ту позицию, которую занимали советские историки по этому вопросу с учетом эволюции советской историографии. Это важно сделать и потому, что в ряде работ современных историков прослеживается тенденция в *упрощенном и даже в искаженном виде представлять советскую историографию*, а затем с энергией, достойной лучшего применения, бороться с этими искаженными представлениями, выступая в качестве «новаторов», «разоблачителей», носителей «новой исторической истины»¹.

Советская историография. Напомним, что в основе концепцию истории Февраля, которую разрабатывали советские историки, лежали два положения:

– о гегемонии пролетариата в Февральской революции, т.е. о руководящей роли рабочего класса по отношению к другим слоям трудящихся, вставших на борьбу против царизма;

---

¹ Все выделения в тексте статьи, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

– о руководящей роли партии большевиков в подготовке и проведении Февральской революции.

Эти положения доминировали весь советский период и были закреплены в таких авторитетных изданиях как «История гражданской войны в СССР» (том. 1, 1935), в соответствующих статьях «Большой советской энциклопедии» (1969–1978 гг.), «Исторической энциклопедии» (1961–1976), а также в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (1987).

В сталинскую эпоху, во времена доминирования установок «Краткого курса», эти положения раскрывались весьма прямолинейно, что влекло за собой недооценку:

– степени самостоятельности и стихийности действий рабочих масс в февральские дни;

– решающей роли стихийного восстания солдат, которое и превратило мирные демонстрации рабочих в революцию – в открытую борьбу с целью свержения старой власти;

– революционной роли Петросовета, лидерство в которых в февральские дни захватили эсеры и меньшевики.

Еще более прямолинейно, а фактически неверно, оценивался вклад Государственной Думы в свержение самодержавия: он либо отрицался, либо игнорировался. Зачастую Дума оценивалась как чисто контрреволюционный орган, главная задача которого состояла в том, чтобы *подавить* начавшуюся революцию².

Жесткие оценки роли Думы как контрреволюционного органа в февральские дни сохранились у ряда историков и в постсталинский период. Так, например, по мнению историка С. С. Хесина, созданный 27 февраля Временный комитет членов Государственной Думы (ВКГД) имел в качестве «одной из главнейших задач ... подчинение себе армии и флота с тем, чтобы использовать их для *подавления* народного движения»³. Конечно, не следует полностью отрицать и такие цели создания ВКГД, тем не менее, такой акцент уводит на второй план тот факт, что свою важнейшую задачу в февральские дни думцы видели в том, чтобы перехватить власть у старого режима и использовать в этих целях начавшуюся революцию.

---

² См. обстоятельный анализ исторической литературы по данной проблеме в разделах главы, написанной А.Б.Николаевым в коллективной монографии «Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Том 3. СПб. Лики России, 2014. С. 187–207.

³ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот / Отв. ред. В.Д. Поликарпов. М., 1971. С. 38.

Тем не менее, основной тенденцией постсталинского периода стало преодоление упрощенных и прямолинейных трактовок истории Февраля, в том числе роли Думы в февральских событиях. Важный вклад в этот процесс внесли ленинградские историки, которые в юбилейном 1967 г. опубликовали капитальную двухтомную монографию «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». В главе по истории Февральской революции, написанной Р. Ш. Ганелиным, показана роль стихийного фактора в развитии революции, а вместо прежнего жесткого тезиса о *контрреволюционности* Думы и ее стремлении *подавить* революцию давалась более точная и взвешенная оценка. Автор писал, что 27 февраля думские лидеры, столкнувшись со стихийным восстанием рабочих и солдат столицы, думали «об *организации буржуазной власти, которая остановила бы развитие революции*»⁴. Этот тезис фиксирует ту двойственную позицию, которую занимали думские либералы в февральские дни. С одной стороны, они боялись опасного углубления революционного процесса, а с другой стороны, стремились не упустить момент и выбить у царя существенные уступки, которые и привели бы к «*организации буржуазной власти*», т.е. к переходу власти руки буржуазии. Р. Ш. Ганелин отмечает радикализацию позиции думских лидеров, которая шла в ходе развития событий, как под давлением народных масс, так и вследствие осознания слабости позиций защитников самодержавия. Автор не делает акцента на важности действий думских лидеров в обеспечении победы демократической революции, но этот вывод вытекает из описанных им событий.

В юбилейный 1967 г. вышла и книга московского историка Э. Н. Бурджалова «Вторая русская революция», которая также сыграла важную роль в развитии советской историографии Февраля.

Бурджалов более объективно, чем многие его предшественники, оценил оппозиционную деятельность либеральной буржуазии накануне революции, в частности лидеров Прогрессивного блока. При этом он остался верен утвердившемуся в советской историографии положению, согласно которому Прогрессивный блок был создан либералами для того, чтобы с помощью умеренных либеральных реформ «предотвратить надвигающуюся революцию»⁵. Таким образом, автор отнюдь не сделал из думских либералов за-

---

⁴ Ганелин Р.Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 72.

⁵ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М. Наука. 1967. С. 48.

чинщиков или организаторов революции. Главными героями начавшейся революции у Бурджалова выступают рабочие и созданные ими Советы рабочих депутатов, особенно Советы районного уровня, тесно связанные с предприятиями. Однако автор уделяет существенное внимание и действиям думских либералов, начиная с 27 февраля, с первого дня восстания.

Описывая реакцию депутатов на царский указ о роспуске Думы и мотивы создания ВКГД, автор солидаризируется с той оценкой, которую дал этим событиям их непосредственный участник меньшевик М. Скобелев: «Руководители Думы, – писал М. Скобелев, – ни в коем случае *не хотели демонстративно игнорировать указ правительства о роспуске Думы*, и речь шла у них *не о создании руководящего органа для восставшего населения*, а лишь о том, чтобы организованно выступить перед восставшим населением»⁶. Тем не менее, Бурджалов признает важность создания ВКГД для развития революции, поскольку в глазах солдат и широких непролетарских слоев Дума пользовалась большим авторитетом. Позиция автора по этому вопросу выражена следующим образом: «Тягу к Государственной думе породил новый этап движения, начавшийся 27 февраля. Новые социальные слои, впервые вступившие в революционную борьбу, *видели в Государственной думе подобие народного представительства*, а в думских лидерах – *борцов против царского режима*. Они рассматривали Думу *как центр*, с помощью которого можно наиболее безболезненным путем порвать с прошлым. Солдаты, нарушившие присягу царю и присоединившиеся к народу, хотели *получить одобрение своим действиям у этого «законного учреждения»*. Офицеры, присоединившиеся к солдатам, масса городского люда, поддержавшая восстание, стремились *санкционировать свои выступления авторитетом Думы*. Вот почему клич: «В Таврический дворец! К Государственной думе!» – встретил *широкую поддержку в народных массах*»⁷.

Таким образом, автор подчеркивает тот факт, что роль революционного центра Думе предлагали и навязывали широкие непролетарские массы и отмечает, что Дума не отклонила этой роли: «Буржуазия вынуждена была *примкнуть к революции и порвать с царским правительством*, чтобы не погибнуть вместе с ним, а попытаться *использовать революцию в своих интересах*». Здесь автор подчеркивает *вынужденный* характер разрыва Думы с цар-

---

⁶ Скобелев М. Гибель царизма. //Огонек. 1927, №11.

⁷ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 202.

ским правительством. Тем не менее, Бурджалов далее выдвигает тезис, который перечеркивал одностороннюю оценку Думы как контрреволюционного органа, характерную для историографии сталинского периода: *«Присоединение буржуазии ускорило победу революции. Оно внесло дальнейшее разложение в лагерь самодержавия и способствовало его дальнейшей изоляции»*⁸.

Далее он показывает, что все последующие действия думцев, хотя и носили вынужденный характер (давление со стороны масс и Петросовета), тем не менее двигали революцию вперед и в итоге привели к отречению царя и к падению монархии после отказа вел. князя Михаила занять трон.

На наш взгляд, упомянутые работы наглядно демонстрируют тот факт, что уже со второй половины 1960-х ведущие советские историки в целом адекватно представляли себе и описывали роль либералов и Думы в развитии революции. В то же время в силу определенных идеологических причин и предпочтений они не подчеркивали эту роль и делали акцент на действиях левых сил и народных масс, уделяя главное внимание пролетариату и большевикам как главной партии пролетариата.

С такой же историографической ситуацией мы сталкиваемся и в написанных в последние два десятилетия советского периода книгах О. Н. Знаменского⁹, В. И. Старцева¹⁰ и Г. Л. Соболева¹¹, в коллективной работе ленинградских историков «Кризис самодержавия в России. 1895–1917»¹², которые в какой-то степени подвели итоги развития советской историографии революционного 1917 г. в рамках ленинградской исторической школы. В этих работах не говорится о контрреволюционной роли либералов в дни Февральской революции и стремлении ее подавить как главной задачи.

Суммировать эти итоги применительно к оценке роли Думы в развитии Февральской революции можно в следующих положениях:

– в годы мировой войны лидеры Прогрессивного блока, опиравшиеся на думское большинство, не ставили своей целью подготовку и проведение ре-

---

⁸ Там же. С 241.

⁹ Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Вел. Октября. Февр.-окт. 1917. Л., 1988.

¹⁰ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905 - 1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977; его же. 27 февраля 1917. М. Молодая гвардия. 1984.

¹¹ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л.: Наука, 1973; его же. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября Л.: Наука, 1985.

¹² Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Под ред. Б.В. Ананьича, В.С. Дякина. Л. «Наука», 1984.

волюции и не были инициаторами и вдохновителями стихийных выступлений рабочих и солдат столицы в февральские дни 1917 г.;

– они стремились предотвратить надвигающуюся революцию умеренными либеральными реформами;

– наиболее радикальные элементы из числа либералов говорили о необходимости проведения верхушечного дворцового переворота с тем, чтобы устранить непопулярного монарха и таким образом упредить революцию, но планы по организации такого переворота оставались планами, далекими от реализации;

– после превращения стихийных выступлений рабочих столицы в вооруженное восстание против старой власти, лидеры либералов решили возглавить движение с тем чтобы, с одной стороны, ограничить его масштабы, а с другой стороны, использовать для получения уступок со стороны царя;

– по мере развития стихийного движения и под нажимом левых партий, объединивших в Советах рабочих и солдатских депутатов, лидеры либералов занимали все более радикальные позиции, и их действия сыграли важную роль в обеспечении быстрого краха самодержавия и мирной победы антимонархической революции по всей стране.

Иными словами советские историки отказались от однозначной оценки Думы как контрреволюционной силы в период борьбы за свержение самодержавия, но, в то же время, не признали ее руководящей роли в развитии революции и не увидели в ней силы, которая последовательно и по собственной инициативе стремилась решить главную задачу демократической революции – устранить самодержавие.

В чем недостатки этой позиции? Что нуждается в пересмотре? Какие результаты новейших исследований побуждают осуществить пересмотр, и в каких масштабах? Ответ на эти вопросы и призван дать анализ постсоветской историографии.

Постсоветская историография: ренессанс монархических трактовок. После 1991 г. многие историки встали на путь критики советской историографии Февральской революции и предложили ее новые трактовки. Впрочем, в ряде случаев их новизна была весьма относительной, поскольку речь шла о возрождении концепций, созданных историками-эмигрантами и бытовавшими в зарубежной литературе.

Наиболее радикальные формы пересмотр советской историографической традиции принял в работах тех историков, которые обратились к старой монархической традиции и стали рассматривать Февральскую революцию исключительно или преимущественно как результат заговора масонов, либералов и генералов. В рамках этой трактовки некоторые из историков фактически отказывали Февральской революции в праве считаться социальной, глубоко народной, революцией. Акцент делался на то, что все решающие события произошли только в столице, и эти локальные события были использованы заговорщиками для того, чтобы добиться отречения царя. При этом роль лидеров Думы как творцов революции выдвигалась на первый план, а действия рабочих и солдат становились лишь фоном, на котором либералы реализовали свои давно выношенные планы. Отметим, что сторонники концепции «заговора», как правило, осуждают действия либералов, считают Февраль «катастрофой», исторически ненужной революцией.

В самых крайних формах взгляды монархистов на историю Февраля пропагандировал эмигрантский писатель Иван Солоневич, который взялся «развеять великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции». Его концепция революции заключена в следующих фразах: «Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии – тут главную роль сыграл М. Родзянко; б) денежной знатью – А. Гучков и в) военной знатью – ген. М. Алексеев»¹³

Мало кто из современных историков готов в таком откровенно примитивном виде трактовать историю Февраля. Тем не менее, версии о решающей роли заговоров масонов, думских либералов и генералов в подготовке и проведении Февральской революции поддерживают многие авторы, и в рамках этих версий роль Думы выдвигается на первый план. Наиболее активным сторонником этих версий является историк П. Мультиатули, который развивал тему заговоров в трех книгах¹⁴. Он отвергает как «несостоятельную» мысль о том, что Февральский переворот стал следствием «стихийного выступления

¹³ Солоневич Иван. Великая фальшивка Февраля // Бежин луг. 1992. № 1. С. 9.

¹⁴ Мультиатули П.В.: 1) «Господь да благословит решение мое...»... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Сатисъ, 2002; 2) Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М. Астрель. 2012; 3) Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергли монархию в России. М. Вече. 2013.

масс». Основную причину революцию автор видит в деятельности «либерального общества», которое все годы войны своей главной целью считало не победу над внешним врагом, а победу демократии, т.е. свержение самодержавия: «думская оппозиция, – пишет Мультатули – в лице Прогрессивного блока стремилась именно к *свержению монарха*, а не к поиску компромисса с ним. ... цели оппозиции были направлены на одно – захват власти. Царь стремился всеми силами одержать победу во внешней войне, оппозиция – во внутренней. События февраля – марта 1917 г. и отречение императора Николая II от престола являлись *хорошо спланированным государственным переворотом*, подготовленным и осуществленным думской оппозицией при поддержке влиятельных промышленных кругов и представителей западных правительств. Однако переворот был бы невозможен, если бы его не поддержали Ставка верховного командования и главнокомандующие армиями фронтов. Неоспорима решающая роль Ставки в *заманивании* императора в Могилёв, затем в изменении маршрута его поезда, а затем в *фактической блокаде* и лишении его свободы передвижения в Пскове.»¹⁵.

В более сдержанных формах версию о заговорах поддержали А. И. Степанов, О. Р. Айрапетов, В. С. Брачев и др.¹⁶

На наш взгляд, все версии о заговоре и верхушечном характере февральских событий в той или иной степени игнорируют реальный ход событий Февраля и базируются на предположениях, домыслах, непроверенных и не подтвержденных слухах, которыми сопровождалась реальность событий¹⁷.

Постсоветская историография: А. Б. Николаев. Если же говорить о том пересмотре советской историографической традиции, которая лежит в русле объективного исторического анализа, то наиболее радикальный и фундаментальный пересмотр роли Думы в событиях Февральской революции дан в трудах известного петербургского историка А. Н. Николаева. Его труды отличаются стремлением к научной объективности и основаны на огромном фактическом материале, значительная часть которого впервые введена в научный оборот. Суть позиции автора можно свести к следующему: Государственная Дума уже 27 февраля вполне осознанно возглавила революцию,

---

¹⁵ Мультатули П.В. Кругом измена, трусость и обман... С. 8, 11.

¹⁶ Степанов А.И. Россия в Первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000; Айрапетов О.Р. Накануне. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М. 2003; Брачев В.С. Шубин А.В. Масоны и Февральская революция 1917 года. М. 2007.

¹⁷ См. об этом: Калашников В.В. Февраль 1917: революция или заговор // Дискурс. 1915. №1. С. 17–28.

стала ее руководящим центром, а также органом новой власти и направила свои усилия на свержение старой власти. При этом он оставляет за пределами своего внимания тезис о заговоре как основной причине Февраля, отнюдь не отрицает решающей роли стихийного социального протеста низов, который и положил начало революции, признает ее глубокий социальный характер. Автор отмечает, что Дума «втянулась» в революцию, и вначале являлась «одним из центров революции и штабов восстания в Петрограде», а затем, опираясь на свой авторитет народного представительства, повысила свою роль и создала «орган новой революционной и правительственной власти» в лице ВКГД, присвоив себе «права власти верховной». Николаев полностью отвергает тезисы о контрреволюционной роли Думы в февральские дни и ее «нерешительности», а также и не делает акцента на вынужденном характере революционных действий думцев. Автор признает важную роль Петроградского Совета рабочих депутатов в развитии революции и отмечает, что Дума и ее органы проводили в отношении Петросовета «политику сотрудничества в решении важнейших вопросов революции», что придавало новой власти в определенном смысле «думско-советский» характер, «при первенстве думской власти над советской». Тезис о «думско-советской» власти является очевидной новацией и заслуживает специального рассмотрения. Именно эти позиции Николаев последовательно отстаивает в своей докторской диссертации¹⁸ и выпущенных на ее основе двух монографиях¹⁹.

Своеобразным итогом работы Николаева по данной теме на сегодняшний день стала обширная глава в коллективной монографии, выпущенной под редакцией академика Б. В. Ананьича в 2014 г.²⁰

Об этой новейшей по времени работе и пойдет речь далее в нашей статье. В начале главы Николаев проводит подробный и квалифицированный анализ историографии проблемы, охватывая литературу, начиная с 1917 г. Анализируя литературу *постсоветского периода*, автор отмечает ту работу, которая с начала 1990-х гг. проводилась на базе кафедры русской истории

¹⁸ Николаев А.Б. Революция и власть (Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.) : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 СПб., 2005.

¹⁹ Николаев А.Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. Монография. 2-е изд., доп. и перераб. / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005.

²⁰ Николаев А.Б. Глава IV. Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Том 3. СПб. Лики России, 2014. Изд. 2-е, исп.

РГПУ им. А.И. Герцена по инициативе и под руководством В. И. Старцева, возглавлявшего тогда эту кафедру.

Особое внимание Николаев уделяет январской конференции 1993 года, приводя среди прочих взгляды, высказанные на ней и автором данной статьи: «Пожалуй, – пишет Николаев, – самые высокие оценки роли Государственной Думы и либералов в Февральской революции были даны на научной конференции «Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды», проведенной кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена 19–20 января 1993 г. .... В частности, С. В. Куликов, рассуждая о природе Февральской революции, писал, что «она была проявлением союза революционеров и либералов», говорил о заражении либералов революционностью²¹. Другой участник этой конференции – В. В. Калашников – указывал, что «революционный процесс возглавили лидеры Государственной думы». По его мнению, «единственным авторитетным политическим центром в стране в февральские дни являлась Государственная Дума; ее решающая сила, Прогрессивный блок, была практически готова к формированию правительства и осуществлению государственной власти». Калашников совершенно справедливо заметил, что «именно Думе выражали свою лояльность восставшие полки 27 и 28 февраля 1917 г. в столице, а также большинство государственных служащих, интеллигенции, значительные слои трудящихся», а «переход власти к лидерам Думы встретил заведомую поддержку большинства населения страны в целом». Необходимо согласиться с автором и в том, что «успех февральского восстания в Петрограде во многом зависел от позиции высшего офицерства и готовности командующих фронтов поддержать царя в его усилиях по подавлению волнений в столице». Калашников, говоря о фактическом саботаже генералами усилий царя, направленных на подавление восстания, находил объяснение этому в том, что во главе революции находились думские лидеры. Рассуждая о мощи советского влияния, он пришел к выводу о том, что формирование исключительно советской власти в дни Февраля 1917 г. было невозможно, а попытка создания советского правительства «привела бы к поражению Февральской революции»²². Вместе с тем Калашников ...не учиты-

---

²¹ Куликов С.В. Причина «переотречения» Николая II // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1994. Вып. 3. С. 19.

²² Калашников В.В. Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1993. Вып. 1. С. 19.

вал факты думско-советского сотрудничества, что не позволило ему подойти к характеристике временной власти, сложившейся в дни Февраля 1917 г. как власти думско-советской»²³.

Столь длинную цитату из своего собственного выступления в изложении А. Б. Николаева я привел со специальной целью: показать, что советская историография накопила достаточный материал, который позволял сделать такие нетрадиционные для нее выводы, не проводя какие-либо дополнительные исследования. Следует пояснить, что в начале 1990-х гг. я был занят совершенно другими проблемами и не вел какой-либо новой исследовательской работы по истории Февральской революции. Мои оценки роли Думы в Февральской революции, высказанные в январе 1993 г., базировались на ранее проведенном изучении источников и литературы. Они отражали накопленный, но в какой-то мере скрытый (точнее, отодвинутый на второй план) потенциал советской историографической традиции, и отнюдь не представляли собой коренной пересмотр этой традиции. Так, признавая и подчеркивая решающую роль Государственной Думы в быстрой и в целом мирной победе Февральской революции в масштабах всей страны, я по сути лишь в более категоричных формулах озвучил позицию, которая вытекала из текстов Р. Ш. Ганелина, Э. Н. Бурджалова, В. И. Старцева, Г. Л. Соболева и ряда других специалистов в области истории революционного 1917 г. Как уже было сказано выше, они не оценивали деятельность Думы в февральские дни как контрреволюционную, и полагали, что в ходе начавшейся революции она всегда носила двойственный характер: сочетала стремление ограничить революционную стихию и стремление использовать ее и взять власть в свои руки. Это вело к тому, что в действиях думцев сочетались как вынужденные, так и инициативные шаги революционного характера. При этом советские историки исходили из того, что вынужденные шаги превалировали и без революционного давления рабочих и солдат столицы, действия Думы не носили бы революционного характера. Первичным фактором революции было восстание народа. В 1993 г. я полностью разделял эту позицию и не считал, что ей противоречит мой тезис о том, что 27 февраля «революционный процесс возглавили лидеры Государственной Думы». Я выводил этот тезис из хорошо известного и бесспорного факта создания думскими лидерами особого органа – Временного комитета Государственной Думы, который возглавил

---

²³ Николаев А.Б. Глава IV. Государственная Дума и Февральская революция.... С. 196–197.

сам председатель Думы Родзянко. Как бы не подчеркивали думцы неофициальный характер этого органа, созданного по решению частного совещания группы депутатов, как бы не ограничивали его функции («для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями лицами») ²⁴, создание ВКГД объективно было революционным шагом, *автоматически* превращавшим Думу в новую власть, в руководящий центр революции в глазах всего населения страны. Именно так этот акт был воспринят и сторонниками и противниками революции. И для меня главным было то, что ВКГД был *воспринят* как штаб революции, а не то, что он *реально действовал* как такой штаб.

А. Б. Николаев в результате своих исследований показал ограниченность советской историографической традиции даже при самой радикальной ее интерпретации, предложенной мною на конференции 1993 г.

Проделанные им тщательный анализ огромного круга источников, детальная реконструкция событий четырех-пяти ключевых дней революции показывают, что действия депутатов Думы в эти дни сыграли куда более значительную роль, чем себе представляли советские историки. Он доказал, что Дума не только воспринималась, но и реально действовала как штаб революции. На множестве примеров автор показал, что акции, совершаемые членами ВКГД или их эмиссарами, действовавшими от имени и по поручению ВКГД, убеждали население в том, что уже существует новая революционная власть, и Дума своим авторитетом созданного всем народом органа побуждала людей сделать выбор в пользу ВКГД. Николаев убедительно показывает, что действия ВКГД позволили быстро решить три важнейшие задачи:

- парализовать сопротивление сил монархической контрреволюции в масштабе всей страны;
- распространить революцию в провинции;
- овладеть аппаратом государственного управления, заставить его работать в интересах новой власти без критических сбоев.

Познакомившись с работами Николаева, я теперь не готов утверждать, что революционные действия Думы носили исключительно или преимущественно вынужденный характер. Скорее, на основании, приведенного Николаевым материала, можно говорить о том, что лидеры Думы с самого начала были готовы использовать стихийное восстание для борьбы за власть, но при этом они какое-то время (по нашему мнению, первые два дня) стремились не выходить, хотя бы

---

²⁴ Известия [Комитета петроградских журналистов]. 1917. 27 февраля.

чисто формально, за рамки действующих законов. Это особенно верно применительно к позиции лидеров Думы, большинства членов ВКГД, хотя отдельные члены ВКГД, а также депутаты левых фракций уже в первый день призывали коллег и сами реально выходили за эти рамки, да и объективно все действия ВКГД можно трактовать как нарушение законов империи.

Признавая бесспорный вклад Николаева в формирование нового, более всестороннего и объективного взгляда на роль Государственной Думы в истории Февральской революции, хочу в то же время отметить, что присущая ему увлеченность в целом правильным тезисом о революционной роли Думы порождает спорные трактовки отдельных эпизодов из событий февральских дней.

В этой связи важное значение имеет трактовка действий думцев днем 27 февраля. Мы не можем согласиться с точкой зрения Николаева о том, что днем 27 февраля Совет старейшин принимает два ключевых постановления явно революционного характера²⁵. Речь идет, во-первых, о постановлении «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах», которое он трактует как непризнание царского указа о роспуске Государственной Думы на каникулы. Во-вторых, о постановлении, в котором говорилось, что «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос[ударственная] Дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие».

Дело в том, что тексты этих постановлений и указание на то, что их принял Совет старейшин, содержатся только в одном очень специфическом документе. Речь идет о газете «Известия», которую поздно вечером 27 февраля выпустила группа журналистов под эгидой «Комитета петроградских журналистов». В анонимных заметках на странице газеты и содержалась эта информация²⁶. Причем сама ее подача явно говорит о необъективности или о неинформированности журналистов.

Так, в первой заметке под названием «Решение Г. Думы» сообщалось о том, что *Совет старейшин*, «ознакомившись с указом о роспуске, постановил: Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах». Таким образом, получалось, что Совет старейшин сразу отклонил царский указ. И журналисты ни слова не сказали о том, что на самом

²⁵ Николаев А.Б. Глава IV. Государственная Дума и Февральская революция.... С. 211.

²⁶ Известия [Комитета петроградских журналистов]. 1917. 27 февраля.

деле Совет старейшин на своем первом заседании как раз принял решение подчиниться указу и отправил царю соответствующую телеграмму²⁷.

Но может быть, как полагает Николаев, было второе заседание Совета старейшин, которое отменило решение первого? Нет ни одного бесспорного свидетельства в пользу такого предположения, и есть весомые свидетельства против него. Во-первых, отметим, что ни Родзянко, ни Миллюков, ни один из других членов Совета старейшин весной 1917 г., т.е. тогда, когда все стремились подчеркнуть свою роль в революции, ни разу не сказали о том, что такое решение было принято. Впоследствии, в эмиграции, они прямо отрицали эту версию, и никто из бывших членов Совета старейшин не оспорил их свидетельства²⁸. Во-вторых, обратим внимание на тот факт, что весной-летом 1917 г. по решению лидеров Думы на основании документов была составлена официальная справка о событиях февральских дней. И в этой справке, подлинник которой найден и опубликован А. Б. Николаевым, прямо говорилось о том, что решение «не расходиться» было принято не Советом старейшин, а частным совещанием группы депутатов Думы, т.е. не официальным органом, который выражал лишь частное мнение ряда депутатов. Так, в этой справке, отредактированной и подписанной почти всеми главными участниками событий из числа либералов, включая Миллюкова (профессионального историка, который прекрасно понимал значение этого документа), прямо записано: «Частное совещание единогласно постановило: Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах»²⁹. Иными словами, никто из авторов и редакторов справки, внимательно изучив все имевшиеся документы, не решился приписать Совету старейшин революционное решение «не расходиться», которое, действительно, означало прямое неподчинение официального органа Думы царскому указу о роспуске.

Отметим, что Николаев в своем тексте приводит цитату из найденной им справки, равно как и свидетельства Родзянко и Миллюкова, но, ссылаясь на

---

²⁷ Красный Архив 1927. Т. 2(21). С. 6.

²⁸ См.: Миллюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 47; Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: в 22-х т. М., 1991. Кн. 3. Т. 6. С. 57.

²⁹ См.: Николаев А.Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. / Научн. ред. А.Б. Николаев СПб., 2012. С. 242.

аргументы, которые представляются нам куда менее весомыми, он пишет, что Совет старейшин принял как первое, так и второе постановление³⁰.

Что касается второго постановления, то текст анонимной заметки, в которой он приводится в упомянутой газете «Известия», носит еще более сомнительный характер. Заметка называлась «Делегация революционных войск в Г. Думе» и в ней сообщалось, что около 1 часа дня Родзянко принял делегацию от 25.000 восставших солдат и передал ей «следующее единогласно принятое *постановление совета старейшин*: «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой...»³¹. Родзянко и Миллюков также отрицают факт принятия такого постановления Советом старейшин, и официальная справка, найденная Николаевым, также его не приводит. Об этих постановлениях нет ни слова и в другом документе, так называемом «черновике» этой справки, переданной в 1929 г. в Пражский архив депутатом Думы В. М. Вершининым³².

Получается нелепица. При написании официальной справки о действиях Совета старейшин и ВКГД в ключевые февральские дни, никто из авторов и редакторов не счел нужным указать, что Совет старейшин 27 февраля принял такие, по сути, самые важные решения.

Есть еще важный аргумент, который говорит против версии о принятии Советом старейшин упомянутых постановлений. Лидеры Думы, среди которых были прекрасные юристы, не могли не понимать очевидной вещи: если они принимают решение не расходится, то они должны принять и специальное новое решение, которое отменяло бы первое решение о подчинении царскому указу. Однако нет никаких свидетельств того, что вопрос о пересмотре первого решения ставился и обсуждался.

Наконец, в случае принятия Советом старейшин решения не расходиться вставал вопрос об открытии официального заседания Государственной Думы и формирования *именно на нем* Временного комитета. Однако такое заседание не было открыто, а ВКГД был создан по решению *частного совещания*, т.е. формально он не был официальным органом Думы, и его создание группой депутатов было частной инициативой этих депутатов.

---

³⁰ Николаев А.Б. Глава IV. Государственная Дума и Февральская революция... С. 211–215.

³¹ Известия (Комитета петроградских журналистов). 1917. 27 февраля.

³² См. об этом: Николаев А.Б. «Протокол заседаний...». С. 233.

На наш взгляд, именно так и должны были действовать думские лидеры в тот момент, полный неясностей: формально они выполнили царский указ и не сделали ни одного шага, который позволял их обвинить в неподчинении власти. В то же время они предприняли шаги, которые позволяли им возглавить революционное движение «низов».

Однако эти тонкие юридические маневры сорвали журналисты, которые своими заметками уже к вечеру 27 февраля сделали Совет старейшин, руководящий орган Думы, инициатором открытого неповиновения указу царя. Скорее всего, журналисты сознательно не преследовали такой цели, а изложили свое понимание того, о чем говорилось на *частном совещании* депутатов Думы, и то, что может быть говорил Родзянко, выступая перед возбужденной толпой солдат и студентов, которые ждали от него решительных слов. С подачи журналистов столица, а затем вся страна узнали о том, что сразу после начала солдатского восстания Дума возглавила революцию, создала ее штаб и поставила вопрос об «упразднении старой власти».

Не соглашаясь с Николаевым в трактовке этого конкретного эпизода, подчеркнем, что для реального процесса развития революции было неважно, кто принимал указанные постановления. Главное значение имел тот факт, что Дума создала ВКГД, который в глазах всех стал свидетельством ее перехода на сторону революции. А все действия ВКГД ежечасно убеждали и сторонников и противников революции в том, что они имеют дело с реальным штабом революции. Своей работой Николаев это убедительно доказал.

В то же время Николаев, на наш взгляд, делает слишком сильный акцент на инициативный и революционный характер действий лидеров Думы и уводит на второй план значение того давления, которое на думцев оказывали восставшие рабочие и солдаты и Совет рабочих и солдатских депутатов. И это создает опасность нового перекоса: абсолютизации революционной деятельности Думы и недооценки революционного давления масс.

Революция была динамичной системой: процессом из серии этапов, каждый из которых становился промежуточным результатом взаимодействия различных сил, причем результатом негарантированным, а затем этот полученный результат превращался в базу для дальнейшего развития. И на каждом этапе роль и действия каждого из «актеров» революции (рабочих, солдат, Совета, ВКГД, генералов, царя и т.д.) могла быть разной. Поэтому нельзя оценивать февральские события по принципу выбора одной постоянной

доминанты: либо Дума определяла все события, либо Совет определял все. Можно говорить только о некой общей тенденции, которая показывала решающую роль масс в развязывании революции и решающую роль Думы в быстром и бескровном свержении самодержавия.

НАЗАРЕНКО К. Б.

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОФИЦЕРОВ РУССКОГО ФЛОТА В 1917 г.

В статье рассмотрено положение русского морского офицерства в революционном 1917 г. Показано, что Временное правительство не оказывало офицерству той поддержки, на которую оно претендовало. Тем не менее, подчеркнуто, что болезненность положения флотского офицерства не стоит преувеличивать. В глазах матросов сохранялся престиж офицерского звания, что подчеркивается производством в новые чины ряда руководителей революционного флота.

Ключевые слова: *Февральская революция, Октябрьская революция, морское офицерство, военно-морская служба*

Личный состав морского офицерства России в годы Первой мировой войны изменился весьма незначительно по сравнению с офицерством сухопутной армии. Достаточно сказать, что потери офицеров флота составили 140 человек убитыми, умершими и пропавшими без вести (август 1914 – сентябрь 1917)¹. При этом служило на флоте 8060 офицеров, не считая зауряд-прапорщиков (конец 1917 г.)². Жертвами убийств в первые дни Февральской революции на Балтике стали не более 80 человек³. Таким образом, офицерский корпус флота потерял за мировую войну (до октября 1917 г.) не более 2,7 % личного состава, в то время как в сухопутной армии по некоторым подсчётам, к концу 1917 г. оставалось 4–5 % кадровых офицеров⁴. Поэтому с точки зрения происхождения, образования, прохождения службы морское офицерство 1917 г. можно считать больше похожим на офицерство мирного

¹ РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

² РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 509. Л. 4-5.; Ф. р-5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22-29 об.

³ Рассчитано нами по: *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.

⁴ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988. С.27.

времени сухопутной армии, нежели на сухопутное офицерство 1917 г. В связи с этим следует быть весьма осторожным в переносе выводов, сделанных в отношении морского офицерства на их сухопутных коллег.

Как мы уже отмечали⁵ к моменту Февральской революции флотское офицерство было разделено на несколько «корпусов», престижность которых значительно различалась. Прежде всего, под флотским офицерством понимали тогда и понимают сейчас строевых офицеров флота, которые выполняли на кораблях основные командные функции. Кроме них на флоте имелся корпус инженер-механиков (управление корабельными механизмами), офицеров по адмиралтейству (береговая служба и служба на вспомогательных судах) и ряд других, сравнительно малочисленных (гидрографы, инженеры-кораблестроители, корпуса морской артиллерии и флотских штурманов, судебного ведомства и проч.). В годы Первой мировой войны в составе флота формально оказался и ряд сухопутных частей со своими офицерами в составе гарнизона «Морской крепости императора Петра Великого» (Таллинн).

Строевое офицерство, безусловно, не было «аристократическим» в точном смысле этого слова, поскольку представители титулованного дворянства и придворных кругов предпочитали службу в гвардии, особенно, в гвардейской кавалерии. В то же время, строевое морское офицерство было достаточно закрытой корпорацией, для присоединения к которой нужно было соответствовать ряду требований. Большинство строевых офицеров оканчивало Морской корпус, для поступления в который (в 1907–1916 гг.) требовалось быть сыном офицера (армии или флота), либо лица с высшим образованием, либо священника, либо гражданского чиновника с чином не ниже 8 класса, а также принадлежать к христианскому вероисповеданию. До 1907 г. этот круг был еще уже – подавляющее большинство поступавших в Морской корпус были детьми морских офицеров, а остальные – сыновьями потомственных дворян. Обучение в корпусе было 6-летним (как в Пажеском корпусе), что сильно сплачивало будущих офицеров.

В 1913 г. были открыты Отдельные гардемаринские классы, в которые набирали молодых людей с полным средним образованием и с теми же ограничениями по происхождению, что и в Морской корпус. Они должны были

---

⁵ Назаренко К.Б. Падение барьеров на пути к офицерскому чину: офицерский корпус русского флота накануне и в годы Первой мировой войны // Источниковедение в современных исторических исследованиях: сб. статей / отв. ред. К.Б. Назаренко. СПб., 2016. (Opera Institutii Historici Universitatis Petropolitanae. Том 25.) С. 71–86.

обучаться около 3 лет, сдавать экзамены, после чего становились строевыми офицерами флота. Первый выпуск из ОГК произошел весной 1916 г., второй – весной 1917 г.

Офицерами могли стать также молодые люди, получившие высшее гражданское образование, отслужившие 2 года юнкерами на флоте и сдавшие экзамены за курс Морского корпуса или офицеры армии, окончившие военное училище и сдавшие те же экзамены.

Особый характер строевого морского офицерства подчеркивало то обстоятельство, что офицеры Гвардейского экипажа не имели преимущества в чинах перед офицерами флота (тогда как офицеры гвардии имели преимущество в 1 чин перед офицерами сухопутной армии), а также то, что выпускники Николаевской морской академии не имели служебных преимуществ перед флотскими офицерами, тогда как выпускники сухопутных военных академий (особенно Академии Генерального штаба) имели значительные служебные преимущества. Таким образом, указывалось на то, что флотское офицерство в целом имеет статус, близкий к гвардейскому. Важно отметить, что на флоте практически не было «захолустных гарнизонов», характерных для сухопутной армии. Флотское офицерство концентрировалось на военно-морских базах, которые, как правило, были крупными городскими центрами (Кронштадт и Санкт-Петербург, Гельсингфорс, Ревель, Севастополь, Владивосток, Баку). Это способствовало сплочению моряков и развитию у них чувства принадлежности к образованному и культурному обществу.

Стать офицером других корпусов морского ведомства было проще. Для этого требовалось лишь окончить Морское инженерное училище (набор в которое с 1907 г. был всесословным) или даже сухопутное военное училище (для офицеров по адмиралтейству). Офицером запаса флота можно было стать, окончив мореходное училище, отслужив 2–3 года матросом и сдав соответствующие экзамены. Однако офицеры запаса производились в прапорщики по адмиралтейству, не получая прав полноценных строевых офицеров. Даже при производстве в очередные чины впоследствии они оставались офицерами по адмиралтейству.

Следует подчеркнуть, что никакие заслуги не могли сделать нижнего чина флота офицером престижной категории. В случае совершения выдающегося подвига матрос мог быть произведен в офицеры по адмиралтейству, но не в строевые или инженер-механики.

Отметим также, что быт флотских офицеров и матросов значительно различались. Если на фронте офицер и солдат были одеты почти одинаково, их резко различали лишь погоны, то на флоте рубаша, бескозырка, бушлат матроса резко контрастировали с кителем, фуражкой и шинелью офицера. Бытовые условия на кораблях для офицеров и матросов были совершенно разными. Матросы к 1917 г. не имели даже индивидуальной посуды, получая горячее в бачках на 7 человек, и спали в подвесных койках в общем кубрике. Офицеры жили в каютах (большой частью одноместных), в их полном распоряжении была кают-компания, а посуда и стол соответствовали ресторанному уровню. Особенно эти различия бросались в глаза на больших кораблях – крейсерах и линкорах. Усугублялась ситуация тем, что крупные корабли крайне редко участвовали в боевых операциях, например, четыре новейших линкора Балтийского флота не сделали за всю войну по врагу ни одного выстрела.

Жизнь в тесноте тральщиков и подводных лодок сильнее сближала офицеров и матросов, а активная боевая деятельность этих судов не позволяла слишком задумываться о бытовых вопросах.

Отмеченные выше особенности, даже при отсутствии серьезного социального напряжения в обществе, должны были породить на кораблях не совсем здоровую атмосферу. Когда же социальное напряжение в стране достигло высочайшего уровня, эти, мелкие на первый взгляд, бытовые вопросы стали катализатором взрыва. Они подчеркивали, насколько офицеры являются социально чуждыми для матроса. Уже в первые дни Февральской революции офицерство оказалось объектом нападков с их стороны. Стихийный взрыв вылился в расправы над офицерами, большей частью, случайно «подвернувшимися под руку».

В мае 1917 г. произошла реформа системы чинопроизводства в морском ведомстве. Были введены чины мичмана, лейтенанта и старшего лейтенанта военного времени флота и те же чины по механической части. Тем же приказом вводился чин мичмана военного времени берегового состава (но чины лейтенанта и старшего лейтенанта военного времени берегового состава не упоминались, хотя, вероятно и подразумевались)⁶. На флот, таким образом, распространилась система, существовавшая в армии, где офицеры запаса или военного времени могли производиться в обер-офицерские чины, но для производства в штаб-офицеры (на флоте – капитан 2 ранга) им требовалось

---

⁶ Приказ морского министра по ГМШ №186 от 8 мая 1917 г. // Указатель правительственных распоряжений по морскому ведомству. 1917. С. 184–188. №112.

сдать экзамен, уравнивавший их в правах с кадровыми офицерами. Вместе с тем, эта реформа запутала дело, поскольку она не предусматривала механического переименования прапорщиков, подпоручиков и поручиков в мичмана и лейтенанты. Поэтому службу продолжали нести офицеры, носившие как старые, так и новые чины. Реформа была встречена офицерским корпусом флота совершенно спокойно – насколько мы можем судить, она практически не отразилась в мемуарах, а значит – не запомнилась современникам как нечто важное. Такое равнодушие объясняется, вероятно, тем, что все равно грань между кадровыми офицерами и офицерами запаса оставалась и последние все равно не могли претендовать на продолжение службы на флоте после окончания войны, а значит и не могли повлиять на прохождение службы кадровыми офицерами (которых, напомним, на флоте было большинство).

Совершенно новым явлением в организации морского ведомства стали многочисленные представительные органы, появившиеся на флоте и в береговых базах весной 1917 г. В частности, 28–30 апреля был создан Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) как высший выборный революционно-демократический орган флота. Его председателем был избран большевик П. Е. Дыбенко. С 25 мая по 15 июня в Гельсингфорсе состоялся Первый съезд Балтийского флота, который принял устав Центробалта. Ему поручалось контролировать «все приказания, постановления и распоряжения, касающиеся общественной, политической и внутренней жизни флота, откуда бы они ни исходили»⁷. Естественно, что немедленно после появления Центробалта начинается его противостояние с командованием флота, а позднее и с Временным правительством. Это противостояние завершилось только после Октября.

Авторитет новых представительных органов был велик. Например, 13 июня 1917 г. командующий флотом Балтийского моря контр-адмирал Д. Н. Вердеревский должен был разъяснить Первому съезду Балтийского флота почему после русско-японской войны пришли к необходимости назначения самостоятельного и ответственного командующего флотом со штабом при нём⁸. Адмирал пытался убедить членов Центробалта не вмешиваться в решение оперативных вопросов.

---

⁷ Аммон Г.А. Морские памятные даты. М., 1987. С. 192–193.

⁸ РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–4 об.

Необходимость согласовывать свои действия с выборными органами ставила офицерство в совершенно непривычное для него положение. Система дисциплинарных взысканий претерпела значительные фактические изменения – на основных флотах офицерство потеряло возможность накладывать дисциплинарные взыскания – это стали делать выборные органы.

Комитеты попытались вмешаться в порядок чинопроизводства – 23 мая 1917 г. Центробалт принял постановление о том, что «воинские чины специалисты» (то есть матросы и унтер-офицеры, закончившие специальные школы), прослужившие не менее трёх лет могут быть произведены в прапорщики или подпоручики по адмиралтейству в соответствии с уровнем их общего образования⁹. С одной стороны, это был ловкий ход – Центробалт не претендовал на производство матросов и унтер-офицеров в полноценные строевые офицеры. С другой стороны, в соответствии с приказом от 8 мая, прапорщики и подпоручики по адмиралтейству имели право претендовать на переименование в мичмана военного времени. В любом случае, постановление Центробалта означало вмешательство в прерогативы высшей власти. Однако отменить это постановление особым приказом руководство морского ведомства не решилось.

Изменение положения офицеров на флоте получило символическое отражение в изменении формы одежды. Вместе с тем, как справедливо отмечает Б. И. Колоницкий, в первые дни после свержения монархии, погоны еще оставались символом властных полномочий и высокого статуса, а их срывание в первые дни революции – символической гражданской казнью, применявшейся в отношении заподозренных в контрреволюционности¹⁰. Однако вскоре «антипогонные» настроения привели к отмене погон на флоте. Моряки отличались особенно сильной неприязнью к ним. Фактически инициатива издания приказа о снятии погон исходила от командования Балтийского флота, которое, вероятно, почувствовало настроения рядовых моряков¹¹. Военный и морской министр 1-го Временного правительства А. И. Гучков вспоминал: «Я расходился только с [вторым помощником морского министра контр-адмиралом М.А.] Кедровым: он стоял за уступки, я за большой отпор. У нас было раз резкое столкновение по вопросу о погонах. Что касается мо-

⁹ РГА ВМФ. Ф. р-187. Оп. 1. Д. 336. Л. 7.

¹⁰ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. С.153.

¹¹ Колоницкий. Б.И. Символы власти ... С. 168–172.

ряков, там резче была оппозиция против погон, и были случаи, когда команды целых судов сами сняли погоны. Кедров говорил, что нужно это узаконить, чтобы не было борьбы. Было решено упразднить погоны во флоте, причем Кедров ссылаясь на то, что в заграничных флотах допускается отсутствие (видимо, ошибка в стенограмме. Правильнее – «допускается наличие». – *К.Н.*) погон во флоте только в особых случаях¹². Разошлись мы с ним в том, что он настаивал, чтобы это была общая мера, которая распространялась бы не только во флоте, но и на армию. Это была ошибка, потому что если мы на флоте не брались сохранить [погоны] (если бы пытались сохранить, вызвали бы целую систему столкновений), то в армии этот вопрос не был такой острый, во всяком случае, такие требования были [только?] в тылу. Мы могли сохранить [погоны в армии], и мы сохранили [их]»¹³.

Позволим себе высказать предположение, что особо сильное неприятие погон на флоте было вызвано особенностью формы матросов 2-й и 1-й статьи (соответствовали рядовому и ефрейтору сухопутной армии). Они вообще не носили погон при рабочей форме, которая была основной на кораблях. На синих и белых парадных рубашках матросы 2-й статьи (рядовые) также не носили погон. На бушлате погоны у них были, но поскольку погоны изготавливались из черного сукна, то они сливались с цветом самого бушлата. Таким образом, сам факт наличия погон на матросских рубашках уже указывал на принадлежность к начальству. В сухопутной армии погоны были принадлежностью формы одежды всех чинов, от рядового до генерала, причем погоны были хорошо заметны, поскольку офицерские погоны были с золотым или серебряным полем, а солдатские – преимущественно ярких цветов. В любом случае, в сухопутной армии сам факт наличия погон не указывал на привилегированное положение их носителя.

Изменилась и ситуация на «самом верху» морского ведомства. Морским министром впервые в истории России стало гражданское лицо – лидер партии октябристов А. И. Гучков, вскоре сменённый А. Ф. Керенским. Не обошлось без совсем по меньшей мере странных назначений – 13 июня 1917 г. исполняющим обязанности управляющего Морским министерством был

¹² В подавляющем большинстве флотов в то время знаки различия представляли собой нарукавные нашивки из золотого или серебряного галуна, а погоны с аналогичными галунами носили на кожаных или прорезиненных плащах, белых кителях и другом обмундировании, на рукава которого было затруднительно нашить галуны.

¹³ Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 204.

назначен лейтенант В. Лебедев¹⁴. Он был членом партии эсеров, эмигрировал во Францию, в начале Первой мировой войны вступил во французскую службу и выслужил чин лейтенанта сухопутной армии. Вероятно, А. Ф. Керенский хотел приобрести в его лице хорошего оратора для выступления на митингах перед матросами, но как свидетельствуют мемуаристы, успехи В. Лебедева были скромными¹⁵. Несомненно, что приход на высокие посты в Морское министерство случайных лиц вызывал недовольство морского офицерства.

Следует отметить, что большинство традиционных атрибутов военной (и, в частности, офицерской) службы был практически не затронут Февральской революцией. Сохраняется система чинов, наградная система (с небольшими изменениями), система материального обеспечения и бытовых привилегий офицерского состава – таких как наличие вестовых, освобождения от работ и проч.

Эти атрибуты продолжили функционирование некоторое время и после Октября. Вплоть до конца 1917 г. продолжалось награждение офицеров орденами. Так 22 ноября высший орган руководства флотом – Верховная морская коллегия – издаёт приказ «Об утверждении пожалованных орденов лейтенантам [Ф.Г.] Керну, [Б.В.] фон Брискорну и др.»¹⁶. Лишь 28 ноября вышел приказ «О приостановке производства и наград впредь до выработки положения о прохождении службы офицерами и чиновниками морского ведомства»¹⁷.

Продолжалось и производство в чины. В конце ноября 1917 г. был произведен в мичманы военного времени, а затем и лейтенанта И. И. Вахрамеев (известный деятель РСДРП(б), машинный унтер-офицер), из мичманов в лейтенанты был произведен еще один видный большевик Ф. Ф. Ильин (Раскольников), капитан 1 ранга М. В. Иванов (ставший фактически техническим руководителем при новом руководстве ведомства) стал контр-адмиралом¹⁸.

Награждение орденами и производство в чины прекратилось лишь в конце ноября – начале декабря (старого стиля) 1917 г.

В 1917 г. флотское офицерство оказалось в неудобном положении – его политическую лояльность поставили под сомнение, его власть значительно уменьшилась, его пытались контролировать, оно стало подвергаться осужде-

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 37 об.

¹⁵ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм! М., 1987. С.94.

¹⁶ Приказ по флоту и морскому ведомству №27 // РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об.

¹⁷ Приказ по флоту и морскому ведомству №41 от 28 ноября 1917 г. // РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 81 об.

¹⁸ Приказ по флоту и морскому ведомству № 27 от 22 ноября 1917 г. // РГА ВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 157. Л. 80 об.; Приказ по флоту и морскому ведомству № 35 от 21 ноября 1917 г. // Там же. Л. 81 об.

нию, а то и оскорблениям в печати и на митингах. По самолюбию представителей этой сплоченной и привилегированной корпорации был нанесен болезненный удар. Временное правительство не оказывало офицерству той поддержки, на которую оно претендовало. Тем не менее, болезненность положения флотского офицерства не стоило преувеличивать. В глазах матросов сохранялся престиж офицерского звания, что подчеркивается производством в новые чины ряда руководителей революционного флота.

Значительно осложняло положение офицеров то обстоятельство, что они крайне плохо ориентировались в политической ситуации, не имели опыта политических дискуссий, не умели оценить политические настроения матросов. Подавляющее большинство морских офицеров поддерживало продолжение войны, что все больше отдаляло офицеров от команд и расшатывало их авторитет. В период между Февралем и Октябрем 1917 г. большинство флотского офицерства по инерции полагало, что все «как-то образуется», однако ситуация в стране развивалась так, что вскоре потребовала от морского офицерства сделать политический выбор.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-31-01267 «Русский морской офицерский корпус Первой мировой и Гражданской войн: сплошное просопографическое исследование».

ТАРАСОВ К. А.

Санкт-Петербургский институт истории РАН

ПРИЧИНЫ «РАЗЛОЖЕНИЯ» ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 г. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются причины «разложения» частей петроградского гарнизона накануне Февральской революции и в 1917 г. Показаны сложные бытовые условия жизни солдат в казармах, нехватка опытных и авторитетных офицерских кадров. Отмечается разная ситуация в различных частях гарнизона.

Ключевые слова: *петроградский гарнизон, запасные батальоны, революционный 1917 год, «разложение» армии*

Бывший главнокомандующий Петроградским военным округом в 1917 г. генерал-лейтенант П. А. Половцов вспоминал, что полки столичного гарнизона очень сильно отличались между собой по дисциплине: «Лучше других семеновцы, преображенцы, вообще 1-я дивизия. Зато во 2-й плохо. Особенно мерзко в Гренадерском полку, также в Московском, находящимся под влиянием окружающей их рабочей среды, а в Павловском есть некая 4-я рота, способная отравить существование самого добросердечного начальства... В 3-й дивизии неровно, у кексгольмцев плохо, в других полках сравнительно недурно, и их в смысле порядочности можно расположить по той же шкале, по которой мы их оценивали в былые дни в Варшаве... Про армейские запасные полки говорить нечего: там сплошная мерзость»¹.

Сама по себе мысль о «разложении» Российской армии в 1917 г. уже давно утвердилась в современной историографии². Советские исследователи квалифицировали почти те же самые процессы как революционизирование солдат-

---

¹ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 78.

² Базанов С.Н. Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 282–290; Гребенкин И.Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 145–159.

ской массы, демократизацию царского армейского строя³. В общем смысле в том и другом случае рассматривались ослабление строгой воинской иерархии, выход солдат из подчинения, появление альтернативных центров власти в армии. Основными факторами этого феномена признавались, с одной стороны, длительное течение войны, а с другой, влияние политических сил. В последнем случае главным действующим лицом признается партия большевиков.

Однако ни та, ни другая интерпретация не объясняет, по какой причине «разложение» (или «большевизация») имели различную динамику в разных воинских частях. На примере Петроградского гарнизона, и прежде всего, гвардейских батальонов, попытаемся выделить те факторы, которые влияли на развитие революционного процесса в армии. Статья лишь намечает пути решения данной проблемы и не претендует на комплексное исследование.

Тыловой гарнизон в основном состоял из запасных воинских частей. Сюда прибывали мобилизованные солдаты для обучения перед отправкой на фронт. Особо в случае Петрограда стоит отметить запасные батальоны, пополнявшие действующие гвардейские полки. Переменный состав в них состоял из четырех рот, от одной до трех учебных команд, готовивших унтер-офицеров, и пулеметной команды. В запасных батальонах проходили обучение молодые новобранцы, запасные старших возрастов и ратники ополчения. Одна из рот состояла из побывавших в боях солдат, которые оказались в запасных батальонах после ранения или излечения болезни⁴.

В советской научной литературе первоочередное внимание уделялось классовому составу тех или иных воинских частей и Петроградского гарнизона в целом. Исследователи доказывали высокий процент «пролетарской прослойки» в Петроградском гарнизоне, что должно было свидетельствовать о сознательной поддержке партии большевиков⁵. П. А. Голуб утверждал, что в технических частях она составляла 65 %, в пехотных 47 %, в гвардейских частях – 24 %⁶.

---

³ Голуб П.А. Партия, армия и революция: Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918. М., 1967; Смольников А.С. Армия победившей революции: Советская историография большевизации армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1984; Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985

⁴ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон... С. 9–10.

⁵ Кораблев Ю.И. Революционное движение в войсках Петербургского военного округа//Исторические записки. 1955. Т.48. С. 223–224, Кочаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 году//Ученые записки Ленинградского университета. 1956. №205. Вып.24. С. 80. Обобщающие данные по социальному составу см. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон... С. 14–18.

⁶ Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 22. Эти данные можно соотнести с теми, что привел Б.М. Кочаков на основе анализа солдатских алфавитов 6-го саперного бата-

Эмигрантский историк М. С. Френкин, напротив, доказывал незначительный процент рабочих в армии к 1917 г.⁷ Современные исследователи рассматривают в целом поведение солдат в 1917 г. исходя из представления об их крестьянском «менталитете»⁸.

Действительно, гвардейские пехотные части, занимавшие в составе Петроградского гарнизона первое место по численности, как и раньше, продолжали формироваться за счет крестьян других губерний. Среди 6925 новобранцев, призванных в гвардейские пехотные части в 1916 и 1917 гг., 1624 чел. были рабочими, из них 285 (4 %) – фабрично-заводскими⁹.

Однако классовый подход к пониманию поведения солдат в Революцию 1917 г. имеет ограниченные возможности. Даже те солдаты, которые имели одинаковое социальное происхождение, могли иметь разный военный и довоенный опыт, могли участвовать в боях на фронте или использоваться в тыловых работах. Все эти факторы могли оказывать влияние на их отношение к революции, к войне, к аграрному вопросу и другим.

Коротко необходимо сказать о мобилизации в России в течение войны. В 1914 г. на фронт в первую очередь была призвана молодежь, получившая длительную предвоенную подготовку. С каждым последующим от мобилизованием в войска уходили два-три следующих более старших возраста. До конца 1914 года в войска ушли и ратники I разряда 1914–1917 гг. призыва, не проходившие срочной военной службы по различным причинам.

Со следующего года войны стали призываться и ратники II разряда. К ним относились освобожденные в мирное время от военной службы по семейному положению или состоянию здоровья, так называемые сине- и белобилетники.

В июне 1916 года ушли на фронт самые старшие возраста I разряда 1896–1893 гг. призыва, то есть мужчины в возрасте от 39 до 43 лет и мужчи-

---

льона и первых двух рот 180-го пехотного полка: соответственно 38 % и 28 % солдат, которых можно отнести к категории рабочих (Кочаков Б.М. К вопросу о составе численности и расположении Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 296.

⁷ Френкин М.С. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим, 1982. С.6–8.

⁸ Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта; к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год и судьбах мира. Февральская революция; от новых источников к новому осмыслению, М, 1997. С. 208–217, Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. №2. С. 72–86; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

⁹ Маркин А.С. Лейб-гвардии Кексгольмский полк в 1917–18 гг. (Фрагмент картины разложения и гибели российской гвардии) // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/h/markin_as/01.html (дата обращения: 19.02.2016)

ны II разряда из белобилетников в возрасте от 33 до 35 лет, а в сентябре 1916 г. белобилетники в возрасте от 35 до 37 лет¹⁰.

Если говорить об этих категориях в отношении Петроградского гарнизона, то можно привести данные из работы М. С. Френкина о том, что на 1917 г. в Петрограде находилось 25 тыс. ратников II разряда и 12 тыс. I разряда¹¹. Солдат от 18 до 20 лет насчитывалось 17 тыс.¹²

А. Б. Асташов выделил три контингента русской армии, имевшие разный довоенный опыт: «Кадровая армия (действующая армия и запасники) испытали влияние наиболее модернизированного военного института; ополченцы 1-го и 2-го разрядов, не проходивших воинской службы, несли значительный груз традиционализма, характерный для России; наконец, новобранцы испытали воздействие процессов борьбы традиционных и современных тенденций в российском обществе после революции 1905–1907 гг.»¹³. В связи с этим, когда исследователи пишут о «солдатской массе» стоит учитывать, насколько разные категории объединяются под этим понятием. Каждая из этих категорий вносила в солдатское движение свои особенности.

Б. В. Фомин вспоминал, что лучшими нижними чинами под его командованием были новобранцы досрочного призыва. По его мнению, они понимали, что война – «дело молодых, сильных, здоровых и бессемейных людей» и стремились уйти на фронт¹⁴. С. В. Аничков вспоминал, что наиболее «развитые, грамотные, физически сильные парни» отбирались в учебные команды¹⁵. В эти подразделения солдаты проходили дополнительное обучение и производились в унтер-офицеры. Они находились на лучших, по сравнению с основной массой, условиях: помещение команды было чистое, каждый солдат имел отдельную койку и новое обмундирование¹⁶. Неудивительно, что именно эти части вызвали для подавления беспорядков в столице¹⁷. По вос-

---

¹⁰ Россия в мировой войне 1914–1918. М., 1925.

¹¹ Френкин М.С. Указ. соч. С. 14.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года. Военный опыт и современность. М., 2014. С. 36.

¹⁴ Фомин Б.В. Воспоминания начальника последнего отряда, находившегося в распоряжении старого правительства в дни Февральской революции в Петрограде // ГА РФ Ф. р-5881. Оп.2. Д.705. Л.5.

¹⁵ Аничков С.В. На рубеже двух эпох. Л., 1981. С. 207.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т.4. Л., 1924. С. 84.

воспоминаниям Н. Н. Дуброва I, учебные команды запасного батальона Московского полка использовались для этих целей со второй половины 1915 г.¹⁸

Потери оказывали существенное влияние на контингент запасных полков. Тот же Н. Н. Дубров I вспоминал, как изменялся состав его батальона в течение войны. В 1915 г. вернулось множество «выздоровливающих после ранений старых кадровых нижних чинов полка»¹⁹. После осенних боев 1916 г. все люди, прошедшие долгий курс обучения, ушли на пополнение действующего полка, а взамен их пришли «новые в массе очень развращенные т[ак] к[ак] в этот раз мы получили очень много людей из петербургского района»²⁰. В итоге к 1917 г. полк состоял в основном из ратников до 40 лет, побывавших на фронте²¹.

Аналогичную ситуацию описал С. П. Андроленко в отношении запасного батальона Преображенского полка. Здесь также в 1916 г. «вызвали на фронт» почти весь состав батальона. Пополнения же он назвал «неудовлетворительным элементом»: ратники ополчения старших возрастов, а также небольшое число «политически ненадежных фабричных»²². По воспоминаниям С. П. Андроленко, к февралю 1917 г. запасной батальон состоял из 3000 белобилетников, 1500 новобранцев, 1000 солдат, готовых для отправки на фронт, и 500 выздоравливающих после ранений старослужащих²³. То, что основную массу солдат запасного батальона Преображенского полка составляли ратники ополчения, подтверждают В. Н. Тимченко-Рубан и А. Н. Моллер, которых процитировал мемуарист²⁴. Последний оставил свои впечатления от этой категории солдат, с которыми ему приходилось работать: «В сущности, они были люди хорошие, но их всегдашний плаксивый ответ: Я, ваше высокоблагородие, ратничек... По манере произносить эти слова, было ясно, что они люди, которым все равно, что с ними сделают, у которых одно желание – вернуться домой – и то только в силу обстоятельств они выполняют минимум возложенного на них, для того чтобы не попасть под суд»²⁵.

---

¹⁸ Дубров I Н.Н. Личные воспоминания о жизни запасного батальона лейб-гвардейского Московского полка в войну 1914–1917 г. // ГА РФ Ф. р-5881. Оп.2. Д.326. Л.4 об.

¹⁹ Там же. Л.3.

²⁰ Там же. Л.8.

²¹ [Заключение Особой следственной комиссии по расследованию вооруженного выступления запасного батальона Московского полка 3-5 июля 1917 г.] // ЦГИА. Ф.1695. Оп.2. Д.1. Л.1.

²² Андроленко С. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 г. СПб., 2010. С. 249–250.

²³ Там же. С. 250.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Многие офицеры считали солдат старших возрастов («сорокалетних») наиболее «темной», «несознательной», а потому податливой на агитацию. Наиболее чувствительны «сорокалетние» были к обещаниям скорейшего решения земельного вопроса и окончания войны²⁶.

Как вспоминал полковник П. И. Назимов, многие из ратников старших возрастов «были обременены большими семействами некоторые по 9, 10 человек детей и разумеется у таковых не могло быть настроение, сочувствующее войне и подготовляемому для сей цели обучению. Они думали совсем о другом. Мысли его во время занятий уносились в свою отдаленную родную деревушку, где у него осталась многочисленная семья»²⁷.

В целом можно констатировать, что этот контингент был довольно пассивно и равнодушно настроен. Значительного участия в революционных процессах солдаты старших возрастов не принимали. Однако именно они составляли «массовку» выступлений, инертно реагируя на призывы инициативной части солдат.

Наиболее активной группой военнотружущих запасных воинских частей являлись «эвакуированные», солдаты, побывавшие на передовой, из-за ранений или по болезни, возвращенные с фронта, а после выздоровления направленные в тыловые гарнизоны, чтобы после отправиться на фронт.

«Эвакуированных» собирали в отдельные роты (4-я рота в гвардейских запасных батальонах), кроме того их казармы располагались отдельно от остальной части запасного полка. Рота «эвакуированных», а также нестроевые роты запасного батальона Московского полка располагались в помещениях фабрики Ландирна²⁸. Аналогично 4-я рота павловцев располагалась не на Марсовом поле, а отдельно в здании Конюшенного ведомства²⁹.

Бывший солдат И. Иванов писал, что командование относилось к «эвакуированным» с недоверием, как к «знающим "правду", цену себе и умеющим постоять за себя»³⁰. Их рассказы о войне могли негативно повлиять на

---

²⁶ Показания прапорщика З.Б. Славинского // ЦГИА. Ф.1695. Оп.2. Д.4. Л.67; Показания подпоручика Э.Ю. Жабоклицкого // Там же. Л.73; Показания прапорщика А. Яромова // Там же. Д.5. Л.32; [Показания А.И. Дадурин]//Красная летопись. 1929. №3. С. 117.

²⁷ [Назимов П.И.] Семеновцы в революцию // ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.178. Л.60 об.–61.

²⁸ [Нелидов Б.Л.] Воспоминания о службе в запасном батальоне лейб-гвардии Московского полка Б.Л. Нелидова // Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. 26 августа–8 сентября. 1935. С. 8.

²⁹ Черняев В.Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 155.

³⁰ Ил. Иванов Литовцы гвардейского саперного батальона 27 и 28 февраля // ГМПИР. Инв. №26990. [б.н.].

новобранцев. Этот контингент одним из первых вновь направлялся в действующую армию³¹.

Рассказывая о степени дисциплинированности различных запасных батальонов, генерал-лейтенант П. А. Половцов указал в своих воспоминаниях: «Вообще, заметно, что в каждом запасном батальоне есть одна рота, являющаяся источником всяких неприятностей, – обыкновенно, рота эвакуированных»³².

В итоге именно эта категория солдат проявила наибольшую активность в дни революции. Первой восставшей частью считается 4-я рота запасного батальона Павловского полка³³. Учебной команде запасного батальона Волынского полка 27 февраля 1917 г. удалось увлечь за собой «эвакуированных» того же батальона, а также соседнего Преображенского³⁴.

На сегодняшний момент мы обладаем лишь отрывочными сведениями о соотношении указанных категорий в отдельных запасных воинских частях. Их выявление является важной задачей. Большим количеством ратников старших возрастов можно объяснить колебания настроений солдат от полного подчинения своим начальникам к участию в антиправительственных акциях под руководством левых партий. Учитывая инертность этой категории военнослужащих, можно предположить, что их поведение зависело от того, какая сила проявляла большую активность – сторонники или противники дисциплины³⁵. В том случае, если в батальоне было большое число «эвакуированных» начинались проблемы с отправкой пополнений. Причем свое право оставаться в тылу они готовы были отстаивать с оружием в руках³⁶. Кроме того, стоит учитывать такие категории как вольноопределяющиеся, солдаты нестроевых команд, а также, так называемые, «окопавшиеся» (военнослужа-

---

³¹ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: период двоевластия. Л., 1973. С. 250.

³² Половцов П.А. Указ. соч. С.78.

³³ Черняев В.Ю. Указ. соч. С.162, 167.

³⁴ Донесение командующего Петроградским военным округом 27 февраля 1917 г. Николаю II //Революционное движение в военных округах: март 1917 – март 1918 гг. М., 1988. С. 14.

³⁵ Таковую ситуацию можно отметить в 1-м ([Донесение представителя 1-го пехотного полка в Петербургский комитет РСДРП(б) в июне 1917 г.]// ЦГАИПД СПб. Ф.1. Оп.4. Д. 94. Л. 2) и 3-м пехотном полках (Показания прапорщика С.И. Федосеева // ГА РФ Ф. 1782. Оп.1. Д.1. Л.151 об.; Показания прапорщика Л.Д. Андреева // Там же. Д.2 Л.14), запасных батальонах Павловского (Показания штабс-капитана Б.А. Чикалева // ЦГИА СПб Ф.1695. Оп.2. Д.21. Л.12; Показания прапорщика А.Ф. Карша // Там же. Д.20. Л.130) и Московского полков (Показания прапорщика А.М. Решетняка // Там же. Д.5. Л.74; Показания полковника П.М. Яковлева // Там же. Д.4. Л.70).

³⁶ Это положение сложилось в 1-м пулеметном полку (Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. М., 1959. С. 576).

щие, остававшиеся в тыловых гарнизонах на нестроевых должностях, добившиеся этого положения с помощью знакомств или взяток).

Армейская среда подразумевает жесткую систему иерархии и чинопочитания. В связи с этим, от командного состава запасных воинских частей во многом зависела внутренняя атмосфера. Прежде всего, это относилось к младшим офицерам и унтер-офицерам, в обязанности которых входило ежедневное общение с нижними чинами и их подготовка к фронту. Однако в первые годы войны произошли значительные потери довоенного младшего командного состава. «Вместо того чтобы оставить этот излишек отличнейших унтер-офицеров в запасном батальоне как заместителей выбывших в боях, как учителей новобранцев и ратников, их поставили в строй простыми рядовыми бойцами, и в первых же боях они погибли бесполезно,» – прокомментировал решения командования того времени бывший офицер Финляндского полка, полковник Д. И. Ходнев³⁷.

Н. Н. Дубров I вспоминал, что все младшие офицеры довоенного времени были отправлены в 1914 г. на фронт, а на их замену пришли только что выпустившиеся прапорщики. Мемуарист называл их «полными профанами в деле воспитания и подготовки нижних чинов»³⁸. Б. Л. Нелидов высказался еще резче о младшем командном составе своего запасного батальона: «Вид этих унтер-офицеров, в большинстве не бывших на фронте, добросовестно выполнявших свои обязанности по обучению новобранцев с единственной целью не попасть на фронт, – был самый отвратительный – бабы, а не войны»³⁹.

Бывший офицер Петроградского полка С. Г. Лучанинов, напротив, запомнил «опрятный, строевой вид, видимую гордость полком, знание службы» унтер-офицерского состава запасного батальона перед революцией. Это были уже побывавшие в боях, раненные и вернувшиеся после выздоровления младшие офицеры. Они выделялись на фоне «вооруженной толпы», каком он увидел рядовой состав⁴⁰. При этом, по воспоминаниям С. Г. Лучанинова, солдаты относились к ним с подозрением и сторонились их как начальства, способного их наказать⁴¹.

---

³⁷ Ходнев Д. Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войнах (1914–1920 гг.). Белград, 1932. С. 13.

³⁸ Дубров I Н.Н. Указ. соч. Л.2об.–3.

³⁹ Нелидов Б.Л. Указ. соч. С. 9.

⁴⁰ Лучанинов С. Мои воспоминания о первых днях революции // Военная быль. 1965. №73. С. 2.

⁴¹ Там же. С. 3.

Привилегированное положение фельдфебелей, ефрейторов, прапорщиков, остававшихся в тылу, вызывало раздражение рядовых. В. Б. Шкловский, служивший в запасном бронедивизионе, вспоминал, что прапорщик из разночинцев «был не популярен, особенно тыловой, зубами вцепившийся в запасной батальон»⁴². Солдаты запасного батальона Измайловского полка называли их «шкурами», то есть заботящихся только о сохранении собственной жизни⁴³. Еще более явно подобное положение открылось после начала революции. 1 марта 1917 г. во время обсуждения «офицерского вопроса» на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов эсер С. А. Кливанский (товарищ Максим) передал мнение солдат Волынского запасного батальона: «Фронтная служба – ефрейторам и офицерам. Настоящим боевым солдатам – оставаться в Петрограде». Более того, солдаты, по его словам, требовали расправы над унтер-офицерами⁴⁴.

По отношению к младшему командному составу можно встретить упреки солдат в рукоприкладстве и немотивированных взысканиях. Бывший солдат-гвардеец В. В. Арамилев (И. А. Зырянов) вспоминал: «Ефрейтор – начальство шибко маленькое, но мал зверюга, да зубастый. Куражится ефрейтор над солдатом больше, чем любой полковник... Сапоги на поверке не блестят – наряд вне очереди. Пуговицы тусклы – наряд. Клямор не блестит – гусиным шагом ходи»⁴⁵. Солдат Н. Д. Хабаров из 3-го стрелкового полка в своих записках 1916 г. отмечал, что, кроме ежедневного муштрования, новобранцев «очень колотят, попадают кулаком по морде, и очень здорово стегают ремнем. Когда увидишь все это, то сердце закипает какой-то ненавистью, и думаешь: был бы всякой на своей воле, неужели бы он мог перенести, чтобы не дать сдачу? ... А тут бьют и бьют совсем ни за что. Какой-то ефрейторишко думает, что раз ему дали в подчинение беззащитных молодых людей, то давай над ним издеваться, не думая о том, что и за какой-нибудь месяц назад был тоже в таком же подчинении»⁴⁶. Возможно, подобная жестокость к рядовым

---

⁴² Шкловский В. Сентиментальное путешествие: воспоминания 1917–1922. М., Берлин, 1923. С. 11.

⁴³ Фомин Б.В. Первые месяцы после Февральской революции в запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 324.

⁴⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. (протоколы, стенограммы, отчеты и резолюции). Т. I. Л., 1991. С. 49.

⁴⁵ Арамилев В. В дыму войны. М., 1930. С. 30.

⁴⁶ Три голоса утраченной страны. Барон Дистерло. Корнет Станиславский. Солдат Хабаров. Страницы воспоминаний, писем, дневников. СПб., 2015. С. 165.

объяснялась отсутствием должного авторитета ефрейторов. Не умея добиться подчинения, они прибегали к насилию.

Бывший офицер Измайловского полка Б. В. Фомин вспоминал случай, когда командир запасного батальона показал ему анонимное письмо от одного из нижних чинов, в котором сообщалось о неуместной строгости от взводных командиров. Они часто применяли «постановку под ружье» на несколько часов, «вывод по утрам для занятий бегом в одних гимнастерках при морозе даже свыше 10 градусов, когда начальствующие нижние чины были в шинелях», «проверку чистоты под койками при помощи личных полотенец» и пр.⁴⁷ Только это письмо заставило мемуариста обратить внимание на порядки в учебной роте. Применение этих наказаний он расценивал как присвоение ефрейторами дисциплинарной власти младших офицеров⁴⁸. Начальника же этой команды после революции солдаты отстранили от власти⁴⁹.

Аналогичная ситуация имела место в запасном батальоне Преображенского полка. С. И. Шидловский вспоминал свой разговор с солдатами-преображенцами в период своего участия во Временном комитете Государственной думы: «Подробные разъяснения, отнюдь не в виде жалоб, отношений офицеров с солдатами в Преображенском полку нарисовали мне такую картину, существование которой я не считал возможным даже в самом глухом полку армии, а не то что в первом полку гвардии. Мне потом рассказывали офицеры других гвардейских частей, что им давно уже было известно о существовании в Преображенском полку таких дисциплинарных взысканий, которые никакими уставами не были предусмотрены и с чувством человеческого достоинства совершенно несовместимы»⁵⁰. Позже представитель преображенцев в Совете рабочих и солдатских депутатов в своей речи на заседании 1 марта 1917 г. выступил против необходимости оставления офицеров в запасных воинских частях, поскольку, как он выразился, «мы знаем, как о наши морды разбивались их кулаки»⁵¹.

---

⁴⁷ Фомин Б.В. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. // Измайловская старина. 1933. №16. С. 9.

⁴⁸ Там же. С. 11.

⁴⁹ Там же. С. 12.

⁵⁰ Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 68.

⁵¹ Петроградский совет. Т.1... С. 51.

В результате, несмотря на оппозиционные настроения офицеров⁵², и то, что в дни революции они одними из первых заявили о своей поддержке Государственной думы⁵³, солдаты арестовали 18 своих начальников во главе с командиром запасного батальона князем К. С. Аргутинским-Долгоруковым⁵⁴. Из протокола №1 комитета запасного батальона Преображенского полка следует, что в начале марта 1917 г. стоял вопрос о том, чтобы выбрать командиром не офицера, а одного из нижних чинов. В итоге решено, что все-таки управлять полком должен представитель командного состава. Однако лучше кандидатурой сочли М. В. Заринга в чине подпоручика⁵⁵.

Накануне февральского восстания 1917 г. антиофицерские настроения стали выливаться в эксцессы. М. И. Ахун и В. А. Петров в своей работе привели донесение начальника Петроградского губернского жандармского управления: «Настроение в армии очень тревожное, отношения между офицерами и солдатами крайне напряжены и имеют место кровавые столкновения»⁵⁶. В этой же работе были приведены выдержки из следственного дела ратника 1-го пехотного запасного полка А. Ф. Боброва, который 14 марта 1916 г. зарезал подпрапорщика Дикарева. Свой поступок он мотивировал местию за то, что подпрапорщик «строго относился ко всем»⁵⁷.

Источники позволяют проследить итоги применения наказаний и рукоприкладства в отношении запасного батальона Московского полка. Солдаты его учебной команды накануне революции 21 февраля 1917 г. подали на имя командира бригады прошение, где говорилось: «Пусть мы умрем на позициях честной солдатской смертью на поле брани и за защиту своего Отечества, нежели здесь в руках взводных и отдельных наших учителей»⁵⁸. В последствии, когда полк перешел на сторону революции, и 1 марта 1917 г. солдаты строились для того, чтобы идти в Таврический дворец для приветствия новых властей, они отказались подчиняться своим младшим офице-

---

⁵² Андоленко С. Указ. соч. С. 249–250; Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Сб. статей. Париж, 1934. С. 160; Торнау С.А. С родным полком (1914–1917). Берлин, 1923. С. 116; Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 185.

⁵³ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002. С. 77.

⁵⁴ Обращение к солдатам выборного командира Преображенского запасного батальона 3 марта 1917 // РГВИА. Ф.1343. Оп.10. Д.3863. Л.51; Николаев А.Б. Государственная дума... С.173, 176.

⁵⁵ Обращение к солдатам выборного командира... Л. 50.

⁵⁶ Ахун М.И., Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 32.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ [Прошение на имя командира 3-й гвардейской бригады] // РГВИА. Ф.2583. Оп.2. Д.1288. Л.1.

рам⁵⁹. Позже многие были изгнаны, а вместо четырех ротных командиров были поставлены рядовые⁶⁰.

В итоге в запасном батальоне Московского полка после революции из всего офицерского состава оставили только семь и еще четырнадцать офицеров одобрили позже⁶¹. Авторитетом, однако, по-видимому, не пользовались и эти немногие. Они произвели на полковника С. В. Анохина, расследовавшего причины вооруженного выступления москвичей 3–5 июля 1917 г., «впечатление затравленных»⁶².

Взаимоотношения солдат и офицеров в дореволюционный период зачастую идеалистически изображаются в современной историографии⁶³. Е. И. Чапкевич писал, что «каждый офицер вне зависимости от возраста рассматривался солдатами как отец-командир, которому согласно традиции надлежало заботиться о своих подчиненных, как некогда во времена крепостного права хорошему помещику надо было помогать своим крестьянам»⁶⁴.

Однако ряд бывших офицеров, пробывших некоторое время в запасных батальонах, вспоминали, что они были лишены возможности заниматься солдатами, наблюдать за ними и руководить их подготовкой. Причину этого они видят в том, что ротные командиры были поглощены решением разнообразных хозяйственных и бытовых вопросов, необходимостью вести бумажную отчетность и цензуру писем⁶⁵.

Впрочем, если верить воспоминаниям полковника Д. И. Ходнева, ситуация индифферентного отношения офицеров к солдатам и вообще к внутренней жизни полка могла объясняться иными причинами. Мемуарист указывал,

---

⁵⁹ Солдатский дневник // Правда. 1917. 10 марта.

⁶⁰ Правда. 1917. 11 марта.

⁶¹ Заключение Особой следственной комиссии... Л. 17.

⁶² Рапорт начальника Главного военно-судного управления // РГВИА. Ф.1343. Оп.2. Д.490. Л.182 об. Приведенные свидетельства ставят под сомнение утверждение авторов статьи «Последняя страница из жизни лейб-гвардии Московского полка, что благодаря тому, что среди солдат и офицеров «была характерна широкая распространенность либеральных, а то и социал-демократических настроений», «в 1917 г. в Московском полку не было отмечено ни одного случая ареста, а тем более убийства офицеров, столь обычных для других частей Петроградского гарнизона» (Последняя страница истории л.-гв. Московского полка. // минувшее: исторический альманах. 1986. №1. С. 361).

⁶³ Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск, 2011. С.46; Керсновский А.А. История русской армии. Т. IV. М., 1994. С. 252; Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. С. 175–176; Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 14.

⁶⁴ Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003. С. 39.

⁶⁵ Лучанинов С. Указ. соч. С. 3; Дубров И.Н. Указ. соч.. л.2об.; Нелидов Б.Л. Указ. соч. С. 8.

что обучение в основном производилось офицерами запаса и молодыми офицерами ускоренных выпусков. Первые, по воспоминаниям Д. И. Ходнева, «не очень-то охотно служили и работали», а вторые – стремились не задерживаться в тылу и как можно скорее отбыть в действующий полк⁶⁶.

Среди офицеров запасных батальонов также было достаточно много тех, которые из-за ранений были уже негодны к службе на фронте⁶⁷. Генерал-лейтенант С. С. Хабалов, последний царский главнокомандующий Петроградским военным округом, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии писал, что «вообще все офицеры, здесь [в Петрограде – К. Т.] находящиеся, – больные, а все здоровые в армии: сюда же эвакуированы все больные»⁶⁸.

Выздоровливающие после ранений и контузий так же, по мнению полковника Д. И. Ходнева, не стремились сблизиться с солдатами, предпочитая строевым занятиям отдых в столице⁶⁹. Брезгливое отношение боевых офицеров к революционным частям отразилось в письме Б. В. Сергеева, которое он процитировал в воспоминаниях. Он назвал запасной батальон своего полка «клоакой» и писал, что «возиться при таких условиях с ними [с солдатами – К. Т.] не дай то Бог»⁷⁰.

Абсентеизм офицерства продолжился и после начала революции. В этом случае, он, однако, мог объясняться политическими мотивами. После революции не раз солдаты выступали с требованиями регулярного посещения офицерами занятий⁷¹. В запасном батальоне Московского полка, который прослыл «большевистским», судя по их собственным признаниям, офицеры «болели» целыми месяцами⁷². Схожая ситуация, по наблюдениям подпоручика И. А. Дюрнбаума, сложилась и в 1-м пулеметном полку⁷³.

К 1917 г. большой процент среди офицеров составляли прапорщики военного времени. Они должны были покрыть убыль погибших офицеров, и

---

⁶⁶ Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии финляндского полка // 1917 год в судьбах России. Февральская революция: от новых подходов к новому осмыслению. М., 1997. С. 257.

⁶⁷ Показания подпрапорщика В.С. Ксенофонотова // ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. д. 10. Л.43; Лукаш И. Преображенцы. Пг., 1917. С. 11; Назимов П.И. Указ. соч. Л.13; Дубров И.Н. Указ. соч. Л.3; Нелидов Б.Л. Указ. соч. 12 апреля. 1935. С. 13.

⁶⁸ Падение царского режима... Т.1. Л., 1924. С. 198.

⁶⁹ Ходнев Д. Февральская революция... С. 257.

⁷⁰ Сергеев Б.В. 1917 год на фронте // Финляндец. 1960. №39. С. 19.

⁷¹ Протокол заседания комитета запасного батальона Московского полка 20 апреля // ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.6. Л.90 об.; Голос солдата. 1917. 21 мая.

⁷² ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.9. ЛЛ. 23, 31об., 37об, 43, 73об., 144 об., 149.

⁷³ Показания подпоручика И.А. Дюрнбаума // ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.10. Л. 99 об.

производились на ускоренных курсах из всех образованных слоев общества (студенчества, чиновничества, служащих и др.). Для них был характерен демократический стиль обращения с солдатами, по большей части не характерный для традиций офицерства. Однако эта характеристика новой социальной группы в армии получила противоречивые оценки в историографии. Если И. Н. Гребенкин считал, что подобное поведение офицеров могло сближать их с солдатами, то Н. А. Копылов писал, что оно вело к ослаблению дисциплины, падению авторитета командования и способствовало распространению «либеральных настроений»⁷⁴. С. В. Волков отмечал, что новое офицерство сохраняло все качества и традиции кадрового⁷⁵.

После революции молодые офицеры имели больше шансов остаться в полку, и даже продвинуться в должности. По словам подпоручика В. Д. Попова, в 1-ом пулеметном полку были изгнаны почти все кадровые офицеры, а на их место поставлены в основном только что произведенные⁷⁶. Общее собрание выборных от рот и офицеров запасного батальона Волынского полка постановило послать делегацию к генерал-лейтенанту Л. Г. Корнилову с просьбой исключить всех кадровых офицеров из Петроградского гарнизона⁷⁷. Запасной батальон Волынского полка, кроме того, что был одной из первых восставших воинских частей, выбрал своим командиром прапорщика В. К. Кониченко⁷⁸. Во главу запасного батальона Павловского полка также был выбран один из низших офицерских чинов 25-летний штаб-капитан Е. И. Козловский⁷⁹.

Таким образом, в большинстве запасных полков Петроградского гарнизона наблюдался вызванный потерями недостаток довоенного командного состава. Недавно произведенные ефрейторы и унтер-офицеры не могли руководить подготовкой новобранцев, они не пользовались авторитетом и теряли контроль над военнослужащими. Офицеров довоенного времени также было

---

⁷⁴ Гребенкин И.Н. Офицерство Российской армии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 58; Копылов Н.А. Первая мировая война и русское офицерство. Некоторые аспекты проблемы // Сравнительно-исторические исследования: Сборник студенческих работ. М., 1998. С. 92.

⁷⁵ Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология, 2003–2004. М., 2005. С. 175.

⁷⁶ Показания поручика В.Д. Попова // ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.10. Л.148 об.

⁷⁷ Протокол заседания комитета запасного батальона Волынского полка 6 марта // РГВИА. Ф.7733. Оп.1. Д.78. Л.5об.

⁷⁸ Там же. Л.7.

⁷⁹ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон... С. 9.

немного в запасных воинских частях. Большинство из них предпочитало фронтową службу, а в запасных частях оставались лишь по неприятным для них обстоятельствам. Профессиональные военные, руководившие подготовкой солдат до войны, к 1917 г. становились редкостью. Наладить дисциплину в таких условиях было сложно. Широкое распространение в этих условиях получило рукоприкладство и чрезмерные наказания.

Однако существовали и исключения. Сильно контрастируют с указанным положением мемуары бывшего командира запасного Семеновского полка полковника П. И. Назимова. Он писал, что со времени своего назначения руководствовался принципом того, что «от солдата можно потребовать и дисциплину, и точное исполнение всех его служебных обязанностей», но при этом необходимо «проявление к нему искренней заботливости, уважения в нем человеческого достоинства, словом культурного к нему отношения»⁸⁰.

Можно предположить, что П. И. Назимов приукрасил в своих воспоминаниях атмосферу в полку. Однако если мы обратимся к воспоминаниям М. Г. Корнфельда, издателя знаменитого журнала «Сатирикон», которому пришлось проходить военную службу в запасном батальоне Семеновского полка, то обнаружим подтверждение слов бывшего командира. Много лет спустя в интервью радио «Свобода» он сказал: «Когда я впервые оказался в казармах Семеновского полка, я не переставал удивляться до такой степени воздух, которым я дышал, все то, что мне приходилось видеть и слышать не вязалось с тем, как я себе представлял казарменный уклад. Ни одного грубого слова, крика или окрика, жеста, которые могли бы нарушить до предела доведенную простоту и доброжелательность. Все, к кому мне приходилось обратиться, испытывали, казалось, удовольствие, давая мне необходимые указания»⁸¹.

По свидетельству капитана Ю. В. Маркова, в полку строго следили за тем, чтобы не применялось рукоприкладство не только офицерами, но и унтер-офицерами и фельдфебелями. По его словам, редки были и наказания, поскольку под разными предлогами «весь беспокойный элемент» удалялся из запасного батальона⁸².

---

⁸⁰ Назимов П.И. Указ. соч. Л. 18.

⁸¹ Русская смута глазами проигравших. К 95-летию революции. Михаил Корнфельд, Олег Керенский // Радио «свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24777802.html> (дата обращения: 19.02.2016).

⁸² Макаров Ю. В. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. М., 2014. С. 381.

Объяснялось такое положение особым отбором офицеров. Семеновский полк считался одним из наиболее престижных для выпускников военных училищ. Согласно полковой традиции молодого офицера должна была принять «полковая семья». Во внимание принимались, кроме высших баллов, достойное происхождение, убеждения и незапятнанная репутация⁸³. В период Первой мировой войны, когда ощущалась нехватка качественного младшего офицерского состава, полковник П. И. Назимов добился права пополнять их убыль не прапорщиками военного времени, а путем производства фельдфебелей и унтер-офицеров за боевые отличия. Ю. В. Макаров считал это большой заслугой: «Вместо ненадежного боевого элемента, хотя бы даже со средним и высшим образованием, элемента, который никаким авторитетом у солдат пользоваться не может, и для которого честь и слава полка пустой звук, полки получили бы крепких, стойких, испытанных в боях начальников, которые в полках этих выросли и для которых свои полки стали своими семьями»⁸⁴.

По воспоминаниям П. И. Назимова, рядовых также пытались приобщить к семеновской полковой истории. Командир запасного батальона «решил ни разу не пропускать случая, чтобы всех вступающих в семеновские ряды людей знакомить с деяниями этих двух в мировой славе непобедимых семеновцев [Павел I и А. В. Суворов – *К. Т.*]»⁸⁵. Специально для рядовых солдат в январе 1917 г. была создана небольшая брошюра с описанием подвигов Семеновского полка, начинавшаяся словами о том, что, помня «как верую и правдою служили его предки и какое почетное имя получает он, входя в нашу Семеновскую семью», пусть каждый семеновец старается «развить в себе те крепкие основы верности долгу и любви к Родине, которые всегда составляли отличительную черту Семеновского солдата»⁸⁶.

Итогом такой политики стал тот факт, что полковник П. И. Назимов после революции был единственным из всех командиров гвардейских полков, который не потерял свой пост, а был вновь на него избран общим собранием солдат⁸⁷. Позже он стал почетным членом солдатского клуба⁸⁸. В течение всего 1917 г. здесь удалось не дать распространить большевикам свое влияние, а по-

⁸³ Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 53.

⁸⁴ Макаров В.Ю. Указ. соч. С. 178.

⁸⁵ Назимов П.И. Указ. соч. Л. 18.

⁸⁶ Памятка семеновца. Краткая история л.-гв. Семеновского полка. Пг., 1917.

⁸⁷ Голос солдата. 1917. 5 августа.

⁸⁸ Там же. 10 мая.

сле Октября полк считался не только наиболее организованной воинской частью Петрограда, но и главной надеждой всех антибольшевистских сил⁸⁹.

Доверительную атмосферу между солдатами и офицерами удалось установить в 1-м запасном пехотном полку, которым командовал полковник К. Ф. Лучивка-Неслуховский, человек демократических, едва ли не левых, взглядов⁹⁰. В своих показаниях Особой следственной комиссии, он писал, что, по отзывам инспектирующих лиц, полк «был образцовой дисциплинированной воинской частью»⁹¹. Полковник объяснял это тем, что сюда поступали офицеры, окончившие военные училища и школы прапорщиков первыми по успехам⁹². В дни Февральского восстания 1-й пехотный запасной полк был одной из первых частей, пришедших в полном составе на сторону революции во главе со своим командиром. К. Ф. Лучивка-Неслуховский отметил, что при этом не было замечено «не только насильственных, но и оскорбительных действий и слов солдат по отношению к офицерам»⁹³.

1-й пехотный запасной полк сохранял свою дисциплинированность, несмотря на растущее влияние большевиков, лидером которых в полку был прапорщик В. В. Сахаров. Сплоченная группа офицеров и членов полкового комитета проводила борьбу с распространением левых идей⁹⁴. Участие солдат в Июльских событиях 1917 г. можно отчасти признать случайностью. Полк выступил в полном составе с офицерами только после соответствующего приказа главнокомандующего Петроградском гарнизоном П. А. Половцова⁹⁵.

---

⁸⁹ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 306; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 189.; Соколов Б. Защита Учредительного собрания // Архив русской революции. 1924. Т. XIII. С. 60; Показания Раткина-Броуна М.Я. // ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 1348. Л. 18; Правозсеровский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний. Том 1–2. М., 2011. С. 513; Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР (1930–1931 годы). М., 2000. С. 372.

⁹⁰ Николаев А.Б. Три эпизода из жизни К.Ф. Лучивки-Неслуховского (1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2014. С. 98–101.

⁹¹ Показания генерал-майора К.Ф. Неслуховского // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 8. Л. 134.

⁹² Одним из таких офицеров был В.Б. Станкевич, выпускник Павловского военного училища, закончивший его, по собственным словам, первым (Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 37).

⁹³ Там же. Николаев А.Б. Три эпизода... С. 101–102.

⁹⁴ Показания штабс-капитана Г.С. Флери // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7. Л. 90; Показания прапорщика А. Семенова // Там же. Л. 95 об.; Показания прапорщика Л.А. Добролюбова // Там же. Л. 116 об.; Показания П.В. Гринкова // Там же. Л. 84–84 об.

⁹⁵ Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964. С. 70

Подобные свидетельства можно отнести к заслугам отдельных командиров, пытавшихся поддерживать довоенный порядок в запасных батальонах и полках. Офицеры были носителями традиций, которые передавались новым пополнениям⁹⁶, но они буквально тонули в общей массе пополнений.

В качестве красноречивого свидетельства взаимоотношений командного состава и нижних чинов в различных полках Петроградского гарнизона можно привести сводную таблицу о переизбрании офицеров, составленную из документов, обнаруженных среди материалов Политического управления Военного министерства* за май 1917 г.

Полк	Переизбраны	Приняты новые	Изгнаны
Гренадерский	66	6	
Измайловский	64		6
Преображенский	24		17
Егерский	61		
Волынский	56		
3-й пехотный	201		
Финляндский	93	40	
176-й пехотный	155	26	14
1-й стрелковый	50		5
Электротехнический	82		
6-й саперный	117	5	12
Моторно-понтонный	49	22	
9-й кавалерийский	95		
Московский		39	25
Павловский	60	10	16
Семеновский	40	13 и 11	9
Литовский	32		
Кексгольмский	55		5

*РГВИА. Ф.366. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ.137об., 138, 140, 141, 143, 145, 153, 156, 162, 166, 169, 171, 195, 198, 210, 221, 225, 226.

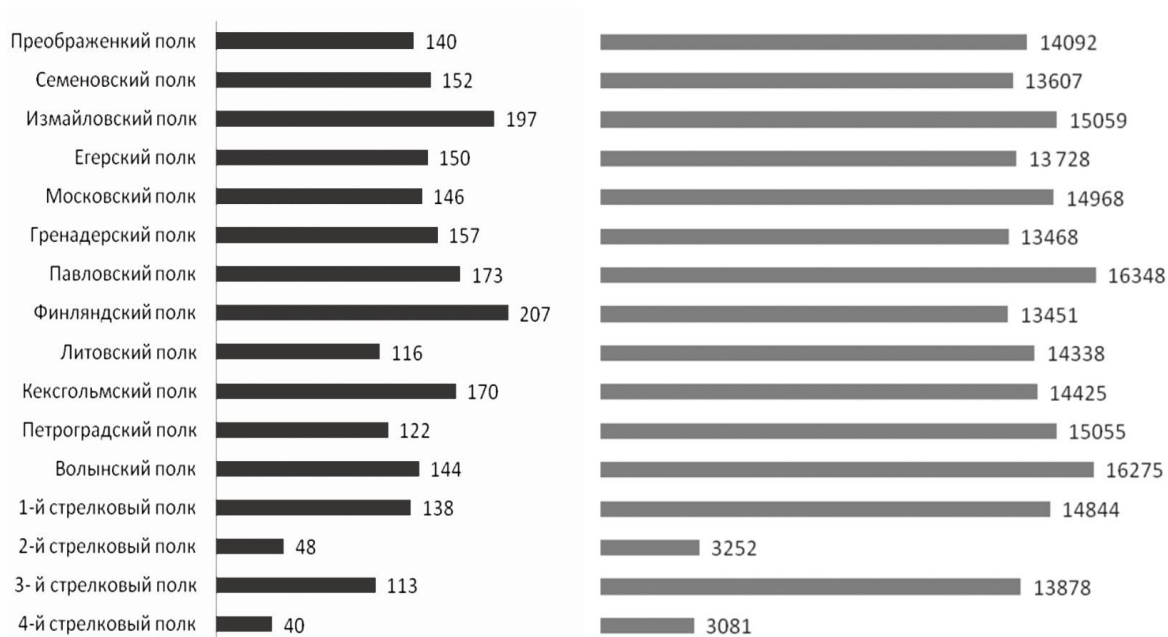
Эти данные не отличаются полнотой, а также разнятся с другими⁹⁷, однако по ним можно проследить общую тенденцию, которая заметна по другим материалам. Больше всего офицеров не приняли солдаты запасных батальонов Московского, Преображенского и Павловского полков. В первых двух, как было

⁹⁶ Прапорщик военного времени С.В. Аничков, определенный в запасной батальон Измайловского полка, вспоминал, что капитан А.А. Кованько учил молодых офицеров, что в полку принято обращаться с солдатами только вежливо (Аничков С.В. Указ. соч. С. 212).

⁹⁷ Соболев Г.Л. Указ. соч. С. 91. Историк использовал в своих подсчетах данные Временного комитета Государственной думы, собранные в марте 1917 г.

сказано выше, было распространено рукоприкладство. Солдаты всех трех полков присоединились к революции одними из первых.

Высказанные соображения об изменении контингента Российской армии важно соотнести с данными по потерям, которые имеются в нашем распоряжении*.

*Потери офицеров и нижних чинов (Тихомиров А.В., Чапкевич Е.И. Русская гвардия в первой мировой войне // Вопросы истории. 2000. №9. С. 42).

Наибольшие потери отмечены в Павловском и Волынском полках, следом идут Измайловский и Петроградский, далее Московский и 1-й стрелковый. Следовательно, можно сделать предположение, что в этих полках осталось наименьшее количество кадровых солдат, и что они влили в свою среду значительно больше новобранцев и резервистов. Возможно также, в этих полках было больше раненых, и они переходили в запасные батальоны в разряд «эвакуированных». Значительно меньшие потери отмечены в Кексгольмском, Литовском и Преображенском. Наименьшие потери среди гвардейских пехотных понес Финляндский полк, из стрелковых – 2-й и 4-й.

С другой стороны, именно Финляндский полк понес самые большие потери в офицерском составе. За ним следуют Измайловский, Павловский и Кексгольмский. В этих полках должен был быть большим приток офицеров военного времени, а также уход на фронт кадрового офицерства из запасных батальонов. Меньше всего из гвардейских пехотных офицеров пострадали командиры Литовского и Петроградского полков.

Можно сделать вывод, что в большей степени свою гвардейскую сущность утратили запасные батальоны Павловского и Измайловского полков, где весомыми были потери и среди офицеров, и среди нижних чинов. Впрочем, эти выводы весьма условны. Только имея в распоряжении динамику потерь гвардейских полков по годам, а также о пополнении новобранцами в каждый период и сроках их отправления на фронт, можно было бы с большей точностью описать картину, сложившуюся к 1917 г. Тем не менее, становится очевидным важность учета степени активности того или иного полка в боевых действиях как фактора, повлиявшего на изменение состава, а следовательно, и настроений запасных воинских частей.

Далее обратимся к условиям несения службы солдатами, их быту. В. П. Булдаков высказал мнение, что «вчерашние крестьяне не переносили муштры, зубрежки уставов, порой принимавшей издевательские над здравым смыслом формы, сложной системы титулования и "зряшной" (рытье окопов, строительство блиндажей и т.п.) работы»⁹⁸.

В воспоминаниях самих солдат далеко не всегда можно найти жалобы подобного рода. В описании солдата Н. Д. Хабарова, проходившего подготовку во 2-м сводно-гвардейском батальоне в Петергофе, казарменная жизнь не выглядит утомительной, лишь несколько однообразной. В своем дневнике он упоминал, что офицеры организовывали игры в снежки, в городки, «в мячик», устраивали лесные прогулки и даже показ фильмов («Унывать не велят, а велят развлекаться и быть всегда веселому»)⁹⁹. Изучение устава также трудно было назвать сложными для бывшего крестьянина: «Занятье было очень слабое, очень много шумели и даже по временам рассказывали сказки. Но сказки говорили тогда, когда в роте, а проще сказать, в казарме не было ни офицеров, ни фельдфебеля, а как чуть кто услышит, что появляется кто-то из начальства, так сейчас же опять начинает словесность спрашивать»¹⁰⁰. С. В. Аничков также вспоминал, как будучи вольноопределяющимся запасного батальона Измайловского полка, не имел затруднений с военной подготовкой, называя ее «примитивной» и сводившейся к изучению уставов¹⁰¹.

В этой связи стоит обратить внимание на мнение В. Б. Шкловского, служившего в запасном бронедивизионе, что «сидение без отпуска в казармах, где

⁹⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С.56.

⁹⁹ Три голоса утраченной страны... С. 142–143, 146, 147.

¹⁰⁰ Там же. С. 145.

¹⁰¹ Аничков С.В. Указ. соч. С. 204.

забранные и оторванные от дела люди гноились без всякого дела на нарах, казарменная тоска, темное томление и злоба солдат на то, что за ними охотились по улицам, – все это больше революционизировало петербургский гарнизон, чем постоянные военные неудачи и упорные, всеобщие толки об "измене"¹⁰².

С другой стороны, В. Арамилев отметил в своих мемуарах, что дисциплина в 3-й гвардейской дивизии имела репутацию «каторжной»¹⁰³. Он запомнил утомительность и бессмысленность «шагистики» для военного дела¹⁰⁴. При этом, по его словам, 1-я гвардейская пехотная дивизия находилась в несколько лучших условиях: «Преображенцы и семеновцы шагают реже, не вытягивают носок. Ходят, как армейская пехота»¹⁰⁵.

Солдат Н. Д. Хабаров после перевода через девять месяцев службы во 2-м сводно-гвардейском батальоне в 3-й стрелковый полк также занялся «шагистикой», что вызывало возмущение солдата: «Учат, чтобы чисто делали повороты да ногу, чтобы давали отдавание чести, чтобы отдавали честь хорошо. А мы разве для того призваны? Мы призваны для защиты отечества»¹⁰⁶.

Оценки солдат в данном случае сильно контрастируют с воспоминаниями бывшего командующего Волынским полком А. В. Геруа. Он с гордостью писал: «В самом деле, в то время, как всеобщая воинская повинность обезличивала исторические части армии, все более и более отклонявшиеся в сторону случайных "полчищ", лейб-гвардии Волынский полк ревниво, старательно и со знанием дела и техники вопроса, один из немногих преуспел сохранить свое традиционное лицо, не боясь стать на такой путь анахронизма, как "муштра". Этот свой завет он бережно донес до великих испытаний Мировой войны для того, чтобы для всех тех, кто имел честь сражаться под Волынским знаменем, стало ясно, какое большое значение этот отдел обучения имеет даже и в современной многомиллионной вооруженной массе»¹⁰⁷. По его мнению, муштра позволяла сохранить дисциплину и поддерживать боевой порядок в условиях войны. Нужно отметить, что, как было указано выше, именно муштра создавала возможность для неуставных наказаний.

---

¹⁰² Шкловский В. Сентиментальное путешествие: воспоминания 1917-1922. М., Берлин, 1923. С. 10.

¹⁰³ Арамилев В. Указ. соч. С. 29.

¹⁰⁴ Там же. С. 31.

¹⁰⁵ Там же. С. 32.

¹⁰⁶ Три голоса утраченной страны... С. 163.

¹⁰⁷ [Геруа А.В.] Воспоминания командира полка, генерала А.В. Геруа// Вестник волынца. 1931. №5. С. 3. «Знаменитая Волынская муштра» продолжала практиковаться и во время войны в запасном батальоне (Геруа А.В. Указ. соч. // Там же. №6. С. 12).

В мирное время довольствие солдат-гвардейцев было выше довольствия нижних чинов армейских частей¹⁰⁸. Однако в период войны начались трудности с продовольствием. Не всем начальникам хозяйственной части удавалось справиться с новыми условиями. Полковник запасного батальона 2-го стрелкового полка Н. Л. Артабалеvский записал в своем дневнике в феврале 1917 г.: «Был на обеде стрелков. Пища скверная, как уже давно. Щи недоваренные, жидкие. Мясо жесткое. Порции неполные. Сегодня варят вместо каши чечевицу, очень неважную и нечистую. По-моему, это плохо. Скверная пища может дать повод к недовольству. Недостаток котлов заставляет стрелков торопиться с обедом»¹⁰⁹. В запасном батальоне Финляндского полка незадолго до революции возмущение солдат вызвало уменьшение нормы пайка. Нехватка денег на повышенное довольствие породило среди солдат слух, что командующий батальоном присвоил себе деньги, выделенные на питание¹¹⁰. Напротив, в запасном батальоне Семеновского полка удалось использовать скопленные экономические суммы на закупку продовольствия в обход интендантства, что получалось значительно дешевле¹¹¹.

Размещение солдат также зависело от статуса запасного батальона. Следует в принципе отметить нормальные условия в тех гвардейских полках, которые изначально были прикомандированы к столице – в 1-й и 2-й гвардейских дивизиях. В частности, в казармах Павловского полка были хорошо оборудованные столовые и кухни с собственной хлебопекарней¹¹². Наиболее привилегированное положение имел 1-й батальон запасного Преображенского полка¹¹³. Его казармы располагались на Миллионной улице вблизи Зимнего дворца, они были оборудованы водопроводом, канализацией и газовым освещением¹¹⁴.

В то же время в армейских запасных полках санитарное состояние было угрожающим. Бывший солдат 180-го пехотного полка А. И. Алексеев вспо-

¹⁰⁸ Тихомиров В.А., Чапкевич Е.И. Русская гвардия в первую мировую войну // Вопросы истории. 2000. №9. С. 36.

¹⁰⁹ Артобoлевский Н.А. Первые дни революции во 2-м гвардейском запасном батальоне // Памятные дни: Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллинн, 1939. Вып. 3. С. 8.

¹¹⁰ Ростовский Ф.Я. Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001. С. 66.

¹¹¹ Назимов П.И. Указ. соч. Л.31.

¹¹² Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 177.

¹¹³ Считается, что он раньше других частей гвардии прибыл в распоряжение Николая I во время восстания декабристов.

¹¹⁴ Антонов Б.И. Указ. соч. С. 163.

минал, солдатам приходилось спать не на матрасах, а на соломенных матах, используя в качестве подушек вещевые мешки. Скученность народа приводила к распространению паразитов, а также эпидемиологических заболеваний (тифа)¹¹⁵.

Мемуарист не преувеличивал ужасающие условия содержания призывников. В рапорте полковника С. В. Анохина в штаб Петроградского военного округа отмечалось, что на восприимчивость солдат 180-го пехотного полка «всякой вредной пропаганды» оказывали влияние «невыносимые жилищные условия, грязь и сырость в казарме (тиф не переводился), болото под ногами, скученность и теснота размещения людей, отдаленность полка от центра, недостаток обмундирования и обуви»¹¹⁶. В показаниях Особой следственной комиссии прапорщик М. К. Тер-Арутюнянц оставил яркое описание быта солдат: «Помещение казарм было чрезвычайно тесно для такого количества людей: солдаты спали частью на полу; помещение содержалось антигигиенично и антисанитарно; пища была ниже всякой критики, кормили гнилой рыбой, тухлой кашей и пресловутой чечевицей. Все это сильно раздражало солдат, так что они не боялись выразить своего негодования открыто». Лишь в начале апреля 1917 г., по его словам, для маршевых рот были выделены новые помещения на Каменноостровском проспекте¹¹⁷.

Казармы запасных батальонов вспоминаются бывшим солдатам то, как тюрьма¹¹⁸, то как концлагерь¹¹⁹. В. Б. Шкловский называл предреволюционные казармы «кирпичными загонами, куда все новыми и новыми, зелеными и красными бумажками о призывах загонялись стада человечины», а соотношение офицеров и солдат он сравнил с количеством надсмотрщиков на невольничьих кораблях¹²⁰. Упоминания о большой скученности военнослужащих в запасных воинских частях неоднократно встречаются в воспоминаниях. Солдат размещали либо в казармах, приспособленных к гораздо меньшему количеству людей, либо и вовсе в манежах. Общим местом в воспоминаниях стало указание о двух-, трехъярусных нарах¹²¹. Эти кровати, по вос-

---

¹¹⁵ Алексеев А.И. Эти годы забыть нельзя. Воспоминания старого большевика. Л. 1981. С. 84.

¹¹⁶ Рапорт начальника Главного военно-судного управления // РГВИА. Ф.1343. Оп.2. Д.490. Л. 19.

¹¹⁷ Июльские дни в Петрограде // Красный архив. 1927. №4(27). С. 36–37.

¹¹⁸ Алексеев А.И. Указ. соч. С. 78.

¹¹⁹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. М., 2007. С. 63.

¹²⁰ Шкловский В. Указ. соч. С. 13.

¹²¹ Андоленко С. Указ. соч. С. 254; Лучанинов С. Указ. соч. С.2; Фомин Б.В. Воспоминания начальника ... Л.4; Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 61.

поминанию одного из бывших солдат, не отличались комфортом: «на верхних душно, не продыхнешь [так в тексте – *К.Т.*], на средних и нижних глаз раскрыть нельзя: мусор сверху сыплется»¹²². С. Г. Лучанинов, офицер-измайловец, также отмечал «тяжелый, сырой воздух от такого скопления людей и вымоченных под дождем шинелей», который «спирал дыхание и заставлял держать все окна открытыми, несмотря на уличный холод»¹²³.

Постоянно увеличивавшаяся численность солдат в запасных воинских частях объяснялась потребностями фронта восполнить потери. Г. Л. Соболев привел сведения о том, что в среднем на 50–60 солдат гвардейских и армейских частей приходилось по одному офицеру¹²⁴. Следствием этого была потеря контроля над нижними чинами. Б. В. Геруа со слов командующего запасным батальоном Измайловского полка П. В. Данильченко описывал запасные батальоны как «полчища». Падение дисциплины он объяснял тем, что «на одного офицера приходилось несколько сот полумужиков»¹²⁵. По мнению Д. И. Ходнева, «при такой массе людей, набитых "до отказа" в казармах» необходимо было иметь соответствующие число «опытных и энергичных офицеров и унтер-офицеров для наблюдения за ними для их обучения и воспитания»¹²⁶.

В большинстве воспоминаний офицеров можно встретить упоминание о нелегальной деятельности различных политических сил в казармах запасных воинских частей. Однако следует согласиться с выводом В. П. Булдакова о том, что в их мемуарах «все, что оказывалось за пределами непосредственных обязанностей и долга, казалось им либо не заслуживающим внимания, либо относящимся к сфере действия "враждебных" сил и чужих происков»¹²⁷. Как мы увидели, ряд разнообразных факторов оказывал влияние на атмосферу в той или иной запасной воинской части. В большинстве случаев имело место комбинация из нескольких, которая обуславливала недовольство нижних чинов.

Военные действия Первой мировой войны привели к масштабным потерям на фронте. Это касалось как кадрового офицерства, так и обученных в

¹²² Арамилев В. Указ. соч. С. 29.

¹²³ Лучанинов С. Указ. соч. С. 2.

¹²⁴ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон... С. 20.

¹²⁵ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т.2. Париж, 1970. С.164. См. также Данильченко [П.В.] Для истории государства российского. Роковая ночь в Зимнем Дворце // Военная быль. 1974.

№126. С. 4.

¹²⁶ Ходнев Д.И. Февральская революция... С. 257.

¹²⁷ Булдаков В.П. Красная смута... С. 231.

мирное время унтер-офицеров и солдат. Восполнять эти утраты приходилось в сжатые сроки и с недостаточным вниманием к качеству обучения. Молодые офицеры из студенчества, представителей вольных профессий не имели достаточных навыков для правильной постановки военной работы, что приводило либо к ее слабой организации, либо к «палочной дисциплине».

Неудовлетворительные условия размещения, снижение качества пайка, нехватка обмундирования и снаряжения, вызванные тяжелыми экономическими условиями периода войны, могли восприниматься солдатами, побывавшими на фронте, как пренебрежительное к ним отношение. А это, в купе с печальными новостями, которые приходили из деревни, давало почву для социального недовольства.

Можно говорить о том, что кризис затронул все запасные воинские части Петроградского гарнизона. Революционный взрыв в феврале 1917 г. произошел лишь в части из них, и не везде он сопровождался кровавыми эксцессами. Другая часть присоединилась к революции после ее победы. Во многих воинских частях Петрограда офицеры не потеряли свой авторитет. Однако те их них, где не удалась попытка установить нормальные взаимоотношения внутри воинских частей, продолжилось «разложение» и постепенный упадок дисциплины.

ПОЛТОРАК С. Н.

Журнал для ученых «Клио»

ПОПЫТКА ВОЕННОГО МИНИСТРА А. И. ВЕРХОВСКОГО В СЕНТЯБРЕ-ОКТЯБРЕ 1917 г. РЕФОРМИРОВАТЬ РУССКУЮ АРМИЮ

В статье на основе анализа содержания почти 40 петроградских и московских газет, выходящих из печати в сентябре – октябре 1917 г., день за днем прослеживается деятельность последнего военного министра Временного правительства Александра Ивановича Верховского. Отмечается, что реалистичные планы реорганизации армии, которые пытался осуществить А. И. Верховский, не были осуществлены из-за политической недалекости его оппонентов.

***Ключевые слова:** Временное правительство, военный министр, А. И. Верховский, 1917 г., Директория, Петроград*

А. И. Верховский – офицер, сделавший за время Первой мировой войны самую головокружительную карьеру в Русской армии. За три года он сумел пройти путь от старшего адъютанта 3-й Финляндской стрелковой бригады до военного министра одного из крупнейших государств мира, от капитана до генерал-майора. Его карьера в период Первой мировой войны была молниеносной. Начав ее, как отмечалось, старшим адъютантом полка, он вскоре стал начальником оперативного отделения 9-й армии. В начале 1916 г. он уже был начальником оперативного отделения штаба десантного Черноморского отряда, а в мае 1916 г. стал начальником оперативного отделения армии. В сентябре 1916 г. Александр Иванович был назначен начальником оперативного отделения русского представителя при Румынской армии. С весны 1917 г. он – помощник начальника штаба, а вскоре и начальник штаба Черноморской дивизии. Тогда же началась его политическая карьера. Он стал товарищем председателя Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. Важно отметить, что у А. И. Верховского никогда не было высоких покровителей. За время войны бывали у него и карьерные неудачи. Например, весной 1917 г., будучи подполковником, А. И. Верховский надеялся на

значение на должность начальника штаба крепости Севастополь. Но попытка такого карьерного скачка была жестко пресечена начальником штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенантом А. И. Деникиным¹. Замеченный к тому моменту Временным правительством как талантливый организатор, разделяющий демократические взгляды властей, он в конце мая сделал неожиданный для всех, в том числе и для себя, карьерный рывок – был назначен на должность командующего войсками Московского военного округа с присвоением чина полковника. Но и в той должности, с которой, кстати, он справлялся блестяще, он пребывал чуть больше трех месяцев. С 1 сентября 1917 г. А. И. Верховский служил военным министром Временного правительства.

Важно заметить, что предшественник А. И. Верховского – знаменитый Б. В. Савинков – занимал куда более солидную должность. Он был одновременно управляющим военным и морским министерством, а также военным генерал-губернатором Петрограда и его окрестностей. Указом Временного правительства Правительствующему Сенату за подписью министра-председателя А. Ф. Керенского и министра юстиции А. С. Зарудного Б. В. Савинков был освобожден от занимаемых должностей². Должность генерал-губернатора была упразднена, а должность военного и морского министра была разделена на две должности: на должности военного министра и военно-морского министра. Военно-морским министром был назначен адмирал Д. В. Вердеревский, а военным – А. И. Верховский. Именно Верховский вошел в состав Директории – органа управления из пяти ключевых министров во главе с А. Ф. Керенским, которые по существу и управляли страной.

А. И. Верховский был военным министром 55 дней. Для того момента истории России, когда политическая жизнь страны была спрессована как никогда, это немалый срок. То время отличалось небывалой динамичностью. Менее чем за два месяца Директория пережила попытку возрождения Временного правительства на фоне победы в борьбе с участниками Корниловского мятежа до глубокого кризиса власти, приведшего к его ликвидации.

Деятельность Директории, несмотря на солидную научную разработанность, до сих пор остается во многом дискуссионной проблемой. В этой связи представляют интерес работа военного министра и отношения, складывавшиеся между ним и другими членами Директории.

---

¹ Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М.: Русский путь. С. 522–523.

² Армия и флот свободной России. 1917. № 201. 1 сент.

Несмотря на обилие каждодневных забот, у военного министра генерал-майора А. И. Верховского было две стратегические магистрали деятельности. Первая была нацелена на сокращение численности Русской армии, что являлось залогом повышения ее боеспособности («... ведение войны в тех размерах, в коих она велась до сего времени, нам не посильно»³), вторая – на демократическое сближение офицерства с рядовым составом («... проведение в сознание войсковых масс организационных идей через посредство командного состава»⁴). Именно в решении этих двух проблем молодой министр видел залог успеха армии свободной России.

С первых дней своего пребывания на посту военного министра А. И. Верховский заявил о твердом желании провести военную реформу. По его мнению, в основе реформы должен был лежать тщательный подбор командного состава, который пользовался бы доверием подчиненных военнослужащих и всего народа. Необходимым условием реформирования он считал существенное сокращение тыловых воинских частей и учреждений. Особной обузой для армии он считал ополчение, которое дорого обходилось государству, не имея при этом качественной военной подготовки и опыта участия в боях. Принятие таких мер, по его мнению, заметно сказалось бы на экономике страны⁵. К моменту назначения А. И. Верховского на должность военного министра в рядах Русской армии находилось 12 миллионов человек, но непосредственно на фронте находилось лишь 2,5 миллиона⁶. Такой балласт государству был не по силам, и от него нужно было избавляться как можно быстрее. Главной своей задачей как военного министра Александр Иванович считал создание мощной армии, способной защищать страну как от внешнего, так и от внутреннего врага⁷.

В первые дни руководства военным министерством между А. И. Верховским и А. Ф. Керенским было полное взаимопонимание. Глава Директории поддерживал его во всех начинаниях, принимал его сторону даже тогда, когда сделать это ему было очень тяжело. Например, 7 сентября 1917 г. по

³ Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 692. Л. 27.

⁴ Война и мир. 1917. № 81. 8 сент.

⁵ Там же.

⁶ Judson W.V. Russia in war and revolution. Accounts from Petrograd, 1917–1918. Kent, Ohio, London: The Kent state university press, 1998. P. 85.

⁷ Речь военного министра генерала Верховского в бюро Центрального исполнительного комитета // Армия и флот свободной России. 1917. № 208. 10 сент.

настоянию А. И. Верховского начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев был отправлен в отставку, хотя А. Ф. Керенскому, очень ценившему генерала, смириться с этим было непросто, поскольку он высоко ценил заслуги М. В. Алексева⁸.

В рамках реформирования армии А. И. Верховский предполагал отстранить от занимаемых должностей 50 % командиров бригад, дивизий и руководителей более высоких звеньев. Лишиться руководства должны были те генералы, которые по-прежнему сохраняли монархическое мировоззрение, не разбиралось в современной политике и утратило доверие народа⁹.

Имея блестящее военное образование – Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба – А. И. Верховский приобрел большой практический опыт, являясь участником Русско-японской и Первой мировой войн. О себе он говорил: «Я не политик, но я привык на поле сражения учитывать реальное соотношение сил»¹⁰. В связи с этим, он считал, что грамотное офицерство в сложившихся политических условиях не могло не считаться с авторитетом солдатских и матросских комитетов; необходимо было налаживать взаимодействие.

По существу военная реформа, которую пытался провести А. И. Верховский, сводилась к трем главным идеям: нахождение компромисса между офицерством и полковыми комитетами, сокращение тыловых воинских частей и увольнение со службы «ненадежных» командиров и начальников¹¹.

За короткий срок 30-летний генерал стал удивительно популярным не только в армии, но и среди многих слоев населения и различных политических сил, включая большевиков. Влиятельная газета писала о нем в середине сентября 1917 г.: «Новый военный министр встал на правильный путь. На этом пути ему обеспечена поддержка всей революционной демократии»¹². Его убеждение в том, что реорганизация армии пройдет свою активную фазу к весне 1918 г.¹³, вселяла оптимизм.

---

⁸ Речь военного министра генерала Верховского в бюро Центрального исполнительного комитета // Армия и флот свободной России. 1917. № 211. 12 сент.

⁹ Judson W.V. Russia in war and revolution. Accounts from Petrograd, 1917–1918. P. 85.

¹⁰ Речь военного министра ген.-м. Верховского на общем собрании офицеров Петроградского гарнизона 12 сентября // Армия и флот свободной России. 1917. № 212. 13 сент.

¹¹ Военный министр среди офицеров // Петроградский листок. 1917. № 220. 13 сент.

¹² Чего хочет новый военный министр // Известия ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 170. 14 сент.

¹³ О делах на фронте: мнения военного министра А.И. Верховского и морского министра контр-адмирала Вердеревского // Петроградская газета. 1917. № 233. 4 окт.

В начале октября 1917 г. военный министр продолжал пользоваться поддержкой широкого круга военнослужащих. Его считали министром-социалистом¹⁴, хотя на самом деле А. И. Верховский никогда ни в каких партиях не состоял.

По мере нарастания внутривластного кризиса в стране отношение к А. И. Верховскому стало все больше дифференцироваться. 10 октября 1917 г. он выступил на заседании Временного Совета Республики (предпарламента). Очевидец отметил: «ген. Верховский заканчивает речь при шумном одобрении левых. Правые безмолвствуют»¹⁵. А. И. Верховский призывал навести порядок в стране с целью прекращения погромов и бесчинств. С его речью был категорически не согласен П. Н. Миллюков, с которым после выступления у Александра Ивановича завязалась короткая перепалка¹⁶.

По мнению А. И. Верховского, еще за две недели до Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. военная программа Временного правительства проводилась в жизнь «самым энергичным темпом»¹⁷. Однако противоречия в подходах к осуществлению реформирования армии у военного министра и других государственных чиновников были огромными. Среди оппонентов А. И. Верховского был, например, С. Н. Третьяков, считавший, что вопросами демобилизации должен заниматься возглавляемый им главный экономический комитет. На этой основе возник крупный конфликт, в ходе которого правительство поддержало С. Н. Третьякова¹⁸.

С 20 октября 1917 г. в печать начали просачиваться сведения о возможной отставке военного министра¹⁹.

Во второй половине октября ситуация не только в Петрограде, но и в других крупных центрах все больше стала выходить из-под контроля властей. 17 октября военный министр издал приказ, в котором отмечалось: «В то время, когда части на фронтах несут все лишения, отстаивая страну от вторжения Германии, некоторые тыловые гарнизоны, потеряв воинский облик, позорно предают страну и самих себя в новое рабство, [которое] горше

¹⁴ Отношение армии к военному министру Верховскому // Армия и флот свободной России. 1917. № 228. 5 окт.

¹⁵ Временный Совет Республики // Вольность. 1917. №15. 10 окт.

¹⁶ Вольность. 1917. № 16. 11 окт.; Второй день предпарламента. Речь военного министра // Петроградская газета. 1917. № 239. 11 окт.

¹⁷ Временный Совет Российской Республики. Речь военного министра А.И. Верховского // Война и мир. 1917. № 107. 11 окт.

¹⁸ Общее дело. 1917. № 19. 16 окт.; Газета-копейка. 1917. № 3293. 17 окт.

¹⁹ Слухи об отставке военного министра // Газета-копейка. 1917. № 3295. 20 окт.

прежнего. Некоторые тыловые гарнизоны разбивают винные склады, устраивают погромы и бесчинства, подускиваемые (так в тексте. – *С.П.*) преступной агитацией, убивают своих офицеров, занятия идут плохо почти везде. Этот позор надо окончить. С фронта мне поступают негодующие заявления от боевых частей, командного состава, фронтовых организаций и сидящих в окопах полков и батарей, что пополнения вносят беспорядок в части на фронтах. До сих пор было больше слов, чем дела. <...> Развал и анархия губят страну. Требую от всех начальников в тесном союзе с комиссарами и комитетами самых решительных мер вплоть до применения оружия для подавления анархии»²⁰.

К тому моменту военный министр по существу находился в политической изоляции. Изменилось к нему и отношение общественности, в том числе офицерства. 15 октября он выступал перед офицерами Николаевской военной академии. Его речь была вежливо выслушана, но, как отмечала газета: «Уехал министр, как и приехал, при гробовом молчании слушателей»²¹.

С 16 октября 1917 г. по Петрограду начали ходить «упорные слухи о возможной отставке ген. Верховского»²². 19 октября возможный ухода в отставку А. И. Верховского и министра иностранных дел М. И. Терещенко стал темой дня политических кругов²³.

18–19 октября 1917 г. обстановка во Временном правительстве накалилась. Газета «Вольность» писала: «Военный министр возбудил вопрос об образовании министерства реконструкции, наподобие Англии, которое должно бы заняться приведением страны на мирное положение. Ген. Верховский полагал, что министерство это должно быть при военном министерстве. Проект был подвергнут критике»²⁴. Через два дня ситуация стала еще хуже. Газеты утверждали, что возник конфликт «на почве разногласий между министром-председателем А. Ф. Керенским и военным министром ген. Верховским, имеющий под собою личную почву»²⁵. Некоторые видели причину конфликта в том, что А. Ф. Керенский не мог простить военному министру его возросшей популярности в глазах «демократических кругов Совета Республики»²⁶. Писали газеты и о том, что у А. И. Верховского «оказались разногла-

²⁰ Приказ военного министра // Война и мир. 1917. № 115. 20 окт.

²¹ Открытие Николаевской военной академии // Вечернее время. 1917. № 1951. 16 окт.

²² Газета-копейка. 1917. № 3293. 17 окт.

²³ Во Временном правительстве // Русская воля. 1917. № 249. 20 окт.

²⁴ Зимний дворец // Вольность. 1917. № 9. 19 окт.

²⁵ Трения во Временном правительстве // Новое время. 1917. № 14903. 21 окт.

²⁶ Там же.

сия и с некоторыми другими членами коалиционного кабинета, особенно в последние дни, когда ожидается выступление как раз крайних левых элементов, к которым по своим воззрениям примыкает ген. Верховский»²⁷.

21 октября А. И. Верховский заявил корреспонденту газеты «Народ» о том, что слухи о его отставке безосновательны. Он отметил: «Прошение об отставке я не подавал, и подавать не думаю»²⁸.

На следующий день, 22 октября 1917 г., в газете «Вольность» вышла небольшая заметка под заголовком «Отставка ген. Верховского». В ней сообщалось: «Ночью нами получены сведения, что ген. Верховский увольняется в двухнедельный отпуск и, передают, к своему посту больше не вернется.

Политическое руководство военным ведомством принимает на себя А. Ф. Керенский»²⁹.

Газеты высказывали многочисленные версии причин отправки А. И. Верховского в отпуск, что фактически означало его отставку. По мнению В. И. Ленина, удаление военного министра от власти было одним из главных сигналов к тому, что медлить с вооруженным восстанием уже нельзя³⁰.

Детали конфликта между А. И. Верховским и другими деятелями Временного правительства, вероятно, навсегда останутся невыясненными. Но главная причина конфликта очевидна. Это неприятие Временным правительством решительных мер, предлагавшихся военным министром по реформированию Русской армии.

---

²⁷ Там же.

²⁸ Отставка Верховского // Общее дело. 1917. 19 окт.

²⁹ Отставка ген. Верховского // Вольность. № 12. 22 окт.

³⁰ Ленин В.И. Письмо членам ЦК // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435.

СМИРНОВА Т. М.

Государственный университет аэрокосмического приборостроения

ТЕАТР И РЕВОЛЮЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ПЕТРОГРАДА В 1917–1922 гг.

В статье рассматривается история создания и деятельность национальных театров в Петрограде в период 1917–1922 гг.

Ключевые слова: *революция, театр, Петроград, национальное меньшинство, театральная коллегия, Пролеткульт, Наркомпрос, национальный дом просвещения, Еврейский Камерный театр, Украинский театр им. Т.Г. Шевченко, латышский, польский, татарский, финский, эстонский театры*

Февральская революция 1917 г. открыла шлюзы социального и художественного творчества рабочих и солдатских масс. На Первой Петроградской пролетарской просветительской конференции 16–19 октября 1917 г., в которой приняли участие 208 делегатов от всех пролетарских культурно-просветительных организаций, в том числе национальных, среди других документов была принята и специальная резолюция «По театру». Конференция признавала необходимым учредить Центральный социалистический театр, который объединил бы все рабочие и солдатские театры Петрограда и пригородов и репертуар которого мог бы «пробудить в массах творческую энергию, радостные восприятия жизни, бодрость, жажду к неустанной борьбе за лучшее будущее»¹.

Развитие и углубление революции, превращение народных масс в субъектов – непосредственных творцов истории – усиливало интерес к театру. Увлечение театром было повсеместным: практически при всех клубах национальных меньшинств Петрограда работали драматические кружки или любительские театральные труппы, одних эстонских музыкально-драматических кружков в 1919–1920 гг. в Северной области было около 50².

---

¹ Пролетарская культура // Известия. Пг., 1918. № 1. С. 4.

² Жизнь национальностей. 1920. 7 ноября.

Гр. Авлов в 1922 г. писал о «безудержно-стихийной тяге широких масс к театру» в революционную эпоху, когда «в театральные залы буквально вломился новый зритель»³. В первые послереволюционные годы театр стал самым массовым и наиболее распространенным искусством. Широкие слои населения, активно стремившиеся переустроить свою жизнь по идеалам справедливости, нуждались в активном, деятельном искусстве, и театр воспринимался как часть революционной действительности. Захватывающее сценическое действие было интересно и понятно самым широким массам, втянутым в круговорот исторических событий начала XX века в России, а положительные персонажи на сцене воспринимались как представители революционного народа из зала. Воздействие театральных представлений на неискушенных зрителей было таким глубоким, что вызывало даже ассоциации с религиозным действием. Любопытно свидетельство М. И. Калинина в его речи на 5-м Всесоюзном съезде работников искусств 25 мая 1925 г.: «Помнится, было это лет пять назад. Я был на квартире у Владимира Ильича, и там мы разговаривали о том, чем заменить религию? Владимир Ильич мыслил так, что, пожалуй, кроме театра, нет ни одного института, ни одного органа, которым мы могли бы заменить религию. Ведь, мало религию уничтожить и тем освободить человечество совершенно от страшнейших пут религиозности, надо религию эту чем-нибудь заменить, и тов. Ленин говорит, что место религии займет театр. Отсюда видно, какое огромное значение придавал Владимир Ильич театру»⁴.

После Октябрьской революции новая государственная власть взяла театральное дело под свою эгиду: 9 (22) ноября 1917 г. декрет Совета Народных Комиссаров передал театры в ведение Государственной комиссии по просвещению, преобразованной вскоре в Народный Комиссариат по просвещению (Наркомпрос). В январе 1918 г. был учрежден Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса, на который возлагались обязанности «давать местам директивы общего характера по управлению театральным делом»⁵. Одним из важных шагов ТЕО НКП стало опубликование в феврале 1919 г. обращения «Ко всем национальностям России», в котором провозглашалось: «В свобод-

³ *Авлов Гр.* На переломе // Еженедельник Петроградских Государственных Академических театров. 1922. № 8. С. 15.

⁴ Ленин и театр // Рабочий и театр. 1929. № 4. 20 янв. С. 3.

⁵ Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1919. Вып. 1. С. 140–143.

ной России нет более понятия национальностей угнетенных или хотя бы второстепенных; многообразие всех национальных культур отныне достаточно места на широкой русской равнине». В качестве практической задачи отдела ставилось «создание условий для возникновения и процветания театра и драматургии и среди тех национальностей России, которые до сих пор находились либо в стесненном положении, либо вовсе театра еще не имели», для чего при ТЕО была образована особая Коллегия национальных меньшинств, призванная на практике проводить идеи революционного театра на национальных языках. Обращение завершалось призывом: «... станемте дружно работать во славу искусства, да будет театр не одно праздное зрелище, но и всех объединяющая высокая радость»⁶.

Принятые тогда же «Основные положения о Театральной Коллегии национальных меньшинств при Театральном отделе Народного Комиссариата по просвещению» конкретизировали ее задачи: инициировать создание национальных театров, содействовать объединению творческих и научных сил в области театра, готовить кадры, формировать репертуар (как национальный, так и переводной) и обеспечивать техническую сторону дела (перевод, печатание пьес, а также их переделка, адаптация «для постановки в самых глухих местах наиболее выдающихся произведений классического репертуара»), издавать литературу по театру на родных языках нацменьшинств и т.д. Коллегия состояла из отдельных самостоятельных национальных секций⁷.

Создание Театральной Коллегии национальных меньшинств (в 1921 г. преобразована в подотдел, в ведение которого входили украинский, латышский, польский, финский, еврейский, белорусский, эстонский, башкирский и армянский театры РСФСР⁸) было давно назревшим, даже несколько запоздалым решением: в первые послереволюционные годы театр стал массовым и наиболее распространенным искусством, «по самому существу его наиболее революционным и актуальным», как вполне обоснованно сказано в обращении ТЕО НКП «Ко всем национальностям России».

Театральное дело на Северо-Западе Российской Федерации в 1918–1919 гг. находилось в ведении Отдела Театров и Зрелищ Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области (СКСО). Отдел был создан

---

⁶ Ко всем национальностям России: Обращение Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению // Театр. 1987. № 1. С. 3.

⁷ Временник театрального отдела НКП. Пг.; М., 1919. Вып. 2. Февр. С. 8.

⁸ Театр и музыка // Петроградская правда. 1921. 13 янв. С. 4.

11 октября 1918 г. в Петрограде – центре Северной области – и возглавлялся комиссаром, эту должность занимала известная актриса и общественный деятель Мария Федоровна Андреева. Для решения творческих вопросов при отделе функционировал Художественный совет, в состав которого входили Максим Горький, Федор Шаляпин, нарком просвещения А. В. Луначарский, художники А. Бенуа, М. Добужинский и др.⁹

Самыми распространенными и доходчивыми формами художественного воздействия на массы в период революции были концерты-митинги и театрализованные представления на актуальные темы. Эти массовые, во многом стихийные представления, в которых почти стиралась грань между участниками и зрителями, теоретически обосновывали деятели Пролеткульта – организации, возникшей в сентябре 1917 г., а затем находившейся при НКП как «добровольная организация пролетарской самодеятельности» во всех областях культуры, в особенности в литературе и театре. Основным постулатом Пролеткульта – создание новой, чисто пролетарской культуры самим пролетариатом – в области театра трансформировался в идею нерасчлененности сцены и зала, артистов и зрителей: вся масса людей, приходящая на спектакль, должна объединиться в театральном действе, одновременно и творя, и воспринимая его¹⁰. Не будучи государственной организацией, Пролеткульт претендовал на идейную монополию в новой культуре, а организационно – на автономность, и эти обстоятельства не устраивали власть. Что же касается классовой идеологии, то она была общей и для Пролеткульта, и для советских государственных органов. Так, в 1918–1919 гг. национальные отделы Комиссариата по делам национальностей (Комнаца) Союза коммун Северной области (СКСО), центром которой был Петроград, ставили задачу преобразовать театр, «искореняя в нем все буржуазное», и создать из рабочих группы любителей «для концертов-митингов и музыкальных вечеров в строго революционном духе», а также сетовали на бедность «классово выдержанного» репертуара, из-за чего театральные труппы были вынуждены ставить «глупые фарсы»¹¹. Газета Наркомнаца «Жизнь национальностей» 25 мая 1919 г. в статье «Значение национальных комиссариатов» специально указывала на важную задачу – «бороться с влиянием национальной романтики, националистической поэзии... контролировать работу театральные деятели».

⁹ Жизнь искусства. 1919. 11 апр. С. 2–3.

¹⁰ История советского драматического театра: В 6 т. М., 1966. Т. 1: 1917–1920. С. 199.

¹¹ Северная Коммуна. 1918. 25 авг.; Жизнь национальностей. 1919. 24 авг.

В 1918 г. в Петрограде одновременно работали и старые, дореволюционные, и новые, советские национальные театральные коллективы. Их деятельность дополняла друг друга, создавая многоцветную картину культурной жизни национальных меньшинств. Часть национальных театров, сформированных из эвакуированных во время мировой войны актеров, возвращалась на родину (польские театры, Новый Петроградский латышский театр). Две литовские петроградские труппы – студия «Летучий театр» в 1918 г. и Петербургский артистический кружок в 1919 г. – переехали в Вильнюс, затем в Каунас, где в январе 1920 г. сложились в профессиональный национальный театр драмы¹². В этот же период петроградские подразделения Наркомпроса и Наркомнаца, а также созданные в 1918 г. национальные Пролеткульты – латышский, эстонский и литовский – стремились реорганизовать ранее созданные театры, пополнить профессиональными актерами новые рабочие и красноармейские театры, добиться постановки только революционного или четко социально направленного репертуара, осуществлять общее руководство труппами.

К осени 1917 г. в Петрограде действовали Эстонское культурное бюро при Петроградском комитете эстонских солдатских депутатов, ставившее актуальные одноактные пьесы-агитки, и полупрофессиональные театральные труппы под управлением О. Петерсона, И. Пыдрам-Таго, Д. Отсинга, в ноябре 1917 г. объединившиеся в Эстонское театральное общество с намерением создать профессиональный театр¹³. Летом 1918 г. труппа Отто Петерсона была преобразована в Театр Эстонского Пролеткульта. В его репертуаре были «Гибель «Надежды» и «Седьмая заповедь» Г. Гейерманса, «Потерянный рай» Л. Фульда, «Грубая сорочка» К. Карлвейса, «Плотники» К. Шенгерра. Однако этот репертуар не устраивал Совет петроградского Пролеткульта, с точки зрения которого названные пьесы не представляли никакой классовой ценности и не отвечали задачам развития пролетарской культуры. На этом основании театр был лишен материальной поддержки и вынужден был прекратить свою работу, просуществовав всего год¹⁴.

1 февраля 1921 г. на основе руководимой В. Рятсепом театральной студии при Петроградском Эстонском Доме просвещения (Моховая ул., 15) был

---

¹² История советского драматического театра. Т. 1. С. 330–331, 333.

¹³ Там же. С. 328; *Самойлов В.А.* Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // *Старый Петербург: Историко-этнографические исследования.* Л., 1982. С. 96.

¹⁴ История советского драматического театра. Т. 1. С. 329; *Исаков С.* Петербург – Петроград в истории эстонской культуры // *Нева.* 1979. № 10. С. 185.

образован полупрофессиональный петроградский эстонский театр «Агит-труппа». На открытии театра шла пьеса Х. Анто «Когда стихает шторм»¹⁵. В феврале 1921 г. эстонский театр с успехом гастролировал по губернии, где в это время проживали 22 тыс. эстонцев. Создатели и руководители театра стремились сделать его «достоянием для всех пролетариев эстонцев в России»¹⁶. На 1 января 1922 г. труппа эстонского театра (заведующий А. Пеа) состояла из 20 человек, режиссер Комбетг. За 1921 г. театр дал 19 спектаклей в Петрограде и 16 – в губернии, а отдельных выступлений артистов театра насчитывалось более 50¹⁷.

Кроме Дома просвещения, который был общегородской культурно-просветительной организацией для эстонцев, в начале 1920-х гг. Петрограде работали еще несколько эстонских клубов – на Васильевском острове, в Московском и II Городском районах, объединенный клуб Петроградской и Выборгской стороны¹⁸. При этих клубах имелись свои театральные студии и драмкружки, которые осуществляли гастрольные поездки по Петроградской губернии. Так, труппа Петроградско-Выборгского клуба в «клубную неделю» совершила турне по Гдовскому уезду. Спектакли устраивались попеременно для взрослых и детей, постановки пользовались популярностью, зрители собирались с ближних и дальних хуторов, их число доходило до 300–500 человек. Труппа Эстонского Дома просвещения гастролировала в Лужском уезде, коллектив II Городского района – в Ямбургском. В Петрограде непродолжительное время работал также Эстонский городской театр под руководством Югансона. В 1921 г. он выступал по маршруту Гдов – поселки Ломово – Ахтино – Струги Красные. Репертуар всех драматических коллективов включал актуальные пьесы с красноречивыми названиями: «Управляющий», «Отец и сын», «Черная война», «Против течения» и др.¹⁹

Комиссариат по латышским национальным делам при Наркомнаце рассматривал театр как средство в борьбе «за углубление и расширение завоева-

¹⁵ *Исаков С.* Указ. соч. С. 185; *Маамяги В.А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940. М., 1990. С. 142; История советского драматического театра. Т. 1. С. 329; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 11. Д. 10790. Л. 6.

¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2552. Оп. 1. Д. 296. Л. 29; Д. 559. Л. 7–8; Д. 805. Л. 2.

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10790. Л. 3 об.

¹⁸ Там же. Л. 6; Д. 10755. Л. 8 об.

¹⁹ *Романова Н.М.* Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. (по материалам Петроградского Комиссариата по делам национальностей). СПб., 2013. С. 330.

ний революции посредством агитации и пропаганды коммунистических идей среди латышских рабочих и стрелковых частей»²⁰. Весной 1918 г. при находившемся в Петрограде 6-м Туккумском латышском полку был образован Коммунистический театр. В июне были поставлены на латышском языке пьеса эстонского драматурга А. Кицберга «В вихре ветров» (спектакль был показан в зале Поллака на Галерной ул., 33) и пьеса в стихах А. В. Луначарского «Власть» (в помещении Малого театра на Фонтанке, 65), причем спектакль произвел «настоящий фурор»²¹. Конечно, это был не профессиональный театр, а коллектив любителей, как и драматические кружки при латышских клубах.

Но наличие в городе профессиональной латышской труппы позволяло создать настоящий национальный театр, чему способствовало благожелательное внимание властей. В латышском отделе Комнаца Союза коммун Северной области (Петроград) в начале 1918 г. обсуждался вопрос о создании Центрального пролетарского латышского театра из самодеятельных кружков и профессиональной труппы, однако было решено постоянного театра пока не образовывать, а создать мобильный любительский коллектив для обслуживания митингов и других массовых мероприятий «в строго революционном духе», профессиональных же актеров направить в качестве инструкторов в театральную студию для подготовки актеров из одаренных любителей, одновременно преобразовать театр, «искореняя в нем все буржуазное»²². Все же в сентябре 1918 г. из существующих театральных коллективов был создан Петроградский латышский рабочий театр, называемый также театром-студией, состоящий из основной труппы, студии для начинающих и вокальной студии. Театр располагался в помещении «Луна-парка» по ул. Офицерской (ныне Декабристов), 39. Официальное открытие театра состоялось 10 ноября 1918 г., актеры выступали с декламацией и инсценировками, и снова был показан отрывок из «Взятия Бастилии». 24 ноября был устроен «драматический музыкально-вокальный вечер», в котором приняли участие основная труппа и обе учебные студии театра. В программе были драматический этюд Я. Земитса из жизни типографских рабочих «В путь», «живые картины» (статические композиции), декламация, выступление «певчего хора» и солистов. Оба вечера сопровождались музыкой в исполнении собственного оркестра²³.

---

²⁰ Вестник театра. 1919. № 8. С. 3.

²¹ Красная газета. 1918. 28 июня.

²² Северная Коммуна. 1918. 25 авг.

²³ Театр. Репертуар Петроградского латышского рабочего театра // Жизнь искусства. 1918. № 23. 26 нояб. С. 4.

Следующей постановкой театра был «Королевский брадобрей» А. В. Луначарского, показанный 1 декабря. В репертуар были также включены «драма из жизни рабочих «Накануне», сочинение Захара Невского», драма П. Бессалько «Каменщик», «драматическая пьеса из Великой Французской Революции» «Революционная свадьба», пьеса «Искры и пламя» Юлия Дауманта (будущего, хотя и недолго – в феврале 1921 г., комиссара латышского отдела Петроградского Комнаца) и «ряд постановок пролетарских и демократических писателей». Литературная секция Латышского комиссариата перевела с русского на латышский 15 пьес, среди которых были произведения А. М. Горького, А. Н. Толстого, А. Н. Островского, И. С. Тургенева²⁴, но это был задел на будущее.

Петроградский латышский рабочий театр работал при Пролеткульте, о чем свидетельствует его второе название – труппа петербургского латышского Пролеткульта. В период борьбы за советскую власть в Латвии, с 1 по 23 февраля 1919 г., театр выезжал «на фронт» – в Ригу. Летом того же года Латышский рабочий театр прекратил свое существование, а его дела перешли в ведение Отдела театров и зрелищ Комиссариата по просвещению СКСО²⁵.

После падения советской власти в Латвии многие латышские культурные учреждения переместились в Петроград, где снова была предпринята попытка создать латышский театр. «Жизнь искусства» в конце 1920 г. сообщала, что с 1 января 1921 г. в помещении Украинского театра на Литейном, 51, еженедельно будет даваться спектакль на латышском языке²⁶. Речь идет о Латышском драматическом театре – Latweesu Dramatiskais Teatris, который в сентябре 1921 г. обосновался при Латышском Доме просвещения по адресу Краснофлотская (Английская) наб., 12. Театр предназначался для обслуживания латышского населения не только Петрограда, но и всей Северной области. С осени 1921 г. спектакли проходили на нескольких городских площадках: основной – в Латышском Домпросвете, где был зал на 250 чел., а также, «смотря по надобности», в бывшем зале Павловой (Троицкая, 13) и в Доме просвещения им. К. Маркса (Владимирский пр., 12)²⁷.

²⁴ Там же; ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 54. Л. 10 об.

²⁵ Театр. Латышский пролеткульт // Жизнь искусства. 1919. 7 февр. С. 3; Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 283. Оп. 2. Д. 52. Л. 55.

²⁶ Жизнь искусства. 1920. 24–25–26 дек. С. 3.

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 570. Л. 5–6.

Латдрамтеатр имел коллективный орган управления – Правление, председателем которого был Юлиус Даумант – главный режиссер и член худсовета театра. В состав труппы входили очередной режиссер Адольф Лейтланд, администратор О. Волцит, актеры Ольгерт Клав, Анна Путна-Эрглис, Гайда Эгле, Алиса Лигетр, Отто Аолпит, Вильма Крастинь, Андрей Гофман, Ян Вимба, Мара Легадинь, Эмма Гульба, Николай Даболинь, Анна Видберг²⁸.

За восемь месяцев 1921 г. театр показал спектакли 10 наименований, половину из которых составляли пьесы латышских авторов: «Вей, ветерок» Я. Райниса, «Серебряное покрывало» Аспазии, «Дижудрская Мале» Я. Линдулиса, «Блудный сын» Р. Блаумана и «Последний король» Ю. Дауманта. Также были поставлены «Потонувший колокол» и «Эльга» Гауптмана, «В башне» Р. Вальтера, «Гибель «Надежды» Г. Гейерманса и «Жан и Мадлена» О. Мирбо. В репертуар входили также одно-двухактные политические миниатюры и сатиры «для специальных вечеров пролетарской сатиры»²⁹.

На практике творческие планы театра были скорректированы в сторону агитации и пропаганды – в отчетах латышской секции подотдела нацменьшинств губкома РКП(б) эта труппа, насчитывающая к концу 1921 г. уже 25 человек, называется Латышским агитационным театром³⁰. Однако вскоре театр прекратил свое существование из-за отсутствия финансирования, а образовавшуюся лакуну довольно успешно пытался занять драмкружок при Латышском ДПР под руководством бывшего актера Нового Рижского театра В. Бергманиса.

В марте 1920 г. при латгальском клубе «Виниба» была создана драматическая студия (ул. Глинки, дом 6, кв. 1). В штате студии в начале 1921 г. состояли заведующий Альберт Антонович Рубуль, помощник режиссера Мария Александровна Ярузельская, преподаватели разных сценических дисциплин Ян Яковлевич Озолин, Павел Андреевич Маржецкий, Ян Янович Витол, Изабелла Аркадьевна Гриневская, Мария Павловна Сандрова, Владимир Михайлович Григорьев³¹. С 1922 г. клуб «Виниба» вошел в состав Латышского Дома просвещения в качестве латгальской секции, и студия стала подразделением домпросвета³².

---

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 570. Л. 6–6 об.

³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10755. Л. 11; Д. 10758. Л. 11.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 3. Д. 285. Л. 1–4.

³² ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. 296. Л. 29.

Финские любительские труппы при рабочих клубах Петрограда работали с 1918–1919 гг. В августе 1920 г. вопрос об организации профессионального театра обсуждался на собрании драматического кружка клуба финских железнодорожников, и в ноябре того же года финской секции подотдела просвещения национальных меньшинств Губоно удалось собрать труппу и создать театр³³. Финский Государственный Драматический Театр открылся в январе 1921 г. в финском клубе по ул. Красных Зорь (Каменноостровский просп.), 26–28. Труппа состояла из 31 человек, из которых 24 были направлены Союзом работников искусств (Сорабис) из числа демобилизованных из Красной Армии финнов-артистов³⁴. Главным режиссером театра был Генрих Генрихович Вялисалми. В штате театра были еще два режиссера – Саксус Викторович Юри-оя и артист-режиссер Микко Альбинович Пеллянен. В ролях «крупного значения» были заняты артисты Саули Самуилович Корхонен, Антти Андреевич Кийски и Сиевя Ивановна Юри-оя. Роли «среднего и даже крупного значения» играли Август Августович Коскинен и Александра Густавовна Кукконен. Актеры Вильё Унха, Юсси Райтио, Рикхард Лакка и актрисы Сайма Райтио и Анна Термяля были заняты в ролях «среднего значения», а Лида Кименс, Линда Карппинен, Мария Лакка, Тильда Канервасало, Отто Калерво и Андрей Луостаринен исполняли «роли ансамбля». Наконец, были еще артисты на «роли небольшие»: Илмари Тойкка, Арне Гренлунд, Калле Ахонен, Эмиль Оксанен, Ольга Хистанен и Анна Хейскари³⁵.

Несмотря на статус государственного, театр с самого начала испытывал трудности, связанные с недостаточным финансированием и отсутствием помещения для репетиций и спектаклей. В связи с этим он проработал недолго, и «ввиду новой экономической политики», как отмечал подотдел нацменьшинств Губкома РКП(б) в 1922 г., был закрыт³⁶.

Гражданская война привела на Северо-Запад воинские части мусульман-красноармейцев общей численностью 23 тыс. чел., и культотдел базировавшейся в Петрограде Башкирской дивизии в 1920 г. организовал драматическую труппу, которая давала спектакли для бойцов на татарском языке в бывшем помещении театра «Кривое зеркало» на углу Екатерининского кана-

³³ См.: *Мусаев В.И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 366.

³⁴ Петроградская правда. 1921. 15 янв.

³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 3. Д. 369. Л. 1–1 об.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10755. Л. 7.

ла (ныне канал Грибоедова) и Средней Подъяческой улицы.³⁷ Спектакли для красноармейцев на татарском языке регулярно проходили и в клубе им. Карла Маркса (Владимирский пр., 12). Посещения спектаклей и концертов организовывались в виде культпоходов и были бесплатными³⁸. После ухода Башкирской дивизии в 1921 г. в мусульманском рабочем клубе им. Вахитова (Казанская ул., 2) Союз молодежи татбашкир [так в тексте – *Т.С.*] создал драмкружок, члены которого «все время устраивали спектакли и концерты».³⁹

Летом 1921 г. – в начале 1922 г. население Петрограда и губернии пополнилось многочисленным особым временным контингентом – беженцами из голодающего Поволжья, среди которых большинство составляли татары и башкиры, объединяемые также учетным признаком «мусульмане». Постоянного населения татарской и башкирской национальностей в Петроградской губернии (вместе с Петроградом) осенью 1921 года насчитывалось около 4 тысяч человек, а беженцев – 33 760 человек.⁴⁰

Городская мусульманская комиссия Помгола (Помощь голодающим), кроме удовлетворения неотложных материальных нужд беженцев, занималась и их культурными потребностями. Летом 1921 г. в Петрограде была организована Мусульманская труппа (Муструппа), главный режиссер – Галлям Саттаров. Состав труппы, называемой также татаро-башкирской, согласованный с заведующим мусульманской секцией РКП(б) и инструктором Мусульманского политпросветотдела Петроградского Комиссариата по делам национальностей, был окончательно утвержден в Союзе работников искусств (Сорабис) 6 сентября 1921 г. В труппу входили: главный режиссер и артист на роли героя-резонера Г. Саттаров, артисты Мухаммад Шакирзянов (герой-любовник), Абдул-хан Ахтареев (неврастеник), Аюп Бакиров и Шакир Курбангалиев (резонеры), Заки Шарафутдинов (фат), Галиулла Галиев (комик-бытовик), Идиатулла Хайбулов (простак), исполнитель выходных ролей Хаихзол Тугушев, помощник режиссера Мухамадиаров; актрисы Зайтуня Кубангалиева – героиня, Газизя Авчурина – драматическая старуха, Разия Алие-

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10755. Л. 16; Д. 10781. Л. 4 – 4 об.; Обозрение театров и спорта (Пг.). 1922. № 4. 6 окт. С. 7.

³⁸ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 113. Л. 50.

³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10781. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Д. 10755. Л. 4, 9; Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. С. 236.

ва – гранд-дама, Муршида Омичилаева – инженеру-коклет, Захида Бикуич – статистка, а также суфлер Шамсибаид Хамидуллина⁴¹.

Летом 1922 г. в Петроград прибыли один из создателей Первого Башкирского государственного театра, основанного в Стерлитамаке в 1919 году, народный артист Башкирии Валиулла Муртазин-Иманский, и артистки этого же театра М. Муртазина-Иманская и Р. Урманцева. Пополнение значительно усилило Петроградскую Мусульманскую труппу, а Муртазин-Иманский стал ее руководителем и главным режиссером. Труппа была передвижной, не имела своего театрального помещения и выступала на разных сценах. Сборы от спектаклей и концертов шли в пользу голодающих. До середины 1922 г. труппа дала 7 спектаклей в Петрограде и один – в губернии, а в июле было сыграно 3 спектакля.⁴² В репертуаре театра были спектакли «Братья Галимовы» по пьесе А. Ниязбаева и «Голод заставил» по пьесе Я. Вали.

Во время Первой мировой войны значительно выросло польское население Петрограда – его дополнили десятки тысяч беженцев. С 1916 г. в городе работали два польских театра – полупрофессиональный Польский Народный и профессиональный Художественный театры. Оба прекратили свое существование к осени 1918 г. в связи с массовой репатриацией поляков, но в 1920 г. в Петрограде и губернии проживало более 30 тыс. постоянного польского населения. Советско-польская война 1920 г. вызвала необходимость усилить работу по его советизации, а также пропаганду среди нескольких тысяч польских военнопленных этой войны, находившихся в регионе. В мае 1921 г. польским бюро агитации и пропаганды при Петербургском комитете РКП(б) совместно с польским отделом Петрогуботнаца был организован передвижной Польский драматический театр, работа которого была обращена преимущественно к военнопленным. Уже в июне 1921 г. театр дал 4 спектакля для военнопленных. О спектаклях для гражданского населения сообщается только в июле – августе, когда театр выступил 8 раз в Петрограде и губернии, а доход от спектаклей был направлен в пользу голодающих Поволжья. Летом 1922 г. работа среди польских военнопленных в Петрограде была практически закончена в связи с их отправкой на родину, и в июне были отпечатаны 2,2 тыс. программочек прощального вечера для них⁴³.

⁴¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 3. Д. 315. Л. 1.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10755. Л. 4, 10, 16.

⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10758. Л. 8; Д. 10731. Л. 5–13.

После Февральской революции 1917 г. в художественной жизни Петрограда активизировалась еврейская составляющая, в городе гастролировали несколько еврейских трупп. Весной 1918 г. группа еврейской художественной интеллигенции предприняла практические шаги по созданию еврейского театра в Петрограде⁴⁴. При бундовском рабочем клубе им. Бр. Гроссера (Николаевская, ныне ул. Марата, д. 78) – первом еврейском клубе города – был организован драматический кружок с названием «Еврейский камерный театр» под руководством А. Азарха (А. Грановского) и М. Элькина. 28 мая 1918 г. состоялось первое публичное выступление кружка – вечер произведений Ш. Аша: библейская поэма «Амнон и Томор» и драматический этюд «Зимой». Музыка к постановкам сочинил известный композитор, деятель Общества еврейской народной музыки С. Б. Розовский, а декорации написал художник Быховский⁴⁵.

В июне 1918 г. Еврейский комиссариат объявил о своем намерении открыть «в ближайшем будущем студию еврейского национального театра», для чего велись переговоры с видными деятелями литературы и театра⁴⁶. В «Положении» Еврейского отдела Комнаца СКСО, утвержденном 11 ноября 1918 г., отдельным пунктом (п. 8) предусматривалось открытие пролетарских театральных студий⁴⁷. Репертуар театра предполагалось составить «из произведений пролетарских авторов», а актеров предполагалось подбирать «из рабочей среды». Задача подготовки профессиональных артистов четко формулировалась в названии театра, который в дальнейшем именовался Еврейским театром со школой сценического искусства при нем, или Еврейским театром-студией. Студийные помещения располагались на наб. Фонтанки, 64. Первое выступление театра состоялось 23 февраля (7 марта) 1919 г. в еврейском клубе на праздновании годовщины Февральской революции⁴⁸. В программу входило: «Пролог» – арлекиниада, написанная специально к премьере А. Грановским, музыка А. Маргуляна, «Слепые» Метерлинка (перевод

---

⁴⁴ Иванов В.В. ГОСЕТ: политика и искусство: 1919 – 1928. М., 2007. С. 27.

⁴⁵ Годовщина клуба Бр. Гроссера // Еврейский рабочий (Пг.). 1918. 23 мая. № 2. С. 8.

⁴⁶ Еврейская студия // Еврейская трибуна (Пг.). 1918. 3 июня. № 3–4. С. 16.

⁴⁷ Романова Н.М. Указ. соч. С. 138.

⁴⁸ Дуксина И.Н. Еврейский театр как часть политической программы // Судьба еврейского театра в России. XX век. М., 2001. С. 105.

А. Маггид) с музыкой И. Ахрона, «Грех» Шолома Аша с музыкой С. Розовского, все в постановке художественного руководителя⁴⁹.

В мае 1919 г. еврейский театр-студия был впервые назван в печати Еврейским Камерным театром⁵⁰. В начале июля состоялись премьеры двух спектаклей, в которых блистательно дебютировал Соломон Михоэлс, причем в двух ипостасях – и как актер, и как драматург: в написанной им драме «Строитель» он сыграл роль персонажа, именованного «Дух времени, или Вчера», а в самом интересном и пользовавшемся наибольшим вниманием публики спектакле «Уриэль Акоста» по пьесе К. Гуцкова С. Михоэлс играл заглавную роль.

Однако работа ЕКТ в Петрограде оказалась недолгой – в ноябре 1920 г. театр переехал в Москву, где под названием Государственный Еврейский Камерный театр (ГОСЕКТ) начал свои спектакли 1 января 1921 г. «Вечером Шолом-Алейхема»⁵¹, подготовленным еще в Петрограде. В Москве этот театр (с 1925 г. ГОСЕТ) и прославился.

Но Петроград не остался без еврейского театра: в том же ноябре 1920 г. в Петрограде была учреждена, а 1 февраля 1921 г. открылась новая студия для подготовки еврейских артистов, руководителями которой стали А. Р. Кугель (художественный руководитель), Л. И. Левидов и Л. А. Гольденберг. Драматическая студия работала на базе еврейских клубов – сначала на Казанской ул., 3, позже – на Троицкой ул., 14^{52; 53}. А. Кугель преподавал сценическое искусство, Нижинская и Спокойская – пластику, З. Киссельгоф – хоровое пение, С. Цинберг и М. Ривесман – историю еврейского театра. В студии работали также И. Ахрон и М. Мильнер⁵⁴. Уже в мае 1921 г. в отчете Петроградского бюро Евсекций РКП(б) отмечены «несколько спектаклей-концертов на еврейском языке» при участии еврейской студии⁵⁵. В репертуар были включены «Бог мести» Ш. Аша, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Нора»

⁴⁹ Жизнь искусства. 1919. 23 мая, 17, 19 июня; Театр и музыка // Петроградская правда. 1919. 24 мая. С. 2; Хроника. Коммунальные театры // Бирюч Петроградских государственных театров. 1919. Май. № 19–20. С. 377.

⁵⁰ Ромм Г. Еврейский театр // Жизнь искусства. 1919. 28 мая. С. 1.

⁵¹ История советского драматического театра. Т. 2: 1921 – 1925. С. 438.

⁵² Романова Н.М. Указ. соч. С. 332.

⁵³ Жизнь искусства. 1920. 19–20–21 нояб.; 1921. 2–3–4 февр., 6–7–8 апр.; Петроградская правда. 1920. 19 нояб.

⁵⁴ Еврейская театральная студия в Ленинграде // Еврейский вестник (Пг.). 1922. № 1. Апр. С. 17.

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10707. Л. 1.

Ибсена, пьесы И. Переца и П. Гиршбейна⁵⁶. Весной 1922 г. был организован показательный спектакль. Эксперты Союза работников искусств (Сорабис), присутствовавшие на показе, оценили работу студийцев – «преданных делу, даровитых и ответственных» – на «четыре с плюсом» (по пятибалльной системе). Были отмечены хорошая сыгранность актеров, отчетливое понимание ролей и бескорыстный энтузиазм – «никто из учащих не получал поддержки ни пайком, ни деньгами»⁵⁷. Однако в начале нэпа многие учреждения культуры закрывались из-за прекращения бюджетного финансирования, и такая же судьба постигла еще неоперившуюся петроградскую Еврейскую драматическую студию: она прекратила свое существование в мае 1922 г.⁵⁸ Но в Петрограде в это время работали другие еврейские театральные коллективы с традиционным репертуаром, создаваемые профессиональными актерами.

11 марта 1919 г. в Петрограде были торжественно отмечены две шевченковские даты – 105-я годовщина со дня рождения (9 марта 1814 г.) и 58-я – со дня смерти (10 марта 1861 г.) поэта. Утром было организовано шествие воинских частей и рабочих колонн к открытому в конце 1918 г. на проспекте Красных Зорь (Каменноостровский) по плану монументальной пропаганды первому в России памятнику Т. Г. Шевченко (скульптор Ян Тильберг). Надпись на постаменте гласила: «Великому украинскому поэту-крестьянину Тарасу Григорьевичу Шевченко 1814–1861 великий русский народ». Вечером открылся Украинский театр им. Т. Г. Шевченко, где состоялся «митинг-спектакль чествования поэта-борца за свободу». Программа митинга включала выступление А. В. Луначарского и М. Ф. Андреевой «Слово о Т. Г. Шевченко», исполнение коммунистического гимна «Интернационал» и знаменитой песни на стихи Шевченко «Заповіт». Затем началась театральная часть праздника – спектакль «Назар Стодоля» по пьесе Т. Г. Шевченко с музыкальной картиной к ней П. Нищинского «Вечорниці», режиссер – Н. Ф. Чарновская.⁵⁹

Труппа первого петроградского украинского театра из 30 человек была собрана из профессиональных актеров (действующих или бывших) и любителей. Самое известное имя в коллективе – актриса Ефросинья Филипповна Зарницкая (Азгуриди), игравшая на профессиональной сцене с 1889 г. В течение одного месяца в театре были сыграны спектакли традиционного репер-

⁵⁶ Еврейская театральная студия в Ленинграде // Еврейский вестник. 1922. № 1. Апр. С. 17.

⁵⁷ Театр // Еврейский вестник. 1922. № 2. Май. С. 22.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1373. Л. 82, 86, 89.

туара украинской сцены: кроме «Назара Стодоли» и «Вечерниц», еще «Запорожец за Дунаем» С. С. Гулака-Артемовского, «Наталка Полтавка» И. П. Котляревского, «Невольник» и «После ревизии» М. Л. Кропивницкого, «Ой, не ходи, Грицю, та на вечорниці» М. П. Старицкого, «Шельменкоденщик» и «Сватання на Гончарівці» Г. Ф. Квитки-Основьяненко, «Панна Штукарка» А. Володского, а также несколько раз показан дивертисмент «Українські квіти» («Украинские цветы») ⁶⁰. Театр фактически еще только складывался, поэтому необходимо было какое-то время для его становления, создания актерского ансамбля. Но руководство театра попыталось обойтись без этого, художественный уровень спектаклей был низким, и отдел театров и зрелищ СКСО уже 1 апреля издал приказ о закрытии Украинского театра им. Шевченко ⁶¹. Однако это не означало приговора украинскому театральному делу в городе вообще. Уже 7 мая 1919 г. в петроградской прессе снова появляется название «Украинский театр», но теперь по новому адресу — проспект Володарского (Литейный), 51, где он работал до 1924 г. Также в этот период в Петрограде функционировали еще несколько украинских трупп, создававшихся на один сезон.

В декабре 1920 г. «Жизнь искусства» сообщала, что с 1 января 1921 г. Украинский театр (пр. Володарского, 51) преобразовывается в Театр национальных меньшинств, в котором будут проходить спектакли на украинском, польском, латышском и эстонском языках ⁶², но такой практически неосуществимой трансформации не произошло. По отчету Петроградского отдела Наркомнаца, на 1 сентября 1921 г. в Петрограде работали четыре национальных театра и три студии ⁶³. В документе они не названы, но речь, скорее всего, идет об украинском, финском, эстонском, латышском театрах, а также о польской студии.

В 1918–1921 гг. многие советские театральные коллективы Петрограда были пролеткультовскими как по идеологии и репертуару, так и по формам своего существования и сценической выразительности, и в этом качестве вполне соответствовали и уровню основной массы зрителей, и агитационным задачам момента — театр должен был быть рычагом революционного воздействия на массы, возбуждать их революционный энтузиазм. Такой театр был

⁶⁰ Жизнь искусства. 1919. 15, 18, 22, 25, 28, 29 марта, 1, 2, 4, 5, 6 апр.

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1373. Л. 100 – 100 об.

⁶² Хроника // Жизнь искусства. 1920. 7–8–9 дек. С. 3.

⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10681. Л. 4.

естествен на митингах, на фронте, на революционных народных празднествах – то есть в чрезвычайных условиях революционного переворота и народного триумфа, но мало подходил для мирной жизни, повседневного труда, воспитания чувств. Бескомпромиссно отвергая старую, «буржуазную» культуру, деятели Пролеткульта отсекали и национальную составляющую «пролетарской» культуры (кроме языка), что было особенно опасно для национальных меньшинств, так как неоправданно ускоряло их культурную ассимиляцию. Доминирование агитации над художественным творчеством, с одной стороны, а также авангардистские формы творчества – с другой, мало способствовали культурному просвещению масс.

Однако даже в период самой высокой активности Пролеткульта и его относительной автономии от других советских организаций культуры (до конца 1920 г.)⁶⁴ его влияние не распространялось на все национальные театры Петрограда.

Положение театров национальных меньшинств было очень сложным, так как ограниченная численность и языковая специфичность их зрительской аудитории не позволяли им нормально работать без дотаций из бюджета. И все же петроградские-ленинградские национальные театральные трудовые коллективы, распадаясь и организуясь вновь, продолжали свою деятельность. В годы нэпа большинству из них пришлось перейти в разряд драмкружков при соответствующих домах просвещения. Потенциал некоторых из них был достаточно высоким, чтобы претендовать на статус профессиональной труппы, и к началу 1930-х гг. они становились театрами при ДПР – эстонский, финский, татарский, латышский театры, польская театральная студия, еврейский театр рабочей молодежи.

---

⁶⁴ О реорганизации Пролеткульта см. резолюцию ЦК РКП(б) «О Пролеткультах» от 1 дек. 1920 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2.: 1917–1924. С. 197–200.

ДАВЫДОВ А. Ю.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СОВЕТСКАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В 1918 г.

В статье рассмотрена продовольственная политика, проводимая советским правительством в 1918 г. Показаны причины низкой эффективности государственного продовольственного аппарата и высокая роль нелегального рынка как основного регулятора и организатора снабжения городского населения продовольствием.

Ключевые слова: продовольственная политика, нелегальный рынок, хлебная монополия, продовольственные комитеты, мешочники

Советская продовольственная политика первого года нахождения большевиков у власти трактовалась исключительно как комплекс мер, направленных на обеспечение населения провизией. Современники и участники иначе толковать ее и не могли, ибо обнаруживали то, что бросалось в глаза. Однако признаемся, что судить о существовании революционных мероприятий 1918 г. по высказываниям вождей это все равно, что оценивать декабристское движение по вышедшим из-под пера его деятелей документам, а смысл крестьянской войны – по указам Е. Пугачева.

В данной работе мы будем исходить из понимания продовольственного дела как чрезвычайно многообразной и предполагавшей наличие огромного организационного потенциала сферы общественной деятельности. Это дело Совнаркому и подчиненной ему администрации оказалось не по силам. И тем не менее, они почему-то взялись за него, хотя наличествовали и другие возможности прокормить народ. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

На первый взгляд, советское правительство выступило в роли продолжателя хлебной монополии предыдущего правительства. Утвердившаяся в марте 1917 г. власть монополизировала хлебную торговлю, установила твердые цены на хлеб, обязала производителей продавать провизию (кроме определенной для личных нужд нормы) государству. Из работников, трудившихся ранее в кооперативных, а также государственных и земских организациях,

создавались продовольственные комитеты.¹ Как представляется, активная и энергичная деятельность этих профессиональных структур во многом компенсировала ошибочность решения правительства князя Г. Е. Львова, серьезно ограничивавшего эквивалентность экономических отношений между городом и деревней. При этом Временное правительство не особенно упорствовало при проведении монополии, смотрело сквозь пальцы на операции вольного рынка. Учтем, что до конца 1917 г. никакой хлебной катастрофы страна не знала и продовольственная организация в целом справлялась со своими обязанностями. Были серьезные затруднения, но о катаклизме говорить никак нельзя.

В конце 1917 г. российское общество начало стремительно деградировать. Сложившиеся экономические структуры переставали выполнять снабженческие функции. Если осенью 1917 г. горожане ужасались впервые введенной фунтовой норме выдачи хлеба в день, то уже в начале следующего года властям далеко не всегда удавалось обеспечивать жителей четвертьфунтовым пайком.² Россиян одолели голод, холод и заползшая за воротник вошь.³ При этом основной регулятор и организатор снабжения – рынок – превращался в исключительно нелегальный. Жизнеспособность сохраняло лишь то, что упорно сопротивлялось и не поддавалось уничтожению – мелкое нелегальное снабжение. Что же заставило голодать горожан и крестьян хлебопотреблявших регионов?

Главная проблема общественной жизни в России – проблема институционального свойства. Неэффективность институтов порождалась недостатком организаторов. Умных, волевых, инициативных организаторов и руководителей разных рангов катастрофически недоставало; примечательно, что условием формирования таких личностей всегда была свобода (например, их насчитывалось немало среди тружеников кооперативов). Трагедия Октября состояла в том, что организаторов в государственном аппарате (а он становился продовольственным монополистом) осталось на порядок меньше. Специалистов стало крайне не хватать; к тому же обстановка в большевистских продкомитетах не располагала к независимости суждений и самостоятельности поступков.

---

¹ Критический словарь русской революции. 1914–1921. СПб., 2014. С. 607, 608.

² Известия Ставропольской губернской советской продовольственной комиссии. 1918. № 16. 20 мая. С. 14.

³ Осоргин М.А. Времена: Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992. С. 3.

Ленинское руководство на первых порах осознавало опасность разрыва с политически нелояльными профессионалами. В январе 1918 г. даже было достигнуто соглашение о создании Всероссийского продовольственного совета из 9 представителей кооператоров – меньшевиков (так наз. «громановской девятки» – В. Г. Громана, Д. С. Коробова, Г. В. де-Сен-Лорана и др.) и 8 деятелей ВСНХ. Это был успех. Между тем в конечном счете новая власть не нашла общего языка со старыми специалистами и довольно скоро руководители Наркомпрода отказали им в сотрудничестве. Взамен в том же январе была создана Чрезвычайная комиссия по продовольствию во главе с «продовольственным диктатором» Л. Д. Троцким. Ее задачей Совнарком назвал: «Усилить посылку вооруженных отрядов для самых революционных мер по сбору и ссыпке хлеба, а также для беспощадной борьбы со спекулянтами»⁴. С последовательной и целенаправленной профессиональной деятельностью в сложной сфере налаживания продовольствования все это не совмещалось.

Старые («буржуазные») специалисты были отстранены от дел, либо по разным причинам самоустранились и отказались сотрудничать с Советской властью; особое их возмущение вызвал разгон Учредительного собрания. В итоге сотрудники Наркомата продовольствия получили в наследство от прежнего начальства опустевшие канцелярии и вынуждались на скорую руку из малограмотных работников формировать новые штаты.⁵ «Для всех нас продовольственная работа была совершенно новым и неизвестным делом. – откровенно признавался большевистский руководитель продовольственного дела в Петрограде А. Е. Бадаев. – Предыдущая партийная и общественная работа не могла дать нам никакого хозяйственного и коммерческого опыта, необходимого в продовольственном деле».⁶ Показательно: И. В. Сталин в августе 1918 г. в отправленном Ленину, Троцкому и наркому продовольствия А. Д. Цюрупе письме жаловался на то, что не может найти людей, способных наладить работу «хотя бы одной консервной фабрики или бойни». К тому же воз-

⁴ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М., 2006. С. 203, 205, 324, 325, 455, 464.

⁵ Медведев Е.И. Из истории борьбы за хлеб в Самарской губернии в 1918 г. // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. 1958. Вып. 20. С. 7; Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. 1917. № 26. 10 дек. С. 9; Известия по продовольствию. Орган Томского губернского продовольственного комитета. 1918. № 8. С. 39; Дронин Г. Борьба за хлеб в Западной Сибири: (Накануне и в первые месяцы после Октября) // Борьба классов. 1935. № 3. Март. С. 64.

⁶ Бадаев А.Е. Десять лет борьбы и строительства: Продовольственно-кооперативная работа в Ленинграде. 1917–1927. 3-е изд. Л., 1927. С. 19.

обладала организационная бестолковщина. Примечательно, что в Москве действовали четыре совершенно самостоятельных продовольственных комитета.⁷

Вмешательство государства в экономику непременно предполагает совершенствование его структур. В послеоктябрьский период наблюдался процесс дезорганизации при том, что осуществлялось движение в сторону продовольственной диктатуры. Новая власть пошла своим «архиреволюционным» путем. Существенно расширились масштабы применения насилия, широко проводилась безвозмездная конфискация хлебных запасов; известны случаи применения смертной казни по отношению к спекулянтам, то есть к частным торговцам. Это абсолютно отличалось от действий «временных» правителей, которые в качестве самой радикальной меры использовали изъятие сокрытого сельчанами и мешочниками хлеба по твердым ценам (да и эти меры осуществлялись непоследовательно).

События развивались следующим образом. Состоявшийся ещё в начале года Всероссийский съезд по продовольствию принял решение «О введении государственной монополии и установлении твердых цен на все предметы первой необходимости». Хлебная монополия была закреплена февральским декретом 1918 г. «О социализации земли», пункт 19 которого гласил: «Торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией»⁸. Ригоризм большевистской администрации в первые месяцы 1918 г. выразился в распространении монополии на все товары первой необходимости (спички, свечи, рис, кофе и т.д.)⁹. Постепенно советская страна становилась «торговой пустыней». В этих обстоятельствах мало что стимулировало земледельцев сдавать продукты государству. Некоторые из них отказывались предоставлять хлеб большевикам на том основании, что это запрещено Украинской Радой, другие ей отказывали в хлебе, ссылаясь на свою приверженность большевикам. Третьи заявляли, что «Петроград вообще следует поморить некоторое время». Однако всё это были отговорки, ибо крестьяне с удовольствием соглашались продавать провизию коммерсантам-мешочникам.¹⁰ Оказывалось, всякие идеологические мотивы лишь прикрывали крестьянский коммерческий интерес.

---

⁷ Ленинский сборник. М., 1931. Т. 18. С. 199.

⁸ Хроника России. XX в. М., 2002. С. 232; Подколзин А.М. К вопросу о продовольственном положении Советской республики в 1918 г. // Вопросы политической экономии. М., 1958. С. 294.

⁹ Хроника России. XX век. М., 2002. С. 232; Подколзин А.М. К вопросу о продовольственном положении Советской республики в 1918 г. // Вопросы политической экономии. М., 1958. С. 294.

¹⁰ Бюллетень Калужского губернского продовольственного комитета. 1918. № 7. С. 2.

При всем том продовольствие в стране имелось в достаточном (по крайней мере, с учетом ограничений военного времени) количестве. Утверждения руководителей регионов относительно того, что хлеба «самим не хватает», часто не соответствовали действительности. Общий товарный фонд хлеба на 1917–1918 гг. составил 1370–1400 млн пудов (по минимальной оценке Министерства продовольствия Временного правительства); за границу зерно в условиях войны вывозить перестали. Между тем российские чиновники (советские – тем более, в силу крайнего ослабления контроля за ними) всегда были склонны прибедняться и скрывать ресурсы «про запас». Эпизодические проверки, проводимые «центром», выявляли солидные излишки продуктов питания. В Одоевском уезде Тульской губернии, который официально был признан «голодающим», в 1918 г. на каждое крестьянское хозяйство приходилось не менее 150–200 пудов хлеба. Однако возможности государства организовать хлебозаготовки и доставку продовольствия сокращались подобно шагреновой коже. Так, в 1918 г. в Саратовской губернии собрали хороший урожай и цены на хлеб на местных рынках упали в августе в 5–6 раз, погрузки же хлеба для пролетарских центров были единичными явлениями.¹¹ И дело не сводилось только к нежеланию крестьян сдавать хлеб государству (это тоже давало себя знать). Выявилась полная невозможность организованно провести в жизнь все хлебозаготовительные операции.

Тема отечественного хлебного рынка в России близка автору данной статьи. Он познакомился с ней, занимаясь изучением истории кооперации в нач. XX в., а также исследуя эволюцию народного хозяйства в разные периоды гражданской войны. Обнаруживается, что к началу XX в. в России сложился многогранный торговый механизм. В частности, предприниматели умели договориться с крестьянами и их объединениями о поставках зерна, доставить его в неиспорченном состоянии на станции, складировать во временно освобождавшихся элеваторах, соблюсти график прибытия вагонов, вовремя загрузить их, не допустить порчи товара дождем и т.д., и т.п. Все это было под силу инициативным и мотивированным организаторам, привыкшим действовать в условиях конкурентного хозяйства. Рыночная экономика в общем плодотворно проявляла себя и в условиях нэпа. К сожалению, при-

---

¹¹ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 386; Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 126–127; Бюллетень Московского городского продовольственного комитета. 1918. 10 августа. С. 1, 2.

шедшие к власти в октябре 1917 г. политические деятели никак не осознавали, насколько сложным в организационном отношении является продовольственное дело. Показательно относившееся к рубежу сентября – октября 1917 г. вот такое ленинское признание. «О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал, – писал Владимир Ильич, – хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательского труда».¹²

В 1918 г. разрушение торговой структуры имело крайне отрицательные последствия для сельского населения и для городских потребителей, для будущего страны. Названные структуры и без насильственного вмешательства со стороны отличались хрупкостью, ибо Россия – страна огромных размеров, крайне неблагоприятных климатических условий. В итоге уже заготовленные продукты Наркомпроду сохранить не удавалось. График хлебопоставок не соблюдался, элеваторов катастрофически не хватало. Доставленный крестьянами к ссыпным пунктам хлеб нередко сваливался на землю и на снег и быстро портился под открытым небом.¹³ Сельские жители были всеми этими безобразиями возмущены и зарекались везти хлеб на ссыпные пункты. Недоумевая по поводу таких вопиющих фактов бесхозяйственности и обнаруживая в них причину нелояльности крестьян к власти, современник писал: «Думаем ли мы о том, какое впечатление создаётся у трудового крестьянина, который видит ежедневно горы хлебных продуктов, часто сложенных прямо на земле. Тех продуктов, которые были отобраны у него как излишки, а сам он был посажен на, по его мнению, недостаточный продовольственный паёк».¹⁴

В 1918 г. в Московской области погиб почти весь заготовленный Наркомпродом картофель из-за большого скопления его в сыром и грязном состоянии на станциях; при этом губернские продовольственные комитеты всячески преследовали мешочников, взявшихся перевозить его в города. Люди наблюдали, как гниет сваленный прямо в кучи картофель, и не имели права забрать сохранившиеся остатки. Информированный очевидец описываемых событий отмечал: «Порой мне кажется, что мы попали в какой-то сумасшедший дом, именующийся «продовольственная система»».¹⁵

---

¹² Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. М., 1969. С. 322.

¹³ Чуканов И.А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918–1921 годы // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 130, 131.

¹⁴ Бюллетень продовольственного отдела Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. № 2. 3 января. С. 4; Известия Петрокомпрода. 1919. 12 апреля.

¹⁵ Союз потребителей. 1919. № 1–2. 20 января. С. 35.

Картину полного развала продовольственной организации завершает описание состояния дел на транспорте. Период с октября 1917 г. до января 1918 г. стал временем транспортного катаклизма. За один квартал произошло обвальное сокращение перевозок на железных дорогах, которые уменьшились почти в 2,5 раза¹⁶. В то время «страна оказалась перед угрозой почти полной приостановки движения», — читаем в фундаментальном академическом исследовании историка Б. П. Орлова. В дальнейшем, в 1918–1919 гг. о восстановлении транспорта говорить не приходилось.¹⁷

На железнодорожных и водных трассах возобладала анархия. Отдельные группы железнодорожников, исходя из установки «власть принадлежит трудящимся», превратили участки железных дорог в свои «трофеи». Рядовые путейцы перестали считать преступлением самовольное распределение содержимого вагонов. Делами управляли ячейки профессиональных союзов, состоявшие из машинистов, конторщиков, слесарей. Вместо народного самоуправления получилось анархическое самоуправство отдельных групп железнодорожников. Время от времени им могли противостоять только чекисты, действовавшие угрозами расстрелов и иногда «проталкивавшие» стратегически важные эшелоны. Государство перестало координировать работу органов путей сообщения, отдельные железные дороги действовали в условиях полной разобщенности. Производство паровозов и вагонов, ремонт путей почти прекратились. Когда ломался паровоз, его тотчас же начинали разбирать на запчасти для оставшихся в строю локомотивов.¹⁸ «При советском строе ничего наладить нельзя», — резюмировал нарком путей сообщения Л. Б. Красин.¹⁹

Указанные обстоятельства, а также разгром хлебозаготовительных структур и обусловили возникновение и усиление голода в центральных и северных районах страны. Факты свидетельствуют о том, что дело отнюдь не сводилось к потере советской Россией окраинных территорий бывшей империи. Так, по авторитетному заявлению чрезвычайного комиссара Совнаркома, некоторое время занимавшего посты наркомов продовольствия РСФСР и Украины А. Г. Шлихтера, из ставшей в начале 1919 г. советской республикой

¹⁶ Орлов Б.П. Развитие транспорта СССР. 1917–1962. Историко-экономический очерк. М., 1963. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 33, 48.

¹⁸ Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта. М., 1925. С. 79–80.

¹⁹ Цит. по: Ломоносов Ю.В. В Народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 – январь 1920 (отрывок из воспоминаний и неизданная корреспонденция В.И. Ленина) // Минувшее. 1992. Т. 10. С. 16.

и обладавшей огромными хлебными излишками Украины с трудом удалось отправить в распоряжение ленинского правительства несколько тысяч тонн продовольствия.²⁰

Очень многие российские общественные деятели, накопившие к рубежу 1917–1918 гг. негативный опыт осуществления хлебной монополии, в полной мере осознали бесперспективность ее проведения. Против нее решительно высказались Продовольственное совещание при Московской хлебной бирже, Московский союз продовольственных служащих, Московская организация домовых комитетов и другие организации. Вполне аргументированной была позиция кооперативов. На состоявшемся в феврале 1918 г. в Москве Всероссийском кооперативном съезде проведение монополии признавалось нереальным на том основании, что «разложение государственного аппарата делает невозможным проведение мер, требующих очень большого и точно действующего административного и хозяйственного аппарата».²¹ В резолюции съезда новым властям предлагался такой реалистический выход из тупика: «Заготовка хлеба должна быть поручена государством объединённой организации продовольственных органов, кооперативных организаций, с привлечением в неё и частно-торгового аппарата... Закупка может производиться по вольным ценам».²²

Думается, к 1918 г. общественное мнение стало склоняться в пользу свободной торговли как наименьшего зла. Журналист С. Бройде в мае 1918 г. цитировал высказывание одного московского обывателя: «Вот выдумали еще эти продовольственные комитеты, не будь их, был бы хлеб и все было бы в порядке». С. Бройде ответственно утверждал, что «приходится это слышать и в трамваях, и на улице, а главным образом в очередях, где терпеливо выжидает прислуга, рабочий».²³

Несмотря ни на что, советское государство в первой половине 1918 г. упорно шло к продовольственной диктатуре и установило ее в середине года - вопреки экономической целесообразности. Выше приводились факты, указывающие на отсутствие хозяйственного резона в осуществлении подобной радикальной акции. Обобщим их. Во-первых, немощное государство (неко-

---

²⁰ Шлихтер А.Г. Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы Советской власти. М., 1975. С. 373, 374.

²¹ Продовольственное дело / Изд. Моск. гор. прод. к-та. 1918. № 3. 24 февр. С. 1.

²² Там же. 1918. № 4. 3 марта. С. 9.

²³ Продовольственный вестник Тульского губернского продовольственного комитета. 1918. № 5. 18 мая. С. 5.

торые историки пишут о «протогосударстве») не имело никаких шансов провести в жизнь монополию; ее осуществление предполагало наличие развитой организационной структуры. Во-вторых, отправляя в Москву жалобы на отсутствие хлеба, губернские начальники перестраховывались: исследования Наркомпрода указывали на достаточное количество провизии на местах²⁴. В-третьих, развернувшееся мешочничество в значительной мере содействовало решению продовольственной проблемы. Внимательное изучение убеждает, что уже оно (стесненное и малоцивилизованное) обладало огромным самоснабженческим потенциалом; легализация же торговли не могла не стать условием гораздо большего успеха. Однако В. И. Ленин в июле 1918 г. выбирает «... наш путь, путь хлебной монополии»²⁵.

Разбираясь в причинах, существе, последствиях установления в стране продовольственной диктатуры, мы должны обратиться к исследованию уникального явления раннего этапа советской истории – комитетов бедноты.

Образованные во второй половине 1918 г. в российской провинции десятки тысяч чрезвычайных организаций – комитетов бедноты до сих пор в литературе именуют «классовыми организациями деревенской бедноты», которые «при активном участии... городских рабочих» сумели преодолеть продовольственный кризис.²⁶ Автор данной статьи не согласен ни с одним из этих положений. Он полагает: комбеды в большинстве случаев не являлись органами трудовой бедноты; взаимодействие их с городскими реквизиционными отрядами отнюдь не стало проявлением союза рабочих и крестьян. А раздобывание ценой огромных жертв в 1918 г. продовольствия, достаточного лишь для скудного пропитания нескольких сот тысяч агентов большевистского государства, не явилось выходом из голодного тупика.

Историю комитетов бедноты мы рассматриваем в контексте решения приоритетных политических задач, вставших перед ленинской партией в 1918 г. Прежде всего: созданные уже в послеоктябрьский период местные советы в большинстве случаев не поддерживали большевистскую партию. 20 мая этого года, выступая на заседании ВЦИК, председатель Я. М. Свердлов вынужден был констатировать: «В волостных советах руководящая роль

²⁴ Подколзин А.М. Указ. соч. С. 296; Губарева В.М. Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 г. По материалам Петроградской губернии. Л., 1957. С. 23.

²⁵ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. М., 1969. С. 529.

²⁶ Ахметова Д.А. Комитеты деревенской бедноты в системе чрезвычайных органов Советской власти 1918 года (историко – правовое исследование). Автореф. дис. на соиск. ... к.и.н. Саратов, 2007. С. 3, 4.

принадлежит кулацкому элементу, который приклеивает тот или иной партийный ярлык, по преимуществу ярлык левых эсеров».²⁷ Вместе с тем уездные и губернские советы также во многих случаях оказались небольшевистскими. Примечательно, что левые эсеры рассматривались правящей партией уже в мае как заклятые классовые враги и выразители «кулацких интересов»; июльский левоэсеровский мятеж лишь несколько приблизил объявление им войны со стороны большевиков.

Уже выборы в Учредительное собрание продемонстрировали недостаточность поддержки ленинцев со стороны сельского населения. В Самарской губернии эсеры получили в 3,5 раза больше голосов, чем большевики (700 тыс. и 200 тыс.), в Саратовской – в 2,5 раза (565 тыс. и 225 тыс.), в Симбирской – в 5 раз (350 тыс. и 70 тыс.).²⁸ Однако особую озабоченность у ленинцев вызвал ход и итоги развернувшейся в январе – апреле 1918 г. избирательной кампании по выборам советов. Сельские советы избирались всем населением, то есть по существу они представляли собой муниципалитеты. Выборы волостных исполкомов советов были открытыми и проходили на съездах всех граждан или на сходах представителей от деревень. Имущественное положение избирателей во внимание не принималось.²⁹ В результате советы оказались эсеровскими, ибо такими желало их видеть большинство активного населения. По существу они олицетворяли общественный консенсус. Думается, демократическая процедура обеспечила создание властных структур, способных снизить напряженность гражданского противостояния.

Вместе с тем власть в старой и новой столицах, а также во многих губернских центрах сосредоточилась в руках ленинцев. Большевистские центры и враждебная им эсеровская (так наз. «кулацкая») периферия – подобный оксюморон долго существовать не мог. При этом камнем преткновения в отношениях между советскими большевистскими верхами и эсеровскими, а также левоэсеровскими низами стал продовольственный вопрос.

Как и следовало ожидать, получить продукты не удалось. По современной оценке, в 1918 г. хлеба Наркомпрод собрал в 10 раз меньше, чем плани-

---

²⁷ Свердлов Я.М. Избранные статьи и речи. М., 1944. С. 72.

²⁸ Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири. 1918–1920. М., 2006. С. 31.

²⁹ Чернобаев А.А. Комбеды Советской России. М., 1972. С. 43; Дедов А.М. Комитеты деревенской бедноты и их роль в укреплении Советской власти. М., 1958. С. 27.

ровалось; то есть – почти ничего.³⁰ И вместе с тем желаемой политической цели большевики достигли. Делая ставку на фактическую отмену хлебной торговли, они смогли спровоцировать местные советы на выступление против центра при невыгодных для них условиях. Весной 1918 г. советы Саратовской, Самарской, Симбирской, Астраханской, Вятской, Казанской, Тамбовской и ряда других губерний, в которых большинство делегатов представляло интересы крестьянства, один за другим принимали решения о восстановлении свободной торговли. Этого-то центральная власть и ожидала. Отказавшиеся насаждать твердые цены и окончательно разрушать продовольственный рынок власти в регионах были представлены защитниками спекулянтов и поставили себя под удар.³¹

Введенная в мае и июне 1918 г. продовольственная диктатура предоставляла Наркомату продовольствия чрезвычайные полномочия в отношении реорганизации местной власти. Важнейшей составной частью диктаторской политики стало развертывание деятельности комитетов бедноты и продотрядов. Успешно противостоять им неорганизованная крестьянская масса и местные советы оказались не в состоянии.

На первых порах посредником во взаимоотношениях большевистской столицы и эсеровской деревни стала продовольственная армия, создаваемая при Наркомпроде. Служба в ней приравнивалась к службе в Красной Армии. Она состояла из 50–60 тыс. хорошо вооруженных бойцов (это больше, чем в воинских формированиях, действовавших против Комуча и Директории) и представляла собой контролируемый большевистской партией институт. В отправляемых в деревню продотрядах до половины состава комплектовалось из коммунистов.³² Оказавшись на месте, бойцы Наркомпрода вместе с членами волостных и уездных ячеек РКП(б) и агентами губернских продовольственных коллегий первым делом принимались за чистку (при необходимости – роспуск и переизбрание) небольшевистских сельских советов.

Организовав так наз. «полупролетариев» и противопоставив их остальным жителям, власть нагнетала атмосферу хаоса деревенской жизни. Целеустремленно разрушая общинно–соседские порядки и структуры, она леги-

---

³⁰ Красная эпоха. 70-летняя история СССР. М., 2010. С. 26.

³¹ Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932. М., 2010. С. 268.

³² Орехова Л.М. Поход рабочих в деревню в 1918 году // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1. С. 126.

тимировала насилие и рознь. Как представляется, комбедовская авантюра была партийно-идеологической акцией, рассчитанной на консолидацию групп малоимущих жителей, на которые предстояло опереться новой элите. Самое же печальное состояло в том, что нередко происходила консолидация не тружеников – бедняков, а маргиналов и бездельников. Иначе и быть не могло: трудящимся сельчанам заниматься грабежом и обижать соседей совесть не позволяла; да и «власть земли» не оставляла досуга. Марксистская идеология и русская крестьянская реальность не имели точек соприкосновения.

«Классовые» (по существу составленные из маргиналов) структуры сыграли в сельской жизни в целом огромную роль. Они представляли альтернативные органы власти с чрезвычайными полномочиями; расходы по их содержанию возлагались на государственный бюджет.³³ Власть в деревне переменялась. Отечественные историки В. П. Булдаков и В. В. Кабанов называют весь период второй пол. 1918 г. и даже 1919 г. «комбедовским».³⁴ И это не случайно: комбеды в конце 1918 г. упразднили, но последствия их влияния на деревенскую жизнь давали себя знать очень долго.

Организаторами комитетов в большинстве случаев выступали городские продотряды.³⁵ Свою работу на селе комиссары реквизиционных подразделений начинали с созыва сходов неимущих деревенских жителей и возвратившихся из городов отходников, на которых добивались избрания комбедов. Участие в их создании принимали местные парторганизации и политкомиссары воинских подразделений.³⁶ «Случаи замены волостных советов комбедами являются ежедневными фактами», – такие сообщения поступали из волостей.³⁷ Зачастую происходили столкновения между новыми чрезвычайными органами, поддерживаемыми воинскими частями, и советами. В итоге к концу 1918 г. в деревне почти не осталось небольшевистски настроенных советов.³⁸ В результате усилий комбедов в местные органы пришли малоинициативные, но лояльные к большевистской власти функционеры. В частно-

---

³³ Комитеты бедноты в Коми крае. Сборник документов. Сыктывкар. 1958. С. 53, 69.

³⁴ Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 46.

³⁵ Из истории гражданской войны в СССР. Том первый. Май 1918 – март 1919. М., 1960. С. 288; Катаев И. Солдаты революции // Вятка. Краеведческий сборник. Вып. VIII. Киров. 1987. С. 50.

³⁶ Подколзин А.М. Указ. соч. С. 302; Чернобаев А.А. Комбеды ... С. 28.

³⁷ Андрианов В.И. Комитеты бедноты и их роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства (по материалам Ярославской губернии) // Ученые записки Ярославского гос. пед-го ин-та имени К.Д. Ушинского. XVIII. Ярославль. 1955. С.36.

³⁸ Дедов А.М. Указ. соч. С. 30.

сти, в составленном для ЦК РКП(б) отчете Нижегородского губкома партии говорилось: «Прошедшие перевыборы сельских и волостных советов дали в большинстве своем середняков, которые, правда, очень робко подходят к советскому строительству, но вполне доброжелательно и благоприятно настроены по отношению к Советской власти».³⁹ Низкий профессионализм, бездумная сервильность, недостаток организаторских способностей многих советских работников не позволяли им справляться с разнообразными обязанностями. Их функции «вынужденно» брали на себя партийные деятели.

Формально декреты высших органов власти не рассматривали комитеты бедноты в качестве заменителей советов. Однако опубликованная в июне инструкция НКВД, в которой детально определялись полномочия комбедов, не оставляла места советам. На комитеты возлагались все без исключения функции местной власти.⁴⁰

Права чрезвычайных органов были очень велики, а контроль за ними отсутствовал. Поэтому активисты пользовались вседозволенностью. Подобных фактов насчитывается множество.⁴¹ Вот, например, опубликованные в журнале «Родина» письма вологодских крестьян В. И. Ленину и ответное письмо Н. К. Крупской председателю Вологодского губисполкома Г. И. Ветошкину. Мы узнаем, что нередко члены комбедов – это «лентяи и горлопаны...», во все «...не беднейшие крестьяне, а местные жители, забросившие хозяйство». Это – маргиналы, сельские тунеядцы (о них говорили: «спустили свою душу»), пришедшие из городов и не связанные с деревенским хозяйством мигранты. Такие люди, получив бесконтрольную власть, начинали «насиловать и безобразничать», обижать соседей – в том числе и «бедняков – тружеников».⁴² При этом большинство крестьян, еще не привыкшее к социальным экспериментам, пребывало в состоянии недоумения и замешательства. Например, в другом письме «тружеников – бедняков» на имя «комиссара Ленина» читаем: «Лентяи и горлопаны... озлобили всех нас против Вас. Ведь от Вас все это исходит. Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов, а нападаете в лице их на нас тружеников».⁴³ По твердому убеждению Н. К. Крупской, «значительное число так называемых «кулацких восстаний»

³⁹ Там же. С. 44.

⁴⁰ Там же, С. 10.

⁴¹ См. подробно: Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007. С. 272–290.

⁴² Комитеты взбесившихся люмпенов // Родина. 1992. № 8–9. С. 62, 63.

⁴³ Вы дали власть лентяям и горлопанам // Источник. Документы русской истории. 1993. № 0. С. 26.

возникает на почве бесконтрольного хозяйничания этих комитетов».⁴⁴ Хаос, внесенный ими в сельскую повседневность, был столь велик, что уже в октябре 1918 г. Шестой Всероссийский съезд советов поспешил их реорганизовать, фактически соединив с вновь созданными советами⁴⁵.

Комитеты представляли собой ударные органы диктатуры верхов общества, по сути опиравшихся на структурированный новой элитой маргинальный слой населения; больше не на кого было опереться в деревне. Не случайно современный исследователь И. А. Чуканов называет их «коммунистическими хунвэйбинами»⁴⁶. Между тем в результате их деятельности власть в сельских регионах стала принадлежать большевикам. На достижение этой цели и была направлена главным образом продовольственная политика советской власти в 1918 г.

---

⁴⁴ Комитеты взбесившихся люмпенов... С. 62, 63.

⁴⁵ Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий. (1918–1922 гг.). М., 2010. С. 82.

⁴⁶ Чуканов И.С. Указ. соч. С. 129.

III. РОССИЯ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Полынов М. Ф.

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. С. ГОРБАЧЕВА: ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРЕСТРОЙКИ. 1985–1986 гг.

В статье анализируется содержание реформ в 1985–1986 гг., которые проводились на первом этапе перестройки по инициативе нового генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Показаны противоречивые результаты этих реформ.

Ключевые слова: М. С. Горбачев, апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, ускорение, интенсификация, научно-технический прогресс, машиностроение, аграрная политика, антиалкогольная кампания

Перестройка в нашей стране до сих пор не имеет научно обоснованной общепринятой периодизации. Вместе с тем, период 1985–1986 гг. в научной и учебной литературе выделяется как первый этап перестройки¹. Действительно, в эти годы проблемы развития страны в целом решались еще во многом старыми традиционными методами, и в этом смысле период 1985–1986 гг. довольно существенно отличается от последующих периодов перестройки.

Политика перестройки совершенно справедливо связывается с именем М. С. Горбачева. Важно знать, какие преобразования проводились под его руководством на начальном этапе перестройки, и какое значение они имели для будущего развития страны. Следует заметить, что предпосылки перестройки, особенно в экономической сфере, вызревали в течение длительного периода времени². Поэтому она не являлась случайным явлением, хотя сами

---

¹ См.: Барсенков А.С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 годах // Российская история. 2014. № 6. С. 78; Отечественная история новейшего времени: 1985–2008. Учебник. Отв. ред. А.Б. Безбородов. М., 2009. С. 73; Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2009. С. 73. и др.

² См.: Полынов М.Ф. 1) Предпосылки перестройки в СССР (1985-1991 гг.): внешний фактор // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. История. Вып. 2. С.50–62; 2) Экономи-

реформы могли быть другими. Их содержание в огромной степени зависело от позиции Генерального секретаря ЦК КПСС, поскольку именно он определял не только внешнюю политику, но и внутреннюю. Обращает на себя внимание то, что хорошо продуманной, взвешенной, научно обоснованной программы преобразований у Горбачева не было. В частности, Г. Х. Попов писал, что реформы «не были подготовлены в плане идейно-теоретическом и организационно-прикладном», а «концепция перестройки и практика во многом является чистой импровизацией»³. Хотя нельзя, однако, не отметить, что определенные наработки все же имелись. Вместе с секретарем ЦК КПСС Н. И. Рыжковым в период 1982–1985 гг. Горбачев занимался вопросами подготовки экономических реформ. Но эти несистемные представления никак нельзя назвать программой экономических реформ. Высказывания же самого Горбачева по этому вопросу являются весьма противоречивыми. В первые годы перестройки он доказывал, что курс апрельского Пленума был разработан задолго до него, что его нельзя считать экспромтом. «Было бы ошибкой считать, что буквально через месяц после Пленума ЦК в марте 1985 г. внезапно появилась группа людей, все понявших и все осознающих, и что эти люди во все проблемы внесли полную ясность. Таких чудес не бывает»⁴. В постперестроечный период он утверждал прямо противоположное. В 2005 г. на вопрос: «У вас была стратегия реформирования или вы нащупывали каждый дальнейший шаг?», Горбачев ответил: «Мне многое было понятно и раньше, но о программах не могло быть и речи, иначе я с группой товарищей дорабатывал бы их в Магадане»⁵.

Первым крупным официальным мероприятием, подготовленным под руководством нового Генсека, был апрельский (1985 г.) Пленум ЦК. Он должен был стать знаковым, ибо Горбачев готовился выступить на нем с программной речью. «Доклад к апрельскому Пленуму Горбачев писал сам, – вспоминает Н. И. Рыжков, – то есть не без референтуры, конечно, не без запроса материалов с разных мест, в том числе из экономического отдела ЦК, но – сам. Сам диктовал, сам правил, сам перекраивал. В итоге он получился ярким, непривычно личностным и, главное, я бы сказал, обобщающе-

---

ческие предпосылки перестройки в СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. История. Вып. 2. С. 95–107.

³ Попов Г.Х. Будет ли у России второе тысячелетие? М., 1998. С. 168.

⁴ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 19.

⁵ См.: Политический класс. 2005. № 2. С. 55.

революционным»⁶. На Пленуме Генсек изложил новую концепцию экономического развития. Квинтэссенцией экономической политики провозглашалось ускорение социально-экономического развития страны. Решения этого Пленума во многом предопределили решения XXVII съезда КПСС. Не случайно с этим Пленумом связывают начало перестройки.

Политика ускорения, предложенная на Пленуме, опиралась не столько на глубоко просчитанные и обоснованные выводы, сколько во многом была реакцией нового руководства КПСС на тенденцию падения производства в течение последних пятнадцати лет. Если среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в годы девятой пятилетки (1971–1975) составили 7,4 процентов, то в годы одиннадцатой (1981–1985) они упали до 3,7 процентов; сельскохозяйственной продукции соответственно 2,5 и 1,0 процент⁷.

Повышение темпов экономического роста предполагалось достичь за счет модернизации производства, особенно машиностроения. Развитие этой отрасли объявлялось приоритетным в промышленной политике. Темпы его развития предстояло увеличить в полтора-два раза. Поэтому сюда предусматривалось в двенадцатой пятилетке (1986–1990) «увеличить капиталовложения в 1,8–2 раза в сравнении с одиннадцатой пятилеткой»⁸.

Серьезное внимание уделялось проблемам развития научно-технического прогресса. Этому вопросу было посвящено специальное Всесоюзное совещание, состоявшееся 11–12 июня 1985 г. НТП рассматривался как главный рычаг ускорения экономики. «Нужны революционные сдвиги – переход к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающих наивысшую эффективность», – говорил Горбачев на совещании⁹.

Руководство страны было абсолютно убеждено в правильности выбранного курса. На заседании Политбюро 20 июня, подводя итоги совещания по НТР, Генсек сделал вывод: «Обсуждение выявило единое понимание ситуации и путей дальнейшего движения...»¹⁰.

⁶ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 79.

⁷ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1975 году. Стат. ежегодник. М., 1976. С. 53–54, 313; Народное хозяйство СССР в 1985 году. Стат. ежегодник. М., 1986. С. 186; Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 8.

⁸ Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики перестройки: Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. М., 1985. С. 14.

⁹ Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. М., 1987. С. 156.

¹⁰ В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). Изд. 2-е. М., 2008. С. 14.

Однако было общеизвестно, что существующий хозяйственный механизм мало способствует внедрению достижений НТП. Но в этом важнейшем вопросе подходы остались практически неизменными, ограничились лишь принятием решения о продлении экономического эксперимента, начатого в 1984 году, по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности для повышения эффективности производства. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР в традиционном духе указывалось: «Госплану СССР, министерствам и ведомствам СССР... исходить из того, что показатели ускорения научно-технического прогресса должны быть органической частью всех разделов государственного плана...»¹¹.

В 1985 г. Горбачев уделял также серьезное внимание проблемам развития аграрной сферы экономики. Однако преодолеть кризис в этой и смежных с ней отраслях он пытался не через совершенствование экономических отношений, а через создание новых управленческих структур, способствовавших централизации агропромышленного производства. 14 октября 1985 г. в ЦК КПСС было созвано совещание по совершенствованию управления агропромышленным комплексом с участием секретарей ЦК компартий союзных республик, секретарей многих обкомов, министров и др. Генсек предложил создать агропромышленный комитет (Госагропром СССР), который стал бы управлять всем агропромышленным производством. Отрицательные стороны подобной управленческой реформы сразу же были показаны в выступлениях первого секретаря ЦК компартии Украины В. В. Щербицкого, первого секретаря ЦК компартии Казахстана Д. М. Кунаева, председателя Совета Министров РСФСР В. И. Воротникова¹². Однако они не принимались в расчет. Как, вспоминает Воротников, закрывая совещание, Горбачев отметил: «...высказанные сейчас мысли носил в себе много лет, все продумал. Дело в том, чтобы убрать громоздкий аппарат, а не просто провести механическое объединение. Цель – создать принципиально новые органы»¹³.

В Госагропром, созданный 22 ноября 1985 г., вливалось более пяти министерств и ведомств. Этот гигантский бюрократический монстр во главе с В. С. Мураховским, должен был указать пути выхода сельского хозяйства из

---

¹¹ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июня 1985 г. «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на научно-технический прогресс» // Свод законов СССР. 1990. Т. 5. С. 32.

¹² Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 75.

¹³ Там же.

кризиса. Но этого как раз и не произошло, и не могло произойти, поскольку реальная хозяйственная власть на местах перешла в руки РАПО и райкомам партии, продолжавшим административными методами управлять колхозами и совхозами. В этой связи акад. А. А. Никонов приводит красноречивый пример. За 10 месяцев 1986 г. Жердовским РАПО Тамбовской области было получено 1972 различных документа. Само РАПО направило, в свою очередь, в колхоз «Гигант» 659 телефонограмм. Председатель колхоза вызывался в РАПО 55 раз, главные специалисты – от 31 до 37 раз¹⁴.

Уже через полгода, в 1986 году руководитель этого ведомства Мураховский был вынужден признать, что и эта организационная перестройка не привела к ожидаемым результатам¹⁵.

Результаты агропромышленной политики в 1985–1986 гг. были противоречивыми. Большие капиталовложения и хорошие погодные условия позволили увеличить некоторые показатели сельского хозяйства. Однако в 1985 г. валовой прирост здесь составил только 0,1 процентов, но в 1986 г. прирост был достигнут достаточно существенный – 5,3 процентов¹⁶. В этом же году валовой сбор зерна составил 210 млн тонн, что на 30 млн тонн было больше среднего объема в прошлой пятилетке¹⁷. Это объяснялось не только хорошими погодными условиями, но и тем, что в 1985–1986 гг. были увеличены закупочные цены на 15 процентов.

Корректировка данной реформы произошла уже 20 марта 1986 г. В принятом постановлении «О совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны», прозвучала обоснованная и своевременная критика. Постановление открывало простор различным формам организации труда (семейный подряд, арендные отношения и т.д.), возникновению хозрасчетных отношений в колхозах и совхозах. Поэтому в новых условиях очевидной становилась ненужность Госагропрома как административного органа. В 1989 г. он был распущен.

Сам Горбачев о своем детище – Госагропроме – в будущем вынужден был вспоминать весьма нелестно: «Это было данью традиционной вере в безграничные возможности предельной централизации. Негативные результаты

---

¹⁴ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVII–XX вв.). М., 1995. С. 397.

¹⁵ Мураховский В. В русле аграрной политики партии // Коммунист. 1986. № 6 С. 34.

¹⁶ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1987. С. 58.

¹⁷ Правда. 1986. 31 декабря.

дали о себе знать скоро. Над колхозами и совхозами, предприятиями по переработке сельхозсырья навис гигантский бюрократический механизм, пытавшийся все определить и контролировать»¹⁸.

Радикализмом отличались действия Горбачева в области борьбы с пьянством и алкоголизмом. Уже 4 апреля 1985 г. этот вопрос обсуждался на Политбюро. Воротников отмечает: «Обсуждение было активным. Признали актуальность проблемы, споры шли вокруг предлагаемых мер, которые ряд товарищей считал чрезмерно жесткими»¹⁹. Заместитель председателя Госплана СССР пытался убедить руководство страны не торопиться с «отменой водочных статей дохода, – вспоминает присутствовавший на этом заседании А. С. Черняев, – мол, не залатать дыру (5 млрд руб.) – Горбачев его "смазал" – на водке в коммунизм хочешь въехать»²⁰.

Антиалкогольная кампания как государственная политика началась 17 мая 1985 г. Выступая в Смольном перед Ленинградским партхозактивом, Генсек сказал: «Сейчас мы развернули борьбу с таким опасным и довольно-таки укоренившимся социальным злом, как пьянство и алкоголизм»²¹. В тот же день в печати были опубликованы постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Указ Президиума Верховного Совета СССР, направленные на борьбу с пьянством.

Потери бюджета из-за сокращения продажи алкоголя были огромны. По плану 1985 г., принятому еще до антиалкогольных постановлений, от реализации алкогольных напитков намечалось получить 60 млрд руб. прибыли. В реальности же было получено только 46 млрд, в 1986 г. – 38, в 1987 г. – 36, в 1988 г. – около 40 млрд руб.²² Не трудно подсчитать, что за два года (1985–1986) потери составили 36 млрд, а за четыре года (1985–1988) – 80 млрд руб. Бывший председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков позднее сумму потерь за три года антиалкогольной кампании (1986–1988) оценивал в 67 млрд руб.²³, хотя официальные данные на этот счет никогда не публиковались.

В оценке антиалкогольной политики позиции представителей различных политических сил и историков в целом совпадают. Н. И. Рыжков пришел к вы-

---

¹⁸ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 338.

¹⁹ Воротников В.И. А было это так... С. 60.

²⁰ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 39.

²¹ Горбачев М.С. Настойчиво двигаться вперед: Выступление на собрании актива Ленинградской партийной организации. М., 1985. С. 29.

²² Торговля СССР. Статистический сборник. М., 1989. С. 128.

²³ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 101.

воду, что антиалкогольная кампания нанесла «сильный удар по перестройке»²⁴. Либеральный экономист и политик Е. Т. Гайдар характеризовал ее так: «опаснейшая антиалкогольная кампания», подрывающая «сами основы финансовой стабильности»²⁵. «Удар, нанесенный бюджету, – пишет историк Р. Г. Пихоя, – был столь значителен, что он так и не был преодолен до последних дней существования СССР»²⁶. Немецкий историк Леонид Люкс пишет: «...эта кампания не привела к значительному сокращению потребления алкоголя, зато резко, на миллиарды рублей, сократила поступления в бюджет»²⁷.

Стратегия ускорения социально-экономического развития, принятая на апрельском Пленуме 1985 г. была закреплена на XXVII съезде КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.), на котором были приняты план 12-й пятилетки (1986–1990) и основные направления экономического и социального развития на период до 2000 г. Были поставлены грандиозные задачи, как в экономической, так и в социальной областях. Предполагалось к 2000 г. увеличить национальный доход в два раза, производительность труда в 2,3–2,5 раза. А каждой семье обещали отдельную квартиру или дом²⁸.

При подготовке новой редакции программы КПСС Горбачев правильно критиковал Н. С. Хрущева за его волонтаристские и утопические прожекты. 28 июня 1985 г. на Политбюро, при обсуждении вопроса о проекте программы партии, он совершенно правильно наставлял: «Необходимо избавиться от волонтаристских, субъективистских моментов. Проявлять реализм. Документ должен быть теоретически верным и отражать точно нашу политику»²⁹. Вместе с тем, следует заметить, что стратегические подходы самого Горбачева по важнейшим экономическим и социальным вопросам, в немалой степени были пропитаны волонтаризмом и субъективизмом, что проявилось уже на первом этапе перестройки.

Интенсификация производства на базе научно-технического прогресса объявлялась центральной задачей экономической политики. В структурной политике приоритетное значение придавалось машиностроению. Темпы развития этой отрасли должны были опережать промышленность в целом в

²⁴ Там же. С. 96.

²⁵ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 42–43.

²⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 411.

²⁷ Люкс Л. История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина. Пер. с нем. М., 2009. С. 422.

²⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 24, 48.

²⁹ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). Из. 2-е. М., 2008. С.16.

1,9 раза. На его модернизацию в двенадцатой пятилетке планировалось выделить 200 млрд руб., больше чем за предшествующие десять лет³⁰. Массированные инвестиции в машиностроительные отрасли ожидаемых результатов не давали. Конечно, определенное повышение технологического уровня некоторых предприятий было достигнуто. В промышленности в целом, наличие установленных механизированных поточных и автоматизированных линий возросло. Если на 1 июля 1983 г. их было более 186 тысяч, то в конце 1986 года – уже 210 тысяч³¹. Рост капиталовложений и некоторое повышение технологического уровня придали определенную положительную динамику развитию промышленности, но не в такой степени, на какую рассчитывали. На двенадцатую пятилетку среднегодовые темпы промышленного прироста были запланированы на 3,9–4,4 процентов. В 1985 г. они составили 3,4 процента, что было меньше как по сравнению с 1984 г. (4,1 процента), так и по сравнению с запланированными плановыми показателями. Однако в 1986 г. прирост был уже выше, составив 4,4 процента. Это был самый высокий показатель за все годы перестройки. После 1986 г. начинается тенденция снижения темпов роста производства в промышленности.

Политика, направленная на форсированное развитие машиностроения, фактически не состоялась, но, между тем, государственный бюджет оказался сильно подорванным. У государства не было инвестиций, чтобы дальше продолжать курс на ускорение социально-экономического развития. Уже 30 октября 1986 г. на заседании Политбюро Горбачев вынужден был признать: «Финансы в тяжелейшем состоянии»³².

С самого начала своей деятельности на посту Генсека Горбачев уделял огромное внимание кадровой политике. В 1985–1986 гг. происходит радикальная смена руководящей элиты страны: партийной, хозяйственной и дипломатической. Эти изменения были направлены на укрепление его позиций в первую очередь в высшей руководящей инстанции КПСС – Политбюро. Новый Генсек освобождался от тех, кто потенциально мог усомниться в правильности выбранной политики. Первые крупные кадровые перестановки произошли уже на апрельском Пленуме. Вопреки сложившейся традиции, первым вопросом на нем был организационный, который всегда рассматри-

---

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Народное хозяйство СССР в 1983 г. Статистический ежегодник. М., 1984. С. 104; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 87.

³² В Политбюро ЦК КПСС... С. 98.

вался последним. Членами Политбюро, минуя институт кандидатства, были избраны секретари ЦК Е. К. Лигачев и Н. И. Рыжков, а кандидат в члены Политбюро, председатель КГБ СССР В. М. Чебриков переведен в члены Политбюро. Горбачев вспоминает: «Рядом с собой посадил Лигачева и передал ему председательствование: «Ну что же, Егор Кузьмич, предоставляй мне слово для доклада». Сделал это сознательно, чтобы стала ясной новая расстановка в Кремле»³³. Лигачев, исключительно много сделавший для прихода к власти Горбачева, был щедро вознагражден: он стал человеком № 2 в партии. Министр обороны маршал С. Л. Соколов стал кандидатом в члены Политбюро, а В. П. Никонов – секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

В новом составе Политбюро сторонники Горбачева стали преобладать над теми, кого считали ему не лояльными: В. В. Гришин, Д. М. Кунаев, Н. А. Тихонов, Г. В. Романов, В. В. Щербицкий, четыре из которых были отстранены к концу 1986 г.

Первым, от кого освободился Горбачев, был Романов, его главный соперник и конкурент за лидерство в партии в период болезни К. У. Черненко. Вопрос «о Романове Г. В.»³⁴ появился в записной книжке Горбачева уже 27 марта 1985 г., то есть через две недели после его избрания Генсеком. Политику изоляции Романова Горбачев начал проводить сразу же после прихода к власти. Очевидно, Генсек опасался того, что «Романов, курировавший как раз высокотехнологичные отрасли, мог усилиться на волне планировавшегося индустриального скачка и снова вступить в соперничество с победившей коалицией», – утверждает А. В. Шубин³⁵.

После апрельского Пленума он фактически был изолирован от активной деятельности. «Встретившись с Романовым, – пишет Горбачев, – я достаточно откровенно дал понять, что для него нет места в составе нового руководства...»³⁶. 23 мая Генсек проинформировал членов Политбюро о том, что Романов «написал заявление об уходе по собственному желанию»³⁷.

Крупные кадровые изменения произошли на июльском Пленуме ЦК. 1 июля А. А. Громыко, был рекомендован на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР и на следующий день на сессии Верховного Совета

---

³³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 279.

³⁴ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 276

³⁵ Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917-1985 гг. М., 2001. С. 628.

³⁶ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 289.

³⁷ Воротников В.И. А было это так... С. 66.

СССР он был избран на эту должность. В советской политической системе эта должность официально являлась второй по значению, однако, не была таковой по своему влиянию. На освободившееся место министра иностранных дел Пленум рекомендовал Э. А. Шеварднадзе, избрав его членом Политбюро, а сессия Верховного Совета СССР назначила его на эту должность. Вскоре в МИДе начнется большая кадровая чистка. На этом Пленуме Романов официально был выведен из состава Политбюро, освобожден с должности секретаря ЦК КПСС, а вместо него секретарем ЦК по оборонной промышленности стал первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Л. Н. Зайков.

В сентябре был решен вопрос о главе правительства СССР. Н. А. Тихонов был наиболее последовательным противником возвышения Горбачева в период деятельности Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Однако его замена объяснялась не только этим, но и тем, что ему было уже 80 лет. Вместо него был назначен Н. И. Рыжков, который еще при Андропове возглавил экономический отдел ЦК, а затем стал секретарем ЦК КПСС, занимаясь вопросами экономической политики.

Последним крупным кадровым решением в 1985 г. стало освобождение первого секретаря Московского горкома КПСС В. В. Гришина. «19 декабря 1985 года, – вспоминает Гришин, – за полчаса до очередного заседания ЦК КПСС я был вызван к Генеральному секретарю ЦК. В очень кратком разговоре М. С. Горбачев сказал, что на работу московских организаций, горкома партии поступают жалобы и заявления. Что в этих условиях мне следует подать заявление об уходе на пенсию»³⁸. 26 декабря вместо него на заседании Политбюро первым секретарем Московского горкома КПСС был рекомендован Б. Н. Ельцин³⁹. Формально же Гришин был освобожден, а Ельцин избран на конференции московского горкома КПСС, которая состоялась 23 января 1986 года. В тот день А. С. Черняев записал в своем дневнике: «Сегодня день ликования всей Москвы: сняли, наконец, Гришина, заменили Ельциным»⁴⁰.

Обновление кадров осуществлялось и в 1986 г. Из высших руководителей еще брежневского состава в декабре этого года был освобожден первый секретарь компартии Казахстана Д. М. Кунаев, выведенный из состава Политбюро в январе 1987 г. Массовая чистка кадров осуществлялась и на уровне крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов.

---

³⁸ Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М., 1996. С. 334.

³⁹ Воротников В.И. А было это так... С. 80.

⁴⁰ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 63.

К началу 1987 г. было заменено почти 70 процентов членов Политбюро, 60 процентов секретарей обкомов, 40 процентов членов ЦК КПСС, получивших свои должности в период руководства Брежнева. Как отмечает А. С. Барсенков, избавление от престарелой когорты партийных и государственных деятелей брежневского периода производило позитивное впечатление и массовым сознанием оценивалось положительно⁴¹. Вместе с тем, кадровая «революция», осуществленная новым Генсеком, не могла компенсировать тех системных просчетов, которые содержались в концепции перестройки периода 1985–1986 гг.

Задачи, поставленные апрельским Пленумом и XXVII съездом КПСС по ускорению экономического развития, оказались не реализованными. Вместо ускорения, к концу 1986 г. страна фактически оказалась в состоянии экономического и социального кризиса. Этому теперь так же способствовала и политика, осуществляемая новым руководством страны. Выход из этого положения Горбачев и его сторонники видели в переходе к новому этапу перестройки, который предполагал радикальное реформирование политической и экономической системы. Новый период начнется в начале 1987 г., по своим последствиям окажется еще более катастрофическим и приведет к крушению всей советской системы.

---

⁴¹ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. М., 2002. С. 69.

Ялышев Р. А.

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

«НОВОГАРЕВСКИЙ ПРОЦЕСС» ВЫРАБОТКИ НОВОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1991 г.: ФЕДЕРАЦИЯ ИЛИ КОНФЕДЕРАЦИЯ?

Рассматривается процесс обсуждения проекта нового Союзного договора между республиками и центральным руководством СССР в апреле – августе 1991 г. Анализируется роль республиканских властей, особенно руководства России, союзных руководителей в работе над проектом. Делается попытка проанализировать основные причины провала нового Союзного договора.

Ключевые слова: СССР, перестройка, Союзные республики, новый Союзный договор, ГКЧП, распад СССР

17 марта 1991 г. состоялся общесоюзный референдум по вопросу о сохранении СССР. Более 76 % населения Советского Союза высказалось за сохранение единого государства. Тот факт, что большинство населения России и СССР в целом проголосовало за единый Союз, сказался на позиции российского руководства. Б. Н. Ельцин стал высказываться за сохранение СССР как федеративного государства, понимая, что иная позиция затруднит его победу на выборах Президента РСФСР, назначенных на 12 июня.

М. С. Горбачев после референдума почувствовал себя увереннее. В его окружении рассматривались планы по дальнейшему ослаблению Ельцина. Речь шла о подготовке внеочередного третьего Съезда народных депутатов РСФСР, на котором можно было бы снять Ельцина с поста Председателя Верховного Совета. Такую цель с осени 1990 г. преследовали группы Р. Абдулатипова и С. Горячевой. Теперь у Ельцина появились новые противники в российском парламенте. В записке помощника Горбачева А. С. Черняева говорится о его беседе с В. П. Лукиным, в то время членом Президиума Верховного Совета РСФСР, в которой тот излагал план «выведения за скобки» Ельцина¹.

---

¹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8844.

На третьем Съезде народных депутатов РСФСР (28 марта – 5 апреля) действительно была предпринята попытка отстранить Б. Н. Ельцина от руководства Верховным Советом. Об этом подробно пишет историк Р. Г. Пихоя. Однако этот план не удался. Одной из причин стал раскол фракции «Коммунисты России», который осуществил будущий вице-президент А. В. Руцкой, поддержавший Ельцина и объявивший о создании фракции «Коммунисты за демократию». Однако более важную роль сыграла позиция Ельцина, который на съезде высказался за скорейшее подписание нового Союзного договора и «немедленный мораторий на несогласованное законотворчество разных уровней законодательной власти». Вместо прежних призывов к отставке Президента СССР, он призвал к «немедленному началу диалога всех политических сил»².

Анализ выступлений Ельцина на съезде говорит о том, что он понимал опасность ситуации и решил пойти на компромисс с Горбачевым. Пока нет документов, которые бы раскрывали, какие контакты состоялись между Ельциным и Горбачевым в дни работы съезда. Однако неожиданное выступление на съезде лидера КП РСФСР И. К. Полозкова фактически положило конец атаке на Ельцина. И тот сохранил свой пост. Такое заявление Полозков не мог сделать по собственной инициативе.

Подчеркнем тот факт, что съезд подтвердил решимость России подписать Договор о Союзе Суверенных Республик и принял за основу проект Договора, который был совместим с проектом, подготовленным ранее и опубликованным 9 марта 1991 г.³

16 апреля Б. Н. Ельцин, выступая на заседании Европейского парламента, заявил, что «обновленная Россия ни в коей мере не выступает за прекращение существования Советского Союза. Мы видим будущее всей страны именно как свободного добровольного союза – Союза Суверенных Государств, которые находятся в четкой системе договорных связей между собой. Они сами определяют те функции, которые должны осуществляться от их имени на центральном уровне... Новый Союз должен быть построен снизу, усилиями самих республик»⁴.

---

² Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. М., 1998, с. 629–635.

³ Сборник документов, принятых первым – шестым Съездами народных депутатов Российской Федерации. М., 1992, с. 209–210.

⁴ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть: Две истории одной страны. М., 2007, с. 283.

Мы видим, что соглашаясь на сохранение СССР, Б. Ельцин четко подтвердил свою прежнюю линию на создание Союза усилиями самих республик, как бы выводя за скобки Президента СССР.

Отметим, что накануне первой новоогаревской встречи в Киеве состоялась консультативная встреча 5-ти республиканских рабочих групп без участия представителей союзных властей. Участники встречи договорились о названии союзного договора – «Договор о Союзе Суверенных Государств». В основу Договора решено было положить декларации о суверенитете республик и общепризнанные принципы международного права. Также было принято решение признать субъектами Союза только государства, «непосредственно образующие Союз и являющиеся в настоящее время Союзными республиками»⁵, что исключало из Договора автономии.

Эксперты, представлявшие Центр, весьма негативно оценивали данные договоренности республиканских представителей. Уход от названия с аббревиатурой СССР их не сильно беспокоил. Особенно опасными выглядели идеи опираться на принципы международного права и исключение автономий из переговорного процесса⁶.

На этом противоречивом фоне 23 апреля 1991 г. в резиденции Ново-Огарево состоялась встреча М. С. Горбачева и лидеров девяти союзных республик, в которых прошел общесоюзный референдум: России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. Инициатором новоогаревской встречи и соглашения был Президент СССР. По мнению помощника Горбачева Г. Х. Шахназарова, этим шагом Горбачев фактически признавал, что «отныне он не в состоянии править единолично и готов пойти на передачу власти республикам с сохранением за Союзом координационных функций»⁷. Но эта оценка не учитывает тот факт, что уже с весны 1990 г., с момента создания Совета Федерации, состоявшего из глав союзных республик, Горбачев не «правил единолично». А подготовленный к ноябрю 1990 г. проект нового Союзного договора уже сам по себе говорил о его согласии на то, чтобы союзный Центр сохранил за собой координационные функции.

⁵ Протокол консультативной встречи рабочих групп ВС Белорусской ССР, Казахской ССР, РСФСР, Узбекской ССР, Украинской ССР 18.04.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 178. Л. 80–83.

⁶ Заключение на Протокол консультативной встречи рабочих групп ВС Белорусской ССР, Казахской ССР, РСФСР, Узбекской ССР, Украинской ССР от 18.04.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 178. Л. 85.

⁷ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993, с. 224.

На наш взгляд, новоогаревская встреча явилась прямым результатом общесоюзного референдума, который усилил позиции М. Горбачева.

В «Совместном заявлении о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса» участники высказались за «принятие решительных мер по восстановлению повсеместно конституционного порядка», «неукоснительное соблюдение действующих законов впредь до принятия нового Союзного договора и Конституции Союза». Первоочередной задачей признавалось «заключение нового договора суверенных государств с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума». Через 6 месяцев после подписания Договора было решено принять новую Конституцию Союза, а затем провести выборы в органы власти, предусмотренные этой Конституцией, включая и прямые выборы Президента СССР⁸.

Б. Ельцин подписал это Заявление. Впоследствии в своих мемуарах он объяснял это тем, что Горбачев на встрече якобы неожиданно согласился на подписание нового Союзного договора, «который значительно ослабит влияние центра на жизнь союзных республик»⁹. Однако это заявление не подтверждается дальнейшей работой над текстом нового договора, которая шла в рамках проекта, опубликованного 9 марта 1991 г.

По нашему мнению, главный мотив, которым руководствовался Ельцин, идя на компромисс с Горбачевым, связан с предстоявшими выборами президента России. Жесткая атака Ельцина на Центр после январских событий в Литве, призыв дать отрицательный ответ на вопрос общесоюзного референдума породили у многих россиян опасения в том, что Ельцин своими действиями, своей во многом личной борьбой против Горбачева развалит СССР, чего большинство явно не желало.

Горбачев в воспоминаниях объяснял свое решение пойти на новоогаревские переговоры, прежде всего тем, что «консервативные силы» в КПСС, Кабинете Министров и Верховном Совете СССР «начали муссировать тему введения чрезвычайного положения в стране или в решающих секторах экономики». Он пишет: «Именно тогда президентский «мозговой центр» пришел к выводу о нарастании угрозы со стороны реваншистских сил. Единственным рациональным ответом на это было... соглашение центристов с

---

⁸ Правда. 1991. 24 апр.

⁹ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994, с. 42.

демократами»¹⁰. Об угрозе «переворота справа» накануне новоогаревской встречи Горбачеву регулярно говорили его ближайшие сподвижники¹¹.

Согласно мнению М. С. Шкабардни, управляющего делами союзного правительства в 1991 г., Горбачев решился на проведение «новоогаревского процесса» для сохранения своей власти, так как намечались съезды КПСС и народных депутатов, а шансов сохранить свои посты у Горбачева практически было мало. Так что, находясь в тупиковой ситуации, он решил пойти на подписание новоогаревского Союзного договора...¹².

Р. Г. Пихоя считает, что «новоогаревский процесс» стал результатом неудавшейся попытки силового решения конфликта между союзными и российскими властями, которая якобы была приурочена к мартовскому российскому Съезду народных депутатов РСФСР¹³. Однако он не приводит никаких документов, которые говорили бы о том, что Центр, помимо парламентских форм борьбы за отставку Ельцина на съезде, готовил какие-то силовые действия. В той ситуации эффективные силовые действия в России могли иметь своей целью только роспуск российского парламента, а этот сценарий нигде не обсуждался. По крайней мере, никто о нем не упоминает.

Историк А. С. Барсенков полагает, что пойти на прямой диалог с лидерами республик и Ельциным Горбачева заставила невозможность уверенно опереться на какие-либо силы в российских структурах, которые бы последовательно и уверенно отстаивали бы единство страны и пользовались широкой поддержкой населения России¹⁴.

З. А. Станкевич, один из разработчиков договора, объясняет мотивы Горбачева тем, что в условиях глубокого социально-экономического кризиса и политической борьбы руководство СССР было поставлено перед жестким выбором – либо продолжать действовать в политическом и правовом формате, опираясь на постановления Съезда народных депутатов СССР и результаты референдума 17 марта, либо попытаться договориться с республиками о принципиально новых «правилах игры», выходящих далеко за рамки действовавшего в СССР конституционного порядка. В окружении Горбачева считали, что такие шаги способны приостановить процесс дезинтеграции

---

¹⁰ Горбачев М.С. Понять перестройку. М., 2006, с. 309–310.

¹¹ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003, с. 425.

¹² Шкабардня М.С. Была страна: Записки управделами Совмина СССР. М., 2003, с. 180.

¹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. М., 1998, с. 629–636.

¹⁴ Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М., 2001, с. 197–198.

СССР и приблизить заключение нового Договора. По сути, перед Горбачевым стоял выбор: либо договариваться с «консерваторами», либо пойти на союз с республиканскими лидерами. Горбачев избрал второй путь, предполагавший прямые переговоры с лидерами республик¹⁵.

Следует отметить, что все приведенные оценки рассматривают согласие М. С. Горбачева на «новоогаревский процесс» как какую-то серьезную уступку. Такой взгляд носит явно ретроспективный характер, то есть он сделан людьми, которые знают, что «новоогаревский процесс» закончился поражением Горбачева. Однако если судить с позиций апреля 1991 г., то новоогаревское Заявление было не уступкой, а победой Горбачева, поскольку в нем четко говорилось о «принятии решительных мер по восстановлению повсеместно конституционного порядка», «неукоснительном соблюдении действующих законов впредь до принятия нового Союзного договора и Конституции Союза».

И действительно после 23 апреля Б. Н. Ельцин и другие республиканские руководители выполняли достигнутые договоренности.

Подчеркнем, что либеральные политические силы в российском обществе куда более правильно оценивали начало «новоогаревского процесса» как явный успех Горбачева. Ю. Н. Афанасьев, один из лидеров движения «Демократическая Россия», писал, что новоогаревские соглашения «наносит вред интересам российской демократии», так как отвечают, прежде всего, интересам команды Горбачева и «стоящих за ней имперских коммунистических сил»¹⁶.

Новоогаревские соглашения резко укрепили позиции Горбачева и позволили ему отбить атаку, которую 24 апреля 1991 г. обрушила на него консервативная часть членов ЦК на Пленуме ЦК КПСС. Резкая критика за положение дел в стране, за нарастающий экономический кризис, за явную победу сепаратистов в ряде союзных республик, за потерю партийного контроля над прессой, привела к тому, что Горбачев в какой-то момент не выдержал и заявил о своей отставке с поста главы партии. Но затем его «уговорили остаться»¹⁷. Победу на Пленуме одержали силы, которые не хотели ослабить позиции Горбачева на переговорах с лидерами республик и видели большой потенциал в Заявлении «9+1». В итоговом Постановлении Пленум в целом поддержал Заявление и высказался за подписание нового Союзного

---

¹⁵ Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001, с. 205–206.

¹⁶ Афанасьев Ю.Н. Петля Ельцина. Нью-Йорк, 2000, с. 128–133.

¹⁷ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999, с. 412.

договора на основе результатов референдума 17 марта¹⁸. В то же время выступление консерваторов напугало Горбачева, который впоследствии говорил, что именно тогда понял, что «с ними не договорится»¹⁹.

Следует отметить, что первой новоогаревской встречей были крайне недовольны бывшие автономии, так как они усмотрели в ней явный пересмотр прежнего подхода союзных властей к статусу и роли автономий в переговорном процессе. Для успокоения лидеров автономий президентская команда разрабатывала различные сценарии действий²⁰. Однако проблема была решена тем, что автономии также постепенно подключили к «новоогаревскому процессу».

Многие положительно оценивали новоогаревское Заявление, но не верили в возможность его соблюдения. Один из лидеров депутатской группы «Россия» в Верховном Совете РСФСР С. Н. Бабурин считал, что выполнить этот документ невозможно²¹.

Основной тон дискуссии в Ново-Огарево задавали М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, украинский лидер Л. М. Кравчук и глава Казахстана Н. А. Назарбаев. Г. Х. Шахназаров, участвовавший во всех встречах, так описывает главных участников процесса: Ельцин вел себя отрешенно, на его устах все время блуждала полуулыбка, демонстрировавшая, что он не очень серьезно воспринимает эти встречи. Похожим образом, но более тщательно скрывая свои мысли, вел себя Кравчук. А наиболее конструктивную и продуманную работу осуществляли глава белорусской делегации Н. И. Дементей и Н. А. Назарбаев²².

Главный спор по поводу будущего устройства государства шел между российским руководителем и Президентом СССР. Другие лидеры республик периодически включались в дискуссию. Назарбаев чаще всего выступал как миротворец в противостояниях Горбачева и Ельцина. Основной круг вопросов сводился к нескольким ключевым положениям нового Договора.

Во-первых, это спор о характере создаваемого союза. М. С. Горбачев всеми силами отстаивал федеративный принцип союзного государства, в то время как многие лидеры республик старались его размыть.

---

¹⁸ Материалы объединенного Пленума ЦК и ЦКК КПСС. 24-25 апреля 1991 г. М., 1991, с. 141–142.

¹⁹ Российская газета. 2001. 16 авг.

²⁰ Г.Х. Шахназаров как резервный вариант предлагал объединить Башкирию и Татарстан в одну республику для полноправного их участия в договоре, а остальным автономиям пообещать такие перемены в статусе впоследствии. Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993, с. 531–532.

²¹ Бабурин С.Н. Российский путь: Утраты и обретения. М., 1997, с. 28.

²² Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993, с. 231–233.

Во-вторых, шел спор по вопросу о взаимоотношениях между союзными республиками и автономиями, которые добивались повышения своего статуса. По сути, речь шла о субъектах союза. Горбачев сначала использовал эти противоречия для укрепления позиций Центра перед лицом республик, но затем и сам столкнулся с проблемами, так как бывшие автономии стали давить и на Центр. Эти споры сильно тормозили процесс согласования Договора. Горбачев и Ельцин пытались найти совместное решение по статусу бывших автономий. 12 мая 1991 г. они встречались с Председателями Верховных Советов автономных республик России, но это не решило всех проблем. Однако было достигнуто соглашение о том, что автономии будут подписывать новый Союзный договор своими полномочными делегациями как субъекты СССР и РСФСР²³.

М. Ш. Шаймиев, глава Татарстана, неоднократно озвучивал еще более жесткую позицию. На сессии Верховного Совета СССР он однозначно определил подход своей республики: «От имени Верховного Совета Республики Татарстан еще раз заявляю о ее твердой решимости, готовности самостоятельно и непосредственно подписать Союзный Договор на правах только субъекта СССР...»²⁴. В качестве компромисса Ельцин соглашался на подписание некоторыми автономиями договора отдельно, но при условии, что они подтвердят, что являются субъектами РСФСР. При этом он даже согласен был на заключение отдельного договора (вне рамок Федеративного договора) между Россией и Татарстаном²⁵.

Острые дискуссии разгорались практически по всем пунктам проекта Договора, начиная с названия государства. Фигурировало несколько вариантов. В апреле Ельцин соглашался на аббревиатуру СССР (Союз Суверенных Советских Республик)²⁶. На заседании Подготовительного комитета 24 мая он уже предлагал аббревиатуру СССР (Союз Советских Суверенных Государств), что сразу вызвало сопротивление Горбачева, старавшегося сохранить СССР (Союз Советских Суверенных Республик)²⁷. Позднее все чаще стали говорить о названии ССР (Союз Суверенных Республик) или ССГ (Союз Суверенных Государств). Это изменение также лоббировала команда

²³ В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 692.

²⁴ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 12, с. 123.

²⁵ В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 693.

²⁶ Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001, с. 132–133.

²⁷ Стенограмма заседания Подготовительного комитета// Национальные интересы. 2001. № 2–3.

Ельцина, открывая тем самым возможность поменять социально-политическое устройство России.

Конечно, главное было не в названии. Чем дальше шли обсуждения, тем все больше положения проекта Договора сдвигались от федеративного устройства в сторону конфедерации, что не устраивало союзное руководство.

К ключевым вопросам новоогаревских переговоров можно также отнести следующие проблемы: об устройстве высших органов власти создаваемого союза, особенно вопрос о структуре и принципах функционирования нового Верховного Совета; о союзных налогах, о собственности и др.

Спор о составе Верховного Совета фактически сводился к определению статуса различных республик в союзе. Через членство в законодательном органе участники переговоров хотели расставить республики по ранжиру. Существовало несколько подходов к принципам формирования Верховного Совета. Выделим две основные позиции.

Первую представляли руководители бывших автономий. Они ратовали за сохранение двухпалатного Верховного Совета. Это должно было гарантировать принцип равенства республик в союзе. Законодательный орган должен был состоять из равноправных Палаты Союза и Палаты Национальностей. Палата Союза должна была формироваться по принципу равного представительства от каждой союзной республики вне зависимости от ее внутреннего национально-государственного устройства (50 депутатов от республики). Палата Национальностей должна была избираться по принципу равного представительства от каждой республики вне зависимости от ее статуса (бывшая союзная или бывшая автономия). Эту позицию озвучил руководитель Карелии В. Н. Степанов²⁸.

Второй подход предлагал глава Украины Л. М. Кравчук. Он выступал за создание компактного однопалатного Верховного Совета как законодательного органа Союза и замену предусмотренного в проекте Союзного договора Совета Федерации на Совет Республик: «Название Союза – пока обойти. Национальные вопросы, полномочия республик, однопалатный парламент и т.д. – все должно быть отражено в документе. Палата Национальностей никаких вопросов решать не может... Только Совет Республик вправе это делать. Совет Федерации не нужен. Я против совместной компетенции...»²⁹.

---

²⁸ В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 697.

²⁹ В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 697.

Эта позиция создавала полное превосходство бывших союзных республик в новом Союзе.

Отметим, что на заседании Подготовительного комитета глава Татарстана, в ответ на требования дать союзным республикам преимущества, выдвинул ультиматум всем собравшимся: «Подпишем договор, если получим союзный статус»³⁰.

Спор о налогах в союзном государстве был еще одним предметом серьезных разногласий в ходе переговоров³¹. Суть его сводилась к стремлению Центра сохранить федеративный принцип сбора налогов. Горбачев настаивал на необходимости «трехканальной» системы сбора налогов в государстве, которая предполагает прямое поступление денег в союзный, республиканский и муниципальный бюджеты. Однако ряд республик выступал за то, чтобы налоги поступали им, а они из этих средств часть перечисляли Союзу. За «одноканальный» принцип ратовали более обеспеченные республики: кроме России и Украины, такую позицию продвигали Белоруссия и Казахстан.

Ельцин вел тонкую игру. Он не раз говорил о приверженности идеям сохранения федеративных принципов. Он соглашался с названием – «Союз Суверенных Советских Республик». Даже с возмущением заявлял: «Никто же не против федерации!». Но когда дело доходило до конкретных вопросов, как, например, с налогами, высказывал такие предложения (перечисление в союзный бюджет фиксированных сумм по программам и т.д.), которые фактически перечеркивали его же слова о федерации³².

Удивительно, что в ходе споров изменилась позиция Казахстана. Президент Назарбаев раскритиковал точку зрения своего же Верховного Совета, ратовавшего за поступление всех налогов сперва в республику. Он четко дал понять, что без союзных налогов не будет федерации, а возможна лишь конфедерация, чем вызвал недовольство Кравчука³³. Назарбаев говорил четко о том, что государство должно быть федеративным с «общей валютой, федеральными налогами, таможенным делом» и т.д.³⁴.

Большая часть времени в переговорах тратилась на распределение полномочий между Центром и союзными республиками. Республиканские лиде-

³⁰ В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 699.

³¹ Лукьянов А.И. Август 91-го: Был ли заговор? М., 2010, с. 120.

³² В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 698–700.

³³ Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001, с. 245.

³⁴ В Политбюро ЦК КПСС: По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2008, с. 700.

ры стремились выбить для себя как можно больше полномочий. Они все время опасались, что Центр обхитрит их и сохранит централизованную модель управления страной. Союзное руководство, наоборот, стремилось сохранить большинство властных полномочий, боясь развала СССР.

Такую позицию занимали Верховный Совет СССР и союзное правительство. В своем постановлении от 22 мая союзный Верховный Совет однозначно определял, что необходимо вести переговорный процесс на основе результатов референдума 17 марта и не отступать от федеративного принципа формирования Союза³⁵.

В результате острых споров к началу июня появился проект, в котором сохранялся тезис о федеративном характере государства, хотя широкие права республик как суверенных государств все более напоминали конфедеративные принципы устройства союза. В проекте Договора, например, шла речь о расширении полномочий членов союза в сфере международных отношений. Собственность Союза объявлялась одновременно совместной собственностью образующих его государств и т.п. Однако главной проблемой проекта можно признать отсутствие реальных договоренностей по статусу республик, особенно бывших автономий, по налогам, по формированию Верховного Совета и др. Все более устойчивые ассоциации с конфедерацией у многих участников процесса вызывал не только текст Договора, но и его название – Договор о Союзе Суверенных Государств, все заметнее утверждавшееся в ходе дискуссий.

3 июня главы республик рассмотрели доработанный проект Союзного договора. Б. Ельцин вскоре уехал с этого заседания, сославшись на избирательную кампанию. Без него текст Договора был быстро согласован. Но все присутствующие понимали, что это не конец. Общее настроение выразил Назарбаев, который задал вопрос, повисший в воздухе: «Какой будет позиция России после выборов 12 июня?»³⁶.

12 июня 1991 г. Б. Н. Ельцин был избран Президентом России. Это добавило ему авторитета на переговорах по Договору. Он стал более активно настаивать на конфедеративной модели союзного государства, предлагая новые поправки. В результате во второй половине июня Подготовительный ко-

---

³⁵ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 12, с. 206–207; 24, с. 119.

³⁶ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. Горбачева. М., 1995, с. 161.

митет заявил, что в целом он завершил работу над проектом Договора о Союзе Суверенных Государств, хотя целый ряд позиций оказался до конца не согласован. 27 июня 1991 г. этот проект опубликовали³⁷.

Реакция на созданный проект была двойственной. С одной стороны, все высказывались за подписание нового Союзного договора, но, с другой стороны, к предложенному проекту предъявлялись многочисленные претензии. Характерным примером может служить заключение по проекту Комитета конституционного надзора СССР: «В целом проект Договора заслуживает одобрения, но многие аспекты нуждаются в уточнении...». Было сказано о многочисленных противоречиях в тексте документа и приложено шесть страниц с поправками³⁸.

Глава Высшего арбитражного суда СССР В. Ф. Яковлев писал, что закрепленное в Договоре положение о государственной собственности фактически лишает Союз какой-либо собственности³⁹. Представители аграрного сектора отмечали в проекте «существенные упущения» и говорили о том, что «название Союза не соответствует воле народов страны»⁴⁰. Такого рода обращений было много.

В середине июля проект Договора обсуждался на сессии Верховного Совета СССР. Следует отметить, что по ходу развития «новоогаревского процесса» напряженность в Верховном Совете постоянно нарастала. Многие депутаты говорили о том, что органы высшей законодательной власти СССР усилиями Горбачева и лидеров республик оттесняются от работы над проектом Договора⁴¹.

М.С. Горбачев и его соратники умышленно шли на исключение Верховного Совета СССР из процесса разработки проекта нового Союзного договора из-за опасения полностью утратить способность найти компромисс с республиканскими лидерами. Это не удивительно, так как, по сути, к лету

³⁷ Правда. 1991. 27 июня.

³⁸ Заключение Комитета конституционного надзора СССР по проекту Договора о ССГ от 05.07.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288. Л. 131–133.

³⁹ Письмо Председателя Высшего арбитражного суда СССР В.Ф. Яковлева в ВС СССР от 02.07.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288. Л. 173–173.

⁴⁰ Письмо Председателя Крестьянского Союза СССР В. Стародубцева, Председателя Союзного Совета колхозов И. Кухаря, Министра сельского хозяйства и продовольствия СССР В. Черноиванова Председателю ВС СССР А.И. Лукьянову от 01.07.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288. Л. 130–131.

⁴¹ Лукьянов А. И. В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М., 1999, с. 116–117.

1991 г. позиции республик по большинству принципиальных вопросов фактически противоречили союзному законодательству и вступали в прямое противоречие с позицией Верховного Совета СССР, его отстаивавшего. В свою очередь, аппарат Верховного Совета СССР активно прорабатывал аргументацию в пользу своего участия в разработке и подписании нового Союзного договора⁴².

Справедливость претензий со стороны союзных законодательных органов признавали даже ближайшие помощники Горбачева. Шахназаров в мемуарах писал, что «Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик были фактически отстранены от работы над договором, которая, конечно же, входила в их прерогативу и ими зачиналась»⁴³.

Обсуждению проекта Договора было посвящено заседание Верховного Совета СССР 12 июля 1991 г. Председатель группы «Союз» Ю. В. Блохин раскритиковал проект Договора как «недоработанный». Основной причиной этого он назвал тот факт, что «из этой работы фактически были исключены Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР...»⁴⁴.

Обсуждение проекта Договора проходило в острой борьбе. Для примера приведем два характерных высказывания депутатов.

В. А. Алкснис: «Неужели вы не видите, что нас уже «списали»... Нужно признать, что тот проект, который представлен, является антиконституционным проектом. Он противоречит итогам референдума 17 марта...»⁴⁵.

Л. И. Сухов: «...Я взял бы на вооружение самый главный лозунг «Долой Горбачева и мафиозную группу, которая окружает его» (А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварнадзе, А. Г. Аганбегян и др.)...»⁴⁶.

В ответ на эти выступления М.С. Горбачев, по словам А. С. Черняева⁴⁷, «устроил Верховному Совету разнос», обвинив его в попытках дестабилизировать отношения Центра и республик⁴⁸.

Главным вопросом для депутатов была проблема статуса будущего союза. Наиболее четко позицию депутатского корпуса выразили слова

---

⁴² Записка Г.В. Атаманчука о правовых основаниях участия ВС СССР в подписании Союзного Договора от 10.06.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1122. Л. 64–70.

⁴³ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993, с. 237.

⁴⁴ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 19, с. 175.

⁴⁵ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 15, с. 171.

⁴⁶ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 15, с. 223–224.

⁴⁷ Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997, с. 159.

⁴⁸ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 15, с. 262–263.

С. Е. Савицкой, известного космонавта и члена Верховного Совета СССР: «Что за государство мы будем иметь согласно новому Договору? В первом принципе проекта продекларировано: "федеративное", но анализ последующих статей убеждает, что речь идет о конфедерации...»⁴⁹.

Но многие в целом поддерживали даже такой проект, опасаясь окончательного развала страны. Так, маршал С. Ф. Ахромеев, в то время являвшийся помощником Горбачева, прямо призывал одобрить проект, отмечая, что «это будет совершенно новое государство, в котором мы не жили. Опыта его жизнедеятельности еще нет. Но ведь и старого государства уже фактически нет, и цепляться за старое невозможно»⁵⁰.

Общее настроение депутатов довольно четко описывает в своей книге Р. А. Медведев, один из членов того Верховного Совета СССР: «Не все из нас были согласны с этим проектом, и разного рода запросы, замечания и возражения... исчислялись десятками. Предполагалось, однако, что предложенный проект будет еще обсуждаться в процессе его ратификации, а также при разработке новой Конституции СССР...»⁵¹.

В итоге Верховный Совет СССР формально поддержал проект в целом, но потребовал привести его в соответствие с итогами референдума и доработать с учетом высказанных замечаний.

В июле обсуждения прошли и в ряде республиканских парламентов. Они в целом тоже одобряли проект, но вносили многочисленные поправки. Их позиции либо игнорировались руководителями республик, либо, наоборот, брались на вооружение в противостоянии с Центром.

Самый сильный удар по проекту Союзного договора нанес Верховный Совет Украины. Он вообще не стал рассматривать проект, отложив его обсуждение на осень. Одновременно парламентарии поручили депутатским комиссиям оценить соответствие проекта украинскому закону о суверенитете.

Российский парламент высказался за подписание нового Союзного договора, но с учетом внесения Верховным Советом РСФСР изменений и дополнений, что фактически означало необходимость нового тура согласований. Профильный Комитет по законодательству ВС РСФСР дал крайне резкое заключение: «Предложенная в проекте... концепция членства в Союзе,

---

⁴⁹ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 19, с. 262.

⁵⁰ Пятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч. 1–19. М., 1991, ч. 19, с. 252.

⁵¹ Медведев Р. А. Советский Союз: последний год жизни. М., 2003, с. 81–82.

при которой союзные республики и республики, находящиеся в их составе, подписывают договор независимо друг от друга и являются равноправными субъектами союза, приводит к фактическому и юридическому распаду РСФСР как единого федеративного государства либо к превращению РСФСР в конфедерацию». В связи с этим заключением Комитет вынес вердикт, что проект Договора о ССГ «не может быть одобрен ВС РСФСР без существенных изменений» и предложил взять за основу проект Договора, предложенный рабочей группой Съезда народных депутатов РСФСР и на основе этого проекта вести дальнейшие переговоры. В Постановлении Верховного Совета от 5 июля 1991 г. эта позиция была существенно смягчена⁵².

Окончательная доработка проекта Договора о Союзе Суверенных Государств проходила в рамках встречи лидеров республик и руководителей СССР в Ново-Огарево 23 июля 1991 г. В очередной раз разгорелся спор по пяти основным пунктам Договора: членство в Союзе, союзный бюджет и налоги, собственность, вопрос о Верховном Совете и Конституционном суде.

А. И. Лукьянов впоследствии называл эту встречу абсолютно неконструктивной, так как ряд республик предлагали не вести речь о федеративном государстве и вообще не применять слово «федерация» в тексте нового Союзного договора⁵³.

С трудом основные противоречия удалось сгладить и согласовать проект, хотя многие позиции опять принимались не всеми участниками встречи.

В июле союзное правительство во главе с В. С. Павловым еще пыталось согласовать с Б. Н. Ельциным статью 9 Договора – «Союзные налоги и сборы». Велась переписка и вносились некоторые поправки⁵⁴.

Горбачев встречался с Ельциным и Назарбаевым в ночь 29–30 июля для окончательного согласования позиций. Там в основном речь шла не о проекте Договора, а о кадровой политике нового Союза. Президенты России и Казахстана согласились подписать новый Союзный договор на условиях замены большинства руководителей союзного правительства. По результатам переговоров новым премьер-министром Союза должен был стать Н. Назарбаев. Кроме главы Кабинета Министров СССР Павлова должны были лишиться

---

⁵²Заключение Комитета по законодательству ВС РСФСР на проект Договора о ССГ от 18.06.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 178. Л. 134, 140 об.

⁵³Лукьянов А.И. Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993, с. 40.

⁵⁴ Письмо В.С. Павлова Б.Н. Ельцину от 24.07.1991 г.// ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 178. Л. 154–155.

постов все силовые министры СССР и некоторые другие союзные чиновники: В. А. Крючков, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, Л. П. Кравченко⁵⁵.

В итоге М. С. Горбачев объявил о том, что проект согласован, и была назначена дата подписания Договора – 20 августа 1991 г.

2 августа 1991 г. проект Договора о Союзе Суверенных Государств был направлен президентам и Верховным Советам республик.

Реакция на проект со стороны республик была неоднозначной. Часть республик выражала готовность подписать Договор: об этом, например, безоговорочно заявили Белоруссия и Туркменистан. Президент Киргизии А. А. Акаев выражал согласие с проектом Договора, но его не устраивала процедура подписания, принижавшая, по его мнению, статус республики. Акаев настаивал на подписании Договора либо в алфавитном порядке, либо всеми республиками сразу (20 августа планировалось подписание РСФСР, Казахстаном и Узбекистаном)⁵⁶.

Глава Татарстана, поддерживавший проект по существу, как и прежде, требовал самостоятельного подписания Договора, то есть фактически настаивал на признании за Татарией статуса союзной республики⁵⁷.

Недовольство новоогаревскими решениями выразил Кабинет Министров СССР. Премьер-министр В. С. Павлов, ознакомившись с проектом, в письме на имя Президента СССР предлагал до начала подписания собрать Союзную делегацию для обсуждения Договора и приложил к письму ряд замечаний по проекту. Некоторые из них носили принципиальный характер. Так, Павлов предлагал еще раз пересмотреть распределение сфер ведения Союза и республик⁵⁸.

Среди ближайших сподвижников Горбачева, наоборот, царил атмосфера ожиданий. Как пишет К. Н. Брутенц, все их надежды в августе 1991 г. связывались исключительно с подписанием нового Союзного договора⁵⁹.

---

⁵⁵ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994, с. 55–56.

⁵⁶ Письмо Председателя ВС Белорусской ССР Н.И. Дементей М.С. Горбачеву от 07.08.1991 г.; Письмо Президента Республики Кыргызстан Акаева Горбачеву от 08.08.1991 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10804; 10808; 10805; 10809.

⁵⁷ Письмо Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева М.С. Горбачеву от 06.08.1991 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10803.

⁵⁸ Письмо Председателя ВС Белорусской ССР Н.И. Дементей М.С. Горбачеву от 07.08.1991 г.; Письмо Президента Республики Кыргызстан Акаева Горбачеву от 08.08.1991 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10804; 10808; 10805; 10809.

⁵⁹ Письмо К.Н. Брутенца М.С. Горбачеву о реформах от 07.08.1991 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19401. Л. 1–8.

15 августа 1991 г. проект был опубликован в СМИ⁶⁰. Ряд оппонентов Горбачева высказывает мнение, что появление текста Договора в печати оказалось возможным только благодаря «утечке информации» со стороны премьер-министра Павлова⁶¹. Павлов тоже говорит, что публикация случилась из-за утечки, но свою роль в этом не раскрывает.⁶²

В проекте Договора о Союзе Суверенных Государств, согласованном 23 июля 1991 г., содержались следующие главные положения:

1) каждая республика является суверенным государством; Союз Советских Суверенных Республик (СССР) – суверенное федеративное демократическое государство, образованное в результате объединения равноправных республик;

2) СССР выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства, субъекта международного права;

3) государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества;

4) государства, образующие Союз, входят в него непосредственно либо в составе других государств, сохраняют право свободного выхода;

5) в СССР устанавливалось общее гражданство, говорилось о принятии Конституции СССР, устанавливались единые союзные налоги;

6) в системе органов власти Союза предполагалось наличие Верховного Совета, Президента и Вице-президента Союза...⁶³.

К компетенции Союза было отнесено довольно много важных функций: защита суверенитета и территориальной целостности Союза и его субъектов; обеспечение государственной безопасности Союза; осуществление внешней политики и внешнеэкономической деятельности Союза; утверждение и исполнение союзного бюджета, осуществление денежной эмиссии; принятие Конституции Союза; руководство деятельностью федеральных правоохранительных органов и т.д.

Еще шесть разных сфер деятельности были отнесены к совместной компетенции Союза и образующих его государств. Частично они пересекались с исключительными компетенциями Союза.

Итоги. Под все возрастающим нажимом Ельцина, а затем и Кравчука, Горбачев и его команда в ходе новоогаревских переговоров пошли на макси-

---

⁶⁰ Правда. 1991. 15 авг.

⁶¹ Шкабардня М. С. Была страна: Записки управделами Совмина СССР. М., 2003, с. 181; 41, с. 697.

⁶² Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993, с. 99–100.

⁶³ Правда. 1991. 15 авг.

мальные уступки республиканским лидерам, подготовив к августу 1991 г. проект Союзного договора, который носил очень противоречивый характер, но открывал шанс сохранить союзное государство в составе, по крайней мере, девяти республик. На основе данного проекта можно было строить как федеративное, так и конфедеративное государство. Все зависело от того, кто и с какими целями будет претворять проект в жизнь. Однако шанса на реализацию проект Союзного договора, выработанный в Ново-Огарево летом 1991 г. не получил. Выступление ГКЧП сорвало подписание договора и окончательно дискредитировало союзное руководство, что в итоге привело к распаду СССР в декабре 1991 г.

ТАРАСОВА Е. А.

Институт истории С-Петербургского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НАЧАЛА 1990-х гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 2000–2015 гг.

В статье выделен круг вопросов, к которым обращаются исследователи при изучении проблем трансформации политической системы постсоветской России в начале 1990-х гг., проанализирован ряд крупных трудов, в которых эти вопросы нашли отражение. Выявлены основные подходы к характеристике трансформации политической системы России в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: *политическая система, Верховный Совет России, Съезд народных депутатов, президент, политический кризис, Конституция, федеративные отношения, парламент*

Реформы политической системы конца 1980-х – начала 1990-х гг. открыли новую страницу в эволюции российской государственности. В течение 1990–1993 гг. в РСРФСР-РФ происходила эволюция системы Советов: изменялись органы, выборы в которые прошли весной 1990 г., появлялись новые. Проблемы трансформации российской политической системы этого времени вызвали интерес ученых уже в период реформ. В 1990-х гг. они нашли отражение в трудах историков, политологов, социологов, юристов. Работы этого времени, как правило, отличаются высокой политизированностью, они преж-

де всего реконструируют события, расставляют акценты, выделяют аспекты для последующего изучения.

Работы 2000-х гг. более фундаментальны, авторы привлекают большее количество источников, отдельно изучаются различные аспекты, появляются первые историографические исследования¹. В то же время следует отметить, что авторов, особенно историков, рискнувших обратиться к достаточно недавним событиям 1990-х гг., немного. В силу этого эволюция политической системы России начала 1990-х гг. по-прежнему остается малоисследованной. Как ещё одну важную тенденцию XXI в. можно отметить публикацию значительной части материалов в сети Интернет: как в электронных изданиях, так и на отдельных Интернет-страницах. Между тем, в историографии XXI в. по-прежнему сохраняется своеобразный водораздел между сторонниками и противниками политики Б. Н. Ельцина. Даже в крупных монографических исследованиях редко можно найти взвешенную, непредвзятую, лишенную эмоциональной окраски позицию в отношении политического развития России начала 1990-х гг. Личный опыт и субъективная оценка, как правило, отражаются в научных трудах.

Среди проблем, к которым обращаются исследователи в рамках рассматриваемой тематики, можно отметить следующие: формирование и функционирование новых органов государственной власти: Съезда народных депутатов РСФСР-РФ, Верховного Совета России, появление института президента и эволюция исполнительных структур, становление многопартийности, реформирование экономики, разработка и принятие новой конституции, федеративные отношения в России в 1990–1993 гг., конфликт парламента и президента России в начале 1990-х гг., политический кризис осени 1993 г.

Эти аспекты отражены как в отдельных исследованиях, так и в трудах, посвященных в целом истории России 1990-х гг. Среди последних можно выделить работы Р. Г. Пихоя², В. В. Согрина³, С. Коэна⁴, В. Рыжкова⁵, Д. Я. Травина⁶, издания курсов лекций Н. А. Баранова⁷, А. С. Барсенкова⁸,

---

¹ Александров Д.Н. Историография современной политической истории России. М., 2001; Разуваева Н.Н. Новейшая история России в оценках учёных. М., 2005.

² Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть: две истории одной страны. М., 2007; Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К. История современной России: Десятилетие либеральных реформ. 1991–1999 гг. М., 2011.

³ Согрин В.В. Политическая история современной России (1985–2001): От Горбачева до Путина. М., 2001.

⁴ Коэн С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001; Он же. Можно ли было реформировать советскую систему?. М., 2005.

⁵ Рыжков В. Четвертая республика: Очерк политической истории Современной России. М., 2003.

⁶ Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010.

Н. Н. Разуваевой⁹, а также коллективные труды «Эпоха Ельцина: Очерки политической истории»¹⁰, «Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.)»¹¹.

Р. Г. Пихоя в книге «Москва. Кремль. Власть: две истории одной страны»¹² изучает проблемы взаимодействия республиканских органов власти РСФСР и союзного центра в 1985–1991 гг., причины распада СССР, в большей степени уделяя внимание общесоюзным процессам. Вторая часть книги, посвященная развитию России 1992–1999 гг., значительно меньше по объему, при этом событиям 1992–1993 гг. в ней отведено два очерка. Автор рассматривает формирование Съезда народных депутатов РСФСР, явление «войны законов» РСФСР–СССР в 1990–1991 гг., уделяет внимание разработке нового союзного договора и появлению новых государственных институтов. Р. Г. Пихоя критически оценивает советские органы власти рубежа 1980-х – 1990-х гг.: «Советская система оказалась принципиально неререформируемой. Она могла жить только как система централизованная, «свинченная» номенклатурной, партийно-хозяйственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на светлое будущее составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи неререформируемой, эта система оказывалась нежизнеспособной»¹³. В соответствии с этим развернувшийся позже конфликт Президента и Съезда народных депутатов автор воспринимает через призму «всевластия Советов», стремящихся сохранить свое влияние. Также большое влияние на развитие политического процесса рассматриваемого периода Р. Г. Пихоя видит в межличностном противостоянии Б. Н. Ельцина и Р. И. Хасбулатова. Соппротивление парламента президентским указам после 21 сентября 1993 г.

---

⁷ Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3-х ч. СПб.: БГТУ, 2004.

⁸ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю, 1985–1991: Курс лекций: (Учеб. пособие для вузов). М., 2002.

⁹ Разуваева Н.Н. История России: конец XX века: курс лекций. Уфа, 2010.

¹⁰ Эпоха Ельцина: Очерки политической истории / Батулин Ю.М., Ильин А.Л., Кадицкий В.Ф. и др. М., 2001.

¹¹ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.) / Под общ. ред. А.И. Подберезкина. М., 2000.

¹² Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть: две истории одной страны. М., 2007.

¹³ Там же. С. 392.

и действия «защитников Дома Советов» Р. Г. Пихоя характеризует как мятеж и оправдывает расстрел парламента пресечением возможной гражданской войны. Описывая события, автор высвечивает важные детали, аспекты. Ценной в работе Р. Г. Пихоя является характеристика становления рыночных отношений в постсоветской России, анализ конкретных мер правительства и их влияния на экономику страны.

Книга В. В. Согрина «Политическая истории современной России (1985–2001): От Горбачева до Путина»¹⁴ расширяет прошлое исследование автора по истории современной России, вышедшее в 1994 г. Обращаясь в первую очередь к материалам периодической печати, В. В. Согрин последовательно реконструирует российский политический процесс 1990-х гг. Для периода 1992–1993 гг. в центре его внимания находится конфликт ветвей российской власти. Выявляя его причины, В. В. Согрин пишет: «Одна из главных заключалась в сохранявшихся и углублявшихся разногласиях по вопросу о социально-экономическом и политическом курсе России. Среди законодателей в качестве ведущей силы утвердились сторонники регулируемой экономики и национально-государственного направления, а защитники радикальных рыночных реформ оказались в явном меньшинстве»¹⁵. В. В. Согрин обращается также к таким вопросам, как взаимоотношения союзных и республиканских российских органов власти, процессу становления российской многопартийности, проведению и результатам рыночных реформ.

В работах американского историка-советолога С. Коэна, посвященных истории современной России, проблема трансформации политической системы рассматривается на фоне анализа «самого жесткого правительственного кризиса мирного времени в XX веке»¹⁶. С. Коэн резко критикует политику правительства России 1992–1993 гг. и отрицательно оценивает политику Б. Н. Ельцина, в том числе в отношении Съезда народных депутатов и Верховного Совета России.

В. Рыжков, автор монографии «Четвертая республика: Очерк политической истории Современной России», называет период российской истории с 12 июня 1990 г. до 12 декабря 1993 г. «третьей республикой». Хотя в книге этому периоду уделено немного внимания, интерес представляет оценка ав-

---

¹⁴ Согрин В.В. Политическая истории современной России (1985–2001): От Горбачева до Путина. М., 2001.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Коэн С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 43.

тора сложившейся в это время политической системы: «Третья республика, хотя она просуществовала недолго, успела создать абсолютно новую конструкцию власти, Президент в ней являлся главой исполнительной власти, но при этом его полномочия были в достаточной степени ограничены. ... Сам же Съезд народных депутатов, согласно Конституции, имел право принимать к рассмотрению любой вопрос. Фактически его могущество в решении экономических, социальных, кадровых проблем было неограниченным»¹⁷. По мнению В. Рыжкова, в основе конфликта в высших эшелонах власти лежали проблемы, связанные с конституционным строительством: «Конституция третьей республики, сделанная наспех, в условиях распавшегося союзного государства и полного расстройств в умах политиков, естественно, оказалась крайне несбалансированной, что и привело к системному конфликту, известному широкой публике как конфликт "Ельцин – Хасбулатов". То есть, другими словами, к тяжелейшему институциональному конфликту между президентством и Съездом народных депутатов, когда и президент, и Съезд в равной степени стремились к монополии на власть, имея самые широкие полномочия, которые не были ясно разведены в Конституции»¹⁸.

Травин Д. Я., автор труда «Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999»¹⁹, является приверженцем либеральных преобразований в России 1990-х гг. и модернизационной концепции в российской историографии²⁰. Д. Я. Травин анализирует причины кризиса советской экономики и государственности конца 1980-х гг., рассматривает политику перестройки и политическое и экономическое развитие России в постсоветский период. Он критически оценивает советскую экономику и приветствует рыночные реформы. При этом сформировавшиеся в 1990 г. в России новые советские органы он рассматривает как помеху для преобразований. Проблема экономических реформ стоит для автора на первом месте, и он не видит альтернативы предложенной Е. Гайдаром «шоковой терапии». На наш взгляд, автор недостаточно аргументирует свою позицию. Он пишет: «Трансформационного спада в экономике избежать было невозможно. Это показал опыт всех стран, переходивших от административной системы к рынку. ... Но объективно

---

¹⁷ Рыжков В. Четвертая республика: Очерк политической истории Современной России. М., 2003. С. 24–25.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Травин Д. Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010.

²⁰ Там же. С. 12.

растягивание перехода отдалило бы момент выхода из кризиса. По сути дела, подобный сценарий предполагал бы длительную эпоху номенклатурной приватизации, когда ушлые ребята ищут способы перекалывания в свой карман государственного имущества. При этом о реальном производстве никто не думал бы, поскольку спекуляции на разнице между твердыми и свободными ценами, а также полуприкрытая кража государственной собственности всегда предпочтительнее, чем упорный труд и созидание. Впрочем, в социально-политическом плане такой сценарий вряд ли вообще был возможен. ... Запас продуктов в стране зимой 1991–1992 гг. был настолько мал, что правитель, отвергнувший либерализацию, должен был бы жестко по-павловски постоянно повышать цены, дабы хоть как-то уравновесить спрос и предложение. В отличие от Ельцина и Гайдара, имевших тогда поддержку большей части населения, искренне верившей в рынок, примитивный администратор быстро оказался бы сметен народным возмущением. Радикалы не приняли бы его из-за примитивизма, а консерваторы – из-за того, что жизнь все равно становится хуже и хуже. Таким образом, по сути дела, гайдаровской либерализации уже не было альтернативы»²¹.

Соответственно, альтернативные программы автор не рассматривает, показатели спада экономики в результате реформирования детально не анализирует. Неудачи реформ он связывает как раз с деформацией гайдаровской концепции, в том числе дотациями российским предприятиям, за которые выступал прежде всего Верховный Совет.

Что касается трансформации собственно политических институтов, у Д. Я. Травина здесь сложилась особая позиция. Конфликт в высших эшелонах власти России 1992–1993 гг. он объяснял преимущественно субъективными причинами, в том числе личного характера. Саму же политическую систему 1990–1993 гг. он вообще называет «хаосом»: «Когда у нас некоторые аналитики говорят о том, что в октябре 1993 г. мы потеряли парламентскую республику, а приобрели президентскую, они оценивают лишь видимость вещей, смотрят на букву законов, а не на их дух. В действительности мы тогда завершили четырехлетний революционный период хаоса, в котором не имелось никакой общепризнанной системы власти. Представления, будто у

---

²¹ Там же. С. 219–220.

нас худо-бедно работает парламентская республика, имелись лишь в головах крайне небольшой части демократически настроенных политиков»²².

Среди указанных выше курсов лекций по истории современной России особый интерес представляет книга Н. Н. Разуваевой «История России: конец XX века: курс лекций»²³. В первых трех лекциях автор поднимает массу важнейших проблем, связанных с трансформацией российской политической системы начала 1990-х гг. Анализируя состав правящего слоя России, Н. Н. Разуваева подчеркивает, что он на 3/4 состоял из представителей бывшей советской партийно-хозяйственной номенклатуры²⁴. Много внимания автор уделяет формированию оппозиции в постсоветской России. Справедливо выделяя как ключевое событие в политическом процессе современной России политический кризис сентября-октября 1993 г., автор подробно анализирует его причины, рассматривает ход и оценивает последствия. Автор отмечает, что в основе политической конфронтации властей в 1992–1993 гг. и трагических событий сентября – октября 1993 г. «лежал целый клубок социальных, экономических и политических противоречий переходного общества, столкновение интересов разных общественных сил»²⁵. По мнению Н. Н. Разуваевой, «политический кризис осени 1993 г. был обусловлен тем, что молодая российская демократия и формирующаяся новая правовая система не успели выработать четкий конституционный механизм разделения властных полномочий.»²⁶. Автор также находит и более глубокие причины конфликта: «Президент Б. Ельцин и руководимые им исполнительные структуры объективно поддержали те социальные силы и группы, которые принимали активное участие в переделе власти и собственности и выиграли в результате начавшихся перемен. Эти силы придерживались либеральных, радикальных взглядов и были настроены на максимально быстрое введение рыночных отношений и самые «революционные» изменения форм собственности. Они требовали скорейшего перераспределения этой собственности от государства в частные руки. В социальной сфере целью этих групп был демонтаж социальных институтов и гарантий, созданных за годы советской власти. В идеологии – изменение традиционных социокультурных россий-

---

²² Там же. С. 240.

²³ Разуваева Н.Н. История России: конец XX века: курс лекций. Уфа, 2010.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ Там же. С. 76–77.

ских стереотипов в пользу западных норм и ценностей. Представительная власть (Верховный Совет и Съезд народных депутатов), испытывая давление «снизу», объективно выражала интересы широкой, хотя и достаточно разнородной, массы населения, низового демократического движения. Российское население было не удовлетворено первыми результатами реформ. Столкновение интересов этих противостоящих друг другу общественных сил было одновременно и столкновением разных социальных стратегий развития России»²⁷. На наш взгляд, выводы Н. Н. Разуваевой, отраженные в рассматриваемой работе, в других ее публикациях, а также в докторской диссертации²⁸, на сегодняшний день наиболее полно показывают те процессы, которые обуславливали трансформацию политической системы России 1990-х гг.

Противостояние в высших эшелонах власти России, особенно остро заявившее о себе в 1992–1993 гг., является ключевой проблемой при анализе трансформации политической системы России начала 1990-х гг. Этот аспект проблемы нашел отражение в целом ряде исследовательских работ, в том числе посвященных событиям сентября – октября 1993 г. в Москве²⁹. Среди них можно особо выделить книгу А. В. Островского «1993. Расстрел «Белого дома»»³⁰, в которой автор излагает свою концепцию причин противостояния в высших эшелонах власти РФ и детально описывает события в Москве 21 сентября – 4 октября 1993 г. Книга отличается огромным количеством использованных источников.

Не менее важным аспектом является «война законов» и в целом противостояние органов власти РСФСР и Союза в 1990–1991 гг. Такие исследователи, как М. Ф. Польшин³¹, Р. Г. Пихоя и А. К. Соколов³², А. В. Островский³³,

---

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Разуваева Н.Н. Эволюция политического и социального строя постсоветской России (1990-е годы): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 2006.

²⁹ Пихоя Р.Г. Конституционно-политический кризис в России 1993 г.: Хроника событий и комментарий историка // Отечественная история. 2002. № 5. С. 113–132, Лучин В. Конституционный кризис в РФ (1991–1993) // Диалог. 2001. № 2. С. 16–37, Мороз О.П. Так кто же расстрелял парламент. М., 2007, Тарасова Е.А. Потерянная альтернатива: Становление новой политической системы России в 1990–1993 годы. СПб., 2012, Шевченко В. Жертвы Черного Октября. М., 2013 и др.

³⁰ Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., 2008

³¹ Польшин М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х. СПб., 2010; Польшин М.Ф. Взаимоотношения Союзного центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990–1991 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 15. С. 164–174.

³² Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008.

³³ Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 432.

Б. М. Лазарев³⁴ С. Коэн³⁵, З. А. Станкевич³⁶ уделили значительное внимание этому вопросу в своих исследованиях. Взаимоотношения российского руководства и союзного центра стали важным фактором в процессе трансформации российской политической системы. В борьбе с «союзным Центром» была издана Декларация о независимости России, развернулась «война законов», появился институт президента. Можно согласиться с выводом М. Ф. Польшова, что «противостояние между союзным Центром и российским руководством, олицетворением которого были М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин, явилось одним из важных факторов усиления экономического и политического кризиса в стране и имело пагубные последствия для судеб великой страны в целом»³⁷.

В рамках изучаемой тематики интерес представляют также исследования, затрагивающие проблемы формирования новых советских органов власти в РСФСР 1990-х гг., как на федеральном уровне, так и в регионах. Исследователи обращаются к выборам народных депутатов всех уровней³⁸, изучают депутатские группы, фракции и комиссии Съезда народных депутатов³⁹, особенности двухступенчатой системы «Съезд-Верховный Совет»⁴⁰. Отдельные работы, в том числе диссертационные исследования, посвящены в целом деятельности Съезда народных депутатов России⁴¹.

В XXI в. в центре внимания авторов по-прежнему остаются появление и эволюция института президента в России, а также трансформация исполни-

³⁴ Лазарев Б.М. Можно ли было сохранить СССР. М., 2002.

³⁵ Коэн С. Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза? М., СПб., 2007.

³⁶ Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001.

³⁷ Польшов М.Ф. Взаимоотношения Союзного центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990–1991 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 15. С. 174.

³⁸ Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006; Польшов М.Ф. М.С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 143.

³⁹ Лысенко В.Н. Десять лет современного российского парламента: Некоторые итоги и перспективы. М.: ИСП, 2000.

⁴⁰ Обухов С.П. Российский парламентаризм. Между признанием и отторжением. М., 2005; Обухов С.П. «Вечевой парламентаризм» России на переломе эпох (1989–1993 гг.): Массовое восприятие народного представительства в период российской трансформации. М., 2005.

⁴¹ Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: в 2 т. М., 2005, Клювгант В.В. Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР в политической истории страны, 1990–1991 гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2002, Конова Т.Ю. Российский Съезд народных депутатов и реформа советской политической системы: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2002, Вихров Н.Н. I Съезд народных депутатов РСФСР и общественно-политическое развитие республики на рубеже 1980–1990-х гг. : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2005 и др.

тельных структур⁴². Как правило, специальные работы по этому вопросу созданы юристами и политологами, анализируются причины появления института, его эволюция, роль в политической системе.

Одной из ключевых проблем становления новой государственности России и эволюции политической системы 1990-х гг. являются федеративные отношения. В 2000-х гг. над этой проблемой работали такие авторы, как В. Н. Иванов и О. А. Яровой⁴³, С. М. Шахрай⁴⁴, В. Г. Введенский⁴⁵, И. А. Конюхова⁴⁶, В. Е. Сафонов⁴⁷, В. А. Черепанов⁴⁸, В. В. Калашников⁴⁹ и другие. Становление федеративных отношений в России в этот период не только составляло важную часть трансформации политической системы в целом, но и оказывало существенное влияние на развитие политического процесса и конституционного строительства. При этом политика президента и парламента в отношении эволюции федерации России была разной: Съезд народных депутатов, Верховный Совет РФ не торопились зафиксировать определённый тип государственности и федеративного устройства и допускали их дальнейшую эволюцию⁵⁰.

Важным аспектом в трансформации политической системы России выступает конституционное строительство: разработка и принятие новой конституции. В XXI в. появилось большое количество работ по этой тематике. В первую очередь необходимо назвать переиздание книги С. А. Авакьяна

---

⁴² Алиев А.Ф. Институт Президентства и его особенности в условиях России: Дис. канд. полит. наук. М., 2000, Огородников А.А. Институт президентства России, как институт высшей центральной государственной власти. М., 2001, Попов Э. Российская политическая элита на рубеже XX–XXI вв. Конструирование социального порядка с помощью коммуникативных технологий. Владивосток, 2001, Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005, Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М., 2005, Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М., 2014. и др.

⁴³ Иванов В. Н., Яровой О. А. Российский федерализм: становление и развитие. М., 2000.

⁴⁴ Шахрай С.М. Федерализм в системе единого конституционного пространства России. СПб. 2000.

⁴⁵ Введенский В.Г. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта М., 2002.

⁴⁶ Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития М., 2004.

⁴⁷ Сафонов В.Е. Федерализм в государственном строе России: Конституционно-правовые аспекты Саратов, 2004.

⁴⁸ Черепанов В.А. Теория российского федерализма. М. 2005.

⁴⁹ Калашников В.В. Эпоха Ельцина: проблемы становления нового федерализма в Российской Федерации // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей. СПб., 2008. С. 186–193.

⁵⁰ См. подробнее: Тарасова Е.А. Трансформация федеративных отношений в РСФСР-РФ в 1990–1993 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 431–455.

«Конституция России»⁵¹, где большой раздел посвящен разработке Конституции РФ 1993 г. Важные материалы и оценки содержит также книга Е. А. Лукьяновой «Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993)»⁵². Много полезной информации дает книга ответственного секретаря Конституционной комиссии Верховного Совета О. Румянцева «Конституция Девяносто третьего. История явления»⁵³. Также можно выделить работы В. Л. Шейниса⁵⁴, В. В. Владимировой⁵⁵, С. А. Филатова⁵⁶. Большой вклад в исследование конституционного строительства начала 1990-х гг. внесли создатели сборника «Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: Стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.)»⁵⁷, где содержатся в том числе аналитические материалы.

Одним из последних изданий по истории создания Конституции РФ 1993 г. стала книга М. А. Митюкова «Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012)»⁵⁸. В своих оценках авторы работ по конституционному строительству начала 1990-х гг. делятся на две большие группы: сторонников политики президента Б. Н. Ельцина в отношении принятия новой конституции и противников этой политики. Характерной особенностью исследований 2000-х гг. стало привлечение широкого спектра источников, в том числе большого числа воспоминаний, мемуаров, публикация и анализ различных конституционных проектов.

В отечественной историографии 2000–2015 гг. можно выделить четыре основных подхода к характеристике трансформации политической системы России в начале 1990-х гг. Во-первых, восприятие политической системы, сложившейся в результате проведения политической реформы в СССР и

⁵¹ Авакьян С.А. Конституция России: Природа, эволюция, современность . 2-е изд. М., 2000.

⁵² Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000.

⁵³ Румянцев О. Конституция Девяносто третьего. История явления. М., 2013.

⁵⁴ Шейнис В.Л. Российская конституция 1993 г. в исторической ретроспективе // Новый исторический вестник. 2002. № 3. С. 4–36.

⁵⁵ Владимирова В.В. Конституционный процесс в России в начале 1990-х гг. XX века // Актуальные проблемы государственно-правовой дисциплины: Сборник науч. статей. М., 2000. С. 18–22.

⁵⁶ Филатов С.А. Проблемы принятия Российской Конституции 1993 года. М., 2003.

⁵⁷ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: Стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. М., 2007–2010.

⁵⁸ Митюков М.А. Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи(1993-2012). М., 2015.

РСФСР на рубеже 1980-х – 1990-х гг., как нового явления на политической сцене России. Согласно этому подходу, обновленная система Советов обладала новыми характеристиками, не свойственными политической системе предшествующего периода, постоянно трансформировалась и эволюционировала к новой форме. При этом конфликт, развернувшийся между президентом и парламентом, рассматривается как следствие появления двух альтернативных путей, сложившихся в процессе эволюции. Оба они были демократическими и не предполагали возврата к прошлому. Второй подход характеризует Съезд народных депутатов и Верховный Совет как рудименты советской системы, не поддающейся реформированию. Новое начало в политической системе России при этом олицетворяется только президентом и новым исполнительным структурам. Соответственно, конфликт в высших эшелонах власти рассматривается как борьбы нового (демократического, прогрессивного) и старого (коммунистического, реакционного) режимов. Третий подход все сложившиеся после 1990 г. в РСФСР-РФ институты рассматривает как оппортунистические в отношении к прежним советским конструкциям, а их эволюцию – как отход от советской социалистической системы и постепенную реставрацию буржуазного общества. Наконец, четвертый подход связан с изучением политической элиты России начала 1990-х гг. Он практически полностью повторяет первый, с той лишь разницей, что политика президента и исполнительных структур здесь является политикой перестроившегося номенклатурного слоя, стремящегося к присвоению государственной собственности и являющегося на самом деле антагонистом народной демократической власти, олицетворенной российским депутатским корпусом и обновленными Советами на местах.

Эти подходы нашли отражение как в общих работах по истории России рассматриваемого периода, так и в специальных исследованиях по отдельным проблемам: исторических, междисциплинарных, смежных дисциплин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абросимова Т. А. *к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН*
- Гуркина Н. К. *д.и.н., профессор Санкт-Петербургского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ*
- Давыдов А. Ю. *д.и.н., профессор кафедры Русской истории РГПУ им. А.И. Герцена*
- Измозик В. С. *д.и.н., профессор кафедры истории СПбГУТ*
- Калашников В. В. *д.и.н., профессор, заведующий кафедрой ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Назаренко К. Б. *д.и.н., доцент Института истории СПбГУ*
- Николаев А. Б. *д.и.н., профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ имени А.И. Герцена*
- Полторац С. Н. *д.и.н., профессор, главный редактор журнала «Клио»*
- Полынов М. Ф. *д.и.н., профессор Института истории СПбГУ*
- Пученков А. С. *д.и.н., доцент кафедры Новейшей истории России СПбГУ*
- Смирнова Т. М. *д.и.н., профессор кафедры истории и философии Государственного университета аэрокосмического приборостроения*
- Стогов Д. И. *к.и.н., доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
- Тарасов К. А. *научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН*
- Тарасова Е. А. *к.и.н., доцент Института истории СПбГУ*
- Ходяков М. В. *д.и.н., профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Института истории СПбГУ*
- Ялышев Р. А. *к.и.н., доцент кафедры ИКГП СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*

Межвузовская научная конференция
«Россия в эпоху революций и реформ:
Проблемы истории и историографии»

Сборник докладов

27 ноября 2015 года

Подписано в печать
Бумага офсетная. Печ.л. 18,25
Тираж 300 экз. Заказ ___

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Профессора Попова

WWW.ELTECH.RU

197376, СанктПетербург, ул. Профессора Попова, д. 5,
СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 5 корпус,
кафедра истории культуры, государства и права